

Андрей Анатольевич Зализняк
(род. в 1935 г.) — лингвист, специалист в области современной и исторической грамматики русского языка, сравнительного и общего языкознания. Ряд работ посвятил исследованию новгородских берестяных грамот. Действительный член РАН, профессор. Работает в Институте славяноведения РАН

и преподает на филологическом факультете МГУ. Преподавал также в университетах Экс-ан-Прованса, Парижа и Женевы; выступал с лекциями в ряде университетов Италии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, Швеции и Англии.

Основные книги: Русское именное словоизменение (издания: 1967, 2002), Грамматический словарь русского языка (1977, 1980, 1987, 2003), Грамматический очерк санскрита (в составе «Санскритско-русского словаря» В. А. Кочергиной; 1978, 1987, 2005), От праславянской акцентуации к русской (1985), «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник (1990), Древненовгородский диалект (1995, 2004), Новгородские грамоты на бересте (совместно с В. Л. Яниным) — тома VIII (1986), IX (1993), X (2000), XI (2004), «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста (2004, 2007).

Древнерусские энклитики

А. А. Зализняк

Древнерусские энклитики

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. А. Зализняк

ДРЕВНЕРУССКИЕ
ЭНКЛИТИКИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 07-04-16251

Зализняк А. А.

З 55 Древнерусские энклитики. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 280 с.

ISBN 5-9551-0232-9

Книга посвящена малоизученной проблеме исторического синтаксиса русского языка — функционированию и исторической эволюции древнерусских энклитик, то есть безударных слов, примыкающих в просодическом отношении к предшествующему слову фразы. В число энклитик входили частицы (*же, ли, бо, ти, бы*), местоименные словоформы (*ми, ти, си, мя, ты, ся, ны, вы* и др.) и связки (*есмы, еси* и т. д.).

В книге на материале большого числа древних памятников, в первую очередь берестяных грамот и летописей, показано, что в древнерусском языке расположение энклитик во фразе подчинялось строгим закономерностям, знание которых оказывается существенным для правильного понимания древнерусских текстов. Детально исследована также эволюция энклитик на протяжении XI–XVII веков, в ходе которой часть энклитик исчезла, а энклитика *ся* превратилась из самостоятельного слова в неотделимую составную часть глагольной словоформы.

Книга предназначена для лингвистов, литературоведов и историков, занимающихся историей русского языка и словесности, а также для более широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории русского языка.

ББК 81.2Рус

В оформлении переплета использована фотография с сайта etoday.ru.

ISBN 5-9551-0232-9

9 785955 102320

© А. А. Зализняк, 2008
© Языки славянских культур. 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восточнославянские энклитики — в отличие от южно- и западнославянских — привлекали к себе до сих пор, как в синхроническом, так и в историческом плане, очень мало внимания. В курсах истории русского языка соответствующий раздел вообще отсутствует.¹

Причина недостаточного внимания к вопросу об энклитиках явно в том, что в современных восточнославянских языках от богатой древней системы славянских энклитиков не осталось почти ничего и нынешние энклитики этих языков не играют сколько-нибудь существенной роли в их грамматике. И эта особенность современных восточнославянских языков, отличающая их от южных и западных соседей, по-видимому, подсознательно понижала интерес к этой проблеме также и при изучении языка древней эпохи.

Следует признать также, что для недооценки роли энклитиков в древнерусском синтаксисе имелись и некоторые объективные основания: до открытия берестяных грамот (точнее, до систематического анализа их синтаксиса) по-настоящему оценить эту роль было действительно нелегко.

Нельзя сказать, конечно, что поведение энклитиков в древнерусском языке оставалось вообще незамеченным. Констатацию того, что в древнерусском языке положение с энклитиками было в общем сходно с другими славянскими языками, а не с современным русским, мы находим уже у Миклошича (1874: 271) и Бернекера (1900: 60 и далее). Но они ограничиваются лишь краткими замечаниями на эту тему.

Особо отметим монографию Гуннарссон 1935, посвященную положению показателя возвратности *са* в древнерусской фразе. Она содержит ценные наблюдения над поведением *са* в ряде древнерусских памятников. Но, к сожалению, ее общие выводы ныне имеют лишь весьма ограниченную ценность — в частности, потому, что рассмотренные Гуннарссоном памятники очень неполно отражают действительную картину синтаксиса живого древнерусского языка.

Самой значительной и удивительной по проницательности работой в этой области является статья Романа Якобсона «Les enclitiques slaves» (Якобсон 1935), представляющая собой его выступление на съезде лингвистов в 1933 г. В ней содержится целый ряд положений, опередивших свое время, которые, увы, не привлекли к себе должного внимания русистов и не получили развития в их работах.

¹ В частности, никакого специального раздела, посвященного проблеме энклитиков, не обнаруживается в таких общих курсах, как Соболевский 1907, Шахматов 1915, Дурново 1924, Якубинский 1953, Борковский, Кузнецов 1963, Горшкова, Хабургаев 1981.

Следует учитывать, однако, что история русских энклитик рассматривалась в статье Якобсона не сама по себе, а лишь как часть истории энклитик во всем славянском мире. Конкретного древнерусского материала Якобсон не приводит и не разбирает. Сбор и детальный анализ такого материала лингвистам еще оставалось произвести.

В настоящей книге мы как раз и пытаемся решить эту задачу.

При этом чрезвычайно важно то, что за время, отделяющее нас от статьи Якобсона, доступный лингвистам древнерусский материал стал принципиально гораздо богаче — в силу открытия таких бесценных новых документов, близких к живой древнерусской речи, как берестяные грамоты. Тем самым тезисы Якобсона подверглись необычайно серьезной проверке. И мы можем, забегаая вперед, сказать, что они не только не пострадали от этой проверки, а напротив, получили на новооткрытом материале яркое подтверждение.

В настоящее время мы можем с полной уверенностью утверждать, что в древнерусском языке положение было совсем иным, чем в современном: существовал чрезвычайно четкий механизм функционирования энклитик, и его роль в построении фразы была весьма значительной. Во многих случаях только знание этого механизма позволяет правильно интерпретировать древнерусскую фразу, и можно указать немало ошибок интерпретаторов и переводчиков, возникших из-за незнания закономерностей употребления энклитик.

Механизм функционирования энклитик решительно противоречит поверхностному тезису о том, что на протяжении всей истории русского языка «порядок слов был свободным» (в силу которого проблема порядка слов могла вообще не рассматриваться в исторических курсах).

С точки зрения общего языкознания, процесс исторической эволюции системы энклитик, приведший к ее полной перестройке, представляет собой чрезвычайно важный пример эволюции, позволяющий с большой наглядностью и хорошей степенью документированности проследить ход крупного системного изменения в языке.

По всем этим причинам функционирование и историческая эволюция восточнославянских энклитик заслуживают подробного изучения.

Ранним, предельно сжатым вариантом изложения основных положений настоящей книги является одна из частей работы Зализняк 1993 (а именно, раздел «Место энклитик в предложении и их порядок» = § 62–75, с. 280–298). В настоящей книге исследован намного более широкий круг источников, ряд проблем разработан гораздо полнее, но принципы исследования, основные идеи общего порядка и важнейшие выводы не претерпели с тех пор существенных изменений. Во введении использован ряд положений, содержащихся в книге Зализняк 1985.

Основная задача настоящей книги ограничена древнерусским языком. В отдельных случаях привлекается также материал старославянских источников, но на полный анализ системы старославянских энклитик мы не претендуем. Выявленная в настоящей книге система древнерусских энклитик может быть сопоставлена с соответствующими системами, с одной стороны, других древних индоевропейских языков, с другой — живых южно- и западнославянских

языков. Но в рамках настоящей работы ни одна из этих дополнительных задач, требующих отдельного большого труда, не ставилась.

Приношу глубокую благодарность М.Н.Толстой за ценные замечания и за неоценимую помощь во всех технических аспектах подготовки книги и А.А.Пичхадзе и В.М. Живову за предоставление мне электронных версий ряда важных древнерусских памятников.

ВВЕДЕНИЕ

Основные черты древнерусской просодической системы

§ 0.1. Необходимо прежде всего ввести основные термины, которыми нам предстоит оперировать в последующем изложении.

Основные черты древнерусской просодической системы таковы.

В потоке речи всякое предложение с просодической точки зрения распадается на так наз. тактовые группы. Тактовая группа представляет собой отдельную словоформу или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении (подробнее см. ниже, § 0.3).

Все словоформы делятся на акцентно самостоятельные, способные хотя бы в некоторых случаях сами по себе составить отдельную тактовую группу, и клитики (не обладающие этим свойством, то есть объединяющиеся в одну тактовую группу с предшествующей или последующей словоформой).

Заметим, что клитики иногда определяют просто как словоформы, не имеющие ударения. Такое определение допустимо только в качестве первого, довольно грубого приближения. В славянских языках (как, впрочем, и во многих других) клитики в действительности вполне могут оказаться носителями ударения. Существенно лишь то, что для этого нужны некоторые специальные условия (которые будут ясны из последующего изложения); в немаркированном случае, то есть при отсутствии этих специальных условий, клитики действительно безударны.

Акцентно самостоятельные словоформы могут быть также названы полноударными (строго говоря, внутренняя форма данного термина соответствует, как будет видно ниже, лишь относительно позднему состоянию системы; но мы позволим себе употреблять его просто как синоним для более длинного «акцентно самостоятельные»).

В раннедревнерусском основное просодическое противопоставление на уровне слогов таково: фонологически ударный слог – фонологически безударный слог. Важнейшая особенность рассматриваемой просодической системы состоит в том, что существуют акцентно самостоятельные словоформы, у которых все слоги фонологически безударны. Такие словоформы называются энклиноменами. Им противопоставлены акцентно самостоятельные словоформы, содержащие фонологически ударный слог; они называются ортотоническими.² Данное противопоставление действительно также для тактовых групп: они могут быть энклиноменными или ортотоническими.

² Здесь необходимо отметить, что в ряде работ, в частности, у Г. Гуннарссона и в части случаев также у Р. Якобсона, термин «ортотонический» используется в более широком смысле, а именно, как синоним для «акцентно самостоятельный».

Ниже в тех немногих случаях, когда нам потребуется отмечать ударение в древнерусских словоформах (не в составе цитат из памятников), мы будем обозначать фонологическое ударение знаком ' над ударной гласной, а принадлежность словоформы или тактовой группы к числу энклиноменов — знаком ¯ перед словоформой (тактовой группой); например: *мьнѡго*, *рабо́та*, *женá*; ¯слово, ¯на слово, ¯были, ¯не были.

Данное противопоставление реально для раннедревнерусского, т. е. для домонгольской эпохи. Позднее (к сожалению, пока еще не удается с точностью определить, когда именно) его собственно фонетическая основа постепенно утрачивается. Противопоставление ортотонических словоформ и энклиноменов приобретает с синхронической точки зрения новое содержание, а именно: ортотонические словоформы имеют постоянное (не подверженное ни утрате, ни сдвигам) ударение на определенном слоге (*мнѡго*, *рабо́та*, *женá*, *жену́*), а энклиномены в изолированной позиции имеют ударение на первом слоге (*сло́во*, *го́лову*, *бы́ли*, *прѡдалъ*), а в составе более крупной тактовой группы с проклитиками и/или энклитиками самостоятельного ударения не имеют — ударение принадлежит тем или иным клитикам (*на́ слово*, *за́ голову*, *не́ были*, *не́ продалъ*, *продалъ сá*, *не продалъ сá*).

Проклитики и энклитики

§ 0.2. Часть клитик (так наз. проклитики) в потоке речи входит в одну тактовую группу с последующей словоформой, другая часть (так наз. энклитики) — с предшествующей словоформой.

Соответственно, проклитика не может стоять в конце фразы, а энклитика не может стоять в ее начале.

Проклитики — это основная часть союзов и предлогов и некоторые из частиц.

Из союзов к числу проклитик в древнерусском языке относятся: *и*, *а*, *нъ*, *то*, *та*, *ти*, *ци*, *чи* и *яко* (в качестве изъяснительного союза); см. также ниже о слове *да*. Из предлогов: *без*, *въ*, *въз*, *за*, *из*, *къ*, *на*, *передъ*, *по*, *при*, *про*, *о*, *об*, *отъ*, *съ*, *у*, *чересъ*. Эти союзы и предлоги ниже могут быть также названы первобразными.³

Из частиц проклитиками являются *не*, *ни*, *и* (усилительное) и *се* (в значении 'вот').

Так, слово *да* (союз и частица, входящая в состав оборота типа *да будетъ*) в позиции после проклитики является энклитикой, во всех прочих позициях — проклитикой (подробнее см. § 1.14).

Частица *ли* — энклитика; но существовал также и полноударный союз *ли* (см. § 1.5).

³ Казалось бы, достаточно назвать эти союзы и предлоги просто проклитическими. Но, как будет видно ниже, в определенных случаях свойства проклитик могут приобретать и другие союзы. Поэтому во избежание недоразумений мы обозначаем союзы основной группы не по просодическому признаку, а иначе.

Частица *бо* — энклитика; но в живых говорах Юго-Западной Руси *бо* могло выступать также как союз, и в данном качестве это проклитика (см. § 1.6).

Союз *нь* — проклитика; но существовала также и частица *нь* (довольно редкая) — энклитика (см. § 1.13).

Союз *то* 'тогда, в таком случае, то' — проклитика; но местоимение *то* 'это, то' — энклиномен, а частица *то* (например, в *оже то, коли то* и т. п.) — энклитика.

Частица *се* 'вот' — проклитика; но местоимение *се* 'это' — энклиномен.

Изъяснительный союз *яко* 'что' (вводящий косвенную, а также и прямую речь) — проклитика; но тот же союз в других значениях ('как, как бы', 'потому что' и др.), равно как союзное слово *яко* 'каким способом, как' — энклиномен.

Отметим также группу омонимов, включающую единицы неодинакового происхождения:

союз *ти* 'и, то, так что' — проклитика; но частица *ти* 'ведь, же' и местоимение *ти* 'тебе' — энклитики (см. § 1.7 и 1.9), а местоимение *ти* 'те, они' — энклиномен.

Помимо собственно проклитик, как проклитики в определенных случаях могут себя вести также некоторые акцентно самостоятельные словоформы из числа местоименных словоформ и непервообразных союзов, а именно, они могут утрачивать самостоятельное ударение и примыкать в акцентном отношении к следующему слову. Это явление мы будем называть вторичной проклитизой, а словоформы, которые его допускают, — полупроклитиками.⁴

Примеры полупроклитик: *язь, я, ты, мы, кьто, чьто, аже, ать, или, оже*.

В настоящей работе вторичная проклитиза отмечается знаком °; например, запись *ты° даль еси* означает, что в данной фразе словоформа *ты* (в нормальном случае акцентно самостоятельная) ведет себя как проклитика. Подробнее о вторичной проклитизе и полупроклитиках см. § 1.38.

Энклитики — это большинство частиц, ряд местоименных словоформ (*ми, ти, си, ма, та, са* и др.) и связки (*есь, еси* и т. д.); их перечисление и описание содержатся в §§ 1.4–17.

В поведении энклитик следует различать два аспекта — фонетический и синтаксический. Разумеется, определяющими для энклитик являются их фонетические свойства: само понятие энклитики основано на них. Однако для энклитик характерно также и весьма специфическое синтаксическое поведение, а именно, их место во фразе определяется жесткими закономерностями (которые будут подробно рассматриваться ниже).

Поэтому опознать энклитику в принципе возможно и в том случае, когда фонетическая сторона текста нам недоступна, например, когда перед нами письменный памятник древнего языка, не имеющий знаков ударения.

Может оказаться, что комплекс фонетических характеристик энклитик и комплекс их синтаксических характеристик выделяет не в точности одну и ту же совокупность единиц. Так, на возможность некоторого расхождения между этими двумя комплексами указано в работе Толстая 2000, где анализируются энклитики в одном из закарпатских украинских говоров. Соответственно, мы

⁴ Мы используем здесь терминологический опыт А. Вайяна, который называет слова, обнаруживающие в части случаев свойства энклитик, полуэнклитиками.

должны в принципе различать собственно энклитики (выделяемые по просодическим признакам) и «синтаксические энклитики», т. е. единицы, обладающие синтаксическими свойствами, характерными для собственно энклитик, но необязательно обладающими всем комплексом соответствующих фонетических черт.

При изучении древнерусского языка сведения о фонетическом поведении энклитик может дать в сущности лишь один памятник — Чудовский Новый Завет XIV века, текст которого снабжен знаками ударения (см. об этом подробнее § 0.4). Из всех прочих древнерусских памятников мы можем извлечь при изучении энклитик только сведения об их синтаксическом поведении. Это значит, что практически все излагаемые в настоящей книге наблюдения, строго говоря, относятся к тому, что можно назвать «синтаксическими энклитиками».

Необходимо указать также следующее свойство клитик. Проклитика может непосредственно соединяться с энклитикой, без участия акцентно самостоятельного слова, например: *да же, не бо*. Такое соединение (которое может состоять и из нескольких проклитик, за которыми следует несколько энклитик, например, *и не ли ми*) называется проклитико-энклитическим комплексом (иначе проклитико-энклитической группой).

В отличие от энклитик, проклитико-энклитический комплекс может стоять в начале фразы. Подробнее о таких комплексах см. § 1.39–41.

Тактовая группа (фонетическое слово)

§ 0.3. Как уже указано, тактовая группа — это отдельная словоформа или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении. Объединение выражается в том, что тактовая группа получает с просодической точки зрения такое же строение, как у единой словоформы — ортотонической или энклиноменной. В первом случае тактовая группа получает единое фонологическое ударение — одно на всю группу. Например, тактовая группа *одинъ на десате* имеет только одно ударение — на слоге *ди*; и то же верно и для более длинной тактовой группы *не на одинъ на десате ли* (как и в современных наследниках этих древнерусских групп — *одиннадцать, не на одиннадцать ли*). Во втором случае тактовая группа целиком фонологически безударна, т. е. эквивалентна единому энклиномену, например: *дѣвѣ сътъ, на три дѣни*.

Ввиду просодического сходства тактовой группы со словоформой в некоторых работах в том же значении, что «тактовая группа», употребляется термин «фонетическое слово».

Мы будем пользоваться в настоящей работе обоими этими синонимичными терминами. Дело в том, что хотя более обычно наименование «тактовая группа», нам ниже иногда придется иметь дело с формулировками, где должны фигурировать одновременно тактовые группы и актантные группы (о которых см. ниже), а это затруднительно для восприятия. Поэтому для облегчения громоздких формулировок мы предпочитаем в таких случаях использовать второе наименование — «фонетическое слово».

Различается несколько типов тактовых групп: 1) самый простой и самый частый тип — группа из одной акцентно самостоятельной словоформы, с проклитиками и/или энклитиками или без них, например, *много, много бо, слово, на слово, не на слово ли, продали, нь не продали же, оже, оже ли*; 2) то же с двумя акцентно самостоятельными словоформами, например, *сего дъне, не сего дъне, съпаси Богъ*; 3) группа, состоящая только из одной или нескольких проклитик в соединении с одной или несколькими энклитиками, например, *не бо, а ци ли, и ли (= или), не же ли (= нежели)*; это не что иное, как проклитико-энклитическая группа (проклитико-энклитический комплекс).

Имеющиеся данные позволяют представить формирование древнерусских тактовых групп следующим образом:

1) В медленной, раздельной речи тактовые группы формируются так: всякая проклитика объединяется в одну тактовую группу с последующей словоформой, всякая энклитика — с предшествующей; никаких иных объединений соседних словоформ не происходит.

2) В обычной (и, тем более, ускоренной) речи могут объединяться в одну тактовую группу две⁵ соседних тактовых группы медленной речи, если они тесно связаны по смыслу. Особенно характерно такое объединение для синтагм с местоимениями и числительными и для синтагм из прилагательного и определяемого существительного. Примеры: *вы вѣстѣ, въ тѣ поры, двѣ дъни, на три дъни, сего дъне, двѣ сътѣ, пять десѣтъ, оди́нь на десѣте, въ бѣлѣ городѣ, съпаси́ Богъ, си́ рѣчь* (ср. в современном языке *сегодня, двести, пятьдесят, одиннадцать, спасибо, речь*). Но точные правила о том, когда происходило и когда не происходило такое объединение, неизвестны. Повидимому, в широком диапазоне случаев такое объединение было факультативным и зависело непосредственно от темпа речи.

Такое объединение, однако, как правило не происходит, если обе соседние тактовые группы — ортотонические. Исключения редки; таковы, например, *сеи часѣ, семь десѣтъ, осмь десѣтъ*, которые ныне дали *сейчасъ, семьдесят, восемьдесят*. Можно предполагать, что объединения этого рода реализуются лишь в относительно позднее время, а первоначально были невозможны.

Ниже соединение двух или нескольких тактовых групп в одну может быть также названо просодическим объединением.

Акцентуация тактовых групп

§ 0.4. Как установлено в первую очередь работами В. А. Дыбо, акцентуация тактовых групп в древнерусском языке (как и в праславянском) подчинялась жестким закономерностям.

Основные принципы здесь таковы:

1. Если в составе тактовой группы имеется ортотоническая словоформа (и притом ровно одна), она сохраняет свое ударение, а все прочие члены тактовой группы, если таковые имеются, безударны. Примеры: *а не мно́го ли; то и не родила́ бы сѧ; нь не се́го дъне*.

⁵ Вероятно, иногда и более двух.

2. Если в составе тактовой группы нет ортотонических словоформ, то:

а) если нет также и энклитик, тактовая группа представляет собой энклиномен; примеры: *началь*, *не началь*, *и не началь*, *родиль*, *на голову*, *три дъни*, *на три дъни*.

б) если энклитики есть, тактовая группа несет фонологическое ударение на первой из энклитик; примеры: *родиль сѧ*; *да и не началь сѧ*; *не тако жѣ*; *что жѣ ма* [зoветѣ]; частный случай здесь составляют проклитико-энклитические группы, например: *не бѣ*, *ни жѣ*.

Что касается тех единичных тактовых групп, которые содержат более одной словоформы с фонологическим ударением (см. выше), то на этот случай общего правила нет. Как уже отмечено, первоначально таких тактовых групп, вероятно, просто не было.

Имеются также некоторые более частные правила, которые в отдельных ограниченных зонах несколько модифицируют действие этих основных принципов; например, в силу одного из таких правил вместо ожидаемого ударения типа *родило сѧ*, *родили сѧ* реально выступает ударение типа *родилѣ сѧ*, *родилѣ сѧ*. Но здесь нам нет необходимости рассматривать такие правила.

К сожалению, практически единственный древнерусский памятник, из которого можно непосредственно извлечь информацию об акцентуации энклитик, — это Чудовский Новый Завет XIV века. Эта информация проанализирована в классической работе Дыбо 1975. Приводим в качестве развернутой иллюстрации к приведенным принципам некоторые примеры из этого памятника (взятые частью из указанной работы, частью непосредственно из текста памятника; для многократно встречающихся примеров даем только одну отсылку).

К пункту 1: *полѣзно бо ти* 4г; *отъ нарѣда же* 72г; *до законѧ бо* 101в; *не по мнѣзѣ же* 78г; *ни болѣзни же* (Р. ед.) 158а (и т. п., очень много).

К пункту 2а: *и бѣси* 32в; *по возрастоу* 88в; *и волк* (И. ед.) 46г; *ни на древо* 151г; *и звѣри* (В. мн.) 66а; *нѣбо и землю* 61а; *о имени* 47а; *и крови* (Р. ед.) 69б; *на леств* (В. ед.) 92а; *бѣз лѣности* 128г; *при мори* 65а; *бѣз моужа* 110г; *ни мѣха* 32в; *по нагу* 24б; *роуцѣ и нозѣ* (В. дв.) 41а; *на площадѣ* (В. мн.) 32в; *в вретѣици и попелѣ* 32в; *на поустѣ мѣстѣ* 31г (об отсутствии знака ударения в словоформе *мѣстѣ* см. примечание ниже); *ни свободѣ* 123б; *ни слово*^м 134г; *по страху* 142г; *и трепето*^м 128в; *нѣ тажко* 132а; *вѣ оуши* 82г; *бѣзо чти* 19а; *нѣ ѡвѣ* 45а; *и ты* 46в; *и мы* 44г; *да мы* 122в; *и вы* 45б; *но се* 76в; *да кто* 22б; *нѣ тако* 126б;

и вложю 52а; *нѣ погоу|блю* 44в; *наки нѣ пощажю* 121б; *но чту* 46а; *и оуча* 132а; *и мстилѣ* 157а.

К пункту 2б: *не Бѣ ли* 81в; *градѣ сѣ* ('этот город', В. ед.) 75б; *гра|жане жѣ* 37в; *дарѣ жѣ* 101в; *не двѣ ли птѣцѣ* 7а; *дроу^г бѣ к дроу^г* 21а; *жестко тѣ* 78а; *живо бѣ | слово* 144а; *кнази бѣ* 105г; *корень бѣ* 138а; *лѣпо | ли есть* 112г; *мирѣ тѣ* ('тебе') 91г; *моужи жѣ и женѣ* 63в; *нощи жѣ* ('ночью') 39а; *не оба ли* 29г; *остро|вѣ жѣ* 78г; *не плотани ли ксте* 109а; *на родѣ сѣ* ('на этот род') 13б; *слово бѣ* 104а; *страха жѣ ихѣ* 85а; *трѣсти ли* (Р. ед.) 7б; *тѣло жѣ* (В. ед.) 146б; *аз жѣ* 102в; *аз бѣ* 74а; *ты ли* 40г; *мы бѣ* 123г; *вы жѣ* 66а; *вы ма* 121а; *не ти ли* ('не они ли') 81в; *се жѣ* 11г; *се бѣ* 29в; *кто бѣ* 133а; *и кто тѣ* 22в; *что жѣ*

ма зоветè 29г; что тї са мнї^т 10б; что вь рéкоу 113а; и сами тá 35б; тако бò 4в; како жè 104в; ꙗко жè 93а;

*аще жè 103а; аще лї 111б; аще бò 101а; аще бы 123а;
постыжюсà 128а; сдержю жé са 128б; створю тї 22а; і створю вà 16г;
щажю жé са 120г; боꙗсà 132а; постасà 65в;*

проклитико-энклитические группы — *і бò 15б, не жè 32в, не лї 39б, а не лї 18б, і не лї 19а, не бò 6в, ни жè 8б, ни лї 36г, не бы 23б, а не бы 146б, да жè 93а, да бы 46а, да мї 19б, да са 59г, и да 151б, не да 44в, но да 24б.*

Примечание. Используя показания древнерусских акцентированных памятников, необходимо все же учитывать, что во всех таких памятниках, не исключая и Чудовского Нового Завета, некоторая часть реально имеющих ударений остается необозначенной. Например, в записи *на поустѣ мѣстѣ* 31г в словоформе *мѣстѣ* просто не обозначено фонологическое ударение, которое стоит здесь на первом слоге. Понятно, что из-за этого единичный пример, где та или иная словоформа не имеет знака ударения, еще не может служить окончательным просодическим свидетельством — необходим анализ всей совокупности имеющих показаний, чтобы с достоверностью установить реальную безударность этой словоформы.

Следует, впрочем, указать, что даже и такой уникальный и бесценный источник сведений о древнерусском ударении, как Чудовский Новый Завет, отражает картину, все-таки не вполне совпадающую с первоначальной. В некоторых второстепенных точках системы здесь уже представлены отклонения от исходного состояния (обычно, правда, лишь в форме колебаний). Например, мы уже не находим здесь переноса ударения влево на союз *а* (ср. *а нé мирови* 49б, *а нé в ветсѣ писмѣни* 102в и т. п.), лишь крайне редко встречается перенос ударения на союз *но*, при наличии двух энклитик ударение иногда падает на вторую, а не на первую (например, *азъ же вь щажю* 111а, *ꙗко же бò* 113б, *аще же бы* 145а), и др.

Но в настоящей книге нам почти не придется заниматься акцентологией: во-первых, подавляющая часть нашего материала состоит из неакцентированных рукописей; во-вторых, даже в тех немногих, которые имеют акцентные знаки (за исключением Чудовского Нового Завета), способ расстановки этих знаков таков, что он не дает возможности надежно установить, какие клитики были реально безударными и какие несли ударение.

Клауза

§ 0.5. Капитальное значение для изучения энклитик имеет правильное выделение того отрезка речевой цепи, в рамках которого действуют правила о порядке расположения энклитик. Таким отрезком оказывается синтаксическая единица, для которой в русской лингвистике нет традиционного общепринятого термина⁶ и за которой ныне все более закрепляется термин «клауза», идущий из англоязычной традиции (англ. *clause*). В книге Тестелец 2001 (с. 256)

⁶ Встречаются наименования: предикация, предикативная группа, элементарное предложение, первичное предложение. Все они по тем или иным причинам недостаточно удобны для широкого практического применения.

дается такое определение: «Клаузой называется любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола — связка или грамматический элемент, играющий роль связки».

Это определение в целом пригодно для решения основной задачи настоящей работы. Лишь для некоторых частных случаев нам потребуется его несколько модифицировать или уточнить. Соответственно, ниже мы поясняем более конкретно, какие единицы расцениваются в настоящей работе как клаузы.

1. Самым обычным видом клаузы является простое предложение — выступающее самостоятельно или в качестве члена сложного предложения. Отметим, что в последнем случае союз, если он имеется, рассматривается как часть того предложения, перед которым он стоит. Например, в предложении: *како приде са грамота, тако пришли ми цоловѣкъ на жерепѣ, зане ми дѣсе дѣль много*⁷ — каждая из трех частей, разделенных в этой записи запятыми, представляет собой отдельную клаузу.

Примечание 1. Тем самым с практической точки зрения основное различие между клаузой и фразой состоит в том, что сложное предложение — это одна фраза, но две или более клаузы. Но при рассмотрении многих вопросов это различие несущественно и находится вне фокуса внимания. В таких случаях мы позволяем себе говорить не о клаузах, а просто о фразах, чтобы без особой необходимости не отвлекать лишнее внимание читателя нетрадиционным термином.

Здесь полезно отметить, что в древнерусском языке чаще, чем в современном, в функции сказуемого выступает инфинитив (обычно со значением долженствования, например, *взяти ми у Ивана рубль*).

Особый тип клауз составляют конструкции с подчиненным инфинитивом, например, *хочю са бити*. Здесь две глагольные словоформы, каждая из которых в принципе способна составить отдельную клаузу. Но с точки зрения размещения энклитик такие конструкции обычно ведут себя как единые клаузы, и именно так мы и рассматриваем их ниже.

Прочие виды клауз носят более специальный характер.

2. Как особый вид клаузы мы рассматриваем сложное предложение (самостоятельное или входящее в состав еще более крупного комплекса), где придаточное вклинено внутрь главного.⁸ Такие клаузы можно назвать «двухърусными». Например, в предложении: *а что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то есмь далъ княгини своеи* — три клаузы: 1) *а что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую* (двухърусная клауза); 2) *что ми далъ Богъ*; 3) *а то есмь далъ княгини своеи*.

⁷ Во введении и в первой главе примеры могут быть искусственными. И даже там, где использована реальная фраза из древнего памятника (как, например, в данном случае, когда взята фраза из берестяной грамоты № 43), она может быть подвергнута нормализации и упрощению и ссылка на источник может не даваться.

⁸ В соответствии с определением, предложенным в Тестелец 2001, клаузой является любое сложное предложение. Но с точки зрения основной задачи нашей работы столь широкое понимание термина «клауза» было бы неудобным, и мы им не пользуемся.

3. Отдельную клаузу составляет (вместе с подчиненными словами и вводящим союзом, если таковой имеется) второе (третье и т. д.) сказуемое в ряду однородных сказуемых. Например, во фразе *Крополкъ же постою нѣколко днии оу Чернигова и възвратиса в Киевъ и распустивоѣ* — три клаузы. При этом общая начальная часть фразы, относящаяся по смыслу сразу ко всем однородным сказуемым (в данном примере — *Крополкъ же*), с просодической точки зрения входит в ближайшую к нему (т. е. в первую по порядку) клаузу.

Все то же верно и для однородных именных сказуемых. Например, во фразе *старь есмь и боленъ часть и боленъ* — это отдельная клауза.⁹

Добавим к этому, что отдельную клаузу составляет также второй (третий и т. д.) инфинитив в ряду однородных инфинитивов. Например, во фразе *не могу ити изъ отчины своѣѣ и со братьюю своєю розоитиса часть и со братьюю своєю розоитиса* — это отдельная клауза.

4. Отдельную клаузу составляет группа, вершиной которой является деепричастие.¹⁰ Например, во фразе: *добывъ серебра, присли же* — две клаузы; во фразе *зане ѡнъ, мнии боуда, не покорить ми са* 'потому что он, будучи младшим, мне не покоряется' клаузой является, помимо фразы в целом, также *мнии боуда*.

Поясним, что деепричастиями мы называем здесь и ниже то, что в грамматиках древнерусского языка традиционно квалифицируется как действительные причастия в нечленной форме И. падежа, например, *вода, водачи, водаче, възьма, избивъ, присълавшии* и т. п. С нашей точки зрения, в живом древнерусском языке они должны расцениваться как несклоняемые причастия или, что то же, как согласуемые деепричастия (см. ДНД₂, с. 134). Ввиду того, что они в ходе истории превращаются (путем потери согласования) в полноценные деепричастия и что этот процесс начинается уже в древнерусский период, мы считаем допустимым и уместным именовать их именно деепричастиями.

Таким образом, традиционный класс причастий мы подразделяем на деепричастия и собственно причастия. К последним относятся все причастия в членной форме и/или в косвенном падеже, а также все вообще страдательные причастия.

Примечание 2. Следует учитывать, что одиночное деепричастие часто имеет тенденцию превращаться в простое наречие (ср. в современном языке, например, *лежа, сидя, стоя, походя, нехотя, не евши* и т. п.). Это явление отмечается и в древнерусском; ср., например: *яко не вѣдам* ('по неведению') *късмь коупиль* (ПР, ст. 119). В таких случаях деепричастие не составляет отдельной клаузы.

Примечание 3. Необходимо особо оговорить способ членения древнерусских фраз с общим подлежащим у личной формы и деепричастия, поскольку он не всегда

⁹ В исключительных случаях отдельные клаузы образуются на основе не однородных сказуемых, а других однородных членов. Пример: клауза *ни на срѣци ми того не было* во фразе *brate и бѣѣ, ако ни в оумѣ своемъ, ни на срѣци ми того не было* [1149], 136.

¹⁰ В редчайших случаях, оговариваемых при разборе особо, встречается объединение деепричастия в единую клаузу с основным сказуемым. Пример: *н(е) мози са лица оустыдѣвъ лъжи послухъ быти* (Изб. 1076, л. 31 [с. 211 издания]); здесь невозможно вычленивать клаузу деепричастия — просодическое единство отрезка *н(е) мози са лица оустыдѣвъ* такое же тесное, как в *хочю са бити*.

совпадает с современным. Мы будем исходить в этих случаях из такого членения на клаузы, как в следующих образцах (| – граница между клаузами): *поклонивьса Мьстиславъ | рече; Мьстиславъ | поклонивьса | рече* (и, разумеется, такое же членение в случае, если перед *рече* имеется еще союз *и*).

5. Отдельную клаузу составляют различные синтаксические эквиваленты придаточного предложения. Помимо уже отмеченных выше оборотов с деепричастиями, сюда относятся: оборот *dativus absolutus*; оборот с обособленным причастием (как, например, *печалью одержимъ* во фразе *печалью одержимъ, плакашеса плачемъ великомъ*).¹¹

Особо отметим, что в древнерусском языке отдельной клаузой иногда оказывается то, что теперь нам представляется просто союзом: *накы ли, или, али*. Это видно в тех случаях, когда следующая клауза вводится своим собственным союзом (*а, да*), например: *или, а зовите Фомоу сѣмо* ‘если же не так, то зовите Фому сюда’; *накы ли, а рать зачнеши с нимь* ‘если же нет, то будешь с ним воевать’ (подробнее см. § 1.21).

Следует, однако, признать, что предложенные выше уточнения все же не могут покрыть всех сложных случаев выделения клауз, — чтобы оговорить все такие случаи, нужно было бы сперва построить весь синтаксис. Поэтому смирится с тем, что какие-то редкие случаи здесь не предусмотрены, и удовлетворимся тем, что на общие выводы эти единичные случаи практически не влияют.

Актантная группа

§ 0.6. В дальнейшем нам потребуется также понятие актантной группы. Условимся понимать под актантной группой каждое из непосредственно подчиненных сказуемому слов вместе со всем, что подчинено самому этому слову. (Подчиненным сказуемому, как и принято в современных работах по синтаксису, считается также подлежащее.)

Такая терминология соотносится с понятием актанта в широком смысле, включающим как актанты в узком смысле (обязательные участники ситуации), так и так называемые сирконстанты. Для наших целей разграничение актантов (в узком смысле) и сирконстантов нигде не требуется (а педантически точная формула «актантная или сирконстантная группа», разумеется, была бы недопустимо громоздкой).

Примечание 1. Поскольку в настоящей книге широко используется как понятие актантной группы, так и понятие тактовой группы, полезно напомнить, во избежание их смешения, что тактовая группа — единица фонетического членения текста (содержащая в нормальном случае только одно знаменательное слово), а актантная группа — единица синтаксического членения текста (которая может содержать как одно, так и несколько знаменательных слов).

¹¹ В редчайших случаях, оговариваемых при разборе особо, причастия образуют самостоятельные клаузы и за рамками названных случаев; такова, например, клауза *тако са исполнивьшиа сребролюбимъ* во фразе *видя жего сотона тако са исполнивьшиа сребролюбимъ веселшеса* (ЖАЮ, 316).

Условимся в нашем разборе входящие в состав актантных групп энклитики не учитывать (поскольку мы не должны считать их место заранее известным — наша задача состоит как раз в том, чтобы научиться предсказывать это место, исходя из остальных элементов фразы). Соответственно, если актантная группа просто состоит из энклитики (скажем, *ми*), то при разборе (или подсчете) актантных групп фразы она вообще из нашего рассмотрения исключается.

Например, во фразе *а ты ся еси еще с людми Киевѣ не оутвердилъ* мы выделяем следующие актантные группы: 1) *а ты*; 2) *еще*; 3) *с людми*; 4) *Киевѣ*. Во фразе *и в Роуской землѣ части просилъ еси оу мене* — актантные группы: 1) *и в Роуской землѣ части*; 2) *оу мене*. Во фразе *сего ти мира zde не оулюбить братъ мои Рюрикъ* — актантные группы: 1) *сего мира*; 2) *зде*; 3) *братъ мои Рюрикъ* (обратить внимание на то, что энклитика *ти* здесь стоит внутри актантной группы *сего мира*).

Специально отметим, что группа, состоящая из однородных членов (но не именных частей сказуемого и не *л*-причастий), считается единой актантной группой. Например, во фразе *ѿчиноу нашу и хлѣбъ нашъ взалъ еси* выделяется актантная группа *ѿчиноу нашу и хлѣбъ нашъ*.

В особом положении находятся слова (или словосочетания), не входящие в структуру предложения (обращение, междометие, вводное слово), а также вклиненное придаточное предложение или деепричастный оборот. Мы будем называть их инородными группами.

Не являются актантными группами также вводящие клаузу союзы.

Таким образом, клауза в нормальном случае может быть разделена на а) сказуемое; б) актантные и инородные группы; в) вводящий клаузу союз.

Особый случай составляет актантная группа, разорванная другой группой, вклиненной в нее. Например, во фразе: *сии же тако пламень тѣ являше са томоу* 'сие же пламя так являлось ему' (Феод. 56а) актантная группа *сии пламень тѣ* разорвана актантной группой *тако*.

Возможна также ситуация, когда внутрь актантной группы вклинено сказуемое (одно или вместе с чем-то еще), как, например, внутрь группы *другую полтину* во фразе *другую даю полтину* или *другую даль ѿсмь Дмитру череньцю полтину*. Мы будем обозначать такую ситуацию как «охват сказуемого».

При охвате сказуемого для всех излагаемых ниже правил и классификаций существенна только левая часть разорванной таким образом актантной группы. Она приравнивается к целой актантной группе, а правая часть в нашем анализе уже просто не принимается во внимание (например, число членов подсчитывается только в левой части). Так, в приведенном примере для правил об энклитиках существен только отрезок *другую*; соответственно, с точки зрения этих правил мы имеем здесь дело с одночленной (а не двучленной) актантной группой.

Будем называть актантную группу, содержащую только одно фонетическое слово, одночленной, или легкой, а содержащую более одного фонетического слова — неоднородной, или тяжелой. (При наличии этих эпитетов слово «актантная» может опускаться.)

§ 0.7. Часть клаузы левее сказуемого, если таковая имеется, мы будем называть ради простоты предглагольной частью (поскольку точное название «предпредикатная часть» неудобно в употреблении).

Примечание 1. Если сказуемое составное (т.е. представляет собой не единую словоформу, а словосочетание), то предглагольной частью считается: при наличии вспомогательного глагола в аористе, имперфекте или *л*-причастии (или в форме *буду*, *будеши* и т.д.) — то, что стоит левее этого вспомогательного глагола; в прочих случаях — то, что стоит левее *л*-причастия смыслового глагола или именной части сказуемого.

В дальнейшем нас в основном будут интересовать клаузы с неначальным положением сказуемого (проклитики не в счет), поскольку при начальном положении сказуемого поведение энклитик тривиально и никаких проблем нет.

Среди клауз с неначальным положением сказуемого мы будем различать:

1. Простые клаузы, т.е. такие, где предглагольная часть состоит из одной легкой актантной группы или из одного непервообразного союза. Кроме того, считаются простыми также такие клаузы, где сверх указанных элементов имеется еще одна актантная группа из одиночного местоимения¹² (с предлогом или без) или наречия *къде*, *сьде*, *камо*, *тамо*, *сѣмо*, *како*, *тако*, *уже*.

При подсчете актантных групп в клаузе следует помнить, однако, что в этот счет не входят инородные группы, а также актантные группы, состоящие из одной лишь энклитики.

2. Осложненные клаузы — все остальные.

Осложненные клаузы подразделяются на:

тяжелые, т.е. такие, где предглагольная часть состоит из одной или нескольких тяжелых актантных групп;

многоактантные — все остальные.

Примечание 2. Многоактантные клаузы определяются, таким образом, чисто негативно: не простые и не тяжелые. Понятно, что их позитивное определение было бы несравненно более сложным (основным требованием в нем оказалось бы наличие двух или более актантных групп, из которых хотя бы одна — легкая; потребовались бы также уточнения, связанные с возможным участием непервообразного союза). Основной смысл разделения осложненных клауз на два подкласса можно огрубленно представить так: многоактантные клаузы отличаются от простых количеством актантов, а тяжелые — качеством. Правда, в принципе и многоактантные клаузы могут содержать отдельные тяжелые группы, и тяжелые клаузы могут иметь несколько актантных групп; но и в том, и в другом подклассе эти возможности фактически реализуются редко.

Примеры простых клауз:

сынъ ти са кланаеть;

моложьшему са не поклоню;

товарьць есмь послале Смольньску;

я есмь позываль тебе Киевоу сѣдѣти;

¹² А именно, любой словоформы личного местоимения или местоимений *кто*, *что*, *тъ*, *сь*, *самъ*.

*ωже ма оумиришь съ братомъ;
кънаже, ты са на насъ не гнѣваи;
а мы са сами оурадимъ;
я есмь оуже старь.*

Особо отметим клаузы с охватом сказуемого (см. выше), например: *другую даль ксмь Дмитру череньцю польтину*. Данная клауза тоже считается простой, поскольку в силу сформулированного выше соглашения от неодночленной актантной группы *другую польтину* учитывается только левая часть (*другую*).

Примеры осложненных клауз:

тяжелые — *а дружина моя изнемогласа;
весь день чюду тому дивилиса;
неприязнивыи дѣмонъ ѿ змѣва образа на свои образъ премѣниса;*
многоактантные — *того вы братъ мои не велѣлъ;
онъ же нынѣ ворогъ ми са оучинилъ;
сего ти мира zde не оулюбить братъ мои Рюрикъ;
зане в землѣ нашей жито не родилоса нынѣ;
а ты са еси еще с людми Киевѣ не оутвердилъ.*

Мы указали здесь основные принципы данной классификации. По ходу дальнейшего изложения (§ 1.29, 4.3) будут обсуждены также возможности ее детализации и способы ее применения в ряде неочевидных случаев.

Строение книги

§ 0.8. Книга построена следующим образом.

Во введении определяются и обсуждаются основные понятия, используемые в дальнейшем изложении: клитика, проклитика, энклитика, тактовая группа (фонетическое слово), клауза, актантная группа.

В главе 1 рассматривается основное правило расположения энклитик — так называемый закон Вакернагеля, а также правило рангов, определяющее порядок следования энклитик при их контакте друг с другом. Вводится понятие ритмико-синтаксического барьера, рассматриваются различные типы таких барьеров и их роль в размещении энклитик. Вводятся понятия коэффициента препозиции и коэффициента неавтоматической постпозиции энклитик, которые в дальнейшем служат важным инструментом для оценки исторической эволюции энклитик.

В главе 2 обсуждается различие народных (иначе некнижных) и книжных черт в сфере поведения энклитик. В качестве образцов памятников некнижного типа взяты берестяные грамоты и прямая речь в Киевской летописи; дана общая картина поведения энклитик в этих двух источниках. Им противопоставляются памятники книжного типа, в качестве характерного представителя которых выбрано Житие Феодосия.

В главе 3 рассматривается историческая эволюция энклитических местоимений (кроме *са*). Выявляется динамика смены энклитических местоимений дательного и винительного падежей соответствующими полноударными.

Глава 4 посвящена исторической эволюции энклитики *са*. Исследуется поведение этой энклитики в различных классах клауз и в различных хронологи-

ческих, жанровых и стилистических категориях памятников. В результате в памятниках некнижного типа выявляется картина плавного исторического перехода энклитики *са* от первоначального полного подчинения закону Вакернагеля к статусу морфемы в составе глагольной словоформы. Между тем в книжных памятниках картина оказывается существенно иной: неподчинение закону Вакернагеля здесь наблюдается с древнейшего времени.

Глава 5 посвящена исторической эволюции связок. Выявляется динамика отмирания связок и действие компенсационного механизма, состоящего в употреблении личных местоимений взамен связок.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования.

Способ цитирования и условные знаки

§ 0.9. При цитировании в основном сохраняется графика и орфография подлинника. Допускаются, однако, небольшие упрощения (не оказывающие влияния на основной предмет нашего исследования) — в частности, снятие знаков придыхания над гласными, замена *ѣ* на *ы* и *і* на *и*, снятие титл (или знаков «взмета») над выносными буквами. Там, где это полезно для ясности, могут быть раскрыты (с добавлением опущенных букв в круглых скобках) сокращенные написания.

В цитатах для большей ясности смысла даются современные знаки препинания и заглавные буквы. Из длинных фраз иногда приводится только начальная часть (достаточная для иллюстрации поведения энклитик).

При цитировании по изданию мы как правило сохраняем орфографию издания (исправляя лишь явные ошибки). Но что касается словоделения и пунктуации, то здесь мы принимаем собственные решения, которые могут не совпадать с изданием. В частности, в пунктуации мы стремимся избежать того подспудного синтаксического переосмысления древних фраз в пользу привычного нынешнего восприятия, которое часто происходит при расстановке знаков препинания по современным формальным правилам.

Кавычки для обозначения прямой речи используются только в некоторых особых случаях, когда необходимо помочь читателю отличить прямую речь от авторской.

Сложный вопрос составляет слитное или раздельное написание *са*, стоящего непосредственно после глагола. Лингвистически оправданным здесь является раздельное написание *са* в древнейших памятниках и слитное в более поздних (в т. ч. в поздних списках с древних оригиналов). Практически мы сохраняем раздельное написание *са* только для старославянских памятников, евангелий XI–XII вв. и текстов из Успенского сборника (если специально не оговорено иное).

Сопровождать все цитаты переводами было бы ненужным педантизмом, растягивающим изложение. Перевод (всей цитаты или какой-то ее части) дается там, где, с нашей точки зрения, это поможет понять суть обсуждаемого лингвистического вопроса.

Словоформы или фразы, приводимые как таковые (т. е. не в составе цитат), даются в нормализованной записи (раннедревнерусской или позднедревнерус-

ской — в зависимости от того, о каком периоде идет речь). Отметим, что в составе такой записи ради простоты вместо *к* используется *е*.

Списки примеров не являются исчерпывающими, если прямо не указано иное.

Адреса цитат указываются, как обычно, с помощью сокращенного наименования источника (см. список сокращений) и номера листа рукописи; сокращение «л.» (лист) при этом как правило опускается.

Для двух источников, которые цитируются в настоящей книге чаще всех прочих, — берестяных грамот и прямой речи из Киевской летописи (сокращенно: Киев-Д; подробнее об этом источнике см. § 1.1) — приняты самые краткие обозначения, а именно:

Цифра после цитаты (кроме случая, когда перед цитатой или серией цитат прямо указан источник) — это номер новгородской берестяной грамоты (при грамотах из других городов дается еще символ города; см. список литературы и источников).

Буква «п» при номере показывает, что берестяная грамота относится к категории поздних (см. § 1.1). Эта помета ставится систематически; таким образом, всегда сразу же видно, к какой из двух хронологических групп относится любая берестяная грамота.

При цитировании летописей год летописной записи, если он вообще указывается, дается в квадратных скобках, например, [1185]. При этом при цитировании Киев-Д, в отличие от других летописных источников, указание «Киев-Д» опускается (за исключением некоторых особых случаев).

Таким образом, если указан только год и лист рукописи, а название летописи не указано, то это значит, что цитируется Киев-Д.

§ 0.10. Требуется некоторых пояснений способ приведения примеров.

Отметим прежде всего, что само слово *пример*, которое приходится использовать постоянно, к сожалению, в русской лингвистической практике двусмысленно, а именно, оно всегда означает один экземпляр из некоторой категории единиц, но этот экземпляр может рассматриваться двояко: 1) как представитель всей категории (один из многих возможных), взятый для иллюстрации того или иного общего положения; 2) как конкретная единица, представляющая ровно саму себя; в математике этому соответствует понятие вхождения. Ср.: *В своем рассуждении автор использует два примера пятисложных слов (пример в первом значении) — В данном памятнике встретилось всего два примера пятисложных слов (пример во втором значении)*. В значительной части случаев эта двусмысленность снимается контекстом, но все же далеко не всегда. Скажем, формулировка «*В памятнике X изредка встречается явление Y, приводим соответствующие примеры*» вполне допускает как первое, так и второе значение слова *пример*; при первом значении приводимый далее список случаев явления Y должен пониматься как выборочный, при втором — как исчерпывающий.

Способов полностью избежать этой досадной двусмысленности, не прибегая к малоупотребительным или новоизобретенным терминам, мы, увы, не

видим. Но для уменьшения этой двусмысленности условимся все же в дальнейшем изложении соблюдать следующее: слова *например* и *иллюстрация*, а также формула «*примеры*» (или «*приводим примеры*») после некоторого правила реализуют первое значение слова *пример* (и соответственно, автоматически предполагают, что приведен не весь имеющийся материал); с другой стороны, при употреблении с числительным реализуется второе значение слова *пример*.

При приведении примеров в настоящей работе используется ряд условных знаков. Поясняем их здесь кратко; полное объяснение см. в параграфах, на которые даны отсылки.

∇ — начало той клаузы, ради которой приводится пример;
 ° — проклитическое употребление полупроклитики (см. § 0.2 и 1.38);
 // — так наз. ритмико-синтаксический барьер (см. § 1.18);
 / — либо ритмико-синтаксический барьер, либо проклитическое употребление предшествующей словоформы (неизвестно, что именно из этих двух) (см. § 1.38).

Запись типа (+ 307) указывает на то, что аналогичный (не обязательно идентичный) пример имеется также и по указанному дополнительному адресу.

При цитировании словоформ, записанных в оригинале с отклонениями от обычной графики, может быть использована нормализованная запись; ее элементы заключаются в угловые скобки, например, *двор(ь)*, *кон(ь)*, *буд(е)ть* вместо стоящих в оригинале *дворо*, *коне*, *будеть*.

Как уже указано, сокращенные записи (преимущественно надстрочные), могут быть раскрыты. Восстановленные при этом буквы помещаются в круглые скобки, например: *что с(а) дѣть* вместо *что с дѣть*. В круглые скобки заключаются также буквы, пропущенные в оригинале, и конъектуры.

Лишние буквы, написанные в оригинале (при переходе с одной строки на другую или просто по ошибке), заключаются в фигурные скобки, например: *хароти {ти}ю*.

Необходимо также сделать следующее важное предупреждение относительно приводимых в книге (в тексте или в таблицах) данных о количестве тех или иных примеров (во втором смысле) и о различных процентных соотношениях. Чтобы не загромождать изложение деталями, не имеющими большого значения с точки зрения задач настоящей работы, данные этого рода приводятся ниже в виде точных цифр, без знака \approx и без обсуждения того, как оценены при подсчете те или иные недостаточно ясные примеры. Но в действительности, несмотря на эту видимость полной точности, все эти данные должны рассматриваться не как идеально точные, а как приблизительные (правда, обладающие достаточно хорошей степенью приближения).

Дело в том, что идеальная точность при подсчете примеров в текстах по нескольким причинам недостижима. Эти причины таковы.

1) Практически в любом древнем тексте есть трудные места, допускающие более одной интерпретации (в том числе даже на синтаксическом уровне). Отсюда неполная надежность любой из интерпретаций такого места.

2) В древних источниках, в особенности в берестяных грамотах, имеются обрывы и иные виды утраты или порчи, из-за которых некоторые фразы из-

вестны нам лишь с лакунами. Вопрос о том, какие из этих фраз все же можно и какие нельзя включать в общие подсчеты, не имеет строгого решения.

3) Сходную проблему составляют фразы, синтаксически неправильные (из-за случайной ошибки или из-за того, что писавший не справился со сложным синтаксисом). При синтаксической классификации их можно отнести к какому-то классу лишь после того или иного исправления, а эта операция неизбежно носит предположительный характер.

4) Интересующий нас при изучении того или иного вопроса тип примеров не всегда удается определить с полной строгостью. Отсюда возможность колебаний в оценке примера переходного или недостаточно ясного типа.

5) Наконец, при обсчете больших массивов практически невозможно полностью избежать единичных пропусков или ошибок.

Не значит ли все это, что наши подсчеты вообще бессмысленны? Нет, не значит. Дело в том, что погрешности, возникающие даже по сумме всех указанных выше причин, не превышают нескольких процентов, а для нашего исследования нигде не требуется идеальной количественной точности. Все проводимые нами подсчеты служат лишь для того, чтобы выявить некие общие тенденции или общее направление эволюции. При такой постановке задачи малые погрешности не могут изменить получаемых выводов.

Глава первая
**ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ
РАСПОЛОЖЕНИЯ ЭНКЛИТИК**

§ 1.1. В ходе истории языка в состав энклитик постепенно переходят некоторые слова, которые первоначально были акцентно самостоятельными. Этот переход, естественно, занимает довольно длительный период времени. На протяжении этого периода соответствующее слово во все более высоком проценте фраз подчиняется правилам для энклитик, но все же хотя бы изредка оно еще может выступать и в своем акцентно самостоятельном качестве.

Соответственно среди энклитик можно различить древнейшие (например, *же, ли, бо, ми, ти*), несколько менее старые (например, *ма, та, са*) и относительно молодые (связки, *бы*). Первые совершенно устойчивы в своих энклитических свойствах, вторые — несколько менее; третьи же еще неустойчивы, у них встречается и акцентно самостоятельный вариант.

В этом пункте имеется некоторое различие между народной и книжной речью: в живой народной речи единицы всех этих категорий функционируют именно как энклитики, в книжной же молодые энклитики еще могут частично сохранять свои прежние просодические свойства.

Максимально близкое отражение живой речи представлено в берестяных грамотах. Среди них необходимо различать ранние (XI – 1-я треть XIII в.) и поздние (2-я треть XIII – XV в.). В том, что касается энклитик, первые отражают древнейшее состояние, вторые — уже несколько продвинутое в сторону современного языка.

Другим ценнейшим источником является Киевская летопись за XII в. по Ипат. (иначе Киевский свод), хотя здесь все же в какой-то мере сказывается искажающий эффект переписки в XV в.

Кардинальное обстоятельство состоит здесь, однако, в том, что этот памятник не однороден. Он отчетливо делится в данном отношении (как и в ряде других) на два компонента, вклиненных один в другой:

а) прямая речь светских лиц (кроме случаев, указанных в следующем пункте);

б) авторская речь летописца и прямая речь церковных лиц; сюда же входят покаянные и молитвенные речи, вложенные летописцем в уста светским персонажам.

Без указанного разграничения данные Киевской летописи оказались бы смазанными и малопоказательными. (Точные количественные данные, показывающие, сколь резко различаются между собой два компонента Киевской летописи с точки зрения изучаемых нами явлений, приведены в § 4.16.)

Примечание. Эта особенность отличает Киевскую летопись почти от всех других летописей (в том числе от Галицко-Волынской летописи, тоже входящей в Ипат.).

Послания князей друг к другу по языку и стилю выглядят здесь очень похоже на берестяные грамоты (последние, правда, обычно короче). Это, конечно, не буквально вписанные в летопись реальные княжеские грамоты, но в данном случае летописцы вторгались в стиль посланий в гораздо меньшей степени, чем в других летописях.

Ниже мы будем называть первый из указанных компонентов просто прямой речью (или диалогической речью); как уже указано выше, он сокращенно обозначается «К и е в - Д» (т. е. «диалогическая часть Киевской летописи»). Вторым компонентом будем называть авторской речью.

Ранние берестяные грамоты и Киев-Д обозначаются ниже как источники, «образцовые с точки зрения поведения энклитик» (сокращенно просто: «образцовые»).

ЗАКОН ВАКЕРНАГЕЛЯ

§ 1.2. В древнерусском языке, как и в других древних индоевропейских языках, расположение энклитик, относящихся к сказуемому (или, что то же, ко всей клаузе в целом)¹³, подчиняется так наз. закону Вакернагеля, состоящему в том, что **все такие энклитики входят в состав первой тактовой группы клаузы** (образуя конечную часть этой тактовой группы).

Применительно к славянскому материалу см. об этом в первую очередь Якобсон 1935.

Примеры (энклитики подчеркнуты):

постерези же землѣ своѣя;
а такогѣ ти ('тебе') веремени иногда не боудеть;
Новѣ ти ('тебе') городѣ держати по старинѣ, без обиды;
тура ма два метала на розѣхъ и с конемъ;
олень ма одинѣ боль;
моложьшему са не поклоню;
а сѣмо са за нами Днѣпрѣ росполиваетъ;
а доумоу есми с ними доумаль;
и того еси всего не оуправиль.

Если энклитик, относящихся к сказуемому, несколько, они в нормальном случае стоят непосредственно друг за другом, образуя то, что мы будем далее называть блоком энклитик.

Примеры:

была бо ми мысль на пострижение;
затѣ ти са король кланаетъ;
на же есмь Гюрга ис Киева выгнать;
како же ми еси самѣ реклѣ.

Энклитики, относящиеся по смыслу к отдельному слову (но не к сказуемому), не подчиняются закону Вакернагеля, а располагаются просто непосред-

¹³ Мы временно отвлекаемся здесь от трудностей, возникающих при определении того, что относится и что не относится к сказуемому. Этот вопрос обсуждается отдельно в § 1.36.

ственно после того слова, к которому относятся. Соответственно, древнерусские энклитики делятся на два класса: фразовые (или, иначе, «вакернагелевские») и локальные («невакернагелевские»).

В настоящей работе мы далее почти везде рассматриваем только фразовые энклитики и поэтому уточнение «фразовые» в большинстве случаев опускаем (а при локальных уточнение сохраняем).

В силу закона Вакернагеля блок энклитик, относящихся к сказуемому, реально следует за сказуемым лишь в том случае, когда оно стоит в начале клаузы, например: *отступилъ ти са ксмь того села* 'я отступился в твою пользу от того села (= уступил тебе его)'. В прочих случаях такой блок оказывается чисто механически привязан к какому-то слову, к которому он непосредственно не относится, например: *того ти са ксмь села отступилъ*.

Специально отметим, что, как видно на последнем примере, блок энклитик может даже вклиниваться внутрь словосочетаний. В таких случаях нарушается так называемый принцип проективности, состоящий в том, чтобы никакая непосредственная составляющая предложения не была разорвана словом или словами, ей не принадлежащими. В данном примере проективность нарушена тем, что непосредственная составляющая *того села* разорвана не относящимися к ней с синтаксической точки зрения словами *ти са ксмь*.

Из закона Вакернагеля вытекает, в частности, следующее простое следствие: между сказуемым и относящейся к нему энклитикой, расположенной правее его, не может быть вставлена никакая акцентно самостоятельная словоформа. Например, невозможны фразы: **даль хлѣбъ ми*, **даль тобѣ есмь*, **даль мьнѣ бы* (где *ми*, *есмь*, *бы* — энклитики, а *хлѣбъ*, *тобѣ*, *мьнѣ* — акцентно самостоятельные словоформы); возможно только: *даль ми хлѣбъ*, *даль есмь тобѣ*, *даль бы мьнѣ*.

Примечание 1. В действительности единичные примеры подобных неправильных фраз в текстах все же встречаются. Обычно это просто ошибки переписчика. Например, во фразе *а мы кще били кго играюще ксме* (ЖАЮ, 8в) энклитика *ксме* отделена от *били* сразу двумя акцентно самостоятельными словоформами. Но сравнение с другими списками ясно показывает, что текст здесь искажен: в большинстве других списков стоит правильное *а мы аще били ксми играюще* (см. Молдован 2000: 179).

Из случаев, где тоже возможна прямая ошибка писавшего, но не исключены и другие объяснения, отметим две фразы из берестяных грамот: *а женоу ти били*, *∇ не измучили чего же* 156; *и окрадони ѿ ного ксми* 370п. В первой из них, возможно, мы имеем дело с переходом *же* в подчинение слову *чего* (иначе говоря, с ранним примером использования *же* в роли локальной энклитики). Если это так, то *чего же* уподобляется здесь таким единствам, как *чего-то* или *чего-нибудь*; ср. современные фразы типа *ведь ты это знал, не сказал почему же?*, возможные в разговорной речи (при более обычном *почему же не сказал?*). Во второй фразе словоформа *ксми*, возможно, должна интерпретироваться как близкая по смыслу к однозначному *ксми* (*ксмы*) 'пробываем'; другое мыслимое объяснение состоит в том, что здесь приобретает энклитический характер сочетание *ѿ ного* (ср. примеры с *кму кси*, *кго кси* в § 3.16).

Место конкретной энклитики во фразе характеризуется прежде всего тем, каково оно по отношению к сказуемому: различаются препозиция (положение слева) и постпозиция (положение справа). В дальнейшем при терминах

«препозиция» и «постпозиция» везде подразумевается: «по отношению к сказуемому».

Примечание 2. Здесь необходимы дополнительные уточнения для случая, когда сказуемое состоит из двух или более словоформ. При составном сказуемом, включающем *л*-причастие, препозиция/постпозиция энклитики определяется по отношению к *л*-причастию (в плюсквамперфекте со вспомогательным *быль*, типа *ходилъ былъ*, — по отношению к полнозначному *л*-причастию). Например, во фразе *клялъ са былъ* энклитика *са* расценивается как стоящая в постпозиции, а в *былъ са клялъ* — в препозиции. При составном сказуемом любой другой структуры она определяется по отношению к вспомогательному глаголу. Например, во фразе *бѣ бо старъ* энклитика *бо* расценивается как стоящая в постпозиции, а в *старъ бо бѣ* — в препозиции.

Особый случай составляют энклитики, которые сами являются частью составного сказуемого, а именно, связки *есмь*, *еси* и т. д.¹⁴ Их препозиция/постпозиция определяется по отношению к другому члену составного сказуемого (в конструкции типа *ходилъ есмь былъ* — по отношению к *былъ*). Например, во фразах *тебе есмь не зъваль*, *ты ми еси другъ* энклитики *есмь*, *еси* находятся в препозиции, а в *не зъваль есмь тебе*, *другъ ми еси* — в постпозиции. Особо отметим в этой связи фразы, где у именной части сказуемого имеется подчиненное слово, например: *гости есме твои* (связка в постпозиции), *твои есме гости*, *людемъ еси благодѣтель* (связка в препозиции).

Для точного описания действия закона Вакернагеля в конкретном языке определенной эпохи необходимо зафиксировать следующее:

- 1) какие именно отрезки речевой цепи являются с точки зрения закона Вакернагеля теми единицами, внутри которых отыскивается первая тактовая группа;
- 2) какие именно словоформы являются фразовыми энклитиками (их список всегда строго ограничен и сравнительно невелик);
- 3) в каком порядке располагаются фразовые энклитики в блоке из нескольких энклитик (этот порядок почти всегда бывает жестким).

Особого замечания требует поведение энклитик во фразах с однородными сказуемыми. Если некоторая энклитика относится по смыслу только к одному из однородных сказуемых, она, естественно, помещается в соответствующей клаузе и никаких проблем не возникает.

Если же она относится по смыслу сразу к двум или более сказуемым, то она может либо повторяться при каждом из сказуемых, либо выступать только при одном из них. Таким образом, здесь в принципе возможны три синтаксических решения:

- 1) повторение энклитики, например: *кѣназь знаетъ тѣ и любитъ тѣ*; *пришель еси и рекль еси*; *старъ есмь и боленъ есмь*;
- 2) энклитика только при первом из сказуемых, т. е. в составе первой из соответствующих клауз (см. § 0.5, п. 3), например: *кѣназь знаетъ тѣ и любитъ*; *пришель еси и рекль*; *старъ есмь и боленъ*;
- 3) энклитика только при втором из сказуемых, например: *кѣназь знаетъ и любитъ тѣ*; *пришель и рекль еси*; *старъ и боленъ есмь*.

¹⁴ Полезно напомнить, что отрицательные формы тех же связок (*нѣсмь*, *нѣси* и т. д.) не являются энклитиками; тем самым сказанное к ним не относится.

Примеры из текстов.

Вариант 1 — *а целовало єси ко мнѣ, а не прислало єси 445п;*

колико ми зла безѣмнѣи створи, колико бѣды ми показа (ЖАЮ, С26 об.);

Гї, съгрѣшилъ ти єсмь, да прости ма и помилуй ма (ЖАЮ, 56г).

Вариант 2 — *виделе єсмь и цюле 154;*

се брате, на ма єси приходилъ и землю повоевалъ [1149], 138 об.;

яко на семь пути вамъ любо ма яти, любо оубити въ Игоря мѣсто [1147], 127;

Вариант 3 — *книгами бо кажеси и оучими єсмы (ПВЛ, 51 об.);*

яко макокъ и младъ єси (ЖАЮ, С31);

Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно єси (СПИ, 182).

Реально в текстах преобладает вариант 2, варианты 1 и 3 встречаются существенно реже.

Иную картину дает только энклитика *са*: для нее в данном пункте нормой является вариант 1, и лишь в качестве крайне редкого исключения встречается вариант 2 (см. § 4.14). Понятно, что эта особенность есть прямое следствие того, что энклитика *са* с весьма раннего времени проявляет тенденцию к семантическому и синтаксическому объединению с глагольной словоформой.

При изучении действия закона Вакернагеля в древних памятниках важно учитывать, что соблюдение этого закона было свойством живой древнерусской речи. На письме же соответствующие эффекты отражались лишь в той степени, в которой памятник приближался к живой речи. Так, в берестяных грамотах они отражаются почти безупречно, тогда как искусственная церковнославянская норма допускала многочисленные отступления от них, поскольку по этой норме многие энклитики (например, связки) могли трактоваться как полноударные словоформы и тем самым не подчиняться законам поведения энклитик. (Подробнее об этом см. § 4.2.)

РАНГИ ЭНКЛИТИК

§ 1.3. Фундаментальный принцип, определяющий взаимное расположение фразовых энклитик в рамках одной тактовой группы, состоит в том, что для любых двух энклитик жестко зафиксировано, какая из них должна стоять левее и какая правее (кроме случаев, когда данные две энклитики вообще несовместимы друг с другом в рамках одной тактовой группы). Это так называемый «ранговый» принцип: каждая фразовая энклитика принадлежит к определенному рангу; в блоке любая единица меньшего ранга стоит левее любой единицы большего ранга.

Если в языке порядок единиц некоторого типа (например, слов или морфем определенной категории) действительно подчиняется указанному фундаментальному принципу, то его практически удобнее всего описывать именно в терминах рангов. В этом случае при описании весь инвентарь рассматриваемых единиц разбивается на ранги в соответствии с реально наблюдаемым порядком этих единиц в блоках.

Основные фразовые энклитики

Как показывает изучение материала, основные древнерусские энклитики, относящиеся к сказуемому, действительно могут быть описаны в терминах рангов. Их распределение по рангам оказывается таково (пояснения при энклитиках даны упрощенно, подробнее см. ниже):

- 1) *же* (противительное и усилительное);
- 2) *ли* (частица);
- 3) *бо* (частица);
- 4) *ти* (частица);
- 5) *бы*;
- 6) местоимения в дательном падеже — *ми, ти, си, ны, вы, на, ва*;
- 7) местоимения в винительном падеже — *ма, та, са, ны, вы, на, ва, и, ю, е, ъ, я*;
- 8) связки — основную группу здесь составляют связки 1-го и 2-го лица: *есмь* (*есми*), *еси*, *есмь* (*есме, есмо, есмы*), *есте*, *есвѣ, еста* [2 дв.]; дополнительную группу составляют связки 3-го лица: *есть, суть, еста* [3 дв.].

В приведенном описании не содержится информации о том, как располагаются относительно друг друга единицы одного и того же ранга. Как показывает анализ материала, в системе древнерусских энклитик положение таково: две энклитики одного и того же ранга в рамках одной тактовой группы несовместимы. Фраза, где возникла бы такая ситуация, должна быть так или иначе перестроена; например, вместо невозможного **дати ми ти рубль* может быть сказано *дати ми тобѣ рубль*, где энклитика *ти* заменена полноударным *тобѣ*.

Жесткость рангового принципа — почти такая же, как у морфем внутри словоформы; ср., например, *ид-е-м-те*, при невозможности **ид-е-те-м* и т. п. К сожалению, традиционные описания древнерусского языка совершенно упускают этот чрезвычайно четкий грамматический механизм из поля зрения.

Рассмотрим последовательно основные фразовые энклитики всех рангов, демонстрируя на конкретных примерах взаимное расположение энклитик разных рангов. Особое внимание уделено фразам, где соединяются энклитики смежных рангов: из них наиболее наглядно видна последовательность рангов.

У многих энклитик имеются варианты с утратой конечной гласной: *жь* при *же*; *ль* при *ли*; *бъ* при *бы*; *ть* при *ти*; *мь* при *ми*; *сь* при *са* и т. п. Но эта фонетическая сторона дела с точки зрения основной задачи настоящей работы несущественна, и мы это варьирование никак более не оговариваем.

При приведении иллюстраций цитирование начинается либо с начала клаузы, либо раньше такого начала, если это необходимо для ясности; в последнем случае точка начала интересующей нас клаузы может быть помечена специальным знаком — ∇.

Энклитика ранга 1 — *же*

§ 1.4. К этому рангу принадлежит *же* (частица и союз) в своих основных значениях — противительном, причинном, усилительном, а также в роли «скре-

пы» двух клауз (в конструкциях типа *продавше дворъ, идите же сѣмо*; см. ДНД₂, § 4.34).

В прочих значениях энклитика *же* является не фразовой, а локальной. Таковы: а) *же* с отождествительным значением, как в *тотъ же, тамо же, а то даль Иванъ же* 'а это дал тоже Иван' и т.п.; б) *же* с присоединительным значением в случае соединения имен, например, *съ Гюргемъ же съ Лукою* 'с Гюргием и с Лукой'; в) *же* при отрицательных местоимениях и наречиях, например, *никъто же, никогда же*.

Пункты «б» и «в» не вызывают трудностей. Сложнее обстоит дело с пунктом «а», поскольку в древних текстах в позиции начала клаузы нередко трудно отличить *тотъ же* 'тот же самый', *такъ же* 'тем же способом' и т.п. от *тотъ, тако* и т.д. в сочетании с *же* в роли «скрепы». Например, фраза *прислали к нему, тако же рекоуче* допускает две интерпретации: а) 'прислали к нему, говоря так же'; б) 'прислали к нему, говоря так'. В таких случаях приходится производить дополнительный семантический анализ с учетом более широкого контекста, а если и он не дает определенного результата, то рассматривать обе возможности.

В *иже* 'который' (во всех формах), *оже, аже, уже, неже, нежели* морфема *же* уже как отдельное слово не вычлняется и, соответственно, под рассматриваемые здесь правила не подпадает.

Примеры, иллюстрирующие позицию фразового *же* в составе комплекса энклитик.

Ранги 1, 2 — *накъ жь ли, послита) ...* 'если же нет, то пошлите...' 510п;

егда же ли пакы кого слышааше бесѣдоуща (Феод., 38г);

римланъ же ли ждѣте на очищеніе сѣаго мѣста? (Флав., 424г).

Ранги 1, 2, 7 — *егда же ли са кму не хоташе ходити в ноци* (ЖАЮ, 8г).

Примечание. Сложный союз *аще ли* (старославянский и церковнославянский) в большинстве случаев ведет себя как единое слово (подобно *али, или, нежели, уже ли* и др.); соответственно, *же* ставится после него, например: *аште ли же ни мзды не имате* (Мар., Мт. 6.1); *аще ли же кто ѿ князь (...) преступит се* (ПВЛ [945], 14); *аще ли же, то да съваривше пшеницу...* (Феод., 50б). Однако в некоторых древнерусских памятниках встречаются также примеры трактовки *ли* в составе *аще ли* как отдельного слова; в этом случае по общему правилу получается *аще же ли*, например: *аще же ли бы хотѣлъ повинутиса кмоу, вѣдѣлъ бы ...* (Усп. сб., 124 г); *аще же ли аки Хѣ приимаеши, то не стыдися ногу оумыти емоу* (Пчела, 78).

Ранги 1, 3 — *тѣгда же бо слышавъ о блѣженѣмъ Антониѣ ...* (Феод., 31б);

яко же бо ѿць мои, дома сѣда, изумѣаше 5 языкъ (Мономах, 80 об.);

н(е)бо же бѣ бѣше помраченно и кровѣво (Александрія, 65).

Ранги 1, 4 — *не побѣдиши ли вонъ, я же ти боудоу помочникъ братъ своему на та* (Гал.-Волын. [1289], 305 об.; *ти* — частица).

Ранги 1, 4, 6 — *да же ти ми боудете дѣбр[о] ...* 'если же у меня все будет хорошо' Смол. 12.

Ранги 1, 5 — *мы пошли до Киева, да же бы была рать, билиса быхо^м* 'мы дошли до Киева с тем, чтобы, если бы была битва, то сражаться' [1185], 225 об.

Ранги 1, 5, 6 — было же бы ми чимъ заплатити (Завещ. Клим.).

Ранги 1, 6 — мѣни же ми кълътъкъѣ цетыри 'выменяй же мне четыре колтка' 335;

симо же ти соулити много 'эти [люди] будут тебе сулить многое' 600п.

Ранги 1, 6, 7 — кленоу же ти са бѣгомъ великымъ (Александрия, 48).

Ранги 1, 6, 8 — написаль же ми еси бѣга себе суца (Александрия, 81).

Ранги 1, 6, 7, 8 — ны^н же, брате, ако же ми са еси самъ върекль, полѣзи же на конѣ [1150], 147 (*са* взято из Хлебн., в Ипат. оно пропущено).

Ранги 1, 7 — избивъ роуки, поустиль же ма, а иноую поаль 'ударив по рукам (в знак новой помолвки), он меня прогнал, а другую взял в жены' 9.

Ранги 1, 7, 8 — а про кого же та есмь и на конь всадила ... [1196], 241.

Ранги 1, 8 — оже же еси продала, то въдаи семоу дѣтьскамоу Ст. Р. 8; како жъ еста торговала ... 510п.

Энклитика ранга 2 — ли

§ 1.5. К рангу 2 принадлежит частица *ли* 'ли', 'или', 'если'.

Следует учитывать, однако, что наряду с этим существовал и полноударный союз *ли* 'или'. Это особенно хорошо видно из Чудовского Нового Завета, где значение 'или' обычно передается именно этим союзом и он почти всегда имеет знак ударения: *лѣ*. Примеры (с сохранением разделительных точек подлинника): *Ѹ ва^с же ключихъ . да пребоудоу . лѣ . и озимѣю* 115в (отметим разделительную точку после союза *лѣ*, которая подчеркивает его самостоятельность); *лѣ июдѣмъ Бѣ токъмо, а не лѣ и назыкомъ* 100г; *о немже бра^т твои претыкаѣтса . лѣ сблажнѣтса . лѣ изнамагѣт* 106в; *аще кто бра^т именуемъ лѣ блондникъ . лѣ лихоимецъ . лѣ идолослужитель . лѣ клеветни^к . лѣ пѣганица . лѣ хѣици^к . с таковымъ жѣ не ѣсти* 110а. Соответственно, тот же просодический статус следует предполагать для *ли* и в такой фразе, как: *никыи же бо рабъ можеть дѣвѣма господинома работати, ли бо єдинога възненавидеть, а дрѣгагага възлюбить, ли єдинога дрѣжитъ са, а о друзѣмъ не радити начьнетъ* (Остромир. ев., 62а, Мт. 6.24). Такое *ли* характерно для старославянского, а на древнерусской почве представлено только в книжной письменности. В живом древнерусском языке полноударное *ли*, по-видимому, уже почти не употреблялось, будучи вытеснено составным словом *или*. Даже в самом Остромировом ев. в другом месте (111г, Лк. 16.13) в этой же самой фразе оба *ли* заменены на *или*. В образцовых памятниках такое *ли* не встретилось ни разу.

Сочетания *а + ли* и *и + ли* уже в древнерусский период фактически превратились в единые слова *али*, *или* (см. § 1.39); см. также выше примечание относительно *аще ли*.

Особый случай составляют группы вида «*X ли, Y ли*», например: *идите же сѣмо, Смольнскоу ли, Киевоу ли* 424; *Амбале вороже, сверзи коверъ ли, что ли, что постѣлати или чимъ прекрѣтити г^сна нашего* [1175], 208 об. В их составе *ли* ведет себя как локальная энклитика.

Здесь и далее даются только примеры соединения рассматриваемой энклитики с энклитиками более высоких рангов, поскольку сочетания с энклитиками более низких рангов уже проиллюстрированы выше.

- Ранги 2, 3 — *ово ли бо глѣши покои, Гї, ово ли пакы самъ охоулажиши* 'ибо неужели ты, Господи, то называешь это покоем, то, напротив, сам хулишь' (Усп. сб., 273в);
ре^ч к нему напрасно старецъ: «видите ли бо бестудаго сего...?» (ЖАЮ, 27в).
- Ранги 2, 5: *но са^м разумѣи — мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ* (Мономах, 84);
да рците ми, добръи гражене, что хоцю створити, гдѣ ли бы обрѣсти его 'так скажите мне, добрые граждане, что мне делать или где бы мне найти его' (ЖАЮ, С27 об.)
- Ранги 2, 6 — *годно ли ти миръ* 'если тебе угоден мир' [1148], 133 об.;
и ре^ч к нему цр^ь: «хощеши ли ми работати всею дїею, и створю та, да будеши ты єдинъ ѿ славныхъ в полатѣ можи» (ЖАЮ, 6в).
- Ранги 2, 7 — *инде ли са пригодитъ* 'или в другом месте окажется' 565п;
оже ли и додържатъ свѣта 'если же его (вора) додержат до рассвета' (ПР, ст. 40).
- Ранги 2, 7, 8 — *не ротиль ли са кси^и нама* (Александрия, 72).
- Ранги 2, 8 — *а присъ(лите) ми грамотичу, сторови ли есте* 'пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы' 424;
исправиль ли еси десять гривень на Русилѣ, съ Микулою посли семо 615п.

Энклитика ранга 3 — бо

§ 1.6. К рангу 3 принадлежит частица *бо*. В книжной письменности она встречается в древнерусских памятниках любого происхождения. Но в живой речи она существовала, по-видимому, только в диалектах Юго-Западной Руси (причем здесь имелся также и союз *бо*, который был проклитикой). В новгородских берестяных грамотах *бо* полностью отсутствует.

Примеры.

- Ранги 3, 4 — *сице бо ти бѣ тѣщаникъ къ Богоу блаженааго и доуховнааго оца нашего Θεодосіа* (Феод., 42в). Сюда же относится пример: *рѣчь молваче, и лихо и добро, не кленитеса Бмѣ, ни хр^ттитеса: нѣту бо ти нужда никоея же* (Мономах, 80), если *ти* здесь частица, а не местоимение.
- Ранги 3, 5 — *аще бо бы, рече, съде былъ, не бы оумърль братъ мои* (Усп. сб., 227в; цитата из Ио.11.21).
- Ранги 3, 5, 7 — *аще бо бы са искоренилъ, то великъ бы плодъ правдѣ погыблъ* (Пчела, 443).
- Ранги 3, 6 — *жаль бо ны есть: бра^т нашего держиши Игоря* [1147], 127;
тажю имѣю съ дьяволемъ и съ идолами єго, насилькѣ бо ми дѣють (ЖАЮ, 58а).
- Ранги 3, 6, 7 — *се бо ны са по дань ѣли* (ПВЛ [971], 22).
- Ранги 3, 7 — *оусрѣтоша бо ма слы ѿ бра^та моєа на Волзѣ* (Мономах, 78^а);
смр^ти бо са, дѣти, не боѣчи, ни рати, ни звѣри, но мужьское дѣло творите (Мономах, 83);
наоучиши бо и ('его') паропци (Мономах, 83 об.);
велми бо са пеку тобою (ЖАЮ, 6а).
- Ранги 3, 8 — *хр^тъ бо есме цѣловали* [1147], 127.

Энклитика ранга 4 — *ти*

§ 1.7. К рангу 4 принадлежит частица *ти*; не смешивать с союзом *ти* 'и', 'то' (проклитикой) и с местоимениями *ти* 'тебе' (энклитикой другого ранга) и *ти* 'те' (энклиноменом).

Эта частица была известна всем древнерусским диалектам, но особенно широко она была распространена в древненовгородском диалекте. В свободном употреблении она выступает прежде всего как своего рода «усилитель индикативности», а именно, подчеркивает, что факт имеет место, и указывает на его значимость для адресата речи. Но она может иметь также контекстно обусловленные дополнительные оттенки противопоставления, причины, следствия. Подробнее об этой частице см. Зализняк 1993, § 76–78 и ДНД₂, § 4.37.

Отметим, что *ати* (*ать*), *оти* (*оть*), *дати* (*дать*) 'чтобы', *тоти* (*тоть*) 'то, итак' (частица) функционируют уже как единые слова, т. е. частица *ти* здесь более не выделяется.

Примеры.

Ранги 4, 6 — *а Давыдъ ти ми не въдалъ, велитъ възати ѿ вежъникъ* 'Давыд ведь мне не отдал [гривну], велит взять у вежников' 664; см. также пример на энклитики рангов 1, 4, 6 выше, в § 1.4.

Ранги 4, 7 — *нъ помні, что ти са юму хоцетъ створити въскорѣ* 'но помни же, что с ним должно случиться вскоре' (ЖАЮ, 38а); *зрите на бестудную сию лисицю, како ти са ломитъ* 'смотрите на бесстыжую эту лису, как вот она кривляется' (там же, 36б).

Ранги 4, 8 — *щцелель ти есмь ѿ пожарѣ* 'я вот уцелел от пожара' 710; *селе ти есемо Коломене на лодию* 'я сел в Коломне на ладью' Ст. Р. 31; *(ст)[орови] ти есме вохе* 'мы все живы-здоровы' 670.

Что же касается соотношения рангов 4 и 5, то здесь, к сожалению, мы не располагаем безупречными примерами. Встретились только сочетания, где *бы* стоит после *дати* (*дать*), т. е. после слова, где частица *ти* уже срослась с предшествующим *да* (и, следовательно, в принципе могла и потерять свои первоначальные комбинационные свойства): *что Олекса Колбинць даль пороукоу в коунахъ, дати бы дати коуны на Пьтровъ днь ...* 'что касается того, что Олекса Колбинец поручился за деньги, [а именно, за то], чтобы деньги были отданы на Петров день...' 389п; *цо бы еси моего москотья {моего} пересмотреле, дад бы хорь не попортиль* 'пересмотрел бы ты мое добро, чтобы моль не попортила' 413п (*дад бы* из *дать бы*). Таким образом, порядок рангов 4 и 5, пока не найдено соответствующих чистых примеров, строго говоря, должен быть признан условным.

Энклитика ранга 5 — *бы*

§ 1.8. К рангу 5 принадлежит *бы* — развившаяся из словоформы аориста частица, которая служит показателем сослагательного наклонения.

Это «молодая» энклитика; процесс превращения полноударной словоформы в энклитику в данном случае в древнерусский период еще не завершился.

Прежде всего здесь необходимо отличать *бы* как показатель сослагательного наклонения от аориста *бы* (который встречается в книжных текстах в каче-

стве варианта к *бысть*). Аорист *бы* — не энклитика, а полноударная словоформа. Это видно из его позиции, например, в таких фразах из Ипат. (из авторской речи):

бы же Стѣславоу, ѡже пришедь на н(ь) Изаславъ Двѣвичь 123 об.;
и бы вечерь ‘и настал вечер’ 109;
и бы сѣча зла межи ими 139;

том же лѣтѣ бы знамение въ слнѣци 185 (здесь *бы* стоит после двучленного словосочетания, тогда как энклитика должна была бы стоять после первого члена такого словосочетания).

Отметим еще, что *абы* (из *а бы*) ведет себя уже как единое слово. Соответственно, например, во фразе *абы бо съде былъ* (Усп. сб., 227в) *бо* стоит правее *абы*.

Но даже и как показатель сослагательного наклонения *бы* не всегда ведет себя как энклитика. Следует полагать, что процесс превращения этого *бы* в энклитику полностью осуществился в древнерусском языке только в народной речи.

В самом деле, в образцовых памятниках надежных примеров неэнклитического употребления такого *бы* нет.¹⁵

В древнерусских книжных памятниках просодический статус *бы* неустойчив. Хотя в большинстве случаев и в этих памятниках *бы* стоит в позиции, нормальной для энклитики, обычно в большем или меньшем количестве (в зависимости от памятника) встречаются и такие фразы, где позиция *бы* соответствует полноударности, например:

Усп. сб. — *добро бы оубо было, аще са бы Июда покааь* 248а (*бы* правее энклитики 7-го ранга *са*);

ты бы просила оу него, и даль ти бы водоу живоу 257а (цитата из Ио. 4.10) (*бы* правее энклитики 6-го ранга *ти*);

и въ толикоу глоубиноу бы въшьль 170б (*бы* после актантной группы из двух полноударных слов);

ЖАЮ — *да достоаюло ми бы славити кго и хвалити* 11б (*бы* правее *ми*);

то ти бы было досити, кже кси прежде взаль 30а (*бы* правее *ти*);

да не могы, како ю бы повергль 44г (*бы* правее *ю*);

оучаше кго, како са бы кму противити кфиопу 3 об. (*бы* правее *са*).

Ср. аналогичные фразы в старославянских памятниках, например:

Супр. — *колико са бы тродиль* 49;

вины искааше, како са бы съ братиѣ позналь III–50.

¹⁵ Лишь в одном примере в принципе могло бы стоять неэнклитическое *бы*: ... *нарадилъ* (ра вм. ра) *еси би его* 618п. Но грамота № 618 — это обрывок, и интерпретировать *би* как замену для *бы* можно лишь предположительно; так что пример ненадежен. Что касается фразы в Киев-Д: *brate, кому ищещи волости, брату ли или снви? а добро ти бы ради не починавши переди* [1159], 178 об., то здесь отрезок *ти бы ради* представляет собой просто ошибку переписчика. Он искажил здесь подлинный текст, сохраненный в Хлебниковском и Погодинском списках: *а добро бы ти рати не починавши переди* (где энклитики стоят совершенно правильно).

Примечание. Книжные тексты отличаются от народных еще и тем, что здесь свободно употребляются сочетания *да бы* и *не бы* (с *бы* как показателем сослагательного наклонения), которые в народных текстах не встречаются; например: *да бы са кму явила* (ЖАЮ, 4 об.); *аще бо не бы съмьрти было* (Усп. сб., 272б); ср. также в старославянском: *аште бо не бы было хьтрости чловѣчьскы, то не бы имѣлъ богъ* (Супр., 82) и т.п. Эти сочетания представляют собой либо проклитико-энклитические комплексы, либо сочетания проклитики с полноударным *бы* (таким же, как в *аще са бы Июда покалъ* и т.п.); различить эти две возможности нельзя.

Приводим примеры для *бы*, иллюстрирующие механизм рангов, из образцовых памятников (которые, как можно предполагать, отражают в данном пункте узус живой речи).

Ранги 5, 6 — *да цо бѣ ти година ѿт[ъ]правитъ отьцу, ино бѣ добро 'да чтоб тебе справить годовое поминание по отцу, то было бы хорошо' 19п;*
аже бы лиха хотѣлъ, то что бы ми годно, то же бы створилъ [1140], 113 об.;
то аче бы ми и далече того блюсти ѿслати, а могъ бы^x Игоря съблюсти [1147], 130.

Ранги 5, 7 — *то [из] оцью бы са вытьрьго притькль 752;*
како, осподи, попечалужшь о м(о)жи головы, чо бы са на меня не родила грамота бесуднаа 302п.

Ранги 5, 7, 8 — *что бы ма ксте жаловалъ про своѣ коунѣ 949п.*

Ранги 5, 8 — *купилъ ксмь соль немецкую, то бѣ кси сѣмь припровадилъ 'я закупил немецкую соль; доставил бы ты ее сюда' 282п;*
что бы кси, гѣне, дале мѣсце мнѣ на дорѣ, и азъ быхъ, гѣне, собѣ избу поставиле 610п;
чо би <бы> есте поихали во городо ко радости моеи 'поехали бы вы в город мне на радость' 497п;
вы бы есте мнѣ повѣдалъ [1187], 228.

Особый вопрос составляют прочие показатели сослагательного наклонения: *быхъ, быхомъ, быховѣ, бысте, быста, быша*. Они очевидным образом имеют тенденцию превратиться в энклитики подобно *бы*, но продвинулись по этому пути заметно меньше. К сожалению, для точного определения их просодического статуса в живом языке материала недостаточно.

В берестяных грамотах пока что встретилось только 4 примера *быхъ* и один пример *быш(ь)* (из *быша*). Вот они (кроме обрывка № 847): *а ныне быхо посолале 705;* *то же нынеца // радъ быхъ послале [грам]о[тѣ] 724;* *и азъ быхъ, гѣне, собѣ избу поставиле 610п;* *окънъ быше стрѣ[лькы] 809*. Как можно видеть, все они допускают интерпретацию словоформ *быхъ, быш(ь)* как энклитик; но для вывода о том, что они действительно уже стали регулярными энклитиками, этого, разумеется, недостаточно.

В Киев-Д статус этих словоформ неустойчив. В большинстве случаев они стоят в позиции, нормальной для энклитик, например: *аще быхъ вѣдалъ <...>, а могъ бы^x Игоря съблюсти [1147], 130;* *но за ѿдинемъ быхомъ щитомъ былѣ с тобою, и мьстили быхомъ ѿбиды твоѣ [1195], 237*. (Что касается *абыхъ* [и т.д.], то здесь следует предполагать такое же слияние в единое слово, как в случае *абы*, см. выше.) Но наряду с этим встречаются и фразы, где эти словофор-

мы стоят в позиции, свидетельствующей о полноударности, например: *река, яко «мъстильса быхъ Всеволодоу, но не лзѣ Ростиславичи»* [1180], 215 (после *са*); *да же бы была рать, билиса быхомъ* [1183], 225 об. (после *са*); *и снѣца своего быхомъ выстояли* [1196], 239 (после двучленной актантажной группы).

Энклитики ранга 6 — местоименные словоформы дательного падежа

§ 1.9. К рангу 6 принадлежат местоименные словоформы дательного падежа *ми, ти, си, ны, вы, на, ва*.

Что касается возвратного *си* 'себе', то в живом древнерусском языке оно в свободном употреблении практически отсутствует. При нескольких глаголах (в частности, *жалити си, пожалити си, тѣщати си*) оно в течение какого-то времени сохранялось в качестве показателя возвратности. В древний период существовала также развившаяся из него частица *си*; ср., например: *то си хотя мѣльви* 'хоть и такое говори' 605; *а Вѣлчиноу си посъли мужъ инъ* 902 'а в Волчино же пошли другого мужа'. Эта частица — тоже фразовая энклитика и, вероятно, того же ранга 6, что и исходное *си* 'себе' (но проверить ранг здесь невозможно из-за отсутствия нужного числа примеров).

Примеры.

Ранги 6, 7 — *и покланяю ти са, братьче мои* 605;

не останеть ти са ни муже 'не останется у тебя ни одного человека' 150;

а коупать ти и 'а купят у тебя его' 655;

аче ти ма оубити, сѣноу, на семь мѣстѣ, а оубии, а њ не ѣдоу [1150], 144 об.;

и то ми са вына 'и вот что мне выпало' (Мономах, 78^а);

али вы са начнеть не мочи, а трижды (там же).

Ранги 6, 7, 8 — *Бѣ вы помози, ѡже ми са есте ѡли помогати* [1149], 140;

а что ти са есмъ бы^п ѡступи^п дани ... (ДДГ, № 11, 1389 г.).

Ранги 6, 8 — *а водале ми еси хамече* 'ты дал мне полотнишко' 644;

чего еста хотѣла волости, то ва есмъ изискалъ [1146], 124;

Бѣ ти помози, брате, ѡже на еси тако помоглъ [1151], 152 об.

Имеется, однако, один частный случай, когда энклитики этой группы функционируют уже не как фразовые, а как локальные. Таковы *ми, ти, си* в значении 'мой', 'твой', 'свой'. Правда, такое употребление *ми, ти, си* для живой древнерусской речи было нехарактерно. Конструкция типа *отець ти* 'твой отец' нормальна для старославянского, а на древнерусской почве представлена в основном лишь в книжных памятниках; в берестяных грамотах ее нет. Вот некоторые примеры, показывающие, что такие *ми, ти, си* уже не подчиняются закону Вакернагеля:

Супр. — *а не сѣмѣжаите очюу си противъ истинѣ* III–29;

како не погоуби оума си? III–72;

почто своѣмоу си завидиши сѣпасению? III–34 об.;

Феод. — *да дѣлажиши въ домоу си по воли своѣи* 32г;

нѣ въ ѡдиноу свитѣ си пребывааше 34г;

донде же пакы боудѣше чѣрнѣць искоусьнѣ житиѣмъ чистѣмъ си 37г;

идѣи же поутѣмъ и оуже въ странахъ своихъ си въпаде въ недоугъ лють 41б.

Ипат. (из речей церковного стиля) — *стѣма стр(астотер)пцема вьслѣдоваль еси, кровью оумы вса страдания ти* [1175], 206 об.;

мы же смиренни что воздамъ ти противу блгодѣянию ти? [1199], 244.

Заметим, что в древнерусских текстах иногда бывает трудно отличить такие *ми*, *ти* от подчиненных глаголу (со значением ‘у меня’, ‘у тебя’), например: *брата ти Романа Бѣ пояль* [1180], 217 — ‘твоего брата взял’ или ‘брата у тебя взял’.

Энклитики ранга 7 — местоименные словоформы винительного падежа

§ 1.10. К рангу 7 принадлежат местоименные словоформы винительного падежа *ма, та, са, ны, вы, на, ва, и, ю, к, ѣ, я*.

Примеры. Ранги 7, 8 — *цему ма еси погубиль* 272п;

оже ны кси холопы нарекла ‘что ты нас назвала холопами’ 400;

*тѣмъ та есмь пожалова*¹ (ДДГ, № 11, 1389 г.).

Особое место в этом списке занимает энклитика *са*, обладающая рядом индивидуальных свойств — прежде всего тем, что она имеет самую сильную тенденцию переходить в постпозицию к глаголу. В связи с этим ее в дальнейшем часто приходится обсуждать отдельно от остальных энклитик; ниже ей посвящена целая глава 4.

Энклитики ранга 7 обладали той особенностью (с типологической точки зрения нехарактерной для энклитик), что они могли выступать после предлогов, например: *на ма, про та, за са, на ны, по нь* и т. д. В связи с этим Вайян (§ 97 и 262) называет их «полуэнклитиками».

Сочетания с предлогом типа *на ма* в просодическом отношении эквивалентны акцентно самостоятельным словоформам и, следовательно, уже не входят в сферу действия закона Вакернагеля (даже если они синтаксически относятся к сказуемому). Ничто не препятствует им, в частности, стоять как в начале, так и в конце предложения (как, например, *за та головы свои съкладываемъ* [1177], 213 об.; *рад(и) са бьемъ за та* [1989], 177). Они могут стоять после энклитик (как, например, *оже есте на ма пришли* [1154], 170 об.), а также служить базисом для присоединения энклитик, например: *а на ма са оборочиван* [1150], 151 об. Понятно, что в последнем примере представлен не блок энклитик *ма са* (который невозможен, поскольку в блоке энклитик не могут участвовать две энклитики одного ранга), а полноударная единица *на ма* + энклитика *са*.

Способность сочетаться с предлогом — след прежнего полноударного статуса этих местоименных словоформ. В самом деле, они стали энклитиками относительно поздно. В старославянском имеется довольно много случаев, где они еще сохраняют полноударный статус, например:

прильпе дѣа моѣ по тебѣ, ма же приять деснѣца твоѣ (Син. псалт., псалом 62);

рабъ бо не вѣсть, что творить Гѣ его, вы же рѣхъ друзгы (‘вас же я назвал друзьями’; Мар., Ио. 15.15);

іже вы приемлетъ, ма приемлетъ (Мар., Мт. 10.40);

іже аште едино таковыхъ отрочать приметъ въ іма мое, ма приемлетъ (Мар., Мр. 9.37);

не боите вы са (Супр., III–89; *са* здесь отделено от глагола акцентно самостоятельной словоформой *вы* [И. падеж]);

приподобихомъ же и мы са матери оубозѣи, не имжити гладомъ млѣка (Супр., III–58 об.; *са* отделено от глагола словосочетанием *и мы*);

и прѣдаша кмоу ж (Супр., II–5 об.; *ж* отделено от глагола акцентно самостоятельной словоформой *кмоу*).

То же относится к сочетаниям с союзами, которые в более позднее время уже невозможны:

ѣко же и ма възлюбилъ еси (Мар., Ио. 17.23);

и та ли можетъ понести оужасъна дѣвица (Супр., II–7 об.);

*аште ты еси Хъ, спса (= *спаси са*) самъ и ны* ('спаси сам себя и нас'; Мар., Лк. 23.39);

а и ны сънь ихъ оустраши (Супр., III–61);

і вы бес печали сътворимъ (Мар., Мт. 28.14);

іны естъ съспль, да спстъ и са (Мар., Лк. 23.35);

не стыдиши и са, прѣисподѣниши темьнии диволе (Супр., 37 об.).

Ср. еще: *вънимаи, дѣе оканьнаѣ, да не прельщена боудеши, не ѡслабляи, ∇ ни са възноси* (Нифонт, 10), где *ни са* — возможно, старославянский элемент.

Единичные реликты такого рода сохраняются и в древнерусских памятниках (но здесь это чрезвычайная редкость):

а са его заприть (ГВНП, № 28, 1190-е гг.);

да же ны Бъ поможетъ, ∇ а са ихъ ѡтобьемъ [1151], 155;

brate moi, na to и та рци есмь призвалъ (Гал.-Волын. [1287], 298 об.).

Энклитики ранга 8 — связки

§ 1.11. Основную группу энклитик ранга 8 составляют связки 1-го и 2-го лица: *есмь* (*есми*), *еси*, *есмъ* (*есме*, *есмо*, *есмы*), *есте*, *есѣѣ*, *еста* [2 дв.]. Дополнительная группа — связки 3-го лица: *естъ* (*е*), *суть* (*су*), *еста* [3 дв.]; их свойства (рассматриваемые ниже в главе 5) несколько отличаются от свойств основной группы.

Примеры, иллюстрирующие положение энклитик ранга 8 в блоке энклитик, см. в предшествующих параграфах.

С энклитиками ранга 8 связан ряд специфических проблем, которые подробно обсуждаются в главе 5. Здесь достаточно указать лишь самое важное, а именно: 1) этот ряд словоформ имеет статус энклитик только в функции связок, тогда как в неслужебном значении ('существовать, иметься', 'пребывать, находиться') они являются акцентно самостоятельными; 2) словоформы 3-го лица (*естъ*, *суть*, *еста*) использовались в качестве связок в основном лишь в книжном языке; в живом древнерусском языке они в такой функции выступали только в некоторых особых, сравнительно редких случаях.

Об энклитическом характере связок в древних славянских языках четко говорит Якобсон (1935: 20): «Формы презенса глагола *быть* употреблялись в ка-

честве вспомогательного глагола¹⁶ только в энклитической форме, в качестве связки то в энклитической, то в ортотонической форме, а в качестве самостоятельного глагола исключительно в ортотонической форме».

Утверждения Якобсона очевидным образом распространяются в том числе и на древнерусский. Мы находим даже прямую констатацию этого (1935: 18): «Самые древние русские и болгарские тексты доказывают нам, что первоначально эти два языка обладали энклитическими местоименными формами, равно как энклитическими формами вспомогательного глагола, и что положение этих слов во фразе определялось законом Вакернагеля». Но конкретного древнерусского материала он не рассматривает. Возможно, в этом одна из причин того, что и после этой работы энклитический характер древнерусских связок продолжал оставаться по существу незамеченным. В приложении к реальному древнерусскому материалу данная проблема, по-видимому, впервые была рассмотрена лишь в работе НГБ-VIII (1986 г.), где ей посвящен раздел «Место связки в предложении» (с. 154–158).

Констатация энклитического характера древнерусской связки хорошо согласуется с показаниями современных южнославянских и западнославянских языков, а также закарпатских и прикарпатских говоров украинского языка. Связка (или по крайней мере ее краткий вариант — там, где она имеет морфологические варианты) как правило функционирует здесь именно как энклитика.

Выявив ранговую организацию древнерусских энклитик, мы можем теперь сравнить ее, в частности, с той, которая представлена в таком богатом энклитиками славянском языке, как сербский. В сербском основные ранги фразовых энклитик таковы:

- 1) *ли* (частица);
- 2) связки, кроме *је* (*сам, си* и т. д.), и другие вспомогательные глаголы (*ћу, ћеш* и т. д., *бих, би* и т. д.);
- 3) местоимения в родительном падеже — *ме, те, нас, вас, га, је, их*;
- 4) местоимения в дательном падеже — *ми, ти, нам, вам, му, јој, им*;
- 5) местоимения в винительном падеже — *ме, те, нас, вас, га, је (ју), их*;
- 6) возвратное *се*;
- 7) связка *је* (которая при наличии возвратного *се* как правило опускается).

Сравнение со списком из § 1.3 показывает, что, хотя важнейшие группы энклитик в древнерусском и современном сербском сходны, их упорядочение по рангам существенно различается. Самое важное отличие состоит в том, что связки, кроме *је*, составляют в сербском один из начальных рангов, а в древнерусском — последний ранг.

Из этого сравнения ясно, что система рангов складывалась в каждом из этих языков по крайней мере в части своих элементов самостоятельно. Отметим, что самостоятельность развития могла проявляться и в том, что в ходе истории

¹⁶ Имеется в виду: при перфекте.

происходили какие-то изменения в порядке рангов. Так, из истории сербского языка известно, что здесь система рангов энклитик претерпела частичную перестройку в XIII–XIV веках (древнесербская система была ближе к древнерусской, чем нынешняя; см. об этом, в частности, Толстая 1991).

Другие фразовые энклитики

§ 1.12. Рассмотренный выше список древнерусских энклитик, относящихся к сказуемому, — не исчерпывающий. В роли энклитик могли выступать и некоторые другие слова, которые по разным причинам приходится рассматривать отдельно от основного списка: для одних из них эта роль была возможна лишь в особых случаях; для других у нас слишком мало материала, чтобы надежно выявить их свойства (в частности, установить их ранг); третьи появляются в письменных памятниках в основном лишь в позднее время.

Словоформы *быль*, *были* в составе плюсквамперфекта

По-видимому, уже в древнерусский период стали энклитиками словоформы *быль*, *были* в том случае, когда они выступали в составе плюсквамперфекта (в самостоятельном употреблении они были энклиноменами). Следует полагать, что это верно также для словоформы среднего рода *было*; но соответствующего материала из памятников у нас нет.

Вот примеры, где *быль* стоит в классической позиции фразовых энклитик, вклиниваясь внутрь начальной актантной группы:

фофудѣ быль твоихъ 9 рьклѣ а собѣ 'из твоих фофудий (отрезов дорогой ткани) девять я перед тем выговорил себе' 675;

азъ Витебьска стоупилъ тобѣ, ∇ и посоль быль свои // послалъ есмь ко братоу Двѣви [1195], 238 об. (в последнем случае энклитики *быль* и *есмь* разделены; см. о такой возможности § 1.21).

Напротив, в начальной позиции (в которой энклитики невозможны), плюсквамперфектные *быль*, *были* не отмечены ни в одном памятнике ни разу.

В подавляющем большинстве фраз, содержащих плюсквамперфект с *быль*, *были* (представленный в основном лишь в некнижных текстах), словоформы *быль*, *были* расположены так, как было бы естественно именно для энклитик.

Примеры (энклитики подчеркнуты).

При начальном положении глагола:

оставили ма были людье 724;

реклѣ ѣси быль 195п;

не мыслилъ ѣсмь до пльсковичь гроуба ничего же, ∇ нъ везлъ ѣсмь быль въ коробѣхъ дары паволоки и овощь (НПЛ, 104);

и он мурзу прислал, ∇ да велел быд мне холопу твоему писати (Грязной);

велел деи быд царь тебе о Дивее писати (там же);

яз деи к тебе Кудеяра не хотел послать, ∇ послал де быд чеуша Крылова (там же) (о представленной в этих примерах энклитике <дѣи> см. ниже).

При неначальном положении глагола:

азъ быде лони наделиле 705;

по бьсудьной грамотѣ, ∇ что быль возалъ Гюрьгѣ грамоту в ызьѣжьной пьшьнѣцѣ 366п;

ать ти видѣло, ∇ како ти было <-лъ> а Ивана аль 'видел ли он, как я Ивана арестовал' 502;

а то ми былъ Бѣ далъ, ѡже са есте сами зажгли [1140], 113 об.;

ѡже ма былъ ѡстоупилъ въ городѣ [1147], 132;

како ми са былъ ѡбѣчалъ [1196], 240;

а на есмь былъ цѣловалъ хрѣтъ къ брату своему Дюргеви [1150], 144 об.;

како еси былъ оумолвилъ с братомъ своимъ Рюрикомъ и со мною [1196], 240;

а оуже, брате, // где есме были доумали поити на стръна своего ... [1147], 127 об.;

а хрѣтъ есте были цѣловали ко мнѣ [1160], 182;

и не лѣнива ма былъ створилъ худаго (Мономах, 83);

тоі же(е) зимы ізбиша новгородцевъ, ∇ котори были пошли на Юргоу, оустьюжьскѣи кнзи (НПЛ, 166);

что са есмь бы^л ѡтъступи^л брату своему (ДДГ, № 16, 1401–02 гг.);

а что ти са есмь бы^л ѡступи^л дани (ДДГ, № 11, 1389 г.);

царь деи был и хотел отпустити Ивана (Грязной);

а мы были пожаловали брата твоего Ирика (Ив. Грозн.).

Ср. также фразы с барьером перед глаголом:

а се нама // далъ та былъ Бѣ и волость твою по твои винѣ [1152], 163;

се оуже // прелстил ма кси былъ, дьяволе (ПВЛ, 65 об.);

а то бы мы известить велѣли, ∇ с чѣмъ мы к Ирику // послали были своего гонца Третьяка (Ив. Грозн.).

Фраза с разделением энклитик (см. § 1.21): ты же еси, бра^т, // оудоумаль быль тако [1149], 135 об. Особо отметим единичную фразу с была (3 дв.): брате, се Володимеръ Изаславъ Дѣдвича хрѣтъ // к нама была цѣловала [1147], 127 об.

Для фразы како ѡказало <-лъ> было <-лъ> на Местѣтке 7 гривено 213 следует предполагать, что слово како подверглось здесь вторичной проклitze (§ 0.2), т.е. это како^о.

Представленные в этом материале сочетания энклитик показывают, что энклитические быль, были должны были бы получить ранг 9. В самом деле, они стоят правее всех прочих энклитик, включая связки, то есть энклитики ранга 8.

Отмечена, правда, также одна фраза, где порядок энклитик не соответствует основной массе примеров: што са бы^л есми отъступи^л (ДДГ, № 34, 1434 г.). Другое нарушение представлено во фразе: а ты в станице у Пенинского был мало что не в охотниках с собаками, ∇ и прежние твои были у ростовских владык служили (Ив. Грозн.); здесь были стоит после двучленной актантажной группы. Оба примера могут, в частности, объясняться тем, что в них словоформы быль, были использованы не как энклитики, а как полноударные (при этом если в первом примере быль действительно полноударно, то здесь имеет место так наз. разделение энклитик [см. § 1.21]: што са бы^л есми).

Таким образом, энклитический статус плюсквамперфектных быль, были, возможно, все же установился не вполне прочно.

Частица *нъ* (*но*)¹⁷

§ 1.13. В отличие от союза *нъ* (*но*), эта частица встречается довольно редко и часто ускользает от внимания лексикографов. Она подробно рассмотрена нами в книге Зализняк 2007 (с. 198–206). Не повторяя этого разбора, укажем лишь, что данная частица ведет себя как нормальная фразовая энклитика, и приведем характерные примеры.

В тактовых группах с акцентно самостоятельным базисом:

нъ обаче нъ аще и вельми разгнѣвалъ сѧ бѣ на блаженааго, нъ не дъръзною ни единого же зѣла и скъръбъна сътворити томъ (Феод., 58г/59а);

мало же сицѣхъ глѣ обрѣтається, обаче нъ соуть (Иоанн Дамаскин, XII в. — Срезн. II: 499);

ту нъ аще ся прилучитя ему и князя видѣти ('но если тут ...') (Шестоднев Иоанна экзарха по списку XV в. — Срезн. III: 1037);

дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо; далече залетѣло; не было нъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине (СПИ, 40–41);

аще ли нъ съгрѣшатъ, тоу оужасаются и бѣають ('но если согрешат') (Флав., 421г);

хлѣба не ядыше, ни сочива, развѣ от овоца яблоко и зелие <...>, и то же нъ в суботу ти в недѣлю ('но и то лишь в субботу и в воскресенье') (Житие Федора Сикевода — Слов. XI–XVII, 11: 392).

Также с *нъ* в роли релятивизатора —

по погостомъ и по свободамъ, гдѣ нъ соуть хр(и)стияне (Устав Владимира о десятинах, судах и людях церковных);

а причященъе давайте въ ту 8 дни, коли нъ служаще (Поучение Ильи, епископа новгородского, XII в. — Слов. XI–XVII, 11: 392);

а что сѧ остане^т золото или серебро или иное что нъ есть, то все моеи княгинѣ (духовная [вторая] Дмитрия Донского, 1389 г. — ДДГ, № 12).

В ряде случаев *нъ* (*но*) постепенно срачивается с предшествующим словом. Так, во фразе: *аже холостымъ, то не даите отиноудъ, иже блоудъ творять; оли нъ при смерти, тѣ же даите* ('но если при смерти, то дайте') (Поучение Ильи, епископа новгородского, XII в. — Срезн., II: 659) слова *оли* 'если, когда' и *нъ* еще сохраняют свои исходные значения. Но в дальнейшем из этого сочетания развивается слитное *ольно* с собственными значениями ('когда', 'до тех пор пока', 'вплоть до того что', 'даже'). Другие примеры сражений: *аконо* ('как будто') *пыша явлѣлася ѿ трѣда* (ЖФСтуд, 124 об.); *и оконо тако молваше* 'и он как будто так говорил' (Вопрош. Кирик., К 10; подробнее см. Зализняк 2007: 206–212); *абыно же* ('если же') *промышлаа въ домоу, рано въстани, а поздно л[аги]* 893.

Но особенно характерно для этой энклитики участие в проклитико-энклитических комплексах, причем здесь тоже часто происходит сражение. Примеры:

¹⁷ В праславянском существовало не только **нъ*, но и **но* (по-видимому, с тем же значением), ср. польск. и чешск. *ano* и т. п. На восточнославянской почве в ряде случаев невозможно отличить *но*, вторично развившееся из *нъ*, от исконного *но*. Но для нашего разбора, к счастью, от этой детали ничего не зависит, и мы можем ею не заниматься.

а нь, а но (= анъ, ано) — баше же новгородьцевъ мало, ано тамо измано вачьшиѣ моужъ, а мньшеѣ они розидошаса (НПЛ, 83);

а не нь — а аште и кдинъ би былъ чоудимыи, довьѣаше нашеи силѣ одолѣти, а не нь толико множьство (Супр., 82); *не вѣроуж бо мрътвьихъ ни простына дѣа изводиашь, а не нь пророчьскы* ('даже и простые души..., а не то что пророческие') (Изборник 1073, 118);

а же нь, а же но — ты чаял, что в обѣзд приехал с собаками за заицы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали (Ив. Грозн.);

а ли (= али) нь — заложы стѣноу каменю подѣ цркъвью стѣго Михаила оу Днѣпра иже на Выдобычи, ѡ неѣи же мнозѣ не дерзьноуша помыслити <ѡ> древнихъ, али нь дѣлоу ѣтиса ('о которой многие из древних не дерзнули даже помыслить, не то что взяться за дело') (Киев. лет. [1199], 243);

а ти (= ати, ать) нь, а ти но — мльви отрокоу своему, ати но [ходи]ть ... Ст. Р. 7; атно се замѣшете ('если же произойдет помеха'), *Михалу брату кѣ(о) дасте серебро двоѣ 318п;*

а бы (= абы) нь, а бы но — и ре(че) к нимъ Стѣславъ: абы но шель кто к в(а)мъ ('но пусть идет кто угодно к вам') (ПВЛ [970], 21);

и нь, и но (= инъ, ино) — а иметь русинъ нѣмчица оу своеи жены, ино за соромъ 10 серебра (Смол. гр. 1229 F, 123–126);

не бо нь (= небонъ) — не чюже сѣи нь своѣ, небонъ ('потому что') *чюже сѣма половела горчѣѣ* (Изборник 1076, 76 об.).

На основании этого материала можно установить, что энклитика *нь* (*но*) располагалась в блоке энклитик правее *же*, *ли*, *бо*, *ти* (частицы) и *бы*, т. е. имела ранг не менее 6-го. Что касается *абыно же*, то здесь *абыно* представляет собой сращенную единицу и тем самым *но* и *же* не образуют блока (см. подробнее о таких случаях § 1.39).

Но за рамками устойчивых сочетаний энклитика *нь* (*но*) все же была в древнерусском языке редкостью; очевидно, основной период ее активного свободного употребления приходится на еще более древнюю эпоху.

Весьма показательно в этом отношении, что редакторы Ипатьевского списка летописи, равно как писцы Хлебниковского списка, уже не понимали, в частности, слов *аконо* и *оконо*. Так, *аконо видѣние* 'как бы видение (привидение)' (Киев. лет. [1194], 235) редактор переправил на *ако ино видѣние*, вставив *и*; а писец Хлебниковского списка написал в этом месте *ако сновидѣние*. В статье 1175 г. (Киев. лет., 207 об.), по-видимому, в протографе стояло *видихъ оконо княза* ('я как будто видел князя') *идуца съ сѣнии доловъ*; писец Ипатьевского списка написал *яконо* вместо *оконо*, а потом еще зачеркнул *но*, т. е. переделал слово в *яко*; писец Хлебниковского списка переделал *оконо* в *Окно*^М (подробнее см. Зализняк 2007: 209–210).

Да (союз и частица)

§ 1.14. Как уже указано в § 0.2, это слово выступает в роли энклитики только в позиции после проклитики; ср. в Чудовском Новом Завете *и да побѣди*^Т 151б, *не да створю* 44в, *ни да реши* 20в, *но да послѣжит* 11в, *яко да испол-*

*нѣтъ*с ба и др. (Дыбо 1975: 20), где ударение на *да* указывает на то, что здесь представлены проклитико-энклитические комплексы.

Однако непосредственно включить такое *да* в описанную выше систему рангов не удастся. Вот примеры, из которых видно, что *да*, стоящее после проклитики, располагается левее энклитик ранга 5 (и более высоких рангов):

Феод. — *и да са останеть* 29г.

ЖАЮ — *нъ да бы са оставилъ ѿ лихаго дѣянья мужь мой, и да бы мене кдиноу и хотѣлъ, и любилъ* 41в;

сворилъ ксть Бѣ и палицю, не да быхом са били юю самѣ, нъ да са юю подѣтираемъ, и да са остану и огна и иного всего 36в/г;

прѣлѣи на нихъ гнѣвъ свои, и да и постигнетъ 26в/г;

и да ма начнеши поминати всегда С170;

но да бы ны имѣлъ оутѣху собѣ 15г.

Но было бы неосторожно пытаться на этом основании приписать энклитическому *да* определенный ранг. Дело в том, что, к сожалению, в Чуд. тройных сочетаний типа *и да са* не встретилось, и мы не знаем, как ведет себя в этом случае слово *да*, — так же, как в *и да́* (т. е. как энклитика, что должно дать ударение *и да́ са*), или как в *да са́* (т. е. как проклитика, что должно дать ударение *и да са́*).

Частица *дѣи* (*дѣ*)

§ 1.15. Частица *дѣи* (*дѣ*, *деи*, *де*) восходит к глагольной словоформе *дѣи* 'говорит'. Ранний пример имеется в летописи: *реч бо дѣи Игорь: помануохъ азъ грѣхы своя предъ Гѣдмь Бѣмъ моимъ* [1185], 224 об. Другие ранние примеры см. в Срезн., I: 802–803. Но значительное количество примеров появляется лишь начиная с XVI века. В XVII–XVIII вв. в документах деловой и официальной письменности, особенно в протоколах допросов и т. п., употребление частицы *дѣи* (*дѣ*) становится чрезвычайно частым; она фактически уже приближается к статусу грамматического показателя (а именно, показателя чужой речи).

Из относительно ранних источников ценный материал содержат письма Василия Грязного (1576 г.); приводим характерные примеры.

Фразы с комплексами энклитик:

да яз же деи чаялъ, что въ об'езде с собаками гоняти за зайцы;

да яз же деи говорил, кое деи пора моя;

и ты деи тово для скажи, на поминках ли деи, или деи на Казани и на Асторохани;

а говорил деи: «Яз деи тебя, Кудеяра, не хотел послать, и ты де ся сам назвал ...»;

велел деи был царь тебе о Дивее писати;

яз деи к тебе Кудеяра не хотел послать — послал де был чеуша Крылова.

Из прочих:

только деи не станешь писать, и тебе деи уж же быти кажнени;

то деи уж ты меж нас ссору чинишь;

а толко деи напишешь, а брат деи нашъ, а вашъ государь так учинит, Дивея нам даст, а тебя к себе возмет — ино деи меж нас и доброе дело сстанетца.

Очень часто энклитика *дѣ* (*де*) встречается у Аввакума (1670-е гг.). Примеры фраз с комплексами энклитик:

а сам из него говорит: «Ты же-де меня ослабил!» 89 об.;
говорено было: «Здорово ли-де, протопоп, живешь? Еще-де велѣль Б(о)гъ видатца» 56 об.;

опослѣ на меня, бѣдная, пеняет: «Долго ль-де, протопопъ, сего мучения будет?» 45/об.;

«В рубаишке д(ь)-де ходит(ь) али плат(ь)е вздѣть? ...» 67;

туды д(ь)-де паки мучитца итти или-дѣ здѣс(ь) таитца от них? 68;

уже бо-де не надѣяхомся и живи быти 53;

как бы-де Б(о)га не прогневит(ь)? 68;

я-де-таки подле стороны дороги бреду 67 об.

Также с *или*, *аль*:

«Или-де мнѣ велииш(ь) покинуть все и в пустыню поити?» 66 об.;

«Аль-де и ты по толикихъ бедах и напастех соединишься с ними? ...» 57 об.

Из прочих фраз с *дѣ* (*де*):

«Еретик-де ты; для-де тебя дощеник худо идетъ! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!» 32 об.;

«Здѣс(ь)-де земля не взяла, на дороге-дѣ вода у меня приберет» 52 об.;

сказывал мнѣ: «Ногами-теми, что кочением мерзлым, по камен(ь)ю-тому-де бью, а какъ-де в тепло войду, зѣло-де рветъ и болитъ, какъ-де сперва учал странствовать, а се-де лехче да лехче, да не стало и болѣть» 68 об.;

и не вѣмъ-де кто силен выпехнул меня из воды на полубы; с тѣхъ-де мѣсть стал странствовать(ь) 69;

послѣднее слово со мною говорили: «Что-де ты упрям, Аввакумъ? Вся-де наша палестина — и серби, и альбанасы, и волохи, и римляня, и ляхи, — всѣ-де трема персты кр(е)стятся, одинъ-де ты стоиш(ь) во своем упорствѣ и кр(е)стисся пятью персты! Такъ-де не подобаетъ» 71.

Для демонстрации редкого сочетания *дѣ* (*сѣ*) приведем еще пример из Пам. Влад. (№ 289, XVII в.): *и сошед де сѣ с тобою, ѡн (<...>) и тѣ речи (<...>) сказывал.*

Из приведенного материала видно, что энклитика *дѣ*(*и*) располагается правее энклитик рангов 1–5 и левее энклитики ранга 7 *са* и энклитик *быль*, *были*, которые, по-видимому, относились к рангу 9 (см. выше), а также новой энклитики *таки*. Таким образом, она относится либо к рангу 6, либо к некоему промежуточному рангу, расположенному между рангами 5 и 6 или 6 и 7; уточнить это не удастся, поскольку в нашем распоряжении нет примеров контакта *дѣ*(*и*) с энклитиками ранга 6.

Энклитические *реку*, *рече*, *ръци*

§ 1.16. Подобно *дѣ*(*и*), возникшему из *дѣк* ‘говорит’, могли превращаться в энклитики и другие словоформы со значением ‘сказал’, ‘говорит’, ‘говорю’. Таковы словоформы *реку*, *рече*, *ръци*, *молвить*, *молвилъ*, *молви*.

Как у Василия Грязного, так и у Аввакума представлено безупречное функциональное распределение: *дѣ* есть показатель чужой речи, *реку* — показа-

тель своей собственной речи в каком-то прошлом разговоре (причем эти показатели присутствуют почти обязательно).

Чрезвычайно ранний пример, который, возможно, относится сюда, представлен в Житии Феодосия: *блажени бо рече ксте, кгда оукорять вы* 43а. Но этот случай все же может объясняться и иначе: *ксте* здесь могло быть, в силу книжного характера текста, полноударным, и тогда этот пример ничего не говорит о просодическом статусе словоформы *рече*. Во всяком случае, нельзя предполагать, что уже в эту эпоху за *рече* закрепилось место левее связки, ср. фразу *како са кси реч(е) оужегль* (ЖАЮ, 43б), где *рече* стоит после связки.

Но практически надежные примеры энклитического *реку* имеются в письмах Грязного:

*слыхал реку есми от людей: государь хачивал на поминках помиритца;
а то реку есми слышел же, что государь царь православный меня холопа
своего велел окупати денгами.*

Столь же показателен пример из Аввакума:

*а сам говорю: «Челом реку бью на ево жалованье; какая онъ надежа мнѣ!
Надежа моя Х(ристо)с!»* 63; здесь *реку* вклинено внутрь словосочетания *челом бью*.

Имеется также один пример энклитического *рыци*, причем ранний:

брате мои, на то и та рыци есмь призваль (Гал.-Волын. [1287], 298 об.).

Другие примеры не столь определенны, но, вероятно, построены так же:

*ѡвѣщавши Ѡльга и ре^ч къ словь: аще ты рыци такоже постоиши оу мене в
Почаинѣ, якоже азъ в Сяду, то тогда ти дамь* (ПВЛ, 18);

*ты реку ц(а)рь мой, а имъ какое дѣло до тебя? Потеряли реку своево ц(а)ря
латыши безвѣриемъ своим* (Аввакум, 75);

так мнѣ стало гор(ь)ко зѣло, — бѣсь реку надо мною волю взять (Аввакум, 91).

Заметим, что в подобных случаях современные издатели обычно обильно снабжают такие тексты запятыми, например: *слыхал, реку, есми от людей*. Этим они действительно несколько помогают современному читателю понять фразу. Но это достигается ценой ее осовременивания, а именно, резкого отклонения от ее истинного членения — как фонетического, так и синтаксического. В действительности на фонетическом уровне здесь никакой остановки ни перед энклитикой *реку*, ни перед энклитикой *есми* никоим образом быть не могло, а на синтаксическом уровне *реку* уже было отнюдь не вклиненным главным предложением и даже не вводным словом, а просто показателем передачи прежней речи автора, носившим почти грамматический характер.

Для поздней энклитики *мол* (из *молви*, *-ть*, *-ль*) в нашем материале примеров нет.

§ 1.17. Для анализа прочих энклитик (или словоформ, которые, возможно, допускали энклитический статус) имеющийся в нашем распоряжении материал недостаточен.

Так, в частности, всего три раза встретилась в нашем материале характерная для живой древнерусской речи энклитика *ка* (к которой восходит современное *-ка* в *дай-ка*, *ну-ка* и т. п.) — все в берестяных грамотах:

а ныне ка посылѣ къ томоу моужевѣ грамотоу 109;
из ърмице ка въсп(и)ши ми грамѣтицю о свѣемъ стѣ[r](ѣ)вѣе и о дѣтѣхъ 854;
да молю ти са, госьпоже ка моа, да посылѣ во борожѣ и рыбицѣ выдалѣ ти 682.

Из этих примеров не удастся даже надежно вывести статус данной энклитики: в первых двух примерах она ведет себя как фразовая, но в третьем выступает в составе обращения, что для фразовых энклитик ненормально, т. е. здесь она ведет себя как локальная.

В ходе истории превратилась в энклитическую частицу (*ведь*) словоформа *вѣдѣ* 'знаю'. В этой трансформации следует различать два аспекта: 1) превращение глагольной словоформы со значением 'знаю' в частицу со значением 'ведь'; 2) превращение полноударной словоформы в энклитику.

Самый ранний пример, где уже проявились первые элементы данной эволюции, — фраза *а тобѣ вѣдѣ ако есть не годѣнь* из берестяной грамоты № 752 рубежа XI–XII вв. Дословно это 'а тебе я знаю, что не любо', но реальный смысл близок к 'а тебе ведь, вижу, не любо'. Иначе говоря, значение слова *вѣдѣ* уже несколько сдвинуто в направлении его будущего семантического развития; а его позиция во фразе уже такая же, как у вакернагелевских энклитик. Но от современного узуса эту фразу отличает наличие союза *ако*, который показывает, что в грамоте № 752 перед нами все-таки еще глагол *вѣдѣ*, а не частица.

Другой ранний пример — *нача впрашати юго* (пленного половецкого князя) *Володимерь*: «*То вѣдѣ яла вы рота* ('это ведь настигла [букв.: схватила] вас клятва'). *Многажды бо ходивши ротѣ, восвасте Русскую землю. То чему ты не казаше снѣвъ своихъ и роду своѣго не преступати роты?»* (ПВЛ [1103], 94). Здесь *вѣдѣ* выступает уже практически в той же роли, что современное *ведь* (тогда как собственно глагольная интерпретация этой словоформы уже плохо подходит к контексту), и опять-таки стоит в позиции вакернагелевских энклитик. См. также еще три примера в Срезн. (I, 481 и III, Дополнения, 70).

Вот некоторые более поздние примеры:

Иван Грозный — *а о Ирике вѣдѣ мы к тебѣ ни с кѣмъ не приказывали;*

ино вѣдѣ тому не возможно статися, что у мужа жена взяти;

и тебѣ вѣд(ѣ) на Дивея выменити не для крестьянства — на крестьянство.

Грязной — *яз вѣд(ѣ) холоп твои телом ныне в Крыму у крымского царя сижю, а душею у Бога да у тебѣ государя.*

Аввакум — *я вѣть за вдовы твои сталь!* 34;

не умывалься вѣть, да и кланятися не смогъ 36 об.;

есть-тово послѣ побой-тѣхъ хочется, ∇ да вѣт(ѣ) су неволя то есть: как пожалуют — дадутъ 36 об.;

ну, старецъ, моево вяка^чня // много вѣть ты слышалъ! 115.

Во всех этих примерах *вѣдѣ* имеет современное значение и стоит в позиции вакернагелевских энклитик. Но, как и в современном языке, встречаются также и фразы, где *вѣдѣ* стоит в позиции, недопустимой для энклитик, например:

и станет говорить: «Какъ тебѣ сорома нѣтъ? Веть ты протопопь!» (Аввакум, 68 об.; здесь *веть* либо полноударно, либо даже уже является проклитикой).

Неясно, существовали ли в древнерусском энклитические варианты словоформ *ему*, *его* (см. об этом § 3.16).

В позднюю эпоху появляются новые фразовые энклитики. В частности, у Аввакума находим *таки* и *су* (из *осударь*, *сударь*), например:

я таки что собака, так и емь 36 об.;

да и всегда таки я, окаянной, сердить, дратца лихой 90 об.;

а во иную су пору и боялис(ь), ч(е)л(о)вѣцы бо есмы 52 об.;

он же, разсмѣвьяся, говорит: «Знаю су я пустосвятовъ тѣхъ!» 27.

Примечание. В берестяном фрагменте 15п: ... [м]а *ѣне* кси пожа[л]овал... (XV в.) — обращение *ѣне* аномальным образом вклинено внутрь блока энклитик. Правда, это лишь крошечный фрагмент, и мы не знаем, как выглядела фраза целиком. Но допустимо предположение, что *ѣне* (которое могло читаться каким-то сокращенным образом) здесь подобно сокращенному *су* (из прежнего *осударь*) у Аввакума, то есть, как и оно, выступает в роли новой энклитики. В этом случае его место уже не аномально.

В заключение раздела о рангах фразовых энклитик полезно обратить внимание на «возраст» древнерусских энклитик разных рангов. Обнаруживается следующая общая закономерность: самые древние энклитики (*же*, *ли*, *бо*) относятся к начальным рангам, самые молодые (*ма* и т. д., *есмы* и т. д., *быль*) — к конечным. При этом энклитики начальных рангов реализуют свой просодический статус совершенно последовательно, а по мере продвижения к конечным рангам мы сталкиваемся со все большим числом отклонений от этого статуса.

Отсюда можно заключить, что полноударные слова, переходящие в ходе истории в категорию энклитик, попадают, по крайней мере в большинстве случаев, в конец уже имеющихся блоков энклитик. Они как бы «становятся в конец очереди». Тем самым система рангов оказывается своего рода «окаменевшей историей» формирования энклитик.

Но указанный общий принцип все же не носит абсолютного характера. В частности, относительно молодая энклитика *бы* внедрилась в цепочку энклитик левее энклитик ранга б (*ми* и т. д.), имеющих древнее происхождение. Другой подобный пример, по-видимому, составляет поздняя энклитика *дѣи*, которая тоже оказалась не в самом конце цепочки (а возможно, еще и *реку*, которое может стоять левее связки). Существенно также, что в ходе истории ранги энклитик в принципе могут и измениться, как это случилось, в частности, в сербском языке (ср. Толстая 1991).

РИТМИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ

§ 1.18. Закон Вакернагеля в сочетании с правилом рангов составляет основное правило расположения фразовых энклитик. Оно действует всегда. Но существуют также более частные правила, действующие лишь в определенных ситуациях, которые добавляются к основному правилу и образуют тем самым некоторые его модификации.

Важнейшее из таких правил состоит в следующем. Начальная часть клаузы может быть как бы отчленена (в произношении этому может соответствовать короткая остановка или пауза, но может и ничего не соответствовать); правила о расположении энклитик действуют после этого так, как если бы отчлененной части в клаузе вообще не было. Иначе говоря, действительное начало клаузы заменяется (с точки зрения действия этих правил) точкой «условного начала», находящейся непосредственно после отчлененной части.

Точку «условного начала» можно образно представить в виде некоего «ритмико-синтаксического барьера», который не позволяет энклитикам продвинуться влево, к действительному началу клаузы.

Ниже в качестве сокращения громоздкого термина «ритмико-синтаксический барьер» мы будем часто использовать просто слово «барьер».

Символ ритмико-синтаксического барьера — //.

Понятие ритмико-синтаксического барьера — важное дополнение к закону Вакернагеля: без данного понятия этот закон выглядит гораздо менее точным механизмом, чем он на самом деле является.

Чтобы яснее понять, что такое ритмико-синтаксический барьер, полезно обратиться к современному русскому языку, поскольку остатки древней системы в нем все еще существуют. Лучшее всего сохранило древние «вакернагелевские» свойства противительное, причинное и усилительное *же*: оно до сих пор с высокой последовательностью ставится после первого полноударного слова фразы. Например: *Ты же сам знаешь*; *Второго же числа он уже уедет*; *Вчера же Петя этого еще не знал*; *Иван же Петрович отказался*; и т. п. Также во фразах, где первому полноударному слову предшествует проклитика: *Но я же вам говорил*; *Так Иван же Петрович отказался*; и т. п.

Правда, современный язык, в отличие от древнего, уже допускает постановку *же* не после одного, а после двух полноударных слов, если они образуют смысловое единство, например: *Иван Петрович же отказался*; *Железную дорогу же ему не оплатят*; и т. п.

Но *же* все-таки может оказаться не после первого, а после одного из последующих полноударных слов и в других случаях, например: *Вчера Петя же этого еще не знал*. Чем же отличается фраза с *Вчера Петя же ...* от фразы с *Вчера же Петя ...*? Нетрудно убедиться, что *Вчера Петя же ...* произносится с маленькой остановкой после *вчера* или по крайней мере с некоторым протяжением конечного *а* в этом слове; а на уровне смысла ощущается некоторый нажим на это *вчера* — подчеркивается, что фактор времени тут играл решающую роль. Всё это значит, что данную фразу можно представить так: *Вчера // Петя же этого еще не знал*; то есть что здесь имеется ритмико-синтаксический барьер. Это и есть современный аналог того, что мы предполагаем для древнерусского.

И мысленный эксперимент показывает, что во фразах с «ушедшим вправо» противительным *же* (сочетания типа *железная дорога не в счет*) перед той тактовой группой, в которую оно входит, как правило есть подобный же барьер, например: *Без записки от родителей // его же не отпустят*; *На первый рейс // он же никак не мог успеть*; *Такую работу // они же в любом городе найдут*.

Имеется большое число древнерусских фраз, структуру которых до введения понятия ритмико-синтаксического барьера было чрезвычайно трудно объяснить. Вот некоторые примеры:

той же осени много сА зла сътвори (Комисс. НПЛ, [1215]);

и пакы дѣлѣ сн своѣмъ кѣждо имашеть (Феод., 36а/б);

да вы почто сА томѣ дивите (ЖАЮ, С10 об.).

В этих фразах *сА* стоит не в конце первой тактовой группы, а правее. Как объяснить такое его положение? Например, Г. Гуннарссон (1935), у которого в числе инструментов анализа нет понятия ритмико-синтаксического барьера, вынужден трактовать такие *сА* как полноударные (в его терминологии «ортотонические»). Действительно, полноударная словоформа в принципе может стоять во фразе в любой позиции. Однако невозможно объяснить, почему здесь *сА*, если оно уже не энклитика, а полноударная словоформа, вклинилось (нарушая проективность) внутрь словосочетаний *много зла*, *дѣлѣ своѣмъ*, т. е. ведет себя совершенно так же, как, например, во фразах *и много сА зла створи* (Синод. НПЛ, [1136]), *съ гроубою сА чадью пѣрѣхъ* (Мефод., 107а), где *сА* есть бесспорно энклитика и где такое вклинивание определяется законом Вакернагеля.

Предполагая в подобных случаях для энклитики *сА* полноударный статус, можно, правда, пытаться связать это с тем, что она изредка действительно обнаруживает следы прежней полноударности (см. § 1.10). Но легко убедиться, что имеется немало совершенно аналогичных фраз с энклитиками, у которых нет никаких следов полноударности (*ми*, *ти*, *ны* и др.), например:

а съ сими како ми Б(о)гъ дастъ ([1146], 119 об.);

а тогда како ны с ними Б(о)гъ дастъ ([1150], 147 об.);

онъ же нынѣ ворогъ ми сА оучинилъ ([1196], 241).

Пытаться и в этих случаях трактовать местоименные словоформы (*ми*, *ны* и т. д.) как полноударные и именно этим объяснить их позицию во фразе невозможно: у этих словоформ есть особые полноударные варианты (*мѣнѣ*, *намъ* и т. д.), которые и были бы здесь употреблены, если бы действительно имелась потребность в просодическом усилении.

Все указанные трудности снимаются, если мы признаем, что во всех таких фразах представлены именно энклитики, причем подчиняющиеся закону Вакернагеля, но только начальная часть этих фраз как бы отброшена, т. е. выведена из сферы действия этого закона. Иначе говоря, все объясняется, если признать в этих фразах наличие ритмико-синтаксического барьера (а именно: *той же осени //*; *и абикъ //*; *да вы //*; *а съ сими //*; *а тогда //*; *онъ же нынѣ //*).

Имеется жесткое правило, ограничивающее число мест во фразе, где в принципе может стоять ритмико-синтаксический барьер, а именно:

ритмико-синтаксический барьер возможен только после целой актантной или инородной группы.

Соответственно, внутри актантной или инородной группы ритмико-синтаксический барьер стоять не может. Это ограничение весьма существенно для ряда элементов последующего анализа.

Формальное исключение здесь составляет только разорванная актантная группа с охватом сказуемого (§ 0.6), например: *другую // даль ѣсмь Дмитру че-*

реницю полътину (где разорванная актантная группа *другую полътину* охватывает сказуемое *далъ жсмь*). Но фактически это простое следствие данного в § 0.6 правила о том, что при охвате сказуемого существенна только левая часть разорванной группы, которая принимает на себя роль целой актантной группы.

Примечание. Запрет на постановку барьера внутри актантной группы дополняется следующим правилом: барьер не может стоять также внутри именной группы, вершиной которой является именованное сказуемое, например, внутри группы *жестокъ чловѣкъ* во фразе *жестокъ чловѣкъ, цѣсарю, ты еси*. (Это дополнительное правило с формальной точки зрения необходимо, потому что по строгому смыслу определения из § 0.6 словоформа *жестокъ*, подчиненная сказуемому *чловѣкъ*, должна быть признана актантной группой.)

Мы будем разделять барьеры на обязательные, полуообязательные и факультативные.

Всякий обязательный барьер действительно реализуется, т. е. он с обязательностью исключает соответствующий начальный отрезок клаузы из участия в определении места для энклитик. Факультативный барьер может быть или не быть реализован — это зависит от интенции говорящего. Полуобязательный барьер обладает более сложными свойствами, о которых см. § 1.25.

§ 1.19. В клаузе всяким барьером, возможным для данной клаузы, определяется некоторое потенциальное место для блока энклитик. Это место в конце той тактовой группы, которая непосредственно следует за данным барьером. Иначе говоря, оно находится просто по закону Вакернагеля, применяемому в данном случае к отрезку клаузы, стоящему правее этого барьера.

Пусть имеется, например, клауза, означающая 'брат, ныне ты отступился в мою пользу от того села'. Если временно удалить из нее блок энклитик *ми са еси* и обозначить все возможные барьеры, она будет иметь вид: *брате, // нынѣ // того села // отъступиль*.

Первому барьеру (перед *нынѣ*) соответствует потенциальное место для блока энклитик после *нынѣ* (т. е. вариант *брате, // нынѣ ми са еси того села отъступиль*). Барьеру перед *того* соответствует место после *того* (т. е. вариант *брате, нынѣ // того ми са еси села отъступиль*). Барьеру перед *отъступиль* соответствует место после *отъступиль* (т. е. вариант *брате, нынѣ того села // отъступиль ми са еси*).

Таким образом, всякий барьер как бы просто уменьшает длину клаузы, отсекая от нее слева некоторый начальный отрезок, но остающаяся послебарьерная часть клаузы продолжает обладать тем свойством, что к ней применим закон Вакернагеля, т. е. с интересующей нас точки зрения она однотипна с целыми клаузами.

Далее нам потребуется понятие главного места для блока энклитик внутри клаузы; оно может быть названо также главным вакернагелевским местом для энклитик (или главной вакернагелевской позицией). Если в клаузе нет обязательных барьеров, то это просто конец начальной тактовой группы клаузы (т. е. место, определяемое началом клаузы). Если они есть, то это место, определяемое последним (самым правым) из обязательных барьеров.

И мы будем называть дополнительным местом (для цепочки энклитик внутри клаузы) всякое место, определяемое одним из возможных для данной клаузы полуобязательных и факультативных барьеров.

Так, в приведенном примере главное место для цепочки энклитик — после *нынѣ* (поскольку барьер после обращения — обязательный). Прочие места — дополнительные.

Сильные и слабые энклитики

§ 1.20. Фразовые энклитики с разной силой тяготеют к своему главному месту. С этой точки зрения их можно подразделить на две категории:

- 1) сильные — энклитики первых пяти рангов;
- 2) слабые — энклитики трех последних рангов (6–8).

Сильные энклитики лишь весьма редко смещаются вправо от главного места для блока энклитик, слабые — сравнительно часто.

В действительности градация энклитик по степени тяготения к их главному месту тоньше, т. е. внутри каждой из двух групп можно указать более сильные и более слабые единицы. Тонкая градация в общем соответствует порядку рангов: энклитики более высоких рангов слабее, чем энклитики более низких.

Так, сильные энклитик можно подразделить на основные (ранги 1–4) и дополнительную, несколько менее сильную, энклитику ранга 5 *бы*. Слабые энклитики образуют простую градацию: «пограничный» ранг 6 (*ми, ти, си* и т. д.) — переходный по силе; ранг 7 (*ма, та, са* и т. д.) — просто слабый; ранг 8 (связки) — слабейший.

Но для практических целей почти во всех случаях достаточно деления на две основные категории.

С исторической точки зрения, сильные энклитики — более древние, слабые — как правило более молодые (ср. § 1.17). С синхронической точки зрения сильные энклитики — это слова, наиболее последовательно подчиняющиеся всем механизмам поведения энклитик, тогда как слабые энклитики в части случаев неполностью подчиняются этим механизмам или обнаруживают колебания.

С грамматической точки зрения, сильные энклитики — это частицы, а также *бы*, которое первоначально представляло собой словоформу глагола *быти*, а со временем тоже превращается в простую частицу; слабые энклитики — это формы словоизменения местоимений и вспомогательного глагола *быти*.

Таким образом, деление энклитик на сильные и слабые *de facto* почти совпадает с грамматическим разделением, которое кладет в основу описания энклитик Р. Якобсон (1935), а именно: *particules* (частицы) — *mots enclitiques fléchis* (т. е. склоняемые и спрягаемые энклитические слова, иначе говоря, энклитические формы словоизменения). Расхождение касается только ранга 5: в схеме Якобсона *бы* в соответствии со своим древним статусом входит в число *mots enclitiques fléchis*.

Разделение энклитик во фразе

§ 1.21. Как уже указано, в нормальном случае все фразовые энклитики стоят во фразе вместе, образуя единый блок; соответственно, действие ритмико-син-

таксического барьера, если таковой имеется, распространяется сразу на все имеющиеся фразовые энклитики. Но существует все же и особый случай, когда это не так, а именно, когда барьер воздействует лишь на часть имеющихся энклитик. В этом случае происходит так наз. разделение энклитик: часть их оказывается в соответствии с общим принципом правее барьера, а другая часть остается левее его (в силу чего достигается своего рода «разгрузка» скопления энклитик). Например, во фразе *онъ же нынѣ // ворогъ ми са оучинилъ* энклитики *ми* и *са* стоят правее барьера, но на энклитику *же* действие этого барьера не распространяется и она остается левее его.

Внутри каждой из частей, на которые клаузу делят ритмико-синтаксические барьеры, соответствующая энклитика ставится на требуемое законом Вакернагеля место — как если бы эта часть составляла целую клаузу (порядок энклитик внутри части определяется обычным правилом рангов).

Случаев разделения блока энклитик более чем на две части нами не отмечено. В безусловном большинстве случаев разрыв блока происходит между сильными и слабыми энклитиками: сильные оказываются в предбарьерной части клаузы, слабые — в послебарьерной. Ср. приведенную выше фразу, а также, например: *се же, брата, // хрестъ еста перестоупила* [1147], 127 об.; *азъ бо // молилса жсмъ своѣму влцѣ* (ЖАЮ, 60г) и т. п.

Но данное правило все же не имеет абсолютного характера, т. е. в принципе возможны также фразы (хотя реально они весьма редки), где разделение проходит и иначе, в том числе и так, что в левой части оказываются энклитики большего ранга, чем в правой. Вот некоторые примеры с ушедшим вправо *ли*: *а оу королева еси мужа // слышалъ ли о томъ честномъ крестѣ?* [1152], 166 об.; *тобѣ бы, брате, // любо ли, абыхомъ мы браг твоего держали?* [1147], 127.

Энклитику, оставшуюся в предбарьерной части клаузы и тем самым отделившуюся от остальных энклитик, мы будем называть отчлененной.

Важный частный случай разделения энклитик, представленный относительно широко, состоит в том, что левее барьера остаются сочетания с сильными энклитиками, находящиеся на полпути к сращению, — *нынѣ же, яко же, пакы ли, уже ли, что бы* и т. п., например: *пакы ли // что еси оумыслилъ*.

Сочетания этого рода можно обозначить как «сочетания с устойчивым отчленением». Барьер после них присутствует много чаще, чем отсутствует, т. е. до некоторой степени приближается к обязательному.

В таких случаях для отчленения одной энклитики от остального блока обычно имеются довольно ясные содержательные основания. Они состоят в том, что предбарьерный отрезок здесь может приближаться к самостоятельной клаузе, т. е. приобретать некоторые элементы предикативности. Например, отчлененное *уже* может приобретать смысл 'уже произошло вот что', отчлененное *нынѣ* — смысл 'а теперь будет (или: стало) вот что' и т. п. И эти «квазипредикативные» *уже, нынѣ* и т. п. могут получить собственные энклитики, например, *нынѣ же* (в противопоставлении с тем, что произошло раньше), *уже ли* 'разве уже произошло'. Если возникает барьер, то такая энклитика остается слева от него.

Степень самостоятельности начальных отрезков такого рода столь велика, что они в некоторых случаях могут составлять просто отдельные клаузы, —

это явствует из того, что следующая клауза вводится своим собственным союзом. Примеры: *пакы ли, да въсадимо вы въ погрѣбо* 952; *пакы ли, али [А сл]ю [ѡѣ](тъскыи)* 295; *пакы ли, а како са с ни^М оулажю* [1148], 134 об.; *пакы ли, а рать зачнеши с ни^М* [1154], 170 об. Ср. также весьма выразительный пример, где принадлежность энклитики *же* выражению *нынѣ же* ясно видна из того, что в той же фразе в ее послебарьерной части имеются также другие *же*: *ны^Н же, брате, // ако же ми еси самъ върекль, полѣзи же на конѣ* [1150], 147.

Следует отметить также, что среди случаев разделения значительную часть составляют такие, где барьер воздействует только на слабую энклитику *са*, которая в результате этого попадает в постпозицию к глаголу, тогда как остальные энклитики остаются в предбарьерной части, например: *Святославъ ти // послалъса къ Гюргеви*. Со временем именно этот частный случай становится главной моделью разделения энклитик.

Дублирование энклитик

§ 1.22. Существует также еще один особый синтаксический эффект, отчасти сходный с разделением блока энклитик. Он состоит в дублировании одной и той же энклитики: энклитика помещается один раз в предбарьерной части клаузы, а потом еще раз в основной ее части.

подавляющее большинство относящихся сюда примеров отражают дублирование энклитики *са* (так называемый эффект двойного *са*); например: *мнѣ са // не можетса* 124п; *како са, ѡсподине, // нами своими хрестьяны // попечалишиса?* 310п; *и про се са и Мьстиславъ // разьгнѣваса на нѣ* (Киев. лет. [1140], 112 об.); *обы са просто // не уцинилоса* (ГВНП, № 44, 1373 г.); подробнее см. § 4.13.

Проблема двойного *са* хорошо известна в славистике; см. в частности, разбор истории вопроса у Г. Гуннарссона (1935: 16–18). Случаи дублирования *са* в древнерусском языке отмечаются, в частности, в Соболевский 1907: 256.

Дублирование других энклитик встречается редко. Вот некоторые примеры: *а рубежь ти, княже, // межю Суждальскою землею и Новгородскою // дати ти старый* (ГВНП, № 9, 1307–08 гг.; двойное *ти* ‘тебе’); *ѡже ма // ведете ма льстью* [1147], 127 (двойное *ма*); *се, брате, // ты еси ко мнѣ ѡ ѡца // пришь еси* [1149], 135 об. (двойное *еси*).

Дублирование энклитик часто бывает похоже на простую ошибку писца. И не приходится сомневаться, что в каких-то случаях причина здесь действительно такова.

Так, может быть, это вообще чисто письменный эффект, чуждый устной речи? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Во-первых, двойные энклитики встречаются в берестяных грамотах, которые, как известно, стоят ближе, чем любые другие документы, к устной речи. Во-вторых, в памятниках двойные энклитики встречаются в сколько-нибудь заметном количестве лишь начиная с XIV века; а если бы это была простая ошибка писца, она должна была бы встречаться одинаково часто в памятниках любого века. В-третьих, совершенно такое же явление можно наблюдать в современной разговорной ре-

чи; например, здесь возможны фразы: *Передай ему, чтобы не раздумывая вместе с детьми приезжал бы* (двойное *бы*); *Я ведь совершенно ни о чем об этом не знал ведь* (двойное *ведь*) и т. п.

В действительности, как будет видно из дальнейшего (см. § 1.37), основная причина появления двойных энклитик — это взаимодействие более старого и более нового правила расстановки энклитик во фразе.

Типы ритмико-синтаксических барьеров

§ 1.23. В древнерусском языке существуют достаточно определенные правила постановки ритмико-синтаксических барьеров.

Обязательные и полуообязательные барьеры определяются просто синтаксисом, факультативные — частью синтаксисом, частью смыслом.

Потенциальное место для блока энклитик, определяемое некоторым барьером, становится реальным лишь в том случае, если данный барьер, во-первых, реализован, во-вторых, оказался самым правым из реализованных барьеров.

Ниже приводятся правила постановки барьеров, действовавшие в древнерусском языке. При этом дается лишь минимум иллюстраций — основной массив примеров читатель найдет в главе 2. В иллюстрациях энклитики, место которых определяется наличием рассматриваемого барьера, подчеркнуты.

Обязательные барьеры

§ 1.24. Ритмико-синтаксический барьер обязательно ставится:

1) После начинающей клаузу инородной актантной группы (обращения, междометия, вводного слова). Пример: *кнаже, // ты са на насъ не гнѣвай*.

2) Перед непервым инфинитивом в серии однородных подчиненных инфинитивов (если есть сочинительный союз, то перед ним); такой барьер задает место энклитик, относящихся к соответствующему инфинитиву.¹⁸ Пример: *начнешь просити // и кланатиса*.

Полуобязательные барьеры

§ 1.25. Полуобязательный барьер обладает тем свойством, что он всегда (или почти всегда) действителен для слабых энклитик, но необязательно действует на сильные энклитики. Соответственно, если фраза содержит как сильные, так и слабые энклитики, то происходит разделение энклитик: сильные ставятся левее полуообязательного барьера, слабые — правее. Таковы барьеры:

1) После вынесенного в начало общего члена двух или более клауз. Пример: *доколѣ со Всеволодомъ и с Давыдомъ // любо са оуладимъ, любо са не оуладимъ [1195], 237 об.; с разделением энклитик — *нынѣ же // како еси со мною оумолвилъ, на чемъ еси ко мнѣ крѣтъ ѡбловаль, того еси всего не исправиль [1196], 241.**

¹⁸ Иначе говоря, серия однородных подчиненных инфинитивов ведет себя в отношении энклитик фактически так же, как серия однородных сказуемых.

2) После любой вклиненной клаузы (т.е. находящейся внутри более крупной клаузы, которая ее объемлет); это может быть деепричастная клауза, вклиненное придаточное, вводное слово и др. (см. § 0.5). Примеры (проставляем не все барьеры, а только те, которые здесь для нас существенны): *зане ѡнь, мнии боуда, // не покорить ми сѧ* [1157], 175; *и все доброѡ дѣяниѡ, кже чловѣкы въводитъ в раи, // путь сѧ нарѣчетъ* (ЖАЮ, 576); с разделением энклитик — *ты же, того не дождавъ, // послалъ еси снѣца своѧ ко Витебьскоу* [1195], 238 об.; *Всеволодъ же, пришедъ в Киевъ, // разболисѧ* (Киев. лет. [1148], 118 об.).

3) После внутренней инородной актантной группы, если перед этой группой по какой-либо причине возник барьер. Примеры: *охъ, // брате, // помози ми* (здесь имеется обязательный барьер после начального междометия, поэтому возникает еще один барьер после обращения); с разделением энклитик — *нынѣ же, // брате, // помози ми* (факультативный барьер перед *брате* порождает барьер после *брате*).

4) Перед стоящим не в начале клаузы местоименным словом «группы кто»¹⁹ или подчинительным союзом. Примеры: *а в Роускои землѣ // кто ны сѧ ѡстанеть?* [1193], 234; *а съ сими // како ми Бѣ дастъ* [1146], 119 об.; *а отрок(ѣ) // оже ти Шишакъ гонить, посади же въ Радькоѣ [ѣ]ежъкъ* ‘а отроков если Шишак начнет гнать, то посади (Шишака) в Радкову башенку’ 805. Но изредка все же встречаются фразы, где такого барьера нет (т.е. даже слабая энклитика стоит левее, чем *кто, что* и т.п.), например: *ѡже сѧ тобѣ што оучинить, то што намъ дѣяти?* [1153], 168.

Примечание. Если в предложении представлено сразу два слова «группы кто» (*кого чимъ, кто куда* и т.п.), то барьер ставится перед первым из них, например: *и поклажаи // гдѣ есма что вziali, и намъ то все ѡдати* (ДДГ, № 46, 1447 г., с. 141).

Факультативные барьеры

§ 1.26. В факультативном порядке ритмико-синтаксический барьер может быть поставлен после любой целой актантной или инородной группы (но не внутри такой группы). Иначе говоря, он может быть поставлен в любой точке, которую допускает общее правило, данное в § 1.18.

Факультативных барьеров, как и обязательных, во фразе может быть несколько.

В отличие от обязательных барьеров, факультативный барьер возникает не автоматически. Он представляет собой просодическое выражение некоторого выделения того или иного звена фразы (или хотя бы его ритмического отделения от последующего текста). Такое выделение всегда предполагает соответствующую интенцию говорящего, а ее, разумеется, может и не быть. Соответственно, одна и та же (если не считать размещения энклитик) фраза может быть реализована как с барьером, так и без него.

Общий принцип состоит в том, что фразы без барьера предполагают сообщение без каких-либо специальных выделений или подчеркиваний, тогда как

¹⁹ Т.е. местоимением (или местоименным словом) с относительным, вопросительным или неопределенным значением: *кто, что, како, где (кдѣ), куда, когда, коли* и т.д.

наличие барьера говорит о том, что начальное слово (или словосочетание) в какой-то степени выделено. Например, фраза *оуже есмь пошелъ* (без барьера после *оуже*) означает 'я уже выступил в поход' (в ситуации, когда адресат этого ожидал); а фраза *оуже // пошелъ есмь* означает приблизительно: 'уже произошло вот что: я выступил в поход' (в ситуации, когда адресат не знал, как будут развиваться события).

З а м е ч а н и е. Этот пример может служить хорошей иллюстрацией того, что место энклитик в древнерусской фразе, которому интерпретаторы обычно не придают никакого значения, могло в действительности заметно видоизменять смысл фразы и передавать семантические детали, которых носитель современного языка уже не чувствует. Можно привести аналогии и из современного языка: например, во фразе *Вчера Петя же этого еще не знал*, даже если после *вчера* никакой реальной паузы или замедления ритма нет, место энклитики *же* заставляет слушателя воспринимать слово *вчера* как несколько выделенное по смыслу. Иначе говоря, и сейчас может оказаться так, что выделение некоторого слова выражено только тем, куда попадает энклитика.

Из сказанного понятно, что никаких формальных правил, которые позволили бы гарантированно предсказать реализацию некоторого факультативного барьера, построить невозможно. Мы можем говорить лишь о факторах, которые повышают вероятность реализации факультативных барьеров.

Эти факторы могут быть семантическими или синтаксическими. При этом большинство факультативных барьеров имеют одновременно и семантическую и синтаксическую мотивацию (возможно, разной силы).

§ 1.27. С семантической точки зрения, общим для всех фраз с факультативными барьерами является то, что в них имеется начальное слово или словосочетание, относящееся по смыслу ко всей остальной части фразы в целом, например: «а ныне...», «а тогда...», «а я...»; и именно после такого слова или словосочетания и возникает барьер.

Далее, общим почти для всех таких фраз является то, что это начальное слово или словосочетание соотнесено по смыслу с предшествующей фразой (например, по схеме: «он сделал то-то, а я — то-то», или «возможно, произойдет то-то, тогда сделай то-то», или «меня извести, а сам сделай то-то», и т. п.). Неслучайно безусловное большинство таких фраз начинается с союза *а* или содержит противительное *же*.

Можно указать несколько разновидностей тех мотивов, по которым выделяется начальное слово (но эти рубрики разграничены не вполне четко и не исключают одна другую). См. разбор этих мотивов с многочисленными примерами в § 2.7–10. Здесь мы их только перечислим.

1. Противопоставление или эмпфаза, например: *Гюрги вышель ис Кива, ∇ а Вячьславъ // сѣдитъ ти в Киевѣ* [1150], 144.

2. Соотнесенность в более широком смысле, например: *и ѡже сѧ оуже поворотитъ ѿ насъ, ∇ а тогда // како ны Бѣ дастъ с ни^м* [1151], 155.

3. Прочие случаи выделения темы, например: *а дружина моя // изнемогласа* [1187], 227 об.

4. Выделение обстоятельства, например: *а в Руськои земли // не велю ти быти* [1172], 203.

Напомним, однако, что во всех названных случаях речь идет лишь о тенденции, а не об обязательном правиле — для каждого из этих пунктов можно привести также и примеры без выделения начального слова.

§ 1.28. Помимо семантических факторов, реализации факультативных барьеров могут способствовать также определенные синтаксические факторы.

Имеется ряд синтаксических характеристик фразы, которые могут хотя бы в некоторых случаях влиять на вероятность появления факультативных барьеров. Таковы прежде всего: порядок полноударных слов во фразе, величина и число актантных групп, грамматические характеристики определенных членов предложения.

Кроме того, существенно то, к какому типу относятся сами энклитики, которые предстоит вставить, именно: если речь идет о нахождении места для сильной энклитики, то вероятность реализации факультативных барьеров минимальна; если для слабой — эта вероятность существенно больше.

Разумеется, в блоке могут быть представлены энклитики обеих категорий. В этом случае возможны следующие синтаксические решения:

- 1) факультативные барьеры не используются, и весь блок ставится на главное место для энклитик;
- 2) какой-то из возможных факультативных барьеров используется, и весь блок ставится на соответствующее дополнительное место;
- 3) какой-то барьер используется, но лишь для части энклитик, т. е. происходит разделение энклитик.

Решение 2 встречается крайне редко; основная конкуренция происходит между решениями 1 и 3.

КЛАССИФИКАЦИЯ КЛАУЗ

§ 1.29. Для адекватного описания энклитик необходима некоторая классификация клауз по синтаксическим признакам, способным хотя бы в некоторых случаях влиять на размещение энклитик. Объектами такой классификации естественно считать только клаузы с неначальным положением сказуемого (проклитики не в счет), поскольку при начальном его положении позиция энклитик определяется автоматически.

Идеальной для наших целей была бы классификация клауз, полностью независимая от того, есть ли в клаузе энклитики и как они размещены. В предлагаемой ниже классификации этот идеал удалось соблюсти везде, кроме одного частного пункта: мы отделяем от всех прочих клаузы с проклитико-энклитическим комплексом (и, следовательно, в этом пункте используем знание о том, в какой точке клаузы расположены энклитики). Эта группа клауз составляет лишь очень маленькую часть их общего массива, так что картина в целом меняется совсем незначительно. Избежать этого отклонения можно было бы только ценой чрезвычайного усложнения всей схемы классификации, с практической точки зрения неоправданного.

Используемая ниже классификация клауз такова.

Предварительная операция: если в клаузе есть обязательные или полуообязательные барьеры, то отбрасывается все, что стоит левее их (т. е. левее самого правого из них).

По степени сложности клаузы делятся на простые и осложненные; последние подразделяются на многоактантные и тяжелые (§ 0.7).

По грамматическим характеристикам клаузы подразделяются так.

Вначале от общего массива отделяются две особые небольшие группы:

а) клаузы с начальным проклитико-энклитическим комплексом (см. об особом характере этого пункта выше);

б) клаузы с начальным вспомогательным глаголом (не энклитическим: *бѣ*, *баше*, *будеть*, *нѣсть* и т. п.).

Остальные клаузы подразделяются по грамматическим характеристикам предикативной словоформы. Здесь противопоставляются прежде всего личные и неличные формы.

В сфере личных форм в некоторых случаях оказывается существенным время глагольной словоформы, а именно, противопоставляются, с одной стороны, формы с книжной окраской — аорист и имперфект²⁰, с другой — живые формы, т. е. остальные.

Неличные формы распадаются на инфинитивы, супины, деепричастия и собственно причастия; с интересующей нас точки зрения эти группы ведут себя по-разному. Инфинитивы подлежат подразделению на независимые и подчиненные.

Если сказуемое именное, то класс клаузы определяется грамматической формой вспомогательного глагола. Отсутствие связки приравнивается к наличию во фразе связки в презенсе.

Еще один признак, который в части случаев оказывается существенным, — грамматическая характеристика начального слова клаузы. Здесь различаются: а) местоименное слово, т. е. местоимение или местоименное наречие; б) союз; в) знаменательное слово (имя, наречие).

Теоретически все названные параметры могут сочетаться друг с другом, т. е. на их основе можно построить некоторую универсальную классификацию. Но практической необходимости в ней нет — достаточно древовидной классификации, где только часть ветвей подвергается более дробному членению. В частности, многоактантные и тяжелые клаузы можно было бы подразделить на такие же более мелкие группы, что и простые клаузы. Но с практической точки зрения это излишне, поскольку в любом из обследованных нами памятников полученные при этом группочки оказались бы слишком малочисленными для каких-либо статистических выводов.

Приводим схему используемой в настоящей работе классификации. Большинство классов для краткости обозначено в ней просто характерным элементом соответствующих клауз.

²⁰ Нелишне отметить, что в эту группу не входит плюсквамперфект (который свободно употребляется и в таких памятниках, где аориста и имперфекта нет).

Схема классификации клауз

Проклитико-энклитический комплекс					
Вспомогательный глагол					
Основной массив	Простые	Личные формы	Живые личные формы	Начальное местоимение	
				Начальный союз	
			Начальное знаменат. слово		
					Аорист / имперфект
		Подчиненный инфинитив			
		Деепричастие			
	Причастие				
	Супин				
	Осложненные	Многоактантные			
		Тяжелые			

Из названных выше подразделений в этой схеме не получили отдельной клетки только клаузы с независимым инфинитивом. Условимся присоединять их к клаузам с начальным знаменательным словом (и рассматривать вместе с ними при разборе конкретных памятников).²¹

Как видно из этой схемы, дробность членения в разных частях общей совокупности клауз весьма различна. Например, клаузы с проклитико-энклитическим комплексом никакому дальнейшему членению уже не подвергаются, а класс простых клауз с личной формой (но не аористом или имперфектом) и начальным местоимением — это результат пяти последовательных разделений.

§ 1.30. Чтобы можно было практически пользоваться этой классификацией, необходимо уточнить ряд технических деталей.

Наличие или отсутствие обращения и других инородных групп на свойства клаузы не влияет и при классификации клауз (и подсчете актантных групп) во внимание не принимается.

При подсчете числа членов актантной группы учитываются только полноударные словоформы, сопутствующие клитики в подсчет не входят.

Особую проблему составляют полупроклитики (см. § 0.2 и 1.38), которые ведут себя в одних случаях как акцентно самостоятельные, в других — как проклитики. К сожалению, разграничение случаев первого и второго рода формальным правилам не поддается. Между тем классификация клауз, чтобы быть единообразной для всех памятников, должна опираться на четкие критерии и быть свободной от субъективности. Поэтому в данном пункте в настоящей работе принято упрощенное решение, состоящее в том, что при классификации клауз полупроклитики приравниваются к обычным полноударным словам.²² Иначе говоря, мы идем здесь на некоторое огрубление, чтобы получить возможность вести подсчеты строго и единообразно.

²¹ Кроме того, в эту же рубрику мы относим непервые инфинитивы в серии однородных подчиненных инфинитивов.

²² Кроме *или*, которое, напротив, приравнивается к проклитикам (поскольку оно выступает в проклитическом качестве гораздо чаще, чем в полноударном).

Как обычные полноударные слова рассматриваются также сращения (см. § 1.39).

Напомним, что не являются актантами союзы и что при подсчете числа имеющих в клаузе актантных групп не учитываются актанты, выраженные энклитикой (*ми*, *ма* и т.п.; см. § 0.6).

При фразах с охватом сказуемого (например, *братъ ти оумерль Вачеславъ*) мы даем об этом помету²³. Как указано в § 0.6, в этих случаях подлежит учету только левая часть разорванной актантной группы.

Необходимы также некоторые пояснения относительно инфинитивов и деепричастий.

В отношении клауз с подчиненным инфинитивом в настоящей работе принято следующее условное соглашение: если в такой клаузе в отрезке, стоящем левее подчиняющего инфинитив слова, нет энклитик, относящихся к инфинитиву, то этот отрезок при классификации вообще не учитывается. Например, в клаузе *Изаславъ вчера со мною хотѣль са бити* ([1150], 151 об.) учитывается только часть *хотѣль са бити*.

Если же в этом отрезке такие энклитики есть, то он учитывается, причем при классификации клауз приравнивается к предглагольной части. Таким образом, например, в клаузе *се съ симъ ны са полко^М нѣ лѣѣ бити сею рѣкою* ([1148], 132 об.) отрезок перед *нѣ лѣѣ* (включающий *са* от *битиса*) учитывается, а вся клауза квалифицируется как тяжелая (поскольку предглагольная часть после вычета клитик сводится к тяжелой актантной группе *съ симъ полко^М*).

Клаузы с подчиненным инфинитивом, где между подчиняющим словом и инфинитивом имеется хотя бы одно полноударное слово (но не местоимение или иное слово из списка в § 0.7), квалифицируются как многоактантные. Пример: *не могоу с половиною ихъ миритиса* ([1193], 234).

Клаузы, где подчиненный инфинитив стоит левее подчиняющего слова (например, *аже битиса хочещи*), в классификацию вообще не включаются (в таких клаузах *са* практически всегда стоит в постпозиции, т.е. инфинитив ведет себя так, как если бы он начинал клаузу).

В древнейших текстах в том, что касается поведения энклитик, сходно с сочетаниями «подчиняющий глагол + подчиненный инфинитив» могли себя вести также сочетания «основной глагол + деепричастие». Например, в *из оцью бы са вытьрьго приткъль* 'вырвавшись из-под [людских] глаз, прибежал бы' 752 энклитика *са* относится к *вытьрьго*, а энклитика *бы* — к *приткъль*. Во фразе *того ва есмь борона и не правиль себе ѡже ма перѡбидила* 'запрещая это вам двоим, я и сам не расквитывался за то, чем [вы] меня избидели' ([1151], 155 об.) *ва* относится к *борона*, а *есмь* к *не правиль*. Но такие примеры предельно редки, обычно же деепричастия образуют самостоятельные клаузы, изолированные от остальной части фразы.

§ 1.31. Разные классы приведенной классификации характеризуются разной вероятностью возникновения барьера после начальной актантной группы. Реальная картина тут в значительной степени варьирует от одного памятника к другому (конкретный материал и количественные оценки приводятся в после-

²³ При этом, однако, мы не отмечаем те случаи охвата сказуемого, когда разорванная группа имеет структуру «А и В» и правая часть — это «и В», например: *дѣти ихъ // поумали есмь, и стада и скоть; Бѣ ми будеть и стѡа Бѣа*. Такая правая часть обладает значительной степенью самостоятельности, это как бы отдельная эллиптическая клауза, добавленная к уже законченной клаузе.

дующих главах). Но основные соотношения между классами достаточно устойчивы.

В особых рубриках — с начальным проклитико-энклитическим комплексом и с начальным вспомогательным глаголом — вероятность возникновения барьера мала.

В прочих случаях эта вероятность минимальна в простых клаузах (кроме некоторых их категорий), существенно больше — в многоактантных, максимальна — в тяжелых.

В рамках простых клауз эта вероятность мала для клауз с личными формами глагола, кроме аориста и имперфекта, и с подчиненным инфинитивом, существенно выше для клауз с аористом и имперфектом и с деепричастием, и весьма высока — в клаузах с причастием и супином.

В рамках клауз с личными формами глагола, кроме аориста и имперфекта, рассматриваемая вероятность минимальна при начальном местоименном слове, несколько выше при начальном союзе и еще несколько выше при начальном знаменательном слове.

Таким образом, самой благоприятной зоной для беспрепятственного действия закона Вакернагеля являются простые клаузы со сказуемым в личной форме, но не в аористе или имперфекте, и с начальным местоименным словом. В этом случае для действия данного закона нет вообще никаких синтаксических тормозов; барьер, если он все-таки появится, может возникнуть только по семантическим причинам.

Иногда на возникновение барьеров могут влиять и некоторые другие синтаксические факторы, не включенные в приведенную классификацию.

В частности, если клауза содержит нена начальное обращение, то повышается вероятность появления барьера после такого обращения (напомним, что начальное обращение дает просто обязательный барьер). Пример: *а нынѣ, ѡчѣ, // сьакого ны веремени не боудеть пакы* [1195], 238 об.

Если клауза с нена начальным сказуемым содержит одновременно энклитику *же*, *ли* или *бо* и энклитику *са*, то резко повышается вероятность разделения энклитик (см. § 1.21 и 2.5), а именно, появления такого барьера, левее которого останется *же*, *ли* или *бо*, а правее — *са*. Такой барьер может стоять как непосредственно после *же* (*ли*, *бо*), так и правее этой точки. Примеры, где барьер стоит непосредственно перед сказуемым и, соответственно, *са* оказывается в постпозиции к глаголу: *тако ли // подобиишса Гчу?* (ЖАЮ, 33б); *ты же ми еси ее // ѡстоупилса по волѣ* [1195], 236 об. Примеры, где барьер стоит не перед глаголом и тем самым *са* не попадает в постпозицию: *ѡнъ же нынѣ // ворогъ ми са оучинилъ* [1196], 241; *се бо о семь // вельми са радѣю, братиѣ* (Феод. 58г).

Заметим, что тенденция к разделению наблюдается в сочетаниях *же*, *ли*, *бо* не только с энклитикой *са*, но и с другими слабыми энклитиками, например: *азъ бо // люблю та* (ЖАЮ, С11); *азъ бо // молилса ксмы своюму влѣцѣ* (ЖАЮ, 60г). Но здесь эта тенденция проявляется менее ярко, чем в случае с *са*: ср. в этом отношении пример *ты же ми еси ее // ѡстоупилса по волѣ*, где оттеснена в постпозицию только энклитика *са*, а энклитики *ми* и *еси* остались слева от барьера.

Бывают также случаи, когда появление барьера вызывается индивидуальными особенностями отдельных лексем. В частности, если в клаузе по общим правилам должна возникнуть последовательность *самъ сѧ* (*сами сѧ* и т. д.), где *сѧ* не является частью устойчивого сочетания *самъ сѧ* 'сам себя', то после *самъ* обычно ставится барьер, позволяющий избежать двусмысленности. Пример: *а почнуть сѧ с тобою бити, ты же к намъ вѣсть послѧ, ∇ а самъ // бишсѧ за-оутра и до ѡбѣда* [1150], 150 об. Если бы в этой фразе не было барьера, получилось бы *самъ сѧ биш ...*, которое хотя в принципе и допускает в древнерусском языке такой же смысл, как у *самъ бишсѧ*, все же естественнее всего понимается как 'бей сам себя'.

С другой стороны, словосочетание *самъ сѧ* в значении 'сам себя' обнаруживает (в особенности в поздних памятниках) сильную тенденцию к превращению в целостную единицу, не подчиняющуюся более правилам об энклитиках. Ср., например: *срамлѧ самъ сѧ, да ѡ много не посрамленъ боудеши* (Пчела, 430) — *сѧ* здесь стоит в позиции, недопустимой для энклитик.

Квази-клаузы

§ 1.32. Всякий барьер как бы просто уменьшает длину клаузы, отсекая от нее слева некоторый начальный отрезок. При этом остающаяся послебарьерная часть клаузы продолжает обладать тем свойством, что к ней применим закон Вакернагеля, т. е. с интересующей нас точки зрения она однотипна с целыми клаузами.

В ряде случаев нам придется рассматривать именно послебарьерные части клауз. Поэтому полезно иметь для них более короткое наименование. В качестве такого параллельного наименования для послебарьерной части клаузы мы будем использовать термин «квази-клауза».

Понятно, что каждому барьеру соответствует своя квази-клауза. Возьмем уже разбиравшуюся выше фразу, означающую 'брат, ныне ты отступился в мою пользу от того села' и имеющую без энклитик *ми сѧ еси* (но со всеми возможными барьерами) вид: *брате, // нынѣ // того села // отъступилъ*. В зависимости от того, какой из барьеров реализован, здесь могут появиться квази-клаузы: *нынѣ ми сѧ еси того села отъступилъ*; *того ми сѧ еси села отъступилъ*; *отъступилъ ми сѧ еси*.

Во фразах с разделением энклитик квази-клауза содержит уже не все имевшиеся во фразе энклитики, а только часть. Например, во фразе *се бо о семь // вельми сѧ радѣю, братикъ* квази-клауза *вельми сѧ радѣю, братикъ* уже не включает энклитики *бо*.

Поскольку по своей структуре квази-клаузы не отличаются от клауз, их можно классифицировать по тем же признакам. Например, квази-клауза *чему сѧ еси не подивилъ* из клаузы *сему чуду // чему сѧ еси не подивилъ* — простая, с начальным местоимением (тогда как клауза в целом — многоактантная).

Существенно то, что на поведение энклитик свойства включающей их квази-клаузы влияют в большей степени, чем свойства клаузы в целом. И это не удивительно, поскольку вполне естественно, чтобы ближние соседи некоторой

единицы оказывали на нее большее влияние, чем дальние. Так, в примере *сему чюду // чему са еси не подивиль* препозиция энклитик *са еси* хорошо согласуется со свойствами клауз с начальным местоимением, но плохо согласуется со свойствами многоактантных клауз (которые обычно обнаруживают тенденцию к постпозиции энклитик).

В связи с этим возникает привлекательная идея классифицировать клаузы с внутренними барьерами, отбрасывая в них предбарьерную часть, т. е. фактически заменяя клаузу в целом соответствующей квази-клаузой.

К сожалению, у такого подхода при всех его положительных сторонах имеется и весьма серьезный недостаток. Он состоит в том, что при классификации мы должны про каждую клаузу знать, есть в ней барьер или нет. А этот вопрос, как мы уже знаем, не имеет простого и легко доступного для исследователя ответа. Тем самым наша классификация потеряла бы такое бесценное для строгого исследователя качество, как свободу от субъективности.

Поэтому в настоящей работе мы используем все же классификацию целых клауз, а не квази-клауз (что, разумеется, не мешает нам в случае необходимости обсуждать и свойства тех или иных квази-клауз).

Замечание. Правда, в принципе можно было бы принять для классификации клауз иную логическую схему, чем в § 1.29, а именно, исходить из того, что объектами классификации являются клаузы, где уже известно, как стоят энклитики. А зная место энклитик, можно было бы реконструировать и барьеры. Но при такой схеме мы лишили бы себя возможности, во-первых, предсказывать расстановку энклитик в произвольной фразе, во-вторых, выявлять случаи, когда позиция энклитики уже более не определяется наличием барьера, и тем самым изучать исторический процесс постепенного расшатывания механизма барьеров.

Нормальная и смещенная препозиция

§ 1.33. В случае препозиции некоторой энклитики по отношению к сказуемому нам потребуется различать два случая: нормальную и смещенную препозицию.

Нормальная препозиция энклитики (во фразе с неначальным сказуемым) — это ее положение в конце первой тактовой группы фразы, т. е. в соответствии с законом Вакернагеля в его наиболее чистом виде (не осложненном никакими барьерами).

Смещенная препозиция — это положение энклитики в конце некоторой неначальной тактовой группы, куда она попала в силу наличия во фразе ритмико-синтаксического барьера. Например, во фразе *вы са тому дивите* энклитика *са* находится в нормальной препозиции, а во фразе *да вы // право са тому дивите* — в смещенной препозиции.

В случае смещенной препозиции всё, что имеет какое-то значение для размещения энклитик, ограничено уже рамками соответствующей квази-клаузы. Например, во фразе со смещенной препозицией *да ци Б(ог)ъ нашъ // велмі са печеть о томъ* (ЖАЮ, 37в) энклитика *са* расположена внутри фразы так, как если бы предбарьерной части *да ци Б(ог)ъ нашъ* во фразе не было.

Общая схема выбора позиции для энклитик

§ 1.34. Понятие ранга и понятие ритмико-синтаксического барьера — два главных инструмента для описания древнерусских энклитик.

Механизм рангов у энклитик прост и работает в древнерусском языке практически безукоризненно: отклонений почти нет. Механизм барьеров сложнее; здесь участвуют многочисленные факторы, часть из которых не поддается строгому формальному учету. Но все же и он в целом достаточно точен.

Задачу описания позиции энклитик в древнерусской фразе мы можем теперь представить следующим образом.

В каждой фразе в принципе могут быть вычленены: 1) представленные в ней фразовые энклитики; 2) все остальное, т.е. та же фраза без фразовых энклитик. Локальные энклитики нас здесь интересовать не будут, поэтому мы можем уточнение «фразовые» опускать и называть второй из этих компонентов просто «фразой без энклитик».

Вообразим такой процесс порождения фраз, при котором сперва составляется фраза без энклитик, а затем — набор энклитик, которые предстоит в нее вставить. Наша задача получает в этом случае вполне четкую формулировку: дать правила расстановки произвольного набора энклитик в произвольной фразе без энклитик.

Разумеется, на самом деле фразы порождаются не так, однако в том, чтобы описывать размещение энклитик с помощью такого воображаемого процесса, нет ничего недопустимого.

Пусть имеется некоторая фраза без энклитик и блок энклитик (расставленных в порядке рангов), который предстоит в нее вставить.

Сперва во фразе без энклитик находится главное место для блока энклитик. Напомним, что если нет обязательных барьеров, то это конец начальной тактовой группы клаузы; если они есть, то это место, определяемое последним (самым правым) из обязательных барьеров. Затем находятся все дополнительные места — соответственно полуообязательным и факультативным барьерам.

Далее предполагается, что говорящий в соответствии со своей интенцией какие-то из факультативных барьеров реализует, а какие-то — нет. Эту операцию мы формализовать не можем и рассматриваем здесь выбор говорящего как свободный. Нас будет интересовать лишь то, какие следствия проистекают из уже сделанного выбора.

Если какие-то из факультативных барьеров реализованы, из них берется самый правый, и блок энклитик помещается на определяемое этим барьером место. Если реализованных факультативных барьеров нет, блок энклитик помещается на свое главное место.

Таким образом, в узком смысле наша задача состоит лишь в том, чтобы указать возможные места для блока энклитик. Но, разумеется, полезны также указания о том, какие из альтернативных решений встречаются в конкретных текстах чаще и какие реже.

Пример. Пусть дана древнерусская фраза без энклитик *како, осподине, нами своими хрестьяны попечалиши* и блок энклитик из одного члена: *са*. В сумме

они должны дать значение ‘как, господин, ты о нас, своих крестьянах, позаботишься?’. Требуется найти возможные места для данной энклитики.

Условий для обязательных барьеров в данном случае нет; то же верно для полуобязательных. Факультативные барьеры в принципе возможны после актантных групп *како* и *нами своими хрестьяны* и после обращения *осподине*. Но при наличии барьера после *како* должен появиться (в силу § 1.25, п. 3) барьер также и после обращения *осподине*; тем самым актуальными для постановки энклитики оказываются только факультативные барьеры после *осподине* и после *хрестьяны*.

Таким образом, в данной фразе из шести слов для энклитики *са* допустимы три позиции, выбор между которыми зависит от интенции говорящего в отношении факультативных барьеров. Им соответствуют варианты: 1) *како са, осподине, нами своими хрестьяны попечалишии*; 2) *како, осподине, нами са своими хрестьяны попечалишии*; 3) *како, осподине, нами своими хрестьяны попечалишииса*. (Как мы видели в § 1.22, в реальной берестяной грамоте, откуда взята эта фраза, представлено так наз. двойное *са*, а именно, использованы одновременно варианты 1 и 3.)

КОЭФФИЦИЕНТ ПРЕПОЗИЦИИ И НЕАВТОМАТИЧЕСКОЙ ПОСТПОЗИЦИИ

§ 1.35. Постпозицию энклитики по отношению к сказуемому мы будем разделять на автоматическую и неавтоматическую.

Автоматической является: а) постпозиция любой энклитики по отношению к сказуемому, которое стоит в начале клаузы (проклитики не в счет) или после обязательного барьера; б) постпозиция слабой энклитики по отношению к сказуемому, которое стоит после полуобязательного барьера. В прочих случаях постпозиция является неавтоматической.

Неавтоматическая постпозиция сильных энклитик — очень редкое явление и поэтому представляет для нас лишь ограниченный интерес. Напротив, у слабых энклитик это явление представлено очень широко, и именно они будут основным предметом дальнейшего исследования.

Неавтоматическая постпозиция слабых энклитик в большинстве случаев определяется тем, что перед сказуемым имеется факультативный барьер; другая возможность состоит в том, что перед сказуемым стоит слово, подвергшееся вторичной проклизе (§ 0.2).

Факультативные барьеры зависят от интенции говорящего. Она свободна и нам достоверно не известна. Мы не знаем также заранее, подвергнется ли некоторое слово вторичной проклизе. Но у нас есть возможность точно измерить совокупный эффект этих факторов для некоторого интересующего нас памятника, а именно, соотношение числа случаев, когда энклитика находится в неавтоматической постпозиции и когда она находится в препозиции.

Что касается случаев автоматической постпозиции (т.е., грубо говоря, фраз с начальным сказуемым), то включать их в эти подсчеты нецелесообразно, по-

скольку результат таких подсчетов будет не вполне показательным — он будет зависеть от такого не имеющего отношения к нашей основной проблеме параметра, как количество фраз с начальным сказуемым.

Назовем коэффициентом препозиции (некоторой энклитики в некотором тексте) отношение числа случаев ее препозиции к общему числу случаев, где нет условий для ее автоматической постпозиции, и коэффициентом неавтоматической постпозиции отношение числа случаев ее неавтоматической постпозиции к тому же общему числу.

Эти меры объективны, они не зависят от наших возможных ошибок в оценке намерений говорящих или пишущих.

Понятно, что эти два коэффициента связаны между собой простейшей связью: их сумма равна единице. Поэтому в принципе достаточно какого-то одного из них. Реально ниже мы почти везде пользуемся коэффициентом препозиции.

Разумеется, эти коэффициенты можно вычислять для некоторого текста не только суммарно, но и отдельно по тем или иным категориям. В одном и том же памятнике такой коэффициент может существенно различаться для разных энклитик и для разных типов фраз.

В частности, здесь имеется отчетливое различие между сильными и слабыми энклитиками: у сильных энклитик коэффициент препозиции обычно близок к 100%, у слабых он всегда заметно меньше и очень сильно варьирует в зависимости от памятника (опускаясь в некоторых из них до величин, близких к нулю).

Коэффициент препозиции одной и той же энклитики может быть весьма различным в памятниках разных эпох и разных жанров.

Приводим в качестве примера данные Киев-Д; это памятник достаточно большого объема, отличающийся тем, что здесь во всех группах коэффициент препозиции весьма высок. Помимо коэффициентов, указано также общее количество случаев, где нет условий для автоматической постпозиции. Сильные энклитики показаны вместе, поскольку незначительные расхождения в их индивидуальных показателях не имеют статистической ценности.

Как $ти_1$ здесь и далее обозначается частица *ти*, как $ти_2$ — *ти* 'тебе'.

Коэффициент препозиции (Q-pre)
и неавтоматической постпозиции (Q-post) в Киев-Д

Энклитики	Общее количество	Q-pre	Q-post
Сильные: <i>же, ли, бо, ти₁, бы</i>	≈270	96,3%	3,7%
Ранг 6: <i>ми, ти₂</i> и прочие	269	91%	9%
Ранг 7: <i>ма, та</i> и прочие, кроме <i>са</i>	74	79%	21%
Ранг 7: <i>са</i>	196	64%	36%
Ранг 8: связки (1-го и 2-го лица)	269	84%	16%

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КЛИТИКАХ

Смысловые связи энклитик с другими словами

§ 1.36. Энклитики можно подразделять по двум разным признакам:

1) Синтаксический признак — противопоставление фразовых и локальных энклитик (§ 1.2).

2) Семантический признак — смысловая связь со сказуемым или с одним из остальных членов предложения.

Казалось бы, эти два признака должны давать одинаковое разбиение энклитик: фразовые энклитики связаны по смыслу со сказуемым, локальные — с другими членами предложения. В действительности, однако, это не всегда верно: часть фразовых энклитик (а именно, сильные энклитики) в смысловом отношении тяготеет не к сказуемому, а к тому члену предложения, который поставлен в начало фразы (как правило, это тема).

Тяготение сильных энклитик к начальному слову фразы находит свое выражение, в частности, в том, что они чаще прочих оказываются отчлененными, т. е. остаются при начальном слове левее барьера, отрываясь от основного блока энклитик. Более продвинутой ступенью этого тяготения состоит в том, что эти энклитики образуют устойчивые сочетания с рядом слов, часто выступающих в начальной позиции во фразе, например, *нынѣ же*, *пакы ли*. Наконец, последняя ступень на этом пути — превращение подобных устойчивых сочетаний в единые цельные слова, например, *уже* (из у 'уже' + *же*), *неужели* (из *не* + у + *же* + *ли*), *чтобы* и т. п.

Наиболее характерными в этом отношении являются энклитики *же* (противительное, причинное, усилительное) и *ли*. С точки зрения современного русского языка, они должны рассматриваться просто как подчиненные предшествующему слову; ср., например: *сам уехал, жену же оставил в Киеве*; *князя ли хотите убить?* Следует полагать, однако, что в древности такие фразы осмыслились несколько иначе — приблизительно так: 'он сам уехал; однако верно то, что он оставил жену в Киеве'; 'верно ли, что вы хотите убить именно князя (самого князя)?' При такой смысловой структуре *же* и *ли* в соответствующих древнерусских фразах относятся к фразе в целом и потому с полным основанием подчиняются закону Вакернагеля. Вот пример древнерусской фразы, где подобная смысловая структура выявляется с большей очевидностью: *къто ли не имѣеть коня, а въ лодыи* 'если же у кого-то нет коня, то в ладье [пусть идет в поход]'. Здесь *ли* явно относится по смыслу к сказуемому *не имѣеть*, а не к *къто*. В отличие от древнерусского, в современном языке, если во фразе с таким значением употреблено все же древнее *ли*, а не более обычное позднее *если*, допустима только постановка *ли* непосредственно при *не имеет* (например, *не имеет ли кто-то коня*), но никак не при *кто* или *кто-то*.

Самым наглядным примером такой эволюции может служить индоевропейское **ne* (с той лишь разницей, что оно дало в русском языке не энклитику, а проклитику). Так, санскритское *na* еще отчетливым образом относится к фразе в целом, а не к следующему слову, и по смыслу эквивалентно выражению 'неверно, что', например: *na tatra*

gacchasi (букв. 'не + туда + идешь') означает 'ты туда не идешь'; *na bhartṛhīnā vyavasāmi jīvitum* (букв. 'не + лишенная супруга + хочу + жить') означает 'лишенная супруга, я не хочу жить'. Остатки такого общезначения *не* отчетливо видны в древнерусском (например, *блюдыи, да не гладьмь и зимою оумреть* 'следя за тем, чтобы тот не умер от голода и холода' [Феод., 34г]) и сохраняются донныне в фольклорных фразах типа *Не сырой дуб к земле клонится*. Ныне же частица *не* отрицает уже не все высказывание, а только непосредственно следующее слово.

Следует предполагать, таким образом, что в ходе истории в подобных случаях происходило смысловое переподчинение энклитики. К сожалению, в общем случае у нас нет возможности установить, какую часть пути между древним осмыслением типа *хочете ли* и новым типа *князя ли* прошел автор конкретной фразы в конкретном памятнике. Ясно лишь, что этот переход не мог осуществиться скачком и, следовательно, существовала какая-то промежуточная фаза неопределенности или неустойчивости.

При этом, однако, прежний порядок слов обычно сохраняется даже и после изменения смысловых отношений. Например, *же* (противительное и т. п.) даже и в современном языке все еще в основном подчиняется закону Вакернагеля. Отсюда необходимость признать — в уточнение того, что сказано в § 1.2, — что закону Вакернагеля в некоторый период истории языка подчиняются не только те энклитики, которые с синхронической точки зрения относятся к сказуемому, но также и некоторые из тех, которые характеризовались этим свойством прежде, а к текущему моменту уже его утратили.

Появление нового правила расположения энклитик

§ 1.37. Уже в древнерусский период мы наблюдаем отдельные случаи, когда слабая энклитика вместо того, чтобы занять требуемую законом Вакернагеля позицию в начальной части фразы, располагается непосредственно после подчиняющей ее глагольной словоформы. Иначе говоря, слабые энклитики проявляют тенденцию к переходу от статуса фразовой энклитики к статусу локальной. Со временем эта тенденция постепенно приобретает характер нового (позднего) правила о месте энклитик, состоящего просто в том, что энклитика должна стоять непосредственно после подчиняющей ее словоформы. Это правило вступает в конкуренцию с прежним (древним) правилом, т. е. с законом Вакернагеля.

Что касается сильных энклитик, то их эта тенденция затрагивает лишь в незначительной степени; часть из них, прежде всего *же*, доживает до нашего времени, почти не изменив своего древнего способа размещения во фразе.

Новое правило расположения слабых энклитик заменяет собою древнее без какого-либо скачка или взрыва. Оно рождается в недрах древнего правила в виде все усиливающейся тенденции использовать все допускаемые этим древним правилом факультативные возможности для перемещения энклитики вправо и приближения к сказуемому. С формальной точки зрения, для получения того эффекта, который дает новое правило, достаточно в любой фразе с начальным сказуемым ставить перед этим сказуемым барьер; а это, строго го-

вора, допускается древним правилом (образуя его предельный случай). Разница лишь в том, что согласно древнему правилу такой барьер предполагает некоторое выделение стоящей перед сказуемым актантной группы, тогда как новое правило никакого выделения каких-либо групп уже не требует.

Поскольку вопрос о том, имел ли древний автор интенцию выделить тот или иной отрезок текста, в большинстве случаев неразрешим, мы многократно сталкиваемся при разборе конкретных фраз из древних памятников с такой ситуацией, когда постпозиция энклитики (прежде всего *са*) по отношению к глаголу может объясняться двояко: как эффект барьера, возникшего в силу выделения определенной группы, или просто как результат действия нового правила.

Дублирование энклитик, описанное в § 1.22, есть не что иное, как особое проявление взаимодействия двух правил, их конкуренции. Оно состоит в том, что применены одновременно и старое, и новое правило, в результате чего одна и та же энклитика выступает во фразе дважды. Например, во фразе *како са, ѡсподине, // нами своими хрестьяны // попечалишииса?* 310п первое *са* (после *како*) соответствует древнему правилу, а второе (в *попечалишииса*) — новому.

Новое правило распространяется с неодинаковой скоростью при разных грамматических формах сказуемого и в отношении разных энклитик. В частности, оно гораздо шире применяется при неличных формах, чем при личных, а из энклитик основной сферой его действия является энклитика *са*.

Так, при причастиях в членной форме и/или в косвенных падежах новое правило практически победило уже в древнерусский период. За исключением всего нескольких примеров то же верно для супина.

В сфере деепричастий новое правило безусловно преобладает над старым, но в древнерусский период его полная победа еще не достигнута.

Гораздо прочнее сохраняются позиции древнего правила в сфере инфинитивов. Здесь в части памятников древнее правило еще практически столь же актуально, как при личных формах.

Из всех энклитик быстрее всего переходит в сферу действия нового правила энклитика *са*. Это прозрачным образом связано с тем, что в смысловом отношении она объединяется с глаголом гораздо теснее, чем прочие энклитики. Понятно, что это то самое движение, которое в конечном счете привело к современному русскому состоянию.

Проклитики и вторичная проклиза

§ 1.38. Для понимания эффектов закона Вакернагеля необходимо прежде всего уметь правильно определять число и состав представленных во фразе тактовых групп. Для этого, в частности, необходимо знать, какие словоформы, предшествующие акцентно самостоятельному слову, могут объединяться с ним в единую тактовую группу.

Как мы уже знаем, в составе тактовой группы акцентно самостоятельному слову может предшествовать одна или несколько проклитик. Здесь следует различать:

а) собственно проклитики, которые всегда объединяются в акцентном отношении со следующим словом;

б) полупроклитики (§ 0.2) — слова, способные к вторичной проклизе, т. е. в нормальном случае полноударные, но в некоторых случаях все же объединяющиеся в акцентном отношении со следующим словом.

С исторической точки зрения, различие таково: собственно проклитики были проклитиками издревле, тогда как полупроклитики стали приобретать свойства проклитик относительно поздно и при этом не утратили своей способности функционировать также в качестве акцентно самостоятельных единиц.

Важнейшие полупроклитики таковы:

1) Местоименные энклиномены *язь* (*я, азь*), *ты, мы, вы* (И. падеж), *вѣ, ва* (И. падеж), *то* (местоимение), *что* (во всех синтаксических ролях), *къто, како, тако*; также *се* в функциях, в которых оно не является просто проклитикой.

2) Союзы *аже, ако, акы, али, аче, аще, ати* (*ать*), *зане, занеже, или, любо, оже, оти, поне, тоти, ци ли*; также *яко* в функциях, в которых оно не является просто проклитикой. В этой группе энклиноменами являются *ако, акы, аче, любо, оже, яко*; остальные представляют собой сросшиеся проклитико-энклитические группы, т. е. ортотонические единицы.

Напомним, что вторичная проклиза обозначается в настоящей книге знаком °.

В случае вторичной проклизы слово, обычно само по себе образующее тактовую группу, превращается, так сказать, в «просодический нуль» — оно включается в тактовую группу следующего полноударного слова и не играет более никакой самостоятельной просодической роли. Соответственно, энклитики ставятся уже не после него, а после этой объединенной тактовой группы, например: *а что° оумыслиль еси, а тое дѣи* [1172], 203 об.; *ты° мнѣ еси яко ѿць* [1151], 156; *ать° мы сѧ бьемъ сами съ Изаславомъ* [1153], 168; *или° возворотисѧ домовъ* [1185], 223 об.

Есть ли какая-нибудь разница по смыслу между фразой с вторичной проклизой начального слова, скажем, *а что° оумыслиль еси, а тое дѣи*, и такой же фразой без вторичной проклизы: *а что еси оумыслиль, а тое дѣи*? Установить это с полной достоверностью мы не можем. Но, судя по крайней мере по некоторым из подобных фраз, можно предполагать, что ослабление начального слова путем его вторичной проклизы ведет к переносу внимания на следующее за ним слово (в нашем примере *оумыслиль*); иначе говоря, в таких фразах оказывается выделенным по смыслу полноударное слово, стоящее после полупроклитики.

Вот некоторые примеры, про которые естественно предполагать, что в них имелся данный эффект, а именно, подчеркнутые слова воспринимались как выделенные по смыслу:

азь° Изаславъ есмь, кнзь вашъ [1151], 158 об. (слова Изяслава, лежащего раненым на поле битвы, киевским пехотинцам, не знавшим его в лицо и собиравшимся его убить);

я° не оуби(и)ца есмь брати своети [1150], 144 об.;

мы° гости есме твои [1150], 150 об. (слова венгров Изяславу);

реклъ бо еси: «ѡже ѡ слду въ Києву, то ѡ тебе надѣлю; пакы ли ты слдеши въ Києвѣ, то ты ме(не) надѣли»; ∇ нынѣ же // ты° сѣлъ еси ('и вот теперь ты сел'), *право ли криво ли, надѣли же мене* [1174], 204 об.;

ѡже° ѡцѣ та приобидиль и волости ти не даль, ѡзъ же та прияхъ въ правду [1149], 135 об./136;

зане° болень есми велми [1152], 162;

зане° ты еси старѣи на° Володимирихъ вноуцѣхъ ('ибо старший среди нас — ты') [1148], 134.

При отсутствии вторичной проклизы те же фразы, очевидно, воспринимались бы как лишенные специального выделения. Заметим, что в последнем примере было бы естественно в этом случае слово *ты* вообще опустить: *зане еси старѣи ...* (и фраза означала бы: 'ибо ты старший среди нас ...').

Здесь необходимо отметить одно важное обстоятельство, осложняющее анализ фраз рассматриваемого типа. Как легко заметить, на положение энклитик вторичная проклизы начального слова действует так же, как если бы после этого слова стоял барьер. Например, фраза *а азъ не радуюся ѡ погыбели его* ([1155], 175 об.) может быть интерпретирована двояко:

1) как *а азъ° не радуюся ѡ погыбели его* (с проклизированным *азъ*), что означает приблизительно: 'а я не радуюсь погыбели его (а наоборот, огорчаюсь)';

2) как *а азъ // не радуюся ѡ погыбели его* (с выделенным, подчеркнутым *азъ*), что означает приблизительно: 'а что касается меня (в отличие от кого-то еще), то я не радуюсь погыбели его'.

Иначе говоря, ослабление начального *азъ*, выражающееся в его вторичной проклизе, и, напротив, его усиление (подчеркивание), как это ни парадоксально, на положение энклитики влияют одинаково — и то и другое противопоставлено нейтральному полноударному *азъ*, которое дало бы *а азъ са не радую*.

К сожалению, для многих конкретных фраз невозможно с надежностью установить, какой из двух вариантов (° или //) реально имеет место. Примером может служить хотя бы сама рассмотренная фраза: мы не можем точно знать, мыслил ли ее автор слово *азъ* как чему-то противопоставленное.

Поскольку, однако, для нашего анализа существенно только размещение энклитик, мы имеем счастливую возможность не пытаться разрешить в каждом подобном случае эту трудную неформальную дилемму, а просто констатировать тот факт, что место энклитик указывает здесь либо на вторичную проклизу начального слова, либо на наличие барьера после него. Условимся отмечать такие случаи знаком / после начального слова, например: *а азъ / не радуюся ѡ погыбели его*.

Таким образом, ниже символ / означает: вторичная проклизы предшествующего слова или барьер после него (неизвестно, что именно). А его влияние на расположение энклитик — такое же, как у обычного барьера.

Этот же символ мы будем ставить там, где полупроклитика оказывается перед точкой, где по какой-либо причине должен быть поставлен барьер. Пример: во фразе *али чимо есемо виновата, а восоли отроко* 644 перед *чимо* в силу § 1.25, п. 4 должен стоять барьер; однако если слово *али* подверглось вторичной проклизе, то оно просто соединяется с *чимо* в единую тактовую группу. Поскольку мы не знаем, какой именно вариант здесь осуществился (*али //*

чимо ... или али^о чимо ...), мы записываем это как али / чимо ... Аналогично: аче / кдѣ на будеть мочно ѡбѣима ѣхати, а ѡба ѣдегѣ [1151], 152; или / како са еси не домыслилъ побѣдити ихъ ...? [1175], 208 об.; или / хто са будеть оу тыхъ людии жениль (ДДГ, № 3) и т. п.

Проклитико-энклитические комплексы и сращения

§ 1.39. С энклитики клауза начинаться не может; но если ей предшествует проклитика, то такое сочетание из энклитики и проклитики уже может стоять в начале клаузы. Например, начальное *же* или *бо* невозможно, но *да же* или *не бо* — вполне возможно.

Если клауза начинается с проклитики, положение имеющихся в клаузе энклитик может быть двояким:

1) эта проклитика соединяется в одну тактовую группу с последующим полноударным словом и, соответственно, блок энклитик следует за этим словом, например: *а даси ли, а даль ли еси, не даси бо, не даль бо еси*;

2) проклитика принимает на себя роль базиса, к которому непосредственно присоединяются энклитики, т. е. возникает проклитико-энклитический комплекс, например: *а ли (= али) даси, а ли еси даль, не бо даси, не бо еси даль*.

Нормальным является первый вариант. Второй вариант возможен лишь в некоторых специальных случаях, о которых будет сказано ниже.

Значительным сходством с проклитиками обладают полупроклитики. У них имеются в точности те же две возможности, только здесь соотношение нормы и исключения обратное, а именно, в нормальном случае они выступают в роли базиса (к которому непосредственно присоединяются энклитики), например: *ты ми еси рекль*.

И лишь в относительно редких случаях реализуется их способность к вторичной проклизе (т. е. способность соединиться в одну тактовую группу с последующим полноударным словом), например: *ты^о рекль ми еси* (где *ты рекль* — это единая тактовая группа).

Таким образом, в позиции начала фразы различие между проклитиками и полупроклитиками есть в сущности лишь вопрос количественных соотношений между двумя типами просодической реализации. (Качественное различие между этими двумя группами слов проявляется лишь в других позициях — в частности, собственно проклитики, в отличие от полупроклитик, не могут стоять в конце фразы.)

Можно предполагать, что первоначально фразы типа *не даль бо еси* и типа *не бо еси даль* (с проклитико-энклитическим комплексом) представляли собой два равно допустимых варианта, передающих один и тот же смысл. Но в древнерусском языке ситуация уже не такова. Здесь стала нормой модель *не даль бо еси*, а модель *не бо еси даль* сохранилась только для весьма ограниченного числа сочетаний конкретной проклитики с конкретной энклитикой, причем значение фразы в этом случае уже не совпадает с тем, что в основной модели.

Проклитико-энклитические комплексы развивают собственные значения, уже не равные сумме исходных значений, и постепенно превращаются в само-

стоятельные цельные слова. Разные единицы этой категории в разной степени продвинулись по этому пути.

В предельных случаях (например, *ать, тоть, или, ибо*) эта эволюция уже в древнерусский период завершилась и мы имеем дело со сращенными единицами, представляющими собой новые цельные слова. В ряде других случаев сращение произошло позднее; таковы, например, современные литературные или диалектные слова *даже, дабы, якобы, ажно, нольно* и многие другие.

Сращенные единицы могут быть также названы просто сращениями.

Разница между обычными и сращенными проклитико-энклитическими комплексами отчетливее всего проявляется при соединении их с другими энклитиками. Обычный проклитико-энклитический комплекс при наличии других энклитик просто расширяется за их счет; все энклитики стоят при этом в обычном порядке рангов. Ср., например, комплекс *да ми* и расширенные комплексы *да же ми, да же ми еси* и т. п.

Что же касается сращенного комплекса, то он выступает просто как базис для блока энклитик, сам в этом блок уже не входя. Тем самым правило рангов на него уже не распространяется. Например, во фразе *кѣже, // ать же поидемъ* ([1148], 135) сочетание *ать же* — это уже не единый проклитико-энклитический комплекс, а целое слово *ать* + энклитика. В самом деле, свободное сочетание *а + ти (ть)* (ранг 4) + *же* (ранг 1) было бы невозможно. Аналогично: *тѣть <тоть> ли еметь хытрити* (Неизв. кн., 45) — целое слово *тоть* + *ли* (тогда как *ть* — это ранг 4, а *ли* — ранг 2); *нѣсмъ ти ворожитъ, ни местъникъ* (Мономах, 84) — целое слово *нѣсмъ* + *ти* (*есмъ* — ранг 8, а *ти* — ранг 6).

Целостность сращенной единицы может проявиться также в ее способности к вторичной проклитизе. Например, во фразе *да или поѣдете борзо, ∇ или^о возворотиса домовъ* ([1185], 223 об.) слово *или* (сращение *и* и *ли*) ведет себя как единая проклитика (что видно из позиции *са*).

Следует учитывать, однако, что в ряде случаев (например, *не бо, да же, то же, да бы*) трудно провести границу между полным сращением и просто значительным продвижением в этом направлении; для проверки по указанным выше формальным различительным признакам далеко не всегда удается найти необходимый контрольный материал. Но для нужд описания приходится все же провести здесь некоторую условную границу.

Ниже как случаи полного сращения, достигнутого уже в древнерусский период, трактуются: *аже, али, ати* (*ать*), *абы* (= *а бы*; так же *абыхъ* и т. д.), *анъ* (*ано*), *или, ибо, инъ* (*ино*), *тоти* (*тоть*), *неже, нежели, небонъ, дати* (*дать*), *зане, поне*, помимо еще более старого сращения *нѣсмъ* (*нѣси* и т. д.).

Аналогичная проблема существует и для сочетаний акцентно самостоятельных слов с энклитиками. Здесь тоже имеется ряд сращений, например, *уже, ужели, неужели* (на базе древнего *у* 'уже'), *абыно* 'если, коль скоро' (на базе не засвидетельствованного в самостоятельном виде **абы*) и различные переходные случаи. Примером такого переходного случая может служить рассмотренный нами выше (§ 1.4, примеч.) сложный союз *аще ли*, который в одних случаях ведет себя как сращение (и тогда в сочетании с *же* дает *аще ли же*), а в других — как два отдельных слова (и тогда в сочетании с *же* дает *аще же ли*).

Примечание. Филологическая традиция записи древнерусских слов до некоторой степени отражает описанную здесь эволюцию, принимая слитное написание для одних единиц (например, *аже, али, ать, или, нежелли*), но раздельное для других (например, *не бо, да быхъ*). Но единства в этом вопросе нет, и для целого ряда таких единиц в разных работах или изданиях приняты разные написания (например, *даже* и *да же, ниже* и *ни же, тоже* и *то же, тотъ* и *то ть* и др.). Иногда один и тот же по происхождению комплекс записывают по-разному в зависимости от значения, например, *да же* 'если, если же', но *даже* 'даже', *то ти* 'это ведь' и *тоти* 'итак, итого'; и в некоторых случаях это действительно облегчает понимание. В настоящей книге мы применяем слитное или раздельное написание в основном по принципу «слитное для сращений, раздельное для прочих». Но мы не ставили перед собой трудноразрешимой задачи добиться в этом вопросе некоего идеального решения — для основной задачи настоящей книги в этом, к счастью, нет нужды; из прагматических соображений допущены единичные отклонения от указанного принципа. Соответственно, условимся просто не придавать орфографической стороне этого вопроса самостоятельного лингвистического значения.

Такая же проблема возникает при записи многих сочетаний полноударных слов с энклитическими частицами, например, *якоже* или *яко же, донѣже* или *донѣ же, ужели* или *уже ли* и т.п. Мы в меру возможного применяем к этим случаям тот же принцип.

§ 1.40. В приводимой ниже таблице показано, какие двучленные проклитико-энклитические комплексы реально встречаются в древнерусских памятниках. Обозначения:

- + — комплекс реально встречается;
- +* — комплекс реально встречается, причем он уже сросся в единое слово;
- — комплекс в обследованных нами памятниках не встретился;
- () — комплекс встретился (почти) исключительно в старославянских памятниках;
- 1×, 2× — комплекс встретился всего один раз (два раза).

Проклитико-энклитические комплексы

Прокли- тики	Энклитики							
	Сильные					Слабые		
	<i>же</i>	<i>ли</i>	<i>бо</i>	<i>ти</i> ₁	<i>бы</i>	<i>ми</i> и т.д.	<i>ма</i> и т.д.	<i>еси</i> и т.д.
<i>а</i>	+*	+*	1×	+*	+*	–	(+)	–
<i>и</i>	–	+*	+*	–	–	–	(+)	–
<i>нъ</i>	+	+	–	–	+	–	–	–
<i>то</i> (союз)	+	–	1×	+*	+	–	–	–
<i>ци</i>	1×	+	–	+	–	–	–	–
<i>не</i>	+*	+	+	–	+	–	–	+*: <i>нѣси</i>
<i>ни</i>	+	+	+	1×	1×	–	1×	–
<i>да</i>	+	(2×)	–	+*	+	+	+	–
<i>яко</i> (союз)	+	–	+	–	+	+	–	–
<i>се</i> (част.)	+	2×	+	1×	–	+	1×	+

В таблицу не включены (ввиду того, что встречаются слишком редко) проклитики *ти* и *та* (союзы) и энклитика *нъ*. Последняя дает проклитико-энклитические комплексы (сращенные) *анъ* (*ано*), *инъ* (*ино*), *небонъ*.

За рамками таблицы оставлены также предлоги. Их сочетаемость с энклитиками совершенно особая: они соединяются только с энклитиками ранга 7 (*за ма, про та, на ны, за са* и т.д.), и все эти соединения в просодическом отношении эквивалентны акцентно самостоятельным словоформам (см. § 1.10).

Не учитываются сочетания *а есть, и есть*, поскольку словоформа *есть* часто бывает полноударной. (О нескольких фразах с сочетаниями *а еси, а есте, и еста, да еси, не бо еси*, которые по разным причинам не могут трактоваться как проклитико-энклитические комплексы, см. § 5.4.)

Из таблицы видно, что проклитико-энклитические комплексы строятся, за немногими исключениями, на основе сильных энклитик. Причина здесь, очевидно, в том, что сильные энклитики — древние, а слабые стали энклитиками относительно поздно, когда просодический механизм, позволявший любой проклитике соединиться в комплекс с любой энклитикой, уже не действовал.

Немногочисленные комплексы со слабой энклитикой возникли по различным индивидуальным причинам. Так, *нѣсмь, нѣси, нѣсть* — это сращения глубочайшей древности, когда еще действовало правило $e + e \rightarrow \bar{e}$ (и когда *есмь, еси* и т.д., вероятно, еще не были энклитиками); к интересующему нас просодическому механизму они фактически не имеют отношения. Что касается *нако* и *се*, то это словоформы, которые могут функционировать и как проклитики, и как энклиномены; следует полагать, что именно параллельный энклиноменный статус позволил им соединяться со слабыми энклитиками. Наконец, *да* — это клитика с совершенно особыми свойствами (см. об этом § 0.2, 1.14), так что мы имеем здесь дело с еще одной особенностью, отличающей ее от обычных проклитик.

§ 1.41. Сращенные комплексы (см. список в § 1.39) в большинстве своем широко представлены в текстах. Выше уже были приведены примеры *кѣже, // ать же поидемъ; т(о)ть ли еметъ хытрити* и др., где сам порядок энклитик показывает, что *ать, тотъ* и т.п. — это целостные единицы.

Вот еще некоторые примеры фраз со сращенными комплексами:

али ти [не д]ѣлаета, а наеми въ на наимито ‘если же они (родители) [уже] не могут трудиться, то найми для них работника’ 893 (*ти* — частица);

поидите со мною, ∇ ать ми са добро с ними ω^(т) силы мирити [1149], 137 об./138;

а Кѣзеке соци, абы (= а бы) не истьрале кѣно 163;

абыхомъ са оуладили [1148], 133;

тоти оуже еси съступилъ крѣтьного цѣлованиа [1152], 166;

луче бо ми было с тобою жити, ∇ неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмъ (ПВЛ, 46 об.);

а намъ лучьше въ чюжю голову, ∇ нежели въ свою [1169], 191 об.;

куды грамота поведе, ∇ датъ ми розумно ‘чтобы мне было понятно, куда поведет [купчая] грамота’ 53п.

Пример книжного сращенного комплекса: *ibò pʙʰ твоя явлѣна та твори^Т* (Чуд., 156).

Свободные (т. е. не сращенные) проклитико-энклитические комплексы полезно проиллюстрировать полнее (примеры сгруппированы по двучленным «ядерным частям» таких комплексов; особое внимание уделено примерам, где комплекс не ограничен своей «ядерной частью»):

а ма, а са, и ма — реликты, о которых см. § 1.10;

нъ же (но же) — *ѡче, д(об)ро блшеть тишина, ∇ но же са оуже не годило* [1180], 216 об.; *не избираша сего людѣ землѣ нашѣѣ, ∇ но же еси поставилъ* [1183], 220 об.; *брате и сѣноу, много ти есмь добра творилъ <...>, ∇ но же еси оумислилъ на ма зло* [1180], 217 об.

нъ ли (но ли) — *но ли къ старости, то же са постригоу, но ли боудоу лouchи тѣгда; но хоудъ ксмъ и болень* (Вопрош. Кирик., ст. 6);

нъ бы (но бы) и т. д. (редко) — *но быхъ хотѣлъ, да быша были такы слезы нѣкому хрестѣяну* (ЖАЮ, 29а);

то же 'то, в таком случае' (не смешивать с *то же* 'то же самое') — *а до[вѣ-д]ок[а] бѣд[е], ∇ то же нынеца радъ быхъ послале [грам]о[тѣ]* 724; *ажь ны еси вмѣнилъ Киевъ, ∇ то же ны его блюсти подъ тобою* [1195], 237 об.; *а се другага рать перед нами Гюрги, ∇ то же того съждемъ* [1150], 150; *а как мѣсацъ изоидеть, ∇ то же са воевати* (ГВНП, № 70, 1440–47 гг.);

то бо (редко) — *но Бѣ рад(и) въсхоцетъ мира, ∇ то бо съблюдаеть землю Роусьскою* [1139], 112 (то — союз);

ци же (редко) — с предшествующим *а*: *а ци же и сами бысте сквѣрни* (Ипат. [1074], 72 об.);

ци ли — *оурадил[о] ли са со тобою, ∇ ци ли не оурадил[о]са* 344п; *сде ли хочемъ стояти, ∇ ци ли быхомъ и еше своего труда не праваче сеѣ ночи поѣхали* [1150], 150.

ци ти (где *ти* — частица) — *ци ти пѣцьне князь кѣпѣцѣ надѣливати* 794; также с предшествующим *а*: *а ци ти присъле къ тѣбѣ* 794;

не ли — *твоя ли соу твари, ∇ а не ли старица паче оноя?* (Изб. 1073, 203а); *лѣ иудѣемъ Бѣ токмо, ∇ а не лѣ и нзыкомъ* (Чуд., 100г);

не бо — *не бо рачить видѣти кого* (Феод., 32б); *в безумикъ впаде, ∇ не бо смыслаше Хста суца двѣгубъ и Бѣ и члѣвка, но кдиногубъ суца мнѣвъ* (ЖАЮ, 57г); *не бѣ добрѣ взати хлѣба оу ча^П и повреци^М* (Чуд., 20а);

не бы — *аще бо бы перевозникъ Кию, ∇ то не бы ходилъ Црюгороду* (ПВЛ, 4);

ни же — *дер'зай же, не боиса, ∇ ни же да страишса срѣце твое* (ЖАЮ, С31 об./32); *і слышаще не слыша^Т, ∇ ни же разѣмѣю^Т* (Чуд., 8б);

ни ли — *ѣла томоу блаженныи: ∇ ни ли мало имаши?* (Феод., 53г); *ни ли боиши^С ты Бѣ* (Чуд., 40б);

ни бо — *приѣхавъ и съѣде съ коня, ∇ ни бо николи же ѣха на дворъ мана-стырьскыи* (Феод., 40б); *ни бѣ обрѣзании сами зако^Н храна^Т* (Чуд., 124б);

ни ти (где *ти* — частица; редко) — *Петрови же не вѣдуцию кнѣжѣ смрѣти, ∇ ни тѣ ему дѣтскыи не повѣдѣ* (Киев. лет. [1152], 166 об.; *тѣ < ти*);

ни бы (редко) — *да аще бы не сътворилоса се, како бы жена изъбыласа ѡ бѣды своеня, како быша враны и гады измерьли, ∇ ни бы кфиопъ онъ приклѣ-ценъ* (ЖАЮ, 44б);

да же — *да же ти ми боудете дѣбр[о]* Смол. 12; *да же еси тими коунами не исполнила* 711п; *да же ти вѣдалъ* 682; *да же ма постигнетъ Володимеръ съ сѣми* [1150], 149; *да же ны Бѣ поможеть* [1151], 155; *да же бы была рать, билиса быхо^м* [1185], 225 об.; *да жь еси рекль* [1151], 155 об.;

да ли (старослав., редко) — *еда приходитъ свѣтильникъ, да подь спждомъ положенъ бждеть, ли подь одромъ, ∇ не да ли на свѣитъникъ възл{л}ожаты и* (Мар., Мр. 4.21); *да бы тѣчьж кымъ избыти кмоу зѣла, ∇ да ли о плть-нѣѣмъ оучиѣник, а о доуховнѣѣмъ безаконик* (Супр., III-47);

да бы — *съ слъзами молъа съ кмоу, ∇ да бы оу него былъ* (Феод., 31б); *боѣса, ∇ да бы са не осквернила оуность кго* (ЖАЮ, 45г); *инога не хоцю ничего же, гѣне мои, ∇ нъ да бы са оставилъ ѿ лихаго дѣянъа мужь мои* (ЖАЮ, 41в);

да ми и т.д. — *да послалъ еси доброга своего аггла, ∇ да ми слѣжить* (ЖАЮ, С34); *да ми повѣси повчение стго ѿ дѣахъ* (ЖАЮ, С109); *но поими кгоже хоцещи, ∇ да ти поможеть* (ПВЛ, 70); *изведи ми, старьче, сна можго, ∇ да си кго вижю* (Феод., 32в);

да ма и т.д. — *Юсифанъ повелѣлъ ксть бѣдници сеи, ∇ да ма оужежеть велми* (ЖАЮ, 43в); *что ти бы, ∇ да са кси тако възмутилъ?* (ЖАЮ, 47в); *она же и тамо иде, ∇ да и тамо обръацеть* (Феод., 32а);

ѣко же — *цѣлую к вама крѣтъ и къ кнагини ваиеи, ∇ ѣко же ми на ва^с не позрѣти лихомъ* [1171], 195/об.;

ѣко бо — *и оуклонѣшася, ∇ ѣко бо са сматѣша прѣви плѣци* (Флав., 410г);

ѣко бы — *а которѣи // ѣко бѣ са приложилъ къ вѣмъ* (Флав., 460г);

ѣко ми и т.д. — *но на то^м цѣлуи хрѣтъ, ∇ ѣко ти в томъ въ всемъ оустояти* [1151], 160;

се же — *ты ес(и) намъ хрѣтъ цѣловаль, ако ти поити с нами (на) Изаслава, ∇ се же еси не пошелъ* [1148], 132 об.;

се ли (редко) — *се [ли не] ѣдасте, да со изросты водасте* 483п; *се ли не уцините исправѣ в тѣи срокъ, по хрестъному целованью, вамъ ти на себе жялоба* (ГВНП, № 44, 1373 г.);

се бо — *ли с моремъ кто свѣтенъ, ∇ се бо не по земли ходимъ, но по глуби-нѣ морьстѣи* (ПВЛ, 11); *се бо ны са по дань ѣли* (ПВЛ, 22); *се бо // сиѣ ти приведохъ* (Феод., 27в);

се ти (где ти — частица; редко) — *а се ти хочоу, коне коупивъ и кънажъ моужъ вѣсадивъ, та на съводы* 109; *а се ти са Романъ бродить, а ѿсуда Двѣдъ* [1167], 188;

се ми и т.д. — *се ми здѣ близъ мене сѣнъ мои Шварно* (Гал.-Волын. [1268], 288); *се ти пуцаю полкъ своѣа* [1149], 140; *се ва ѿставляю Къстажжа моужа своего* [1146], 121;

се са (редко) — *се са оуже тако створило, кназь нашъ оубьенъ* [1175], 209 об.;

се есмь и т.д. — *се еси вѣдале землю н[а](мъ)* 850; *се есме слы[шали]* 870; *се есмь съ брагю своєю сгадалъ* [1147], 126 об.; *се есмы поуть замыслили великъ* [1147], 127; *се есвѣ оугадала тако* [1149], 137 об.

См., кроме того, примеры проклитико-энклитических комплексов с участием энклитики *нъ* (*но*) в § 1.13.

Следует отметить, что значительная часть приведенных комплексов (в частности, *не ли, не бо, ни же, ни ли, ни бо, ни бы, да ли, да бы, да ми, да са*) употребительна только в книжных текстах, а в народных не встречается. Те комплексы, которые встретились в нашем материале в народных текстах, проиллюстрированы выше примерами именно из таких текстов.

Энклитика после неодночленной актантной группы

§ 1.42. По точному смыслу закона Вакернагеля энклитика не может стоять непосредственно после начальной неодночленной актантной группы. То же верно и для нена начальной неодночленной актантной группы, поскольку энклитика могла бы оказаться непосредственно после такой группы только в случае, если бы на одно слово левее ее (следовательно, внутри этой актантной группы) проходил ритмико-синтаксический барьер; но, как указано в § 1.26, такой барьер внутри актантной группы стоять не может.

Данное ограничение теряет силу только в том случае, если члены актантной группы подвергаются просодическому объединению (см. § 0.3). Частным случаем просодического объединения является вторичная проклиза (§ 0.2).

К сожалению, мы не располагаем средствами, чтобы надежно выявить каждый случай просодического объединения. Иногда нам помогает в этом современный язык — если в нем сохранилось соответствующее сочетание и оно имеет единое ударение. Таковы, например: *спасібо, сегóдня, Нóвгород, Бéлгород, нé на чем, нé на кого, нéту, покáмест* и т. п. — во всех этих случаях исходным было сочетание акцентно самостоятельных словоформ (*сѣпаси Богъ, сего дьне* и т. д., см. § 0.3); особенно активно этот эффект проявляется в сфере составных числительных, например: *полторá, одíннадцатъ, двенáдцатъ, двáдцатъ, пятьдесят, сéмьдесят, двéсти, трíста, пятьсóт* и т. п. В ряде случаев просодическое объединение засвидетельствовано в говорах или в старорусских акцентуированных рукописях, например, *двá года, трí года, в тѣ поры, в ту пору, оно́мдни (номéдни, намéдни), оногóдни, обáполь (обáпол)* и т. п.

Когда мы имеем дело с неакцентуированной рукописью, просодическое объединение может проявиться только в том, что рассматриваемое словосочетание оказывает такое же влияние на расположение энклитик, как единое слово (как это можно видеть на примерах, приводимых ниже).

Понятно, однако, что в конкретной фразе то или иное расположение энклитик часто допускает не одно, а два или более различных объяснения. Поэтому вопрос о том, произошло ли в интересующей нас фразе просодическое объединение, обычно решается лишь с той или иной степенью предположительности.

Так, практически надежным (ввиду показаний современного языка) представляется признание просодических объединений, например, во фразах (для наглядности здесь и ниже подчеркиваем неодночленную актантную группу, при которой оказывается энклитика):

берестяные грамоты — *н(ѣ) на цеме са кормити* 765п;

а жеребѣа // н(ѣ) тоу тѣ ни коунамъ ни верши 322п;

Супр. — *то како без можего повелѣннѣа // три на десѣте кси позъваль* 62.

Вполне можно предполагать просодическое объединение также в ряде случаев, где в составе тяжелой группы имеется энклиномен (скажем, *что, дѡва, три, пать, день, сынъ, друзи, дѡла*), например:

Киев-Д — *брате, // что дѡла еси приѡхаль?* [1169], 191.

ЖАЮ — *да сего дѡла есмь се повѡдалъ* С161 (в редакции В);

и ркѡтъ тогда жидове, ∇ яко «того дѡла са есмь съблзнили» С165;

яко въ нже дѡнь ма кси видиль и зла^т раздають еси 34б/в.

Мар. — *Гѡ, // пать талантъ ми еси прѡдалъ* (Мт. 25.20);

Гѡ, // (дѡва) таланта ми еси прѡдалъ (Мт. 25.22);

рече бо, ∇ ѡко Бѡжи сѡнь есмь (Мт. 27.43);

аште сѡнь Бѡжи еси, ∇ сълѡзи съ крѡта (Мт. 27.40);

вы друзи мои есте, ∇ аште творите елико азъ заповѡдаж вамъ (Ио. 15.14).

Добавим сюда часто встречающуюся цитату из Псалтири (пс. 2.7), которая, например, в ПВЛ, 34 выглядит так: *сѡнь мои еси ты, азъ дн(е)сь родихъ та* (ср. ту же фразу в Чуд., см. § 5.2, пункт «а»).

Далее, допустимо предполагать такое же объединение в отдельных сочетаниях с участием ортотонических местоимений или числительных, в частности:

ЖАЮ — *ось чать кси принесъ из дому* 10г;

кымъ образомъ кси стажаль и собѡ кси створиль пагубу 33а;

яко хлапъ // симъ образомъ са ксть прѡмѡнилъ 17а;

прѡтъ его еси испровергъль С25.

НПЛ — *брат(а) мою ксте 2 княза повесили вы въ Галици яко злодѡя* 78 об.

Феод. — *тѡмъ же сѡмѡряше сѡ, ∇ мѡнии всѡхъ сѡ творѡ и всѡмъ слоужа* 36г.

Усп. сб. — *яго же нашъ оумъ са не можетъ домыслити* 281б.

В случаях, когда просодического объединения не было, запрет на постановку энклитики непосредственно после неодночленной актантной группы соблюдается в памятниках некнижного характера весьма жестко. В частности, в образцовых памятниках нет ни одного надежного примера его нарушения; два-три случая, где можно было бы подозревать такое нарушение, допускают другие объяснения.

Это ограничение остается в полной силе, в частности, и для такой народной энклитики более позднего времени, как *дѡи* (*дѡ*). В памятниках XVI–XVIII вв. примеров с этой энклитикой чрезвычайно много, и при соединении с неодночленной актантной группой она всегда вклинивается внутрь этой группы, а не ставится после нее (примеры см. в § 1.15).

Между тем в памятниках книжного характера изредка встречаются примеры прямого нарушения данного правила, т. е. фразы с энклитикой непосредственно после неодночленной актантной группы, причем такой, где нет оснований предполагать просодическое объединение. Энклитика в этих случаях может быть только слабой.

Такие нарушения мы находим прежде всего в старославянских памятниках. Примеры:

Мар. — *боѡахъ бо са тебе, ∇ ѡко члѡкъ ѡръ еси* (Лк. 19.21);

ѡлите, ∇ ѡко раби недостоини есмь (Лк. 17.10);

о семь разоумѣютьъ вси, ∇ ꙗко мои оученици есте (Ио. 13.35).

изиди отъ мене, ∇ ꙗко мѣжъ грѣшенъ есмь, Гї (Лк. 5.8);

отъвѣшаташа емоу иудеи: ∇ сѣма Аврамле есмь (Ио. 8.33);

вѣмь, ∇ ꙗко сѣма Аврамле есте (Ио. 8.37).

Супр. — *не въ кд'номъ мѣстѣ са затворыше* 48 об.;

застѣл'никъ мои кси ты 35 об.;

прилучаю же не имамъ, ∇ нъ раби Гни ксмъ 51 об.;

рѣхъ ти оубо, ∇ ꙗко Хсовъ робъ ксмъ 54 об.;

великааго Хса, ∇ ꙗкоже воини ксмъ мы II–16.

То же с тяжелой группой в ненадлежащей позиции:

Мар. — *вѣдѣаше, ∇ ꙗко азъ члвкъ ѣръ есмь* (Лк. 19.22).

Супр. — *въ нхъже велить намъ // томоу кд'ному са кланѣти* 64;

азъ Пионова сестра ксмъ 71;

Гї, ты моѣ прибѣжиште кси 117 об.;

и азъ бо робъ того ксмъ II–2.

В древнерусской зоне такие нарушения встречаются в памятниках, обладающих большей или меньшей степени книжными чертами. Больше всего их обнаружено в Житии Андрея Юродивого, которое хотя и сближается в ряде отношений с не книжными источниками, в данном пункте ведет себя подобно старославянским текстам.

Примеры из этого памятника (почти полный список)²⁴:

с энклитикой са —

и в болюю печаль са еси вложилъ С172;

сѣде на земли, обнажено имѣя тѣло, ∇ платомъ лихомъ са закрывъ 26б;

ꙗко тебе дѣла // велика печаль ми са ксть створила 32г;

да тѣмъ путемъ // великъ скрежетъ са творить 53б;

также с разделением энклитик:

сему ли вкушению са кси оудивиль? 7б (см. подробнее о структуре этой и подобных ей фраз в § 5.4);

тѣмъ бо образомъ са явилъ, ꙗкоже старыи синець 5а;

с прочими энклитиками —

колики бѣды ми показа бреч(е)ныи С26 об.;

многы блгодѣти ми кси долженъ, гнъ великыи 34б;

и гроза велика ма обиде доселѣ С31;

си же, о чадо, // наказанья дѣла твоѣго ксмъ рекль 49б;

и т(ы) бо самъ // видимъ дороподъ кси и змии, и ищадикъ кхидново 30в.

В других древнерусских памятниках такие примеры крайне редки. Вот некоторые из них:

²⁴ Во фразе *и многа добра // причастника та съворю* 'и к большому благу сделаю тебя причастным' (ЖАЮ, 4) несомненно присутствует барьер после *добра*, которым и определяется место энклитики *та*. Составляющая *многа добра*, подчиненная не сказуемому, а слову *причастника*, здесь дает такой же эффект, как актантная группа. Этот случай в сущности не содержит никакой аномалии; но он весьма редок, поэтому мы предпочли не осложнять из-за него предложенную в § 0.6 общую схему.

того бо дѣльма бѣахоу мирьскихъ красотъ са ѿвѣрьгли (Усп. сб., 193а);
иже и присно теплъ на вѣроу са обрѣте (Усп. сб., 205в);
вѣдите, ∇ яко близъ владыкы нѣсънааго ми соуцю (Феод., 63г);
противословьк самодержьца и непокорива кажетъ члѣвка, ∇ аще° и въ об-
разѣ съмѣренѣ са творить (Пчела, 428);

более сложный пример: *сѣвршениѣ же злѣ ми оужаетъ ся* (Феод., 33б); та же структура, что во фразе из ЖАЮ *сему ли вкушению са ꙗси оудивиль*, о которой см. выше).

В памятниках некнижного характера нарушений данного типа почти нет. Можно указать лишь один относительно поздний пример: *ино° 70 городовъ ся розвалило* (Афан. Ник., Троицк. 371 об.). О фразе *ѧ не Оугринъ ни Лахъ, ∇ но ѡдиноаго дѣда есмы внуци* ([1172], 205) см. § 5.4.

Каковы источники нарушений данного рода?

Прежде всего, следует учитывать возможность простой перестановки слов при переписке. Например, в Синод. НПЛ есть фразы с нарушениями рассматриваемого типа: *а зла до васъ ꙗкъ не мыслить никотораго же* [1228], 105; *а брат(ь)ю свою ꙗкъ казнили* [1228], 107 об.; *тои ж(е) осени // мног(о) зла са створи* [1215], 81. Однако в младшем изводе этих нарушений нет — энклитики стоят на своем законном месте (цитируем по Академическому списку): *а зла есмь до васъ не мыслить никоего же; а братию есмя свою казнили; тои же осени // много ся зла сътвори*. Тем самым есть все основания полагать, что в Синод. НПЛ мы имеем дело с простой ошибкой переписчика. Вполне вероятна такая же ошибка во фразе *и то все ся дѣяло в дому Иоанна Богословца* (Дан.): ср. в том же тексте правильное *все ся то дѣяло в дому Иосифовѣ обрученика Мариина*. Понятно, однако, что объяснить таким образом можно лишь некоторую часть примеров.

В отдельных случаях причина может быть связана со значением самой энклитики; в частности, *есмь*, *еси* и т. д., даже выступая в роли связки, могут иногда трактоваться как приближающиеся по значению к 'пребывать, находиться' и тогда вести себя как полноударные словоформы (см. § 5.4).

Но все же самым существенным для объяснения рассматриваемого эффекта (т. е. постановки энклитики после неодночленной группы), более важным, чем все эти частные факторы, следует признать то обстоятельство, что данный эффект представлен практически только в книжных памятниках. Тем самым его естественно истолковывать как одно из следствий пословного чтения, при котором либо энклитика просто становится полноударной, либо стоящее перед ней слово отрывается при чтении от предшествующего (несмотря на синтаксическую связь между ними), после чего энклитика оказывается уже в «законной» роли добавления к одному слову, а не к группе.

Отметим, что в современных западно- и южнославянских языках нет запрета на постановку энклитики непосредственно после неодночленной актантной группы. Вот несколько иллюстраций:

польск. *mój biedny brat się męczy* 'мой бедный брат мучается';

чешск. *dobrý voják Švejk se však nebál* 'однако хороший солдат Швейк не боялся';

словацк. *mravenec lesní se živi hmyzem* ‘лесной муравей питается насекомыми’;

болгарск. *в долния край на тази страница се е намирала някаква приписка* ‘на нижнем краю этой страницы находилась некая приписка’.

словенск. *iz velikih vrat se je usulo vse polno študentov* ‘из больших дверей высыпало множество студентов’;

сербск. *српски народ се у то могао уверити и без стихова из Курана* ‘сербский народ мог в этом убедиться и без стихов из Корана’ (но следует отметить, что в сербском фразы этого рода все же представляют собой лишь сравнительно редкие исключения из общего правила, требующего постановки энклитики после одной, а не двух полноударных словоформ).

Предполагать наличие ритмико-синтаксического барьера на одно слово левее такого *se* (*się*) нет никаких оснований. Не происходит здесь и просодического объединения членов начальной актантной группы. Следует просто констатировать в таких случаях прекращение действия закона Вакернагеля в его чистой форме: *se* здесь стоит в новой позиции, в древности для него запрещенной.

Таким образом, в данном пункте древнерусский более полно сохранил черты древнейшей системы, чем современные живые языки.

Замечания о локальных энклитиках

§ 1.43. Настоящая книга посвящена прежде всего изучению древнерусских фразовых энклитик, для которых характерен сложный механизм функционирования и размещения во фразе. По сравнению с ними локальные энклитики, которые ставятся просто непосредственно после подчиняющего слова, представляют собой гораздо более простой синтаксический объект. Поэтому мы можем здесь ограничиться лишь некоторыми замечаниями по их поводу.

Основные локальные энклитики древнерусского языка — это, во-первых, отождествительное *же* (и *же*, входящее в состав отрицательных местоимений), во-вторых, энклитики *же*, *то*, *се*, *нъ* в роли релятивизаторов (т. е. превращающие вопросительные местоименные слова в относительные или отсекающие все значения, кроме относительного, у слов, уже имеющих в числе прочего относительное значение; см. об этом Зализняк 1981). В качестве локальных энклитик функционируют также *ми*, *ти*, *си* в притяжательном значении (‘мой’, ‘твой’, ‘свой’; см. об этом § 1.9).

Понятно, что локальные энклитики не подчиняются закону Вакернагеля. Например, во фразе *и не посла къ городуу никого же* (Киев. лет. [1140], 113 об.) локальное *же* стоит в позиции, полностью запрещенной для фразовых энклитик (а именно, в дистантной постпозиции к сказуемому, будучи отделено от него полноударными словоформами).

Реально, однако, мы нередко находим локальные энклитики в той же позиции, которая ожидалась бы по этому закону, — просто потому, что подчиняющее их слово часто стоит в начале клаузы. Это в особенности касается релятивизаторов: они стоят при относительных местоимениях, а для таковых нормально именно начальное положение в клаузе. Ср., например:

зане принуди ма сн̄ъ твои, ꙗкоже ꙗси хрстиль, ∇ иже то сѣдитъ близъ тебе (Мономах, 83 об.; иже то — ‘который’, с релятивизатором то);

такъ право есть, ∇ ако то и молвиши [1151], 156 (ако то — ‘как’, с релятивизатором то);

и сбиша Оугры акы в маць, ∇ ꙗко се соколь сбивають галицѣ (ПВЛ, 91 об.; ꙗко се — ‘как’, с релятивизатором се).

Тем самым вполне возможным оказывается непосредственное соприкосновение локальных и фразовых энклитик. В таких случаях блок фразовых энклитик стоит после локальной энклитики (т. е. локальная энклитика сохраняет свое место непосредственно после подчиняющего слова). Примеры:

ако то ся суть воротили, поѣдемы по нихъ [1151], 156 об.;

и се слышавъ Всеволодъ, не попусти сн̄а своего Ст̄ослава, ни моужии новгородьскыхъ, ∇ иже то бы привель к собѣ (Киев. лет. [1140], 114).

Редкий пример контакта двух разных же — локального и фразового:

имуть же тогда ан̄гли велику печаль, чающе бл̄женаго ѿвѣта, тако же же и б̄си, чающе погыб̄льнаго ѿвѣта (Нифонт, 17; подчеркнуто локальное же — отождествительное).

Глава вторая

**НАРОДНОЕ И КНИЖНОЕ
В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ**

§ 2.1. Наблюдение над поведением энклитик в древнерусских памятниках показывает, что в этом отношении памятники далеко не одинаковы: одни хорошо соблюдают закон Вакернагеля для всех фразовых энклитик, другие же хорошо соблюдают его в отношении сильных энклитик, но довольно плохо в отношении слабых.

Это различие определяется в первую очередь не хронологией, а принадлежностью (точнее, степенью близости) к народному (иначе некнижному) или к книжному типу.

В раннедревнерусский период в отношении энклитик максимальную близость к народному типу обнаруживают памятники, названные выше образцовыми, — ранние берестяные грамоты и прямая речь в Киевской летописи по Ипат. (Киев-Д). Для книжного типа в качестве характерного примера можно взять Житие Феодосия.

Тем самым в вопросе о поведении энклитик выделяются как бы два полюса. Прочие памятники располагаются на этой шкале на том или ином удалении от этих полюсов.

Следует учитывать, однако, что противопоставление «народное – книжное» имеет точный смысл лишь когда речь идет о вполне определенном аспекте языка памятника, например, о способе выражения прошедшего времени или о поведении энклитик. Лишь в предельных случаях все аспекты языка получают одну и ту же оценку на шкале «народное – книжное»; например, берестяные грамоты, по-видимому, во всех отношениях будут оценены как народный источник. Во многих памятниках одни элементы системы носят книжный характер, другие — близкий к некнижному. Поэтому один и тот же памятник может по одним параметрам попасть в книжную категорию, по другим — в некнижную.

Ярким примером может служить Житие Андрея Юродивого. В этом памятнике полностью реализованы такие важнейшие книжные черты, как последовательное употребление аориста и имперфекта, неповторение предлога в сочетаниях с приложением или определением, оборот *dativus absolutus* и другие. Но в то же время в большинстве пунктов, относящихся к поведению энклитик (хотя все же не во всех), этот памятник фактически следует народному, а не книжному узусу.

По-видимому, причина здесь в том, что многие авторы и переводчики осознали и соблюдали лишь некоторые элементы книжности (не обязательно одни и те же у разных авторов); другие же элементы они не считали для себя

обязательными или просто их не чувствовали, и в этих точках системы вместо книжных форм и конструкций в их сочинениях или переводах выступали такие, которые свойственны живому языку.

Сказанное относится к памятникам русского происхождения. Однако аналогичная картина представлена также и в памятниках старославянского происхождения; и ниже в нашем анализе мы в ряде случаев обращаемся и к ним. Но все же основной интерес для нас представляют именно памятники, созданные или переведенные на Руси.

В части памятников могут быть выделены как бы два слоя — более книжный и более народный. Для нашего анализа полезно рассматривать в таких случаях эти два компонента текста отдельно — по крайней мере там, где разделение текста на компоненты оказывается не слишком дробным и может быть указано относительно точно.

Общее правило состоит здесь в том, что из основного текста памятника при анализе должны быть исключены цитаты из Псалтири и Евангелия. Все они принадлежат книжному компоненту, и в них поведение энклитик может резко отличаться от того, которое представлено в основном тексте памятника. Например, в «Поучении» Мономаха необходимо исключить из рассмотрения целый большой раздел, который почти целиком состоит из цитат из Псалтири.

Укажем то разделение на два компонента (слегка огрубленное во избежание чрезмерной дробности), на которое мы опираемся в настоящей книге, для нескольких важных для нашего исследования памятников.

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Книжный компонент (условное обозначение: Афан. Ник. II) состоит из следующих отрезков:

1) От начала (*Се написах свое грѣшное хождение за три моря*) до *И оттуду поидох, с Углека* (442 об.).

2) От *Приидох же в Бедерь о заговейнѣ о Филипѣ ис Кулонгѣря* до *Там же поидох съ индѣяны да будутханы мѣсяць* (текст читается только в Троицком списке, л. 377–377 об.).

3) От *О благовѣрнии русстии крестьяне!* (452) до *Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя, Господи Боже мой* (452 об.).

4) Одна фраза: *Господи боже мой! На тя уповах, спаси мя, Господи!* (454).

5) Маленький отрезок (456): от *В пятый же Велик день възмыслихся на Русь* до *и розговѣхся с ними*.

6) От *А отъ Кельбергу поидох до Кулури* (456 об.) до конца текста (458 об.). Но внутри этого пассажа имеются маленькие вкрапления основного компонента: а) от *А на турскаго послал рати двора своего 40 тысяч* до *а из Орцыцана пошол есми в Трепизон*; б) от *Хлам мой весь к себе възнесли в город на гору* до *что есми пришол из орды Асанбега*.

Остальная часть текста «Хожения» (за исключением вводной статьи, принадлежащей не Афанасию Никитину, а переписчику, которая вообще не учитывается) составляет его некнижный компонент (обозначение: Афан. Ник. I).

Послания Ивана Грозного.

Некнижный компонент (обозначение: Ив. Грозн. I) — послания королеве Елизавете, королю Юхану III, Василию Грязному (1568–1574 гг.).

Книжный компонент (обозначение: Ив. Грозн. II)— письмо в Белозерский монастырь (1573 г.).

«Житие» Аввакума (по Пустозерскому сборнику).

Книжный компонент (обозначение: Аввакум II) состоит из следующих отрезков:

1) Л. 4 – 12 об. (богословское вступление).

2) Л. 108 об. – 111 (первые две строки, кончая *веселящаяся, торжествуем*) («О сложении перст»).

3) Цитаты из церковных текстов, а также молитвы, обращения к Богу, речи ангела, грамота к царю; кроме того, формулы «Бог простит, -ил», «Прости, -ите», «О имени Господни повелеваю», «Именем Господним запрещаю».

Остальная часть текста «Жития» составляет его некнижный компонент (обозначение: Аввакум I).

Сходный характер носит и указанное в § 1.1 разделение Киевской летописи за XII век по Ипат. на прямую речь («Киев-Д») и авторскую речь.

В настоящей главе относительно подробно представлена общая картина поведения энклитик в образцовых памятниках, т. е. тех, которые наиболее близки к живой речи древнерусского периода. Эта глава должна служить главным фондом примеров для иллюстрации общих положений, изложенных в главе 1. При этом в ряде случаев при разборе материала производится также некоторая детализация этих положений.

После этого демонстрируется (уже несколько менее подробно) поведение энклитик в памятнике противоположного типа — Житии Феодосия.

О способе цитирования и условных знаках, используемых в цитатах, см. § 0.9–10. Напомним, что цифра после цитаты означает номер берестяной грамоты (а буква «п» при цифре указывает, что грамота поздняя), указание года и листа (без указания летописи) есть ссылка на Киев-Д.

При цитировании из Киев-Д иногда для ясности контекста оказывается необходимо привести также некоторый отрезок авторской речи, предшествующий интересующей нас клаузе.

Энклитики, ради которых дается пример, подчеркиваются.

Специально отметим, что символ ритмико-синтаксического барьера (//) представляется в приводимых цитатах без обязательности, т. е. далеко не везде, где реально имелся такой барьер, а только там, где мы считаем нужным обратить внимание на этот факт.

ОБРАЗЦОВЫЕ ПАМЯТНИКИ

§ 2.2. Картина функционирования энклитик, отразившаяся в образцовых памятниках — ранних берестяных грамотах и Киев-Д, — это наибольшее приближение (из всего, что нам доступно) к ситуации в живом древнерусском языке.

Из этих двух памятников вернее всего отражают древнейшую систему функционирования энклитик ранние берестяные грамоты. Памятник Киев-Д, оригинал которого относится практически к тому же времени, несколько уступает им в этом отношении, но весьма незначительно. Имеющиеся небольшие

отличия определяются здесь двумя различными факторами: во-первых, в некоторых случаях (к счастью, немногочисленных) встречаются искажения, привнесенные переписчиком XV века; во-вторых, в летописи даже в ее диалогической части изредка встречаются некоторые книжные элементы, которых в берестяных грамотах нет.

При разборе берестяных грамот мы иногда используем также материал поздних берестяных грамот, которые хотя и не могут уже быть признаны образцовым источником, но в отдельных случаях успешно восполняют те или иные пробелы в материале ранних грамот.

Ниже мы рассматриваем материал этих памятников по темам, следуя в целом тому же порядку, что в первой главе.

Ранги энклитик

В приводимых ниже таблицах показаны встретившиеся в берестяных грамотах и в Киев-Д блоки фразовых энклитик (с указанием рангов). Эти таблицы непосредственно демонстрируют ранговую организацию системы энклитик.

Берестяные грамоты здесь взяты в полном объеме (т.е. и ранние, и поздние), поскольку в данном отношении эти две группы практически одинаковы.

Для большей наглядности в левом столбце таблицы приведено слово, предшествующее в соответствующей фразе данному блоку энклитик. В правом столбце может быть приведено слово, следующее за этим блоком; кроме того, указывается, из какой грамоты (или из какого места летописи) взята цитата и в каких еще грамотах (или местах) встречается тот же блок энклитик.

Блоки энклитик в берестяных грамотах

	1 <i>же</i>	2 <i>ли</i>	3 <i>бо</i>	4 <i>ти₁</i>	5 <i>бы</i>	6 <i>Д.</i>	7 <i>В.</i>	8 <i>связка</i>	
<i>пакы</i>	<i>жь</i>	<i>ли</i>							<i>посли(та)</i> 510п
<i>о св(а)то</i>	<i>же</i>			<i>ти</i>					<i>еѣ хоць</i> 731 (+682 <i>ти₁</i> ?)
<i>да</i>	<i>же</i>			<i>ти</i>		<i>ми</i>			<i>боудете дѣбро</i> Смол.12
<i>мѣни</i>	<i>же</i>					<i>ми</i>			335 (+227, 455, 752, 829)
<i>симо</i>	<i>же</i>					<i>ти</i>			<i>соулити</i> 600п (+682)
<i>мънога</i>	<i>же</i>					<i>вы</i>			<i>лѣта</i> 503
<i>поустилъ</i>	<i>же</i>						<i>ма</i>		9 (+531)
<i>оже</i>	<i>же</i>							<i>еси</i>	<i>продала</i> Ст.Р. 8 (+711п)
<i>како</i>	<i>жь</i>							<i>еста</i>	<i>торговала</i> 510п
<i>аче</i>		<i>ли</i>		<i>ти</i>					<i>⟨...⟩ не щють</i> 724
<i>сде</i>		<i>ли</i>				<i>ти</i>			<i>буть</i> 68п (+ <i>ти₂</i> ?: 112, Ст.Р. 15, Смол. 12)
<i>инде</i>		<i>ли</i>					<i>са</i>		<i>пригодить</i> 565п (+344п)
<i>исправилъ</i>		<i>ли</i>						<i>еси</i>	615п (+118, 615п, 736а)
<i>сторови</i>		<i>ли</i>						<i>есте</i>	424
<i>да</i>				<i>ти</i>	<i>бы</i>				<i>дати</i> 389п (+413п) [см. § 1.7]

<i>а Давыдъ</i>				<i>ти</i>		<i>ми</i>			<i>не въдалъ</i> 664 (+ 53п, 829)
<i>а нѣгѣ</i>				<i>ти</i>			<i>са</i>		<i>сѣмъльвиѣ</i> 907 (+793, 800)
<i>але</i>				<i>ти</i>			<i>са</i>	<i>есѣмъ</i>	<i>за погосто</i> 800
<i>криль</i>				<i>ти</i>				<i>есѣмъ</i>	779 (+226, 384, 483, 710, 723, 893, Ст. Р. 31, Торж. 18)
<i>правъ</i>				<i>ти</i>				<i>есѣ</i>	819 (+8, 683)
<i>(ст)орови</i>				<i>ти</i>				<i>есѣ</i>	<i>вохе</i> 670
<i>ажѣ</i>					<i>бы</i>	<i>ти</i>			<i>годѣнь</i> 752 (+19п)
<i>что</i>					<i>бы</i>		<i>ма</i>	<i>кѣте</i>	<i>жаловалѣ</i> 949п
<i>то из оцѣю</i>					<i>бы</i>		<i>са</i>		<i>вытьрьго притьклъ</i> 752 (+302п)
<i>что</i>					<i>бы</i>			<i>кѣси</i>	<i>дале</i> 610п (+9 грамот [поздних])
<i>что</i>					<i>бы</i>			<i>кѣте</i>	<i>поблюлѣ</i> 693п (+497п)
<i>а въ томъ</i>						<i>ми</i>	<i>са</i>		<i>не исправилъ</i> 724 (+463п, 752)
<i>а цѣто</i>						<i>ти</i>	<i>са</i>		<i>остало</i> Ст. Р. 30 (+11 грамот)
<i>и молю</i>						<i>ва</i>	<i>са</i>		725
<i>а коупать</i>						<i>ти</i>	<i>и</i>		655
<i>а продаде</i>						<i>ти</i>	<i>е</i>	<i>есѣмъ</i>	679 (<i>ти</i> ₂ ?)
<i>чето</i>						<i>ти</i>		<i>есѣмо</i>	<i>водала</i> 644 (+752, 934)
<i>а водале</i>						<i>ми</i>		<i>еси</i>	644 (+877, 909)
<i>лега</i>						<i>ми</i>		<i>е</i>	815
<i>ажѣ</i>						<i>ти</i>		<i>е</i>	<i>по съпехо</i> 709п
<i>цѣму</i>							<i>ма</i>	<i>еси</i>	<i>погубилъ</i> 272п (+583п)
<i>оже</i>							<i>ны</i>	<i>еси</i>	<i>холопы нарекла</i> 400

Во всем массиве берестяных грамот встретилось только два примера с отклонениями от данной системы рангов. Один из них (в грамоте № 618п) ненадежен; см. о нем § 1.8, сноска 15.

Представляет значительный интерес второй из них: *и ала есмо са емѣ по рѣкѣ* 731; здесь связка *есмо* стоит левее *са*. Других подобных примеров в древненовгородских памятниках не отмечено. Но тут важно то, что грамота № 731, судя по целому ряду признаков, отражает особый говор в рамках древненовгородского диалекта (см. ДНД₂, с. 393–394). Некоторое число аналогичных примеров имеется в староукраинских грамотах XV в., в частности: *записали есмы са, стерегисмы са, штож есмо са дѣлили, иже есмо са обовазали* и др. (см. ССУМ, соответствующие статьи) — как отклонения от господствующей модели **sę jestь*. Между тем именно модель **jestь sę* со временем победила практически во всех западно- и южнославянских языках, ср. польск. *wziąłem się*, чеш. *vzal jsem se*, словацк. *vzal som sa*, серб. *uzeo sam se* и т. д. При этом по крайней мере для сербского известно, что модель **jestь sę* здесь развилась вторично, вытеснив более древнюю модель **sę jestь*. Конструкция *ала есмо са* в грамоте № 731, вероятно, свидетельствует о том, что в каких-то говорах древ-

неновгородской зоны намечался такой же сдвиг в системе рангов, что в западно- и южнославянской зоне.

Блоки энклитик в Киев-Д

	1 <i>же</i>	2 <i>ли</i>	3 <i>бо</i>	4 <i>ти₁</i>	5 <i>бы</i>	6 <i>Д.</i>	7 <i>В.</i>	8 <i>связка</i>	
<i>да</i>	<i>же</i>				<i>бы</i>				<i>была рать</i> 225 об. (+171)
<i>ако</i>	<i>же</i>					<i>ми</i>	<i>са</i>	<i>еси</i>	<i>самъ върекль</i> 147 (са из Хлебн.)
<i>ты</i>	<i>же</i>					<i>ми</i>		<i>еси</i>	<i>ее ѿступилса</i> 236 об. (+148 об.)
<i>Стѣславъ</i>	<i>же</i>					<i>ти</i>			<i>Ѡлговичъ не надоби</i> 160 (+163)
<i>да</i>	<i>же</i>						<i>ма</i>		<i>постигнетъ</i> 149
<i>Ѡтолѣ</i>	<i>же</i>						<i>са</i>		<i>хочю с тобою радити</i> 144 об. (+еще 4×)
<i>язъ</i>	<i>же</i>						<i>та</i>		<i>прияхъ</i> 135 об.
<i>а про кого</i>	<i>же</i>						<i>та</i>	<i>есмь</i>	<i>и на конь всадилъ</i> 241
<i>яко</i>	<i>же</i>						<i>ны</i>	<i>естъ</i>	<i>любилъ</i> 179 об.
<i>намъ</i>	<i>же</i>						<i>и</i>		<i>даи</i> 157 (+220 об.)
<i>я</i>	<i>же</i>							<i>есмь</i>	<i>Гюрга ис Киева выгналъ</i> 147 (+236 об., 241)
<i>се</i>	<i>же</i>							<i>еси</i>	<i>не пошелъ</i> 132 об. (+ еще 8×)
<i>годно</i>		<i>ли</i>				<i>ти</i>			<i>миръ</i> 133 об. (+183 об.)
<i>можете</i>		<i>ли</i>					<i>са</i>		<i>за наю бити</i> 139 об. (+125 об., 152 об.)
<i>пакы</i>		<i>ли</i>					<i>ма</i>		<i>оусрацетъ</i> 149
<i>а мало</i>		<i>ли</i>					<i>ны</i>		150
<i>въ здоровьи</i>		<i>ли</i>						<i>еси</i>	132 об.
<i>жалъ</i>			<i>бо</i>			<i>ны</i>		<i>естъ</i>	127 (+133)
<i>рекль</i>			<i>бо</i>					<i>еси</i>	204 об.
<i>хрѣтъ</i>			<i>бо</i>					<i>есме</i>	<i>цѣловали</i> 127
<i>ти</i>			<i>бо</i>					<i>соуть</i>	<i>⟨...⟩ хотѣли</i> 128
<i>язъ</i>				<i>ти</i>				<i>есмь</i>	<i>сде Любець пожегль</i> 130 об. (+147 об.)
<i>оуже</i>				<i>ти</i>				<i>естъ</i>	<i>вѣрно</i> 139 (+183 об.)
<i>то аче</i>					<i>бы</i>	<i>ми</i>			<i>и далече того блюсти</i> 130
<i>како</i>					<i>бы</i>	<i>ны</i>			<i>взати</i> 154 (+216 об.)
<i>а</i>					<i>бы</i>		<i>ѣ</i>		<i>оукротилъ</i> 146 об.
<i>вы</i>					<i>бы</i>			<i>есте</i>	<i>мнѣ повѣдалѣ</i> 228
<i>ворогъ</i>						<i>ми</i>	<i>са</i>		<i>оучинилъ</i> 241 (+ еще 9×)
<i>како</i>						<i>ми</i>	<i>са</i>	<i>еси</i>	<i>ѡбѣчалъ</i> 241
<i>ѡже</i>						<i>ми</i>	<i>са</i>	<i>есте</i>	<i>яли помогати</i> 140 (+128)
<i>свои</i>						<i>ми</i>		<i>еси</i>	<i>сестричичъ</i> 121 (+еще 9×)
<i>аче</i>						<i>ти</i>	<i>ма</i>		<i>оубити</i> 144 об.

<i>а ѡзъ</i>						<i>ти</i>	<i>са</i>		<i>кланю</i> 143 об. (+еще 27×)
<i>ѡже</i>						<i>ти</i>	<i>ѡ</i>		<i>имѣти въ правдоу</i> 119
<i>но лиха</i>						<i>ти</i>		<i>есмь</i>	<i>не хотѣль</i> 178 об. (+еще 6×)
<i>ци боудеть</i>						<i>ны</i>	<i>са</i>		<i>соудити пре^а БМъ</i> 155 (+еще 5×)
<i>а такъ</i>						<i>ны</i>		<i>еси</i>	<i>и надобѣ</i> 158 об. (+еще 4×)
<i>и н(ы)н(ѣ)</i>						<i>вы</i>		<i>есмь</i>	<i>створилъ</i> 170 об.
<i>даи</i>						<i>на</i>	<i>и</i>		<i>Б(о)зъ</i> 162 об.
<i>ѡже</i>						<i>на</i>		<i>еси</i>	<i>такъ помогъ</i> 152 об.
<i>и волость</i>						<i>ва</i>		<i>есмь</i>	<i>изискать</i> 127 об. (+127 об., 155 об.)
<i>ты</i>							<i>м(а)</i>	<i>еси</i>	<i>⟨...⟩ понуживаль</i> 153
<i>нарекли</i>							<i>ма</i>	<i>есте</i>	<i>собѣ отцемъ</i> 201 об.
<i>и с Ляхы</i>							<i>са</i>	<i>есмь</i>	<i>за нь билъ</i> 162 об. (+171 об.)
<i>а ты</i>							<i>са</i>	<i>еси</i>	<i>родилъ</i> 155 об. (+еще 7×)
<i>оуже</i>							<i>са</i>	<i>есмы</i>	<i>изнемоглъ</i> 226
<i>ѡже</i>							<i>са</i>	<i>есте</i>	<i>сами зажгли</i> 113 об.

Достоверных случаев нарушения правила о рангах, которые не были бы ошибкой переписчика, в Ипат. не обнаружено вообще.

З а м е ч а н и е. Один пример такой ошибки (с *ти бы*) был отмечен в § 1.8. Еще один такой пример: *а надо мною леть оучини(ли), хотѣли ма бо ѡти любо оубити про Игоря* [1147], 128. Здесь *ма бо*, которое выглядит как нарушение системы рангов, — это просто описка вместо *ма любо*; редактор Ипат. исправил ее, приписав *лю*.

Ритмико-синтаксические барьеры

§ 2.3. Рассмотрим функционирование механизма барьеров в образцовых памятниках.

Следует иметь в виду, что перечисляемые ниже пункты не исключают друг друга. Каждый пункт посвящен некоторому фактору, способствующему появлению барьера, и понятно, что есть фразы, где соединяется два или более таких фактора, — например, какой-то из семантических и какой-то из синтаксических. Соответственно, один и тот же пример может фигурировать в нескольких разделах.

Наличие во фразе барьера означает, что вопрос о положении энклитик решается уже в рамках послебарьерного отрезка. Например, во фразе *а нынѣ // присълалъ са еси къ мнѣ* энклитики находятся в постпозиции к сказуемому, а во фразе *а нынѣ // къ мнѣ са еси присълалъ* — в смещенной препозиции (§ 1.33). Это различие определяется просто порядком полноударных слов в послебарьерной части.

При этом, однако, реально среди фраз с барьером заметно преобладают фразы с постпозицией. Эта модель ниже трактуется как обычная, а существенно более редкие случаи со смещенной препозицией отмечаются особо.

Обязательные барьеры

После начальной инородной актантной группы

Примеры барьера после начального обращения:
 [б]ра[ть, // сот]вори жсь ми добро 829;
 кнѣже, // хотѣть тѣ ѣти [1140], 113 об.;
 кнѣже, // ради сѣ имемь [1146], 118 об.;
 ѿѣ, // поустѣ мѣ Черниговоу напередь [1147], 126;
 брате и снѣу, // много ти есмь добра творить [1180], 217 об.;
 брате Володимире, // ци давно еси хрѣтъ цѣловаль ко мнѣ? [1170], 194 (ци — проклитика);
 браѣ, // се боленъ есми велми [1146], 124 (се — проклитика).

Примечание. Такой же эффект в нормальном случае дает и обращение с предшествующей проклитикой *се* 'вог', например: *се* Илько, // пок[л](епали т)и мѣ 834; *се* брате, // мира еси не оулюбилъ [1193], 234; *се* брате, // на ма еси приходилъ [1149], 138 об.; *се* браѣ, // половцемъ есме много зла створили [1170], 193. Но изредка здесь все же реализуется другая возможность — образование проклитико-энклитического комплекса, например: се есмь, браѣ, оуже достѣли [1151], 155; се на, брате, Бѣ искоупилъ оу мѣсто [1147], 131; то же с разделением энклитик: се же, браѣ, // хрѣтъ еста перестоупила [1147], 127 об.

Пример барьера после начального междометия:

оле тѣ, // нѣкто мѣ оударѣ за плече [1152], 166 об.

Пример барьера после вводного слова (словосочетания):

а Бѣ дѣла, // отъгъци(сѣ) 839.

Перед непервым инфинитивом
в серии однородных подчиненных инфинитивов

Примеры:

а самъ хочю поступити подѣ горы Галичьскаго кнѣза, // не дати же сѣ ему двигнути [1149], 140;

ка(ко) еси былъ оумолвилъ <...> востѣсти на конѣ с Ржѣства Хѣва // и снатисѣ всѣмь в Черниговѣ [1196], 239.

Полуобязательные барьеры

После общего члена двух или более клауз

§ 2.4. Примеры:

а ты, // атче еси не възалъ коунъ техъ, а не емли ничѣто же оу него 109;
 а ты // ни к на^м еси пошелъ, ни на Ростислава еси настоупилъ [1148], 133
 (второе ни взято из Хлебн., в Ипат. оно пропущено);

яко на семъ пути вамъ // любо мѣ ѣти, любо оубити въ Игоря мѣсто [1147], 127;

доколѣ со Всеволодомъ и с Давыдомъ // любо сѣ оуладимъ, любо сѣ не оуладимъ [1195], 237 об.;

но ѿбаче, // ѿже ны сѣ велите мирити, то не стоите на нашей земли [1149], 141;

яко же и первое // имѣль есмь его и добра емоу хотѣль [1195], 237;
не могу ег(о) оубити, ∇ ѡже ѡнъ // молить ми с(а), и кланаетъ ми с(а), и
своея вины каеться [1152], 162 об.;

с разделением энклитик — нынѣ же // како еси со мною оумолвилъ, на чемъ
еси ко мнѣ крѣтъ ѡбловаль, того еси всего не исправиль [1196], 241 (с допол-
нительным эффектом слова како, § 1.25, п. 4).

После вклиненной клаузы

Примеры:

а ты, Спепане, пьрьпесаво на хароти {ти}ю, // посъли жъ 831 (с сильной
энклитикой ж(е));

накы ли, а заоутра, како сѧ нагадавше, // поидемы же по ни^x [1151], 156 об.
(тоже с же);

не можемъ стояти сдѣ, ∇ зане ѡнъ, мнии боуда, // не покорить ми сѧ
[1157], 175;

с разделением энклитик — ты же, того не дождавъ, // послалъ еси снѣца
своа ко Витебьскоу [1195], 238 об.

После внутренней инородной группы, имеющей перед собой барьер

Примеры:

ѡхъ, // брате, // камо ма веду^т? [1147], 129;

право, // сѣу, // съ Изаславомъ есмь не могъ быти [1154], 171;

с разделением энклитик — се же, // бра^т, // крѣтъ еста перестопуила [1147],
127 об.

Перед неначальным местоименным словом или союзом

Примеры:

а отрок(ѣ) // оже ти Шишакъ гонить, посади же въ Радъко[в](ѣ) [в]ежъкѣ
805 (с сильной энклитикой ти₁);

а в Роуской землѣ // кто ны сѧ ѡстанеть? [1193], 234;

а съ сими // како ми Бѣ дасть [1146], 119 об.;

а тогда // како ны с ними Бѣ дасть [1150], 147 об.;

с разделением энклитик — накы ли // что еси оумыслиль, а того не бѣгаемъ
же [1196], 240.

Понятно, что если перед местоимением или союзом стоит проклитика, то
барьера не возникает, поскольку проклитика просто включается в начальную
тактовую группу, например:

крѣтъ ѡбловаль на томъ, ∇ яко кто сѧ наю ѡстанеть, то тыи буде^т
ѡбоимъ дѣтемъ ѡцѣ [1155], 175 об. (яко — проклитика);

а ци цето ти товара надобе 624 (а ци — две проклитики).

Такое же размещение энклитик часто представлено там, где фраза начина-
ется с полупроклитики, — в силу либо ее проклизы, либо барьера перед место-
имением или союзом (см. о такой ситуации § 1.38). Примеры:

али / чимо есемо виновата, а восоли отроко 644;

*аче / кдѣ на будеть мочно ѡбѣима ѣхати, а ѡба ѣдеѣ [1151], 152;
или / како сѧ еси не домыслилъ побѣдити ихъ ...? [1175], 208 об.*

Но степень обязательности данного барьера несколько ниже, чем у трех предшествующих: в некоторой части фраз энклитики размещены просто по закону Вакернагеля, что равносильно отсутствию данного барьера. Примеры:

*аже ва цѣто надобѣ, а солита ко монѣ 422;
а Киев ти сѧ кое ѡтворилъ? [1151], 156 об.;
а намы ми кто повѣсть [1170], 193 об.;
ѡже сѧ тобѣ што оучинить, то што намѣ дѣяти? [1153], 168;
ѡже сѧ кто прииметь по нь, тотѣ нашѣ естѣ ворожьбитѣ [1175], 208 об.*

Факультативные барьеры

Особенность сильных энклитик

§ 2.5. Вероятность появления факультативного барьера зависит прежде всего от того, о какой энклитике идет речь — сильной или слабой. В случае сильной энклитики эта вероятность чрезвычайно мала, в случае слабой — сравнительно велика.

Начнем анализ барьеров в образцовых памятниках с того, что укажем те немногочисленные случаи, когда факультативный барьер смещает вправо сильную энклитику (т. е. когда такая энклитика оказывается правее барьера).

Энклитика *же*.

В берестяных грамотах всего один полноценный пример:

*добрѣ же створа, ∇ нни в Ошеѣ // прави же лоньскоую гривнюу 788.*²⁵

В Киев-Д можно указать:

Роускы дѣла земля и хрѣстьянѣ дѣла // поѣди же оу свои Переяславль и в Коурескѣ [1151], 156 (надежный пример);

да то ты, а то Киевѣ и Роускаѧ ѡбласть, а комоу еси в неи часть даль, с тем же еи и блюди и стережи, да како ю с нимѣ оудержиши, ∇ а то // оузрю же [1195], 236 (несколько менее надежный пример).

Сюда не относятся, однако, фразы с отождествительным *же*, как, например:

а аз ти zde доспѣваю, ∇ а ты постѣваи же [1152], 161;

ажѣ любиши <...> в любви с нами быти, то мы любви не бѣгаемъ <...>; намы ли что еси оумыслилъ, ∇ а того не бѣгаемъ же [1196], 240.

В нескольких случаях (которые нет нужды здесь разбирать) точный смысл частицы *же* неясен (она может быть либо противительной, либо отождествительной).

Энклитика *ли*.

Отмечены только:

а с(ва)тѣ Варьварѣ тѣлица // сторава ли? 657;

тобѣ бы, брате, // любо ли, абыхомѣ мы браг твоего держали? [1147], 127;

²⁵ Относительно необычной (и толкуемой без полной уверенности) фразы *а женоу тибилѣ, ∇ не измоучили чего же* 156 см. § 1.2, примеч. 1.

а оу королева еси мужа // слышалъ ли ѿ томъ чѣтномъ крѣтѣ? [1152], 166 об. (последние две фразы с разделением энклитик).

Энклитика *бо* — примеров смещения правее барьера нет.

Энклитика *ти*₁.

Отмечены: *Гюрги вышель ис Киева, ∇ а Вацьславъ // сѣдитъ ти в Киевѣ* [1150], 144;

да посъль во борожь и рыбаць // выдалъ ти 682.

Энклитика *бы* (*быхъ* и т. д.) — примеров смещения правее барьера нет.

Факультативные барьеры, зависящие от семантических факторов

§ 2.6. Как указано в § 1.26, в клаузах с факультативным барьером начальное слово или словосочетание, отделенное барьером, во-первых, по смыслу относится ко всей остальной части клаузы в целом, во-вторых, как правило соотносено по смыслу с предшествующей клаузой.

Выделение или невыделение начального слова (или словосочетания) клаузы с помощью факультативного барьера зависит от интенции говорящего (пишущего). Соответственно, во всех типах рассматриваемых ниже фраз в принципе возможна как просодическая реализация с барьером, так и реализация без барьера. Но в разных группах статистические соотношения этих двух реализаций могут быть весьма различными.

Понятно, что при анализе древнего памятника мы почти никогда не имеем прямых данных относительно того, что именно хотел выразить или выделить автор, и можем лишь строить об этом предположения. Поэтому ниже, чтобы не смешивать надежное с гипотетическим, мы действуем следующим образом.

В каждом пункте вначале даются примеры, которые показывают действие правила в наиболее ясных случаях. После этого приводятся менее очевидные примеры, допускающие, однако, хотя бы в качестве одной из возможностей, интерпретацию, согласующуюся с тем же правилом. Поскольку в ясных случаях правило уже установлено, мы считаем законным предполагать действие того же правила и в этих менее ясных. Иначе говоря, в менее ясных случаях мы уже идем не от текста к правилу, а в обратном направлении — от правила к интерпретации текста, т. е. используем правило как инструмент интерпретации.

В приводимых ниже примерах, вообще говоря, в большинстве случаев было бы полезно цитировать и предшествующий контекст (иногда даже довольно пространный). Но это заняло бы слишком много места, поэтому мы позволяем себе это лишь в немногих случаях.

Как уже указывалось, барьер может быть обусловлен одновременно несколькими факторами. Например, некоторый семантический фактор, способствующий появлению барьера, часто бывает поддержан тем, что начальная актантная группа клаузы тяжелая. Но мы не считаем необходимым каждый раз это отмечать при конкретных примерах.

Противопоставление или эмфаза

§ 2.7. Начальное слово (словосочетание) может быть прямо противопоставлено по смыслу некоторому элементу предшествующей клаузы (или более крупного отрезка текста) и/или нести на себе эмфазу (подчеркивание). Примеры:

Гюрги вышель ис Киева, ∇ а Вячьславъ // сѣдитъ ти в Киевѣ [1150], 144 (противопоставление «Гюргий — Вячеслав»);

кнаже, // мы не на та // восталѣ есмы, но не хотимъ кланатиса попадѣи [1187], 229 об. (противопоставление «не против тебя, а из-за неприятия попадѣи»);

с тобою могу быти, ∇ а с братомъ твоимъ Гюргемъ // не оуправити ми естъ [1150], 145 (противопоставление «с тобою — с Гюргием»);

бра҃че, Всеволода есми имѣлъ въ правду брата старишаго (...), ∇ а съ сими // како ми Бѣ дастъ [1146], 119 об. (противопоставление «со Всеволодом — с этими»);

и диду молиса, что бы ихалъ в Юрикевъ монастырь пшенки попрошалъ, ∇ а сдисе // не надииса 354п (противопоставление «в Юрьеве монастыре — здесь»);

не распрашавъ, розгнѣвася: мене игоумене не поустиле, ∇ а а // прашальса 605 (противопоставление «игумен — я» и, по-видимому, эмфаза на слове а);

идаху слово рекоуче Олговичи, ∇ яко «вы (именно вы) // начали есте перво нась гоубити» [1135], 110 об.;

азъ / про тебе же (‘я ведь именно из-за тебя’) // с нимъ есмы не добръ, и воевалъса с ними, и волость свою зажегълъ [1196], 241 (с отчлененным же).

Опираясь на эти ясные случаи, мы вправе истолковывать в том же ключе также ряд менее прозрачных по смыслу фраз, где позиция энклитики указывает на наличие барьера. Примеры:

і о мо(к)л]о животе о Аколи // вамо // наболи[т]иса моімо приказомо болшимо 622п (из наличия барьера после слова *вамо* мы видим, что его нужно понимать как ‘именно вам’, ‘не кому иному, как вам’);

ѡже ма перешбидила и первое и другое, ∇ и бещестье // на мене еста положила [1151], 155 об. (из наличия барьера после слова *бещестье* мы понимаем, что оно употреблено здесь эмфатически: ‘и тем самым бещестье мне принесли’);

а како са нагадавше вси, ∇ тако же // с тобою // оуладимса [1196], 239 об. (очевидно, *с тобою* здесь противопоставлено предшествующему *вси*: ‘как договорились все, так же и с тобой придем к соглашению’).

Но следует помнить, конечно, что рассматриваемый эффект факультативен, т. е. вполне возможны также фразы, где автор не выделяет начальное слово, несмотря на противопоставление, например: *я есмь позывалъ тебе Киевою сѣдѣть, ∇ а ты еси не восхотѣлъ* [1150], 144.

Соотнесенность в более широком смысле

§ 2.8. Сюда относятся, в частности, главные предложения с начальным указательным местоимением или наречием, стоящие после соответствующего

относительного предложения (или его смыслового эквивалента). В этих случаях слова *а тотъ*, *а то*, *а тогда* и т. п. приближаются по смыслу к целой клаузе с примерным значением ‘а тот [делает, сделал] вот что’, ‘а тогда вот что’. Отсюда возможность их ритмического выделения (и, следовательно, постановки барьера после них). Примеры:

а про кого ми была и рать про зата своего, ∇ а того // даль еси Арославоу радити [1196], 241;

се ти даю Туровъ и Пинескъ — про то, ѡже еси приѣхалъ къ ѡцѣ моему Вячеславу, и волости ми еси сблюлъ; ∇ то про то (‘так что именно за это’) // *надѣлаю тѣ волостию* [1154], 169 об.;

тоу ти ему прити, ∇ да негли тоу // покоритьсѣ [1149], 137 об.;

и ѡже са оуже поворотитъ ѡ насъ, ∇ а тогда // како ны Бѣ дастъ с ним [1151], 155.

и примоу единъ власть Роускою и с братьєю, ∇ и тогда // мѣщюсѣ Всеволодоу ѡбиды своѣ [1180], 216 об.

На этом фоне мы и в ряде менее очевидных случаев вправе заключить из положения энклитики, что *то*, *того* и т. д. было автором выделено. Примеры:

а како ты вгадаеши, ∇ а ѣзь° в томъ // готовъ есмь [1148], 133 об.;

но ѡба ать (‘если’) *ворождоу про Игоря ѡложать, и пакы того не створать, что же хотѣли оучинити, ∇ а тог(о) // лишатсѣ* (‘а что хотели сделать, от того откажутся’), *то мириса* [1148], 133 об.;

«... *а тобѣ, брате, и ны^н потрудити^с ѡплатъ мою дѣла чѣти и свою <...>*», *Володимеръ же реч^ч брату своему Изаславу: ∇ «н, брате, // тѣмъ // не трудень есмь* (‘я, брат, этим [что ты от меня желаешь] не затрудняюсь’) — *твоея дѣла чѣти и брата своего Ростислава радъ ѣду»* [1150], 148 об.;

также с сильной энклитикой: *да како ю с нимъ оудержиши, ∇ а то // оузрю же* [1195], 235 об. (ср. § 2.5).

Как и в других подобных случаях, здесь встречаются и фразы без барьера и, следовательно, без выделения, например:

а въ [т]омъ ми са не исправиль въ борзѣ 724;

на чемъ еси ко мнѣ крѣть цѣловаль, ∇ того еси всего не исправиль [1196], 241;

а кто на^с будетъ живъ, а приѣзнетъ к тобѣ, ∇ а тогда сѣ затворимъ в городѣ с тобою [1153], 168;

какъ ми вѣсть будетъ ѡ нихъ, ∇ тогда ти дамъ ѡвѣтъ [1172], 205 об.

Возможна также смысловая соотнесенность по модели «X хотел того-то — Y в соответствии с этим сделал то-то», например: *и в Роуской землѣ части просиль еси оу мене, ∇ ѣзь же // тобѣ есмь даль волость лѣпньюю* [1196], 240 об. (с отчлененным *же*).

Особый частный случай составляет выделенное начало *а самъ* (где действия самого адресата или самого автора соотнесены с тем, о чем сказано раньше). Примеры:

а почнуть са с тобою бити, ты же к намъ вѣсть посли, ∇ а самъ // биисѣ заутра и до ѡбѣда [1150], 150 об. (см. об этой фразе также § 1.31);

хомела же не прода(и), ∇ а саме // потоснис_А семо 706п;
а ты, брате, ѿтолѣ со с^новцемъ моимъ воюита волость его, ∇ а ѧзь / самъ
// хотѣлъ есмь ити к Володимероу [1196], 239 об.;
но лоучьшии коньници перебероутьс(А), ∇ а самѣми ('с самими') // какъ ны
Бѣ дастъ [1185], 224.

Еще один характерный частный случай — непервые звенья в перечислениях (где соотношенность с предыдущим определяется самой структурой текста).
 Примеры:

на молодогъ // далъ ксемь рубель 689п (в составе перечисления расходов);
другую // далъ ксемь Дмитру черенецю полотину 689п (в составе того же
перечисления; отметим охват сказуемого).

Особенно легко в этом случае отчленяются неодночленные начальные группы, например:

оу Сменка оу Савина // взалъ ксемь поло коробии Овса 689п (в составе пе-
речисления собранных податей);

а рожь Петровоу // повелело ксемо измолотиво Кривѣ дати 196п (в отчете
о произведенных хозяйственных распоряжениях);

а троке тво[е // ч]истило есмь ('я чтил') и далъ дары 831 (в перечислении
произведенных действий, угодных адресату);

вежѣ ихъ // поимали есмы, дѣти ихъ // поимали есмы, и стада и скоть
[1170], 193 (перечисление военных достижений);

и много есмь имъ зла оучинилъ, ∇ землю ихъ // повоевалъ есмь [1148], 132 об.
(то же);

брата мою, се еста землю мою повоевали, и стада мою и брата моего
запали, жита пожьгли, ∇ и всю жизнь // погоубила еста [1146], 122 (перечис-
ление понесенного ущерба).

Ряд фраз построен в сущности так же, только элемент перечисления в них не столь очевиден, например:

а крѣть со мною целоуи, ∇ а со Двѣ{в}омъ // введи ма в любовь [1196], 239
(перечисляются действия, которые необходимо предпринять, чтобы восстано-
вить нарушенный мир);

ѧзь же <...> роспустилъ есмь братью свою и дикии половци, ∇ а со Яро-
славомъ с Черниговьскымъ // целовалъ есмь крѣть на томъ, како же не вое-
ватиса [1196], 239 (автор отказался от намеченного похода и перечисляет след-
ствия этого: он, во-первых, отпустил братьев, во-вторых, заключил перемирие
со своим противником).

Прочие случаи выделения темы

§ 2.9. В предшествующих пунктах выделяемое слово (словосочетание) всегда представляло собой тему высказывания. Выделение темы обнаруживается и в ряде других случаев, не подпадающих столь же прямо под эти пункты.

В образцовых памятниках сюда относятся в основном фразы с выделенным подлежащим. Примеры:

а вѣжники // творатес_А вѣдавоше Собыславоу цетыри гривне 550;
се бра^тѧ // прислалис_А ко мнѣ ... [1148], 133 об.;

се Володимерь // прислалъсѧ ко мнѣ [1152], 162 об.;
 а дружина моя // изнемогласѧ [1187], 227 об.;
 но лоучьшии коньници // перебероутьсѧ [1185], 224;
 кѣже, // велико зло // дѣтсѧ в городѣ: хотать та людие ѣти [1161], 182 об.
 Сверх этого только: и своен вины // каетьсѧ [1152], 162 об.; и своен вины // каешисѧ [1152], 163 об. (3 раза); также редкий пример с иной энклитикой, чем сѧ: [а]же то / [на]мъ // възале еси Павльовъ 736а (NB охват сказуемого).

Выделение обстоятельства

§ 2.10. Чаще, чем другие члены предложения, вынесенным в начало и выделенным оказывается обстоятельство.

Как и в других подобных случаях, особенно склонны к выделению неодночленные начальные группы. Примеры:

то по Всеволожи животѣ // помогоу ти про Киевъ [1142], 117;
 а в Руськой земли // не велю ти быти [1172], 203;
 назъ / переже всихъ // даль есмь тобѣ волость сю [1195], 236 об.

Примеры более редких фраз без такого выделения:

одиномо ти мѣ|сте ... со Давы)жею сед[ет](и) 227;
 и сеѣ ми зимы и весны нѣ лзѣ на конь к тобѣ всѣсти [1150], 148.

Но и одночленные обстоятельства, которые обычно выражены наречиями, часто оказываются выделенными и, соответственно, порождают барьер. Ниже для ряда часто встречающихся наречий приведены характерные примеры фраз обоего рода — как без барьера, так и с барьером после начального слова.

Примеры клауз с начальным одночленным обстоятельством

Без барьера	С барьером
Нынѣ (с вариантами <i>нынѣча</i> , <i>нынѣче</i> , <i>нонѣче</i> и др.) ²⁶	
<p>а ныне ми не пакости 638 а ныне ма въ томъ ала кѣнагыни 109 а ныне сѧ дружина по ма пороучила 109 а нѣнѣ ти сѧ съмьльвивъ съ близокъ <-кы> 907 (с деепричастием) а нынѣча еси всѣль [1196], 241 ны^н же ти вѣ гнѣва ѿдаевѣ [1152], 163</p>	<p>что оу тебе было, а пошло к Онании, ∇ а нинеце // проноситсѧ ѿ Кюрѣнка 538п а нынѣ // сѣдѣль еси в Киевѣ, а мнѣ еси части не оучинилъ в Роуской землѣ [1195], 236 а нѣнѣ // кланю ти сѧ [1154], 171 а се нѣнѣ // заратиласѧ есте свои^м бра^тмъ и сѣнѣмъ Изаславомъ [1149], 141 а ныне // ци сего еси дозрѣль [1150], 144 а нынѣ, ѿче, // съакого ны веремени не боудеть пакы [1195], 238 об.</p>

²⁶ В образцовых памятниках начальное *нынѣ* практически всегда выступает в сочетании с *а* или с *же* (*а нынѣ*, *нынѣ же*); единственный пример, где это не так: *ны^н // кланю ти сѧ* [1150], 151 об.

Тогда	
<p>какъ ми вѣсть будетъ ѿ нихъ, ∇ тогда <u>ти</u> дамъ ѿвѣтъ [1172], 205 об. а тогда <u>са</u> затворимъ в городѣ с тобою [1153], 168</p>	<p>и приимю единъ власть Роускою и с братьєю, ∇ и тогда // <u>мыщюса</u> Всеволоду ѡбиды своѣ [1180], 216 об. и ѡже <u>са</u> оуже поворотитъ ѿ насъ, ∇ а тогда // како <u>ны</u> <u>Бѣ</u> дастъ с ни^М [1151], 155 а тогда // како <u>ми</u> с ни^М <u>Бѣ</u> дастъ [1152], 162 об. (последние два в соединении с эффектом слова како, § 1.25, п. 4)</p>
Уже	
<p>ци оуже <u>ти</u> есмь задѣла сълюци? 752 оуже <u>есмь</u> пошель [1159], 179 тоти^о оуже <u>еси</u> съступилъ кр^ст^ного цѣлованія [1152], 166 а оуже <u>есмь</u> с ними прошель Гору [1151], 157 намъ ли иноѣ рати искати, то не можемъ: ∇ оуже <u>са</u> <u>есмы</u> изнемоглѣ [1185], 225 об./226 а оуже <u>еси</u>, <u>кнѣже</u>, и волость свою погубилъ, держася по Ростислава [1161], 184 поѣди в борзѣ, ∇ оуже <u>есмь</u> перешли Днѣпръ [1151], 154 оуже <u>са</u> имъ всако совокѣпити на ны с Галичаны и с Черными Клобуки [1172], 204 об. оуже <u>ли</u> Киеву поѣха, г^сне? [1175], 209 оуже <u>ми</u> толико доехати с гостьми съ Оугры и с Лахы [1150], 146</p>	<p>оуже // <u>ѡбънавихомса</u> Ростиславичемъ [1180], 216 об. то оуже // состоупилъ<u>са</u> еси радоу и кр^стнаго целованія [1195], 238 об. а то оуже // поворотис<u>а</u> прочь [1149], 138 об. ѡже оуже // рѣкы <u>са</u> оустановать [1150], 147 об. се оуже // Игоря <u>есте</u> оубили [1147], 129 об.</p>
Паки²⁷	
<p>паки <u>ли</u> <u>ма</u> оусрацетъ Гюрги [1150], 149 паки <u>ли</u> <u>ти</u> не дада мира, а всако поѣди за Днѣпръ [1161], 184 об. паки <u>ли</u> <u>са</u> ты ѿ цр^а оуправиши [1151], 152 об.</p>	<p>а паки <u>ли</u> // не годно <u>вы</u>, а волни есте [1193], 233 об. паки <u>ли</u> // что <u>еси</u> оумыслилъ, а того не бѣгаемъ же [1196], 240 (в соединении с эффектом слова что, § 1.25, п. 4)</p>

²⁷ В образцовых памятниках начальное *паки* практически всегда выступает в сочетании с *ли* (см. об этом сочетании § 1.21); единственный пример, где это не так: *а паки ми кто повѣсть* [1170], 193 об..

<i>Толико</i>	
<i>толико бы Бѣ ѿцю его помогъ</i> [1149], 135 об. <i>аже ми боудеть нынѣ поѣхати, то</i> <i>толико ми боудеть на дорозѣ</i> <i>ѡстати [1185], 224</i>	<i>толико // възалъ есмь ж Прокопѣ 736б</i> <i>но толико // являю ти [1152], 163 об.</i> <i>ни волости хочю, ни иногo чегo, ∇ развѣ</i> <i>толико // поустите ми брата [1146],</i> <i>121 об.</i>

Сходную картину дают и другие начальные наречия.

Примеры фраз без барьера:

топърво есмо пришль 222;

зде ти нѣ ѡ чемъ быти [1146], 123;

ажъ хоцьши, ∇ во брозѣ жъ седь бѣди 731;

а и горьзно ми [бе]шь тоу[ж](ьно) тѣгда 831;

издалеча есми поѣхали [1149], 138;

а ѡплатъ вы взовоу [1149], 136 об.;

право ти, ѿце, молвлю [1152], 163;

а и еще ти ни оуста не ѡсхла [1169], 191/об.;

и еще есмь и Роуской земли приказалъ стеречи тобѣ [1149], 135 об.;

брате Володимире, // ци давно еси хрѣтъ цѣловалъ ко мнѣ? [1170], 194.

Примеры фраз с барьером:

на перед[ѣ] // на мене се не на[дѣ]и 'впредь же на меня не рассчитывай' 25п;

а а / ноугене // пецалоусѣ цереницами 'а я сильно беспокоюсь о черницах' 717;

братья моя, возмите оу мене с любовью, что вы даю, <...>, ∇ боле // не вою(и)тесѣ (исправлено по Хлебн.) съ Мьстиславичи [1142], 115 об. («больше» противопоставлено уже полученным дарам);

ѡбиды ти до него нѣтоутъ, но же идеши на нь, ∇ топервоѣ // поити тѣ на ма ('но ты идешь походом на него — теперь тебе придется пойти на меня') [1178], 214 об.;

ѡже / добрѣ // надѣешисѣ на Киѣны, то ты самъ вѣдаеши люди своя [1150], 150 об.;

и ѣще // ваю есмь оустагывалъ [1151], 155 об.;

доспѣваите вси, ∇ доколѣ // рѣкы сѣ оустановать [1147], 131 об.

Современный читатель не видит разницы в смысле между примерами из левого и из правого столбца приведенных выше таблиц. Между тем для древних авторов некоторая разница здесь все же была, хотя теперь мы уже далеко не всегда в состоянии ее с определенностью выявить.

Во фразе с барьером выделенная начальная часть приближается по смыслу к отдельному утверждению (\approx 'имеет место вот что'), тогда как во фразе без барьера начальная часть не сообщает ничего нового и в смысле целого составляет очень скромную часть. Так, в § 1.26 была отмечена разница между фразами *оуже есмь пошелъ* 'я уже выступил в поход' (в ситуации, когда адресат этого ожидал) и *оуже // пошелъ есмь* 'уже произошло вот что: я выступил в поход' (в ситуации, когда адресат не знал, как будут развиваться события).

Соотношение этого рода усматривается и во многих примерах, приведенных выше.

Особенно отчетливо различие между *накы ли* без барьера и *накы ли //*. Первое означает ‘если же’, второе — ‘если же нет’, ‘если же не так’, ‘если же вопреки ожиданию’. Так, *накы ли ма оусрацеть Гюрги* означает ‘если же меня встретит Юрий’, *а пакы ли // не годно вы, а волни есте* — ‘если же вопреки ожиданию (вопреки нашему предложению) вам не угодно, то как хотите’. Еще ярче это проявляется в таких фразах, как *накы ли, да въсадимо вы въ погрѣбо* ‘если же нет, то засадим вас в темницу’ 952, где *накы ли* отчленяется еще сильнее, образуя самостоятельную клаузу (см. § 1.21).

Во фразе *а ныне ми не пакости* слова *а нынѣ* означают фактически не более чем ‘так что’, ‘так вот’, во фразе *а ныне са дружина по ма пороучила* — не более чем ‘потом’, ‘тогда’. С другой стороны, во фразе *а се нѣѣ // заратилася есте свои^М бра^Гмѣ и сѣмѣ Изславомѣ* слова *а се нынѣ* означают ‘а вот теперь случилось то, что ...’. Сходную смысловую структуру имеют также многочисленные фразы, где представлен отрезок с устойчивым отчленением (см. § 1.21) *нынѣ же*, например: *нынѣ же // ты^о сѣль еси, право ли криво ли, надѣли же мене* [1174], 204 об.; *ны^М же // даи на и Бѣ, самого же имивѣ, а волость его възми-вѣ* [1152], 162 об. (при этом реально *же* может оказаться и левее *нынѣ*, например: *онѣ же нынѣ // ворогѣ ми са оучиниль* [1196], 241).

Фразы с *уже* без барьера выражают (по крайней мере в ясных случаях) события, вполне ожидаемые, естественные в данной ситуации. Примеры: *намѣ ли иноѣ рати искати, то не можемъ: ∇ оуже са есмы изнемоглѣ* (долго воевавшим естественно устать); *а оуже есмь с ними прошелъ Гору* (если войско уже в походе, то оно непременно в какой-то момент должно пройти определенный участок своего маршрута); *а оуже еси, кѣже, и волость свою погубиль, держася по Ростислава* (с точки зрения автора, держаться Ростислава вообще губительно). С другой стороны, выделенное *уже //* вводит события неожиданные, не вытекающие из уже известной ситуации. Примеры: *се оуже // Игоря есте оубили* (убийство князя противоречит всем нормам жизни); *а то оуже // поворотиса прочь* (требование прямо противоречит намерениям адресата).

Рассмотренные примеры относятся к числу достаточно ясных. В ряде других случаев ситуация менее ясна, но мы можем судить о ней, опираясь на аналогию с ясными случаями, т. е. фактически строить свои заключения уже именно на основании положения энклитик.

Например, мы имеем основания заключить, что во фразе *ωже / добрѣ // надѣиши^Δ на Кианы ...* наречие *добрѣ* несет на себе некоторую эмфазу: ‘если ты прочно (сильно, полностью) надеешься на киевлян...’; что во фразе *а а / ноугене // пецалоуса^Δ цереницами* такую же эмфазу несет наречие *ноуг(ьнѣ)* ‘сильно’.

Вот еще один пример такого рода: «... не велить ти братѣ починаи рати, ∇ а всако // велить ти са^Δ воротити». Изславѣ же съ каростью ѿвѣща ему: «вѣдомо ти буди, брате, ∇ всако // не ворочюса^Δ — оуже есмь пошелъ» [1159], 179. За наречием *всако* ‘в любом случае, непременно’ здесь оба раза явно имеется барьер. Это позволяет нам предполагать, что в первой фразе *всако* несет на себе эмфазу, т. е. было произнесено с нажимом, а во второй Изяслав с не меньшей эмфазой повторяет это рассердившее его в приказе брата слово.

Можно ли предполагать, что использованная здесь схема объяснения применима ко всем без исключения фразам, где энклитика стоит правее главного вакернагелевского места? Ответ на этот вопрос, по-видимому, все же должен быть отрицательным — по крайней мере если речь идет о месте энклитики *са*. Дело в том, что действие нового правила, требующего постпозиции *са* независимо от типа клаузы (§ 1.37), начинается довольно рано.

В частности, среди фраз с начальным наречием имеются и такие, где *са* стоит в постпозиции, хотя для постановки барьера не видно ясных семантических оснований, например (символ // не ставим):

мало перепочивше, ∇ опать възвратимьса [1172], 196 об.;

он же не въсхотѣ того, ∇ но паче радуетсяа ω пролитьи крови [1155], 175 об.;

не крѣпко быютса дружина и половци [1152], 164 об.;

донелѣ же оуладишиса съ братьею, дотолѣ же не пуцаи полковъ моихъ ω^(т) себе [1172], 196 (с отчлененным же).

В этих случаях, возможно, мы уже имеем дело с ранними проявлениями нового правила о месте *са*.

Факультативные барьеры, зависящие от синтаксических факторов

§ 2.11. При разборе материала мы здесь непосредственно следуем классификации клауз, описанной в § 1.29.

Тривиальный случай — фразы с начальным сказуемым — можно не рассматривать. Полезно лишь обратить внимание на тот частный случай, когда перед сказуемым стоит одна или несколько проклитик. С просодической точки зрения это ничего не меняет; ср., например:

и кланю ти са 809;

а не створи ми пакости [1155], 172 и т. п.;

то же с такими проклитиками, у которых есть полноударные омонимы:

се прислалъса еси к нама [1152], 163;

се изгналъ ма Изаславъ ис Киева [1150], 145;

хрѣтъ ѡблѡваши на томъ, ∇ яко имѣти ма кнѣземъ собѣ [1161], 182 об.

Специфика таких фраз состоит, однако, в том, что проклитика в принципе может также — по крайней мере, в некоторых случаях — послужить для формирования проклитико-энклитического комплекса, и тогда организация фразы уже меняется (и фраза переходит в другой класс). Примеры:

но на то^м ѡблѡу хрѣтъ, ∇ яко ти в томъ въ всемъ оустояти [1151], 160;

а ци ти присъле къ тѣбѣ 794 (две проклитики и энклитика);

се же еси не пошелъ [1148], 132 об. (проклитика и две энклитики).

Другие примеры проклитико-энклитических комплексов, отмеченных в образцовых памятниках, см. в § 1.41.

Начнем разбор с простых клауз.²⁸

²⁸ При этом, однако, в числе примеров из Киев-Д могут быть и многоактантные клаузы, поскольку в этом памятнике они ведут себя в отношении энклитик так же, как простые (см. § 2.17).

Из подразделений общей классификации ниже не представлены клаузы с вспомогательным глаголом и клаузы с аористом и имперфектом, поскольку в образцовых памятниках вообще нет соответствующего материала.

Рассмотрим клаузы с личными формами глагола (но не аористом или имперфектом, которых в данном случае нет).

Начальное местоименное слово

§ 2.12. Это самый обширный класс клауз с энклитиками (около 300 в Киев-Д, около 130 в берестяных грамотах) и одновременно самый благоприятный для сохранения древнего состояния, то есть для действия закона Вакернагеля в его наиболее чистом виде. Приводим характерные примеры.

С энклиноменной местоименной словоформой:

да азъ ти тоу сѣжоу 902;

а а сѣ имо потешоу 705;

ты же ма и потени, не зера на Ѡедора 531;

то си хота мѣлви 605;

се есме слы[шали] 870;

а цето ти сѣ остало суца, то остави ести Ст. Р. 30;

а ци цето ти товара надобе, а то восолоу 624 (а ци — две проклитики);

а назъ ти сѣ кланяю [1150], 143 об.;

на же есмь Гюрга ис Киева выгналъ [1150], 147;

азъ оуже бородатъ, Ѡ а ты сѣ еси родиль [1151], 155 об.;

а вы сѣ не внимаите ни во что же [1150], 149;

а вѣ сѣ сама оурядивѣ [1151], 156;

кто ли не имѣеть кона, а в лодыи [1147], 128;

что сѣ оудѣть, то вы виновати [1135], 110 об.;

то ва есмь изискаль [1146], 124;

се ми есть ближе, к тому поиду переже [1150], 145 об.;

како же ми еси самъ рекль [1150], 148 об.;

тако ти молватъ вси [1175], 208 об.

С акцентно самостоятельной местоименной словоформой:

а мнѣ ти стати оу кна)за и Ѡ влѣкѣ 155;

а чемоу сѣ гнѣваеши? 605;

а въ томъ ми сѣ не исправиль въ борзѣ 724;

тобѣ сѣ оуже не ворочати, ни мнѣ [1152], 163 об.;

а Ѡ мене сѣ ему поклони [1152], 167;

чимъ ти сѣ есмь ѡбѣцаль, то ти исполню [1189], 230;

но сего ма довелъ братъ мои [1151], 158.

Отклонения от идеальной вакернагелевской ситуации здесь возможны по двум причинам (не исключаящим одна другую): из-за использования некоторого факультативного барьера или из-за вторичной проклитизы начального слова (второе здесь возможно только для словоформ-энклиноменов). Оба эти явления ведут к смещению энклитик вправо, в предельном случае — к их постпозиции при сказуемом.

Присутствие в клаузе начального местоимения является идеальным условием для реализации закона Вакернагеля и само по себе не дает вообще никакого стимула для появления барьера. Барьеры встречаются в этом классе довольно редко; они как правило легко объясняются рассмотренными выше семантическими факторами.

Сравнительно редко применяется и вторичная проклиза энклиноменов. В результате здесь коэффициент препозиции оказывается выше, чем в любом другом классе: в ранних берестяных грамотах 96,3%, в Киев-Д 88%.

В ранних берестяных грамотах с постпозицией энклитики в данном классе представлены только:

мене игоумене не поустиле, ∇ а љ // прашальсѡ 605 (см. об этой фразе § 2.7);
а љ / ноугене // пецалоусѡ цереницами 717 (см. об этой фразе § 2.10).

В Киев-Д фраз с постпозицией энклитики существенно больше.

Пример без дополнительных усложнений:

идѡху слово рекоуче Олговичи, ∇ ѡко «вы» («именно вы») // начали есте перво насъ гоубити» [1135], 110 об. (см. об этой фразе § 2.7).

Отдельную маленькую группу составляют фразы с *то*, *того* и т. п., рассмотренные в § 2.8, например:

а про кого ми была и рать про зѡта своего, ∇ а того // даль еси Арославоу радити [1196], 241.

О фразе *а почнуть сѡ с тобою бити, ты же к намъ вѣсть послѡ, ∇ а самъ // биисѡ заутра и до ѡбѣда* [1150], 150 об. (с барьером после слова *самъ*) см. § 1.31.

Примеры с барьером после нена начального обращения (ср. § 1.31):

право, брате, // гнѣвалсѡ есмь на тѡ [1159], 178 об.;
а нынѣ, ѡче, // сѡкого ны веремени не боудеть пакы [1195], 238 об.

Примеры с разделением энклитик:

про што ми // ѡбреклъ еси Киевъ? [1142], 117;
тобѣ бы, брате, // любо ли, абыхомъ мы браг твоего держали? [1147], 127;
ты же ми еси ее // ѡстоупилсѡ по волѣ [1195], 236 об.

При соответствующем составе фразы наличие барьера приводит не к постпозиции энклитик, а к их смещенной препозиции, например:

а съ сими // како ми Бѣ дастъ [1146], 119 об. (барьер перед *како*, § 1.25, п. 4);
то же с разделением энклитик:

ѡнъ же нынѣ // ворогъ ми сѡ оучинилъ [1196], 241;
язъ же // тобѣ есмь даль волость лѣпшыю [1196], 240 об.;
ты же // како ми сѡ еси ѡбѣчалъ вѣсти на конѡ и помочи ми ... [1196], 241.

Позиция энклитик может быть правее обычной также из-за вторичной проклизы начального слова. Примеры:

а что° оумыслилъ еси, а тое дѣи [1172], 203 об. (если бы *что* не проклизилось, было бы *а что еси оумыслилъ*);
мы° гости есме твои [1150], 150 об.;
и вы° мнѣ есте рекли [1147].

В ряде случаев позиция энклитик может объясняться как наличием барьера, так и вторичной прокллизой начального союза (что отмечается знаком /, см. § 1.38). Примеры:

а азъ / не радуюсѧ ѿ погыбели его [1155], 175 об. (см. об этой фразе § 2.22);

а ѧ / старъ есмь [1151], 155;

а ѧ / готовъ есмь самъ полкъ своими [1149], 140;

то же со смещенной препозицией энклитики: *ты / нама еси тако оучинилъ* [1151], 152 об.

При таком же начале возможен также барьер после какой-то из следующих групп, например:

а ѧзъ / самъ // хотѣлъ есмь ити к Володимероу [1196], 239 об.;

кнѧже, // мы / не на та // восталѣ есмь, но не хотимъ кланѧтисѧ попады [1187], 229 об. (см. об этой фразе также § 2.7);

то же со смещенной препозицией энклитики: *вы / того // до сыти есте молвили* [1152], 166 об.

Более сложный случай: *се вои ѿ насъ роуцисѧ* [1172], 196 об. В принципе можно усматривать здесь просодическую структуру *се вои // ѿ насъ // роуцисѧ*; но по смыслу барьер после *ѿ насъ* трудно оправдать, поэтому допустимо предполагать здесь уже просто действие нового правила постановки *сѧ* (§ 1.37).

Начальный союз

§ 2.13. Напомним прежде всего, что в данный класс входят только фразы с непервообразным союзом; это *абьно, абы, аже, ако, акы, али, ано (анъ), ати (ать), аче, аще, дати (дать), ели, зане, зандо (занда), ибо, или, ино (инъ), любо, неже, нежели, оже, око, оли, ольна, оти (отъ), поне, тоти (тотъ), ѧко* (в значениях ‘как’, ‘потому что’) и некоторые другие. (Большинство из них — это бывшие проклитико-энклитические комплексы, подвергшиеся сращению.)

Первообразные союзы (т. е. как раз самые частые: *и, а, нь, ци, да* и т. д., см. § 0.2) сюда не относятся. Как и любые другие проклитики, они представляют собой «просодический нуль» и при классификации клауз не учитываются — за исключением того случая, когда за такой проклитикой непосредственно следует энклитика и тем самым возникает проклитико-энклитический комплекс (см. § 1.41). То же верно и для сочетания из двух или более проклитик, например, *да и, и да, а ци (= аци)*.

Коэффициент препозиции в этом классе обычно лишь ненамного ниже, чем при начальном местоименном слове. Как и там, здесь возможна вторичная прокллиза.

Характерные примеры соблюдения закона Вакернагеля в его чистом виде:

аже ми сѧ поцьньши насмихати 752;

ать ти видѣло, како ти было ѧ Ивана ѧль 502;

а[ч]е ли ти, брат[ь]е, вины л[ю]дѣ на ма не ищѣ[тъ] 724;

или ти тажа, а поеди во городо 112;

оже еси забыле моего добродѣѧнѧ 627;

аже сѧ оуже тако оучинило [1147], 130;

ажь ны еси вмѣнилъ Кыевъ [1195], 237 об.;
 кнѣже, // ать же поидемъ [1148], 135;
 и корола понудь, ∇ ать ма приме^т [1152], 162 об.;
 аче ти ма оубити, снѣоу, на семь мѣстѣ, а оубии, а њ не ѣдоу [1150], 144 об.;
 зане есте людие милии ѡйю моему [1155], 174 об.;
 доколѣ со Всеволодомъ и с Давыдомъ // любо са оуладимъ, любо са не оула-
 димъ [1195], 237 об. (с обязательным барьером после общего члена двух клауз);
 Бѣ вы помози, ∇ ѡже ми са есте ѡли помогати [1149], 140;
 но ѡже бы оуправиль бра^т на^ш Стѣславъ [1149], 136 об.;
 ѡко ти есмь кр^стъ ѡфловаль [1189], 230;
 ѡко же еси ѡфловаль, буди со мною [1149], 137.

Как и начальное местоимение, начальный союз сам по себе не дает никаких стимулов к появлению барьера. Барьеры здесь могут возникать только по каким-то иным причинам — прежде всего семантическим. Но союзы в большей степени, чем местоимения, склонны к вторичной проклitze.

Типы отклонений от идеальной вакернагелевской ситуации в данном классе — те же, что в предыдущем. Случаи постановки энклитик не непосредственно после союза, а после следующего за ним слова возникают здесь в основном за счет того, что союз может подвергаться вторичной проклitze. Примеры:

brate, // аже^о зовоуть та съ честью, иди [1178], 214;
 аже^о пакы ны сила [1150], 150 об.;
 но повели, кнѣже, ∇ ать^о постѣкутъ ц ('их') [1172], 200 об.;
 ту же и ты стани, ∇ ать^о добро на ѡ всѣмъ гадати [1152], 161 об.;
 зане^о болень есми велми [1152], 162;
 не буде^т Костянтинъ въ митропольи, ∇ зане^о клал ми ѡйца [1159], 180;
 доколѣ // любо^о оуладимса вси, или^о не оуладимса вси [1196], 239 (с обязательным барьером после общего члена двух клауз).

Также с неначным обращением: ажь, / брате, // жаловалса на мене про волость [1195], 236 об.

Примеры фраз с разделением энклитик:

с постпозицией са—али ти // не пригодитьса [с]е[де]ма добра, а поло Торж. 8;
 аже есте // ко мнѣ прислалса мира дѣла [1148], 133 об.;
 и повѣдан емоу, ∇ ажь есмь // состоупилъса Витебьска тобѣ [1195], 238 об.;
 ожь ли право // запираютьса 222;
 с постпозицией другой энклитики — ѡко вы // имѣти ма ѡцмѣ собѣ въ правду [1159], 180.

Как и в классе местоимений, возможна также смещенная препозиция энклитики, например:

то же нынеца // радъ быхъ послале [грам]о[тѣ] 724;
 а поѣди, кнѣже, к городу, ∇ ать^о мы са бьемъ сами съ Изаславомъ [1153], 168;
 а што Ѡлгово, а то нама даи, ∇ ать^о вѣ са тѣмъ подиливѣ [1151], 160 об.;
 снѣ, Бѣ ти помози, ∇ ѡже^о на мене еси чѣтъ възложилъ [1150], 151 об.;
 да аче стрѣи придетъ на та Дюрги, ∇ понѣ^о ты са с людми оутвердилъ бу-
 деши [1154], 170 об.
 ѡже^о ѡцѣ та приѡбидиль [1149], 135 об./136.

Как и в случае с местоимениями, иногда позиция энклитик может объясняться как наличием барьера, так и вторичной проклизой начального союза, например: *али / чмо есемо виновата, а восоли отроко* 644 (см. об этой фразе § 1.38); *а Бѣ за мѣздою, ∇ или / ладивьсА* 549.

Во фразе *[а]же то / [на]мь // възале еси Павьловь* 736а предбарьерная часть *[а]же то / [на]мь* либо образует единое фонетическое слово, либо имеет внутри себя дополнительный барьер после *аже то*. Для фразы *зане азъ // виновать есмь* [1152], 162 об. не исключен также (хотя и менее вероятен) вариант с *зане° азъ°*.

Начальное знаменательное слово

§ 2.14. В этом классе следует различать клаузы с начальным именем (существительным, прилагательным, числительным, а также независимым инфинитивом) и клаузы с начальным наречием.

Начнем с подкласса с начальным именем.

Характерные примеры соблюдения закона Вакернагеля в его чистом виде:

а Поутилоу ти оубили 952;

а Давыдъ ти ми не въдалъ 664;

о св(а)то жъ ти еѣ хо{ц}ць 731;

Матьеви еси молвилъ 550;

товарьць есмо посълалъ Смольньскоу 952;

а Мѣстата сА вама поклана 422;

[а] поп[ъ] ти сА м[о]л[илъ] 950;

се оу Насила есмь възалъ 525 (*се* — проклитика);

поѣди, кѣже, Киеву: ∇ Гюрги ти оумерлъ [1158], 175 об.;

а Кыевъ вы не надобѣ [1195], 237 об.;

и по городу ны даси по лепшему [1159], 179 об.;

но лиха ти есмь не хотѣлъ [1159], 178 об.;

оѣца ти есмы љли и приятели его [1172], 201;

крѣтъ еси к нама с королемъ цѣловалъ [1152], 166;

и корола еси на ма възвелъ [1152], 166;

рѣкы сА смерзываютъ, а поидемъ домови [1150], 147 об.;

а къ Гюргеви сА послали [1147], 128;

моложьшему сА не поклоню [1151], 155 об.;

снѣ ти сА кланаетъ [1151], 157;

и Изаслава ти сА не ѡлучати до живота своеѣ [1152], 163 об.;

и с Лахы сА есмь за нь билъ [1152], 162 об.

Вторичной проклизы в данном классе, в отличие от двух предыдущих, не бывает.

Как и во фразах с союзом, в ранних берестяных грамотах и Киев-Д коэффициент препозиции в этом классе лишь ненамного ниже, чем при начальном местоимении. В этих памятниках начальное имя само по себе, по-видимому, еще не дает стимулов к появлению барьера и постпозиции энклитик.

Случаев постпозиции энклитики из-за наличия барьера в данном классе немного.

В ранних берестяных грамотах отмечены только:

*а възники // творатеса въдавоше Собыславоу цетыри гривне 550;
из ърмице ка // въсп(и)ши ми грамътицю о съемъ сть[r](ъ)вье и о дѣтьхъ
854;*

кроме того, *то° гривною // кри(ль есмь) 831* (где энклитика лишь реконструируется).

В Киев-Д из фраз такой структуры отмечены:

а крѣть со мною целоуи, ∇ а со Двѣ{в}омъ // введи ма в любовь [1196], 239
(см. об этой фразе § 2.8);

*брате Володимире, ци давно еси хрѣть цѣловаль ко мнѣ, ∇ и волость //
взаль еси оу мене? [1170], 194;*

*ѡже ма переобидила и первое и другое, ∇ и бещестье // на мене еста
положила [1151], 155 об. (см. об этой фразе § 2.7).*

Также с сильной энклитикой: *Гюрги вышель ис Киева, ∇ а Вячьславъ //
сѣдитъ ти в Киевѣ [1150], 144.*

С разделением энклитик:

брате, // въ правду та // нарекли есмы ѡцмь собѣ [1172], 202 об.;

и до сыти ми пересердиа // оучинила еста [1148], 133 об.;

Стѡславъ ти // послалъса къ Гюргеви [1149], 136 об.

Такую же структуру можно предполагать и для фразы *со Ярославомъ есми
оумирилса [1196], 240 об.*; но здесь уже не исключено и действие нового пра-
вила постановки са.

Особого замечания требует слово *Богъ*. В Киев-Д оно ведет себя необычно: если за ним следует глагол (не в императиве), то энклитика может стоять после этого глагола, а не после *Богъ*: *Бѣ посадилъ та и князь Андрѣи на ѡчѣнѣ своеи и на дѣдинѣ въ Киевѣ [1172], 198; аще Бѣ приведетъ ма сдорового (въ) дѣи сиа [1178], 214; аще восхоиць, ∇ Бѣ избавить та [1185], 226 об.; се, брате, // Бѣ скупиць на по мѣсту с твоимъ братомъ [1151], 153; се же нынѣ // Бѣ привелъ ма в Рускую землю [1151], 153; и тако Бѣ поа и [1152], 167.* Причина этого эффекта не вполне ясна. В некоторых из приведенных фраз (в частности, *Бѣ посадилъ та и князь Андрѣи*) допустимо предполагать барьер после слова *Богъ*. Но в ряде других для этого, по-видимому, нет семантических оснований. Возможно, данный порядок слов отражает влияние церковных формул, в которых, как известно, закон Вакернагеля может и не соблюдаться; ср., например, в Усп. сб.: *и Бѣ покры та 4б; како присно Бѣ печать са ими 52в; яко Бѣ покаа са о Ахавѣ 181в*; ср. также в речи игуменов в Киевской летописи ([1195], 238): *и рекоша игоумени блѣжнии: ∇ се Бѣ проявилъ есть.*

Но встретилось все же и несколько фраз, где данного эффекта нет, например: *но Бѣ ма застоупилъ и хѣть чѣтнии [1147], 128; а Бѣ ти помогъ [1151], 155 об.*

Подкласс с начальным наречием невелик по объему. От подкласса с начальным именем он отличается существенно более низким коэффициентом препозиции. Причины этого довольно прозрачны: наречие есть самая естественная форма выражения обстоятельства, а обстоятельство очень часто относится ко всему высказыванию в целом и, соответственно, ставится в начальную позицию и отделяется от остального барьером. Примеры клауз с начальным наречием и соответствующие комментарии см. в § 2.10.

Подчиненный инфинитив

§ 2.15. Для неличных форм древнее правило расстановки энклитик состоит в том, что относящиеся к неличной форме энклитики располагаются во фразе так же, как если бы они относились к сказуемому.

Этот принцип актуален в первую очередь для подчиненных инфинитивов, выступающих в роли дополнения при сказуемом (например, при *хочеши*, *можеши*, *почънеши*, *велиши*, *надобѣ*, *годъно*, *не лъзѣ* и т. п.). Например, во фразе *ажѣ ми сѧ поцьньши насмихати* 'если ты начнешь надо мной насмеяться' 752 энклитики *ми сѧ*, относящиеся к инфинитиву *насмихати*, располагаются во фразе так же, как если бы они относились к сказуемому *поцьньши*; иначе говоря, они стоят просто в соответствии с законом Вакернагеля. Во фразах типа *ажѣ ны сѧ велите мирити* 'если вы нам велите мириться' [1149], 141 (где *ны* относится к *велите*, а *сѧ* к *мирити*) энклитики, относящиеся к сказуемому и к подчиненному инфинитиву, образуют единый блок.

Однако энклитики, относящиеся к неличным формам, имеют заметную общую тенденцию подчиняться не древнему, а новому правилу расположения энклитик, т. е. располагаться в постпозиции к этим формам. Эта тенденция проявляется с разной силой в зависимости от неличной формы и от синтаксического контекста, а также и от конкретной энклитики. В наибольшей степени новое правило актуально для энклитики *сѧ*.

Инфинитив в функции сказуемого ведет себя в отношении энклитик совершенно так же, как личные формы. Примеры:

тобѣ сѧ оуже не ворочати, ни мнѣ [1152], 163 об.;

то ти все възворотити, и Изслава ти сѧ не блучати до живота своег [1152], 163 об.;

аче ны сѧ и (с) дѣтьми бити за та, а рад(и) сѧ бьемъ за та [1159], 177.

Во всех этих случаях размещение энклитик — такое же, каким бы оно было во фразах со сказуемыми в личной форме (например, *ворочаеши*, *възвортитиши*, *блучаеши*, *бьемъ*).

Иное положение с подчиненным инфинитивом (выступающим в роли дополнения при сказуемом). Здесь конкурируют указанные выше древнее и новое правила.

В образцовых памятниках безусловно превалирует древнее правило. В соответствии с этим правилом если одни энклитики по смыслу относятся к сказуемому (скажем, *ялисѧ есте*), а другие — к подчиненному инфинитиву (скажем, *помогати ми*), то во фразе они оказываются членами единого блока, например, *ажѣ ми сѧ есте яли помогати*.

Продемонстрируем вначале действие древнего правила.

1. Если ни сказуемое, ни подчиненный инфинитив не стоит в начале клаузы (или после барьера), блок энклитик оказывается левее как того, так и другого. Иллюстрации:

како та могу, ятры, пустити? [1171], 195 об.;

ажѣ ва Мъстиславъ почнетъ звати на обѣдѣ, то ту ваю ятьѣ будетъ [1170], 193 об.;

а что есмь имъ зло створиль, ∇ ѡже мѧ хотѣть ѣти? [1161], 182 об.;
 то же с сѧ:
пойдите со мною, ∇ ать ми сѧ добро с ними ѡ^(т) силы мирити [1149], 137 об./138;
Бѣ вы помози, ∇ ѡже ми сѧ есте ѣли помогати [1149], 140;
но ѡбаче // ѡже ны сѧ велите мирити, то не стоите на нашей земли [1149], 141;
ѡтолѣ же сѧ хочю с тобою радити [1150], 144 об.;
ѡже сѧ с нима начнемъ бити, то се намъ будутъ первии ворозѣ [1172], 199.

2. Если либо сказуемое, либо подчиненный инфинитив стоит в начале клаузы (или после барьера), блок энклитик оказывается между этими двумя единицами (а именно, непосредственно после первой из них). Иллюстрации для случая с начальным (или стоящим после барьера) сказуемым²⁹:

не моги же ми, матоко, согрешити 227;
а хотѣть ны ати въ Омоу съ Вацьшьскою 952;
хотѣть тѧ людие ѣти [1161], 182 об.;
того на мнѣ не проси, ∇ хотѧ мѧ заворожити [1149], 136;
а хочемъ ю оубити [1187], 229 об.;
а сѣмо мѧ повела лестью, ∇ оубити мѧ хотѣче [1147], 127 об.;
 то же с сѧ:
могоу сѧ съ тобою ати на водоу 238;
не моги сѧ ослоушати 779;
не на цеме сѧ кормити 765п (не на цеме — единая тактовая группа);
а почнуть сѧ с тобою бити [1150], 150 об.;
можете ли сѧ за наю бити? [1149], 139 об.;
нѣ лзѣ ми сѧ с тобою радити [1150], 144 об.;
ци боудеть ны сѧ соудити пре^д Бѣмъ [1151], 155;
а самъ хочю поступити подѣ горы Галичьскаго кнѣза, // не дати же сѧ ему двигнути [1149], 140.

То же с факультативными барьерами:

Изаславъ вчера со мною // хотѣлъ сѧ бити [1150], 151 об.;
противоу молоджьшему // не могу сѧ поклонити [1151], 155 об.;
а всако // велить ти сѧ воротити [1159], 179.

Примечание. Особо стоит фраза: *не даи Бѣ // на поганыѣ // ѣзда сѧ ѡрещи* 'не дай Бог отказаться от наездов на язычников' [1185], 223. В этой фразе конструкция *ѡрещисѧ ѣзда* — такая же, как в *творатеса въдавоше* 'утверждают, что отдали' 550, *сказатисѧ нездравуѧ* 'сказаться нездоровым' и т.п. Нарушение общих правил в этой фразе состоит в том, что барьер поставлен внутри актантной группы *на поганыѣ ѣзда*. Причина, вероятно, в переосмыслении *ѡрещисѧ ѣзда* как цельного предложения (≈ 'отъездиться'), которому как целому подчинено *на поганыѣ*. В этом случае между дополнением *на поганыѣ* и целостным *ѣзда сѧ ѡрещи* уже в принципе становится возможным барьер.

²⁹ Случай с начальным (или стоящим после барьера) подчиненным инфинитивом не представляет для нас интереса, поскольку при таком инфинитиве энклитики практически всегда стоят в постпозиции.

Для обычных энклитик проблема этим исчерпывается. Но энклитика *са* в некотором числе фраз подчиняется не древнему, а новому правилу, то есть стоит в постпозиции к инфинитиву независимо от прочих условий:

но не хочемь кланатисѣ попады [1187], 229 об.;
не могоу с половиною ихъ миритисѣ [1193], 234;
то како можемь молитисѣ къ създавшему на^с [1149], 142 об.;
а лѣпо вы бы потрудитисѣ [1189], 230 (с разделением энклитик).

В ряде таких фраз можно с уверенностью или с высокой вероятностью предполагать наличие барьера — однако же не перед инфинитивом, а перед сказуемым (союз не в счет):

а Всеволодъ // ажъ восхочѣт с нами оуладитисѣ, а оуладитьсѣ [1196], 239 (обязательный барьер);

а тобѣ // не достоить трудитисѣ [1152], 165 об.;
а нынѣ // безъ его доумы // хочемь миритисѣ [1196], 240 об.;
да ни мы // начнемь боютисѣ васъ, ни вы насъ [1172], 198.

Понятно, что показанные здесь барьеры не объясняют постпозиции *са*. Нельзя ли предположить, что в этих случаях имелся также барьер непосредственно перед инфинитивом? В самом деле, для части фраз (например, *а тобѣ не достоить трудитисѣ*) такое предположение в принципе допустимо, хотя и не очень естественно с точки зрения смысла. Но в большинстве случаев такой барьер решительно противоречил бы смысловому членению текста. Таким образом, причиной данного порядка единиц здесь уже можно признать только действие нового правила расположения энклитики *са*.

Прочие неличные формы

§ 2.16. Деепричастие.

В образцовых памятниках показательного материала в этом классе очень немного. Древняя модель расположения энклитик отмечена во фразах:

то [из] оцью бы сѣ вытьрьго притькль 'то, вырвавшись из-под [людских] глаз, прибежал бы' 752 (*са* относится к *вытьрьго*, *бы* — к *притькль*);

а нѣнѣ ти сѣ съмъльвивѣ съ близокъ <-кы> ... 907;

Бга сѣ боаць 548 (+881);

добрѣ же створа ... 849 (+788);

того ва есмь борона и не правилъ себе, ѡже ма переѡбидила 'запрещая это вам двоим, я и сам не расквитывался за то, чем [вы] меня избидели' [1151], 155 об. (*ва* относится к *борона*, *а есмь* — к *не правилъ*);

а како сѣ нагадавшие вси, тако же с тобою оуладимсѣ [1196], 239 об.;

пакы ли, а заоутра, ∇ како сѣ нагадавшие, поидемы же по ни^х [1151], 156 об.;

на вашего ѡца ида, ∇ а на ма сѣ ѡборочиваѣ, лова сѣ бити со мною [1150], 151 об.

Пример с неавтоматической постпозицией *са*: *како еси послалъ сѣа свое^г ко королеви, ∇ а со мною не спрошавсѣ, состоупилсѣ еси радоу* [1189], 230 (прочие примеры не вполне надежны).

Причастие (не в деепричастной функции).

В образцовых памятниках примеров нет. В памятниках, где такие примеры есть, почти всегда действует новое правило, т. е. постпозиция энклитик; см. § 4.4.

Супин.

В берестяных грамотах примеров нет. В Киев-Д всегда действует новое правило, например: *ѡже Изаславъ, ѿда битсѧ съ Игоремъ ...* [1151], 155 об.; *а ты пакы, брате, поѿда Переяславлю съ Изаславомъ битьсѧ ...* [1151], 155 об.; *и тоу ко мнѣ не възмогоша выти битьсѧ полкомъ* [1148], 132 об. (не говоря о таких тривиальных примерах, как *а то ти молвить, битсѧ ѿда* [1151], 155 об.). Практически такова же ситуация в других памятниках, см. § 4.5.

Многоактантные клаузы

§ 2.17. В том, что касается многоактантных клауз, образцовые памятники малопоказательны. В берестяных грамотах таких клауз совсем мало. А в Киев-Д представлена редкая особенность, состоящая в том, что в многоактантных клаузах энклитики ведут себя практически так же, как в простых (см. об этом § 4.9). Вот характерные примеры с энклитиками в главной вакернагелевской позиции:

а ныне сѧ дружина по ма пороучила 109;
кѡже ми отьць дааль 9;
на мнѣ ти Домаславе възале 12 грѣнѣ 155;
азъ ти есмь съ бра(то)мъ твоимъ с Володимеромъ ѿселѣ оуже пошель [1150], 147 об.;

мы тѧ до сихъ мѣстъ акы ѡца имѣли по любви [1172], 203;
а ты еси оуже хрѣтное челование переступилъ [1149], 137;
чему ми еси во ѡномъ днѣ не даль? [1150], 145;
того вы браг мои не велѣлъ [1147], 128;
аже еси съ сакыми рѣчьми прислалъ [1172], 203 об.;

но на томъ цѣлуи хрѣтъ, ∇ яко ти в томъ въ всемъ оустояти [1151], 160.

Возможна и смещенная препозиция, например:

ѡже оуже // рѣкы сѧ оустановать [1150], 147 об.;

также с разделением энклитик:

онъ же нынѣ // ворогъ ми сѧ оучинилъ [1196], 241.

С другой стороны, в клаузах данного класса вполне возможна также постпозиция энклитик (при этом, естественно, используются барьеры). Примеры:

язъ / переже всихъ // даль есмь тобѣ волость сю [1195], 236 об.;

се половицѣ // сеѣ зимы // воюють ны часто [1190], 232;

где оузримъ стагъ твои, ∇ тоу // и мы с тобою // готови есмь [1146], 119 об.;

а се нынѣ // брата нашего Романа // вывелъ еси ись Кыева [1172], 202 об.;

а нынѣ // я / вамъ // во ѡца мѣсто // ѡсталсѧ [1180], 217/об.;

также с разделением энклитик:

ны(нѣ) же // оу ноужи сеи // боленъ есмь велми [1146], 124;

ны^н же, ѡце, // того всего // каюсѧ предъ Бѣмъ и предъ тобою [1150], 151 об.;

ны^н же, брате, // сеѣ весны // помози на ('нам двоим') [1151], 152 об.

Особо отметим изредка встречающиеся в многоактантном классе клаузы с неодночленной начальной группой.

С препозицией в образцовых памятниках представлены:

без барьера (и, следовательно, с нормальной препозицией и с непроективностью) — *а такого ти веремени иногда не боудеть* [1193], 234;

се́го ти ми́ра зде не оулюбить брата́ мои́ Рюрикъ [1196], 240 об.;
 лѣпнѣи ми того́ смѣрть и съ дружиною на своѣи ѿѿинѣ и на дѣдинѣ взати [1140], 113;

оди́номо ти мь|сте ... со Давь)жею сед[ет](и) 227;

с барьером (и со смещенной препозицией) — а в Роуской землѣ // кто ны сѧ останеть? [1193], 234 (с эффектом слова *кто*, § 1.25, п. 4).

С постпозицией встретилось: зане° в землѣ нашеи // жито // не родилосѧ нынѣ [1193], 234. Также при многочленной начальной группе: снѡвецъ ваю Стѡславъ, // акы ѿ ваю роженъ, // передъ вами // не творитсѧ правъ [1149], 142 об.

Тяжелые клаузы

§ 2.18. В тяжелых клаузах преобладает уже постпозиция энклитик.

При отсутствии барьера тяжелая клауза обязательно оказывается непроективной (см. § 1.2). В раннем древнерусском это обстоятельство лишь весьма незначительно затрудняет построение фразы — непроективные фразы возникают достаточно свободно. Но в ходе истории тенденция избегать непроективности усиливается. В Киев-Д и в ранних берестяных грамотах эта тенденция уже существует, хотя и в гораздо более слабой форме, чем позднее.

Примечание. При анализе клауз важно различать две разных конструкции со словом *самъ*: 1) истинное определение к существительному (*самъ отецъ* и т.п.) и 2) *самъ*, подчиненное непосредственно сказуемому, эквивалентное по смыслу наречию (≈ 'самостоятельно', 'лично') (*отецъ самъ пришелъ* и т.п.). В первом случае перед нами двучленная актантная группа, во втором — две отдельные одночленные актантные группы, порознь подчиненные сказуемому.

Без барьера после начальной актантной группы (и, следовательно, с препозицией энклитики и с непроективностью) отмечены следующие фразы.

А. С актантной группой из существительного (или местоимения) и прилагательного-определения (в любом порядке) или из существительного и приложения к нему:

а больши ти протера гоши(ти) 155;

Стѡславъ же ти Олговичъ не надоби [1151], 160;

Изславъ ти Мьстислалѣ пошелъ Киевоу [1146], 124 об.;

а вѣсть ны праваѧ естъ [1187], 227 об.;

и въ моемъ вы послушаньи ходити [1159], 180;

и того еси всего не оуправиль [1152], 166 (+[1196], 241);

и свои еси радъ взаль [1196], 241;

ѿ котораго есте становища поѣхали? [1149], 138;

брате, // хрѣтъ еси чѣтньи цѣловаль ко мнѣ [1149], 137.

То же с энклитикой сѧ³⁰:

затъ ти сѧ король кланяеть [1152], 161 об.;

а брата сѧ Игоря лиши [1146], 121 об.

³⁰ Здесь и в ряде других случаев примеры с энклитикой *сѧ*, которая нередко ведет себя не совсем так, как остальные, для наглядности отделяем от прочих.

Примечание. Внешне сходны с приведенными также такие примеры, как: *братъ ти Стѣславъ боленъ* [1160], 181; *бра^т ти Изаслава побѣди Стѣславъ и дружиною ваию* [1146], 123 об./124. Но в действительности мы здесь уже имеем дело с локальным *ти* 'твой', см. § 1.9. Как уже отмечалось, некоторые из подобных примеров допускают двойную синтаксическую интерпретацию (с *ти* 'твой' и *ти* 'у тебя'): *брата ти Романа Бѣ поють* [1180], 217; *бра^т ти Игоря оубили* [1147], 130.

Б. Прочие:

а жизнь есмы его взяли [1147], 127 об.;
а ворождѹ еси про Игоря ѿложилъ [1149], 137;
а много ти лиха замысливають [1150], 144 об.;
брате и сѣоу, // много ти есмы добра творилъ [1180], 217 об.;
боле ми того не надобѣ Володимеръ [1187], 229 об.;
и много есмы имъ зла оучинилъ [1148], 132 об. (с более сложной структурой).

С барьером после начальной актантажной группы (и, следовательно, с постпозицией энклитики) отмечены следующие фразы:

А. *а трокѣ тво[е // ч]истило есмы и даалъ дары* 831;
Б(ога) дѣла, // котореи любо // потроудисѣ до владычѣ 725;
и всю жизнь // погоубила еста [1146], 122;
а в Руськои земли // не велю ти быти [1172], 203;
а со Юрославомъ с Черниговьскимъ // целоваль есмы крѣтъ [1196], 239.

Также с разделением энклитик: *а оу королева еси мужа // слышалъ ли ѿ томъ чѣтномъ крѣтъ?* [1152], 166 об.

Сходную структуру, по-видимому, имеет фраза: *язъ Витебьска стоупилъ тобѣ, ∇ и посоль быль свои // послалъ есмы ко братоу Девѣи* [1195], 238 об. (если верно, что *быль* здесь является энклитикой, ср. § 1.12).

То же с энклитикой *са*:

а дружина моѹ // изнемогласѣ [1187], 227 об.;
но лоучыши коньници // перебероутьсѣ(а) [1185], 224;
кѣнже, // велико зло // дѣтсѣ в городѣ: хотять та людие ѹти [1161], 182 об.;
и своѣя вины // каетьсѣ [1152], 162 об. (+ еще 3 раза);
не могоу ити изъ ѿчны своѣѣ, ∇ и со братьюю своєю // розоитисѣ [1178], 214.

Б. *землю и^x // повоевалъ есмы* [1148], 132 об.;
вежѣ ихъ // поимали есмы, дѣти ихъ // поимали есмы, и стада и скоть [1170], 193.

велми радъ, гѣне ѿчѣ, // имѣю та ѿѣмъ гѣномъ [1154], 169 об. (с внутренним обращением).

С разделением энклитик: *и до сыти ми пересердиѹ // оучинила еста* [1148], 133 об.

Замечание. После группы подлежащего вероятность барьера несколько выше, чем в среднем, — по-видимому, просто потому, что тему естественнее всего выразить именно в форме подлежащего. Правда, в образцовых памятниках этот эффект проявляется довольно слабо, но он заметен в ряде других памятников.

Во всех приведенных выше примерах представлена двучленная начальная группа. Но возможны также, хотя реально намного более редки, также и многочленные начальные группы. В этом случае препозиция энклитик, формально

не запрещенная, реально уже почти не встречается. В образцовых памятниках отмечен лишь один полноценный пример: *и сеѣ ми зимы и весны нѣ лзѣ на конь к тобѣ всѣсти* [1150], 148.³¹

Во всех остальных случаях представлена постпозиция. Примеры:
а с(в)аѣ Варѣварь тѣлица // сторова ли? 657;
затъ нашъ король // пустиль ти 10 тысячь [1150], 148 об.;
король затъ твои // пустиль ти помочь [1151], 157;
с тобою могу быти, ∇ а с братомъ твоимъ Гюргемъ // не оуправити ми естъ [1150], 145;
и в Роускои землѣ части // просиль еси оу мене [1196], 240 об.;
вѣ съ браѣмъ своимъ // готова есѣ въ хрѣтъномъ ѡблованьи [1149], 136 об.
 Также с энклитикой *са*: *[д]а [и]н[е]х[о] д[ев]ате гривено // осталоса* 436.

Характерный частный случай здесь составляет актантная группа, где имеются однородные члены (обычно они соединены сочинительным союзом). Примеры:

а волости Стѣславли и Игоревѣ // даль ва есмь [1147], 127 об.;
брате и сватю, // ѡчиноу нашу и хлѣбъ нашъ // възаль еси [1196], 240;
Роускы дѣла земля и хрѣтъянь дѣла // побди же оу свои Переяславль и в Коурескъ [1151], 156;
ѡцю моему и своему брату // поклонишис(а) Изаславу [1150], 148 (охват сказуемого);
вы есте по мнѣ из Рускы земли вышли, ∇ своихъ сель и своихъ жизни // лишиш(а) [1150], 149.

Полезно отметить в этой связи совершенно так же построенные квази-клаузы (а именно, те, что начинаются в точке первого барьера) во фразах:

но ѡбаче, ѡѣе, // твои щитъ и мои // не розно еста [1150], 148;
ны^н же, браѣ, // хрѣтъянь дѣла и всек Роускои земли // оумириш(а) [1148], 133 об.;
но здѣ пакы // мои сносѣ а твои женѣ // оудолжилос(а) [1150], 148.

Заключительные замечания о барьерах

§ 2.19. Как видно из предшествующего разбора, в образцовых памятниках в безусловном большинстве случаев, где позиция энклитики предполагает наличие ритмико-синтаксического барьера, появление этого барьера легко объясняется какими-то из названных выше семантических и/или синтаксических факторов, то есть понятно, почему именно отрезок перед данным барьером выделен. Довольно часто барьер возникает в силу одновременного действия нескольких факторов.

³¹ Эллиптическая фраза *сии ли крѣтъць малыи?* ‘неужели этот маленький крестик?’ ([1152], 166 об.) сюда не относится. Энклитика *ли* просто занимает здесь единственно возможное для нее место: ввиду отсутствия сказуемого (которое лишь подразумевается: ‘имеет такую силу’) позиция при сказуемом для нее исключена; а ни после *крѣтъць*, ни после *малыи* ее поместить нельзя, поскольку это потребовало бы барьеров внутри актантной группы, что запрещено.

Правда, как уже отмечалось выше, все же есть случаи, где выделение такого отрезка само по себе неочевидно; но свидетельство остального материала позволяет объяснять почти все такие случаи так же, т. е. позволяет предполагать и здесь имевшуюся у автора интенцию выделения.

Конечно, в образцовых памятниках имеются единичные фразы, нарушающие, по крайней мере на первый взгляд, правила о барьерах и месте энклитик. Однако в большинстве случаев при более детальном рассмотрении нарушение оказывается кажущимся. Здесь невозможно заниматься разбором всех трудных и сомнительных случаев; но в этом и нет нужды. См., например, § 1.42, где показано, почему нет никакого нарушения во фразе *брате, // что дѣла еси приѣхалъ?* Заметим, что нередко видимая неправильность — это просто результат порчи или переделки текста, в частности, ошибки переписчика (случайной или из-за непонимания текста). Например, аномальна фраза: *ты же нынѣ // ни мужа своего еси послалъ ко братоу своему Рюрикови, и ни своего прихода повѣдаеши емоу, ни моего* [1196], 240. Но слово *еси* переделано в рукописи из *си*, т. е. в тексте стояло *ни мужа своего си*, где никакого нарушения нет (притяжательное *си* постоянно ведет себя как локальная энклитика, см. § 1.9). Аномальна также фраза *продва да бы еси Климѣ* 528п; но в этом месте видны следы правки, и вообще данная грамота принадлежит к числу очень немногих, написанных с большим числом ошибок.

В итоге следует констатировать, что в ранних берестяных грамотах и Киев-Д механизм размещения энклитик, включая механизм барьеров, действует еще почти безупречно.

Вторичная проклиза

§ 2.20. Примеры вторичной проклизы (§ 0.2, 1.38) приводились выше при разборе фраз разных категорий; но при этом они, естественно, были распылены. Целесообразно рассмотреть эту проблему отдельно, учитывая всю совокупность таких примеров.

Перечень единиц, допускающих вторичную проклизу, т. е. полупроклитик, см. в § 1.38.

Частота случаев вторичной проклизы зависит от характера памятника и от хронологии. Ниже показано, каков в образцовых памятниках процент случаев вторичной проклизы у полупроклитик (от общего числа их употреблений в начальной позиции). Эта величина оценена нами по максимуму, т. е. включены в подсчет даже неоднозначные примеры. Слово *се* (в тех функциях, в которых оно является полупроклитикой, см. § 1.38) дает показатели, сходные с союзами, поэтому в данном подсчете оно присоединено к рубрике союзов.

Вторичная проклиза в образцовых памятниках

	Ранние берестяные грамоты	Киев-Д	Поздние берестяные грамоты
Местоименные слова	0%	13%	21%
Союзы и <i>се</i>	13%	29%	27%

Как ясно показывают берестяные грамоты, эта частота со временем растет, причем у союзов проклитическое употребление возникает раньше и представлено в целом существенно шире.

Рост частоты вторичной проклизы во времени есть не что иное как один из аспектов общей тенденции к постепенному увеличению числа случаев постпозиции энклитик. В самом деле, например, проклиза слова *ать* во фразе *ать са бьемь* дает фразу *ать° бьемса*, т. е. порождает лишний пример постпозиции *са*.

В книжных памятниках общая тенденция к постпозиции энклитик проявляется в древнерусский период существенно сильнее, чем в некнижных.

Таким образом, разница показателей ранних и поздних берестяных грамот, демонстрируемая приведенной таблицей, объясняется просто хронологией. А разницу между Киев-Д и ранними берестяными грамотами, очевидно, следует объяснять тем, что в Киев-Д, в отличие от берестяных грамот, все же имеется некоторый (пусть небольшой) элемент книжности. (Какую-то роль здесь мог играть также эффект переписки в XV в., но скорее всего довольно незначительную.)

§ 2.21. Рассмотрим вначале материал ранних берестяных грамот.

Местоименные энклиномены. Все имеющиеся примеры (их более трех десятков) указывают на полноударный статус слов данной категории. Иллюстрации:

- а а са имо потешоу 705;*
- да азъ ти тоу сѣжоу 902;*
- а азо ти са отоплачѣ 829;*
- азо ти олово попродаде 439;*
- а азо ти на поути 436;*
- ты же ма и потени 531;*
- то еси ты повѣдалъ ... 336;*
- то си хота мльви 605;*
- кетъ ти бъръже поидеть въ гъръдь 891;*
- кото ли на ма тажоу дьет[ъ] 831;*
- а цето ти са остало суца, то остави ести Ст. Р. 30;*
- а ци цето ти товара надобе, а то восолу 624;*
- такое еси возложило то слово 531;*
- какое еси возложило пороукоу 531;*
- какое жь еста торговала, тако жь ... 510;*
- какое ти было а Ивана аль 502;*
- какое ти взмолвить 502.*

Союзы. Норму составляет полноударное употребление (28 примеров). Иллюстрации:

- аже ми са поцьньши насмихати 752;*
- аже бы ти годьнъ 752;*
- аже ти возмоллови Коснатино 531;*
- ажь ти хъта жьдати 723;*
- ажь бы ты д(о)бромъ жила (сѣ) братом... 487;*

оже еси забыле моего добродѣанна 627;
 оже же еси продала Ст. Р. 8;
 оже ли не присълеши 915;
 ожь ма татьмо [п]оставили 222;
 [оже] ны кси холопы нарек[л]а 400;
 оже ти не возало Матее капи 439;
 а[ч]е ли ти, брат[ь]е, вины л[ю]дье на ма не ищѣ[ть] 724;
 а ты, // атче еси не възаль коунъ техъ ... 109;
 ако то есмы выдали Мѣзо... 872;
 или ти тажа, а поеди во городо 112;
 ать ти видѣло ... 502.

Проклитическое употребление встречается сравнительно редко, например: ако° ('как') ты си мловила емѣ 731. В ряде случаев (отмечаемых знаком /, см. § 1.38), например: а Бѣ за мѣздою, ∇ или / ладивьса 549; али / чимо есемо виновата, а восоли отроко 644 — представлен либо такой же эффект, либо барьер.

В целом данные ранних берестяных грамот позволяют предполагать, что в древнейшем состоянии языка вторичной проклитизы еще просто не было.

§ 2.22. Обратимся к материалу Киев-Д.

Местоименные энклиномены.

Безусловной нормой является полноударное употребление (более 150 примеров).

Примеры фраз с личными местоимениями 1-го и 2-го лица в И. падеже:

а есмь не ратью пришелъ к вамъ [1155], 174 об.;
 на же есмь Гюрга ис Киева выгналь [1150], 147;
 а аз ти zde доспѣваю [1152], 161;
 и назъ ва, брата, являю [1147], 127;
 на са тобѣ, брате, кланяю [1151], 156;
 а назъ ти са кланяю [1150], 143 об.;
 а ты еси нашъ кнѣзь [1159], 177 об.;
 ты ма еси, снѣ, самъ позываль Киеву [1150], 144 об.;
 ты же ми еси ее ѿстоупилса по волѣ [1195], 236 об.;
 азъ оуже бородать, ∇ а ты са еси родиль [1151], 155 об.;
 ты са, ѿце, не труди [1150], 145;
 то ты са прочь, а Изаславъ мою волость пожъжетъ [1149], 143 (примечательный пример безглагольной конструкции);
 а мы есме к тобѣ хрѣтъ целовали [1149], 136;
 мы са в то не дамы [1190], 232;
 вы есте людие дѣда моего и ѿца моег [1150], 149;
 вы бы есте мнѣ повѣдалѣ [1187], 228;
 а вы ми выдаита, кто ны сваживаетъ [1170], 193 об.;
 а вы са не внимаите ни во что же [1150], 149;
 а вѣ са сама оурядивѣ [1151], 156;
 вы еста ко мнѣ хрѣтъ цѣловала [1148], 133 об.

Случаев проклитического употребления тех же слов гораздо меньше, причем для части примеров возможны и другие просодические интерпретации.

По крайней мере в части таких фраз вторичная проклиза начального слова дает эффект выделения следующего за ним слова, например: *азъ° Исславъ есмь, кнзь ваишь* [1151], 158 об. (§ 1.38; см. там же другие примеры этого рода).

В ряде других фраз местоимение тоже почти наверное употреблено проклитически, но выделено ли здесь следующее слово, неясно:

- ты° мнѣ еси* *яко ѿць* [1151], 156;
вы° намъ есте *въ ѿца мѣсто* [1149], 141;
и вы° мнѣ есте *рекли* [1147], 128;
пакы ли, // я° възму вы на щитъ [1150], 151 об.;
ты° надѣшисѧ бѣжати в половицѣ [1139], 112;
се браѣе, снѣ мои, // вы° прислалисѧ есте ко мнѣ [1148], 135.

Есть также фразы, где позиция энклитик может объясняться либо наличием барьера, либо вторичной проклизой начального слова (что отмечается знаком /), причем для надежного выбора между этими двумя возможностями нет данных. Примеры:

- а я / готовъ есмь* *самъ полкы своими* [1149], 140;
а Георги мнѣ братъ есть, но моложиши мене, ∇ а я / старъ есмь [1151], 155;
а азъ / не радуюсѧ ѿ погыбели его [1155], 175 об. (см. об этой фразе § 2.12);
а како ты вгадаеши, ∇ а язъ / в томъ // готовъ есмь [1148], 133 об.;
азъ / про тебе же // с ни^М есмь *не добръ* [1196], 241;
вы / того // до сыти есте *молвили* [1152], 166 об.;
и мы / без ни^Х // коушаимсѧ на вежа^Х ихъ оударити [1183], 221 об.

У прочих местоименных энклиноменов: *то, что, кто, како, тако* — полное ударное употребление господствует еще прочнее. Примеры:

- то ны* *собѣ на сп^Сние* [1147], 127;
и то ми еси *молвилъ* [1151], 155 об.;
чего еста хотѣла волости, ∇ то ва есмь *изискаль* [1146], 124;
и кто тѧ *позваль?* [1154], 169;
но кто ми *ворогъ, на того вожю* [1150], 149;
кто ли *не имѣеть конѧ, а в лодыи* [1147], 128;
и что есми *взали твоего, а то ти* *възворотимъ* [1147], 126;
что си *оусунуль за плече* [1152], 167;
ать вси видимъ по мѣсту, ∇ што ны *Бѣ явить* [1151], 153;
по што еси *приѣхаль?* [1154], 168 об./169;
како тѧ *могу, ятры, пустити?* [1171], 195 об.;
а како сѧ *с ни^М оулажю* [1148], 134 об.;
а како ны *с ними Бѣ* *росоудитъ* [1147], 131;
како бы ны *взати бродъ Зароубьскыи* [1151], 154;
да како ю *с нимъ оудержиши* [1195], 236;
како есѣ *рекла, тако же на и даи Бѣ* *быти по мѣсту* [1151], 152 об.;
такое ми *вошло во оуши* [1147], 127;
въ правдоу ли идеши, ∇ а тако же ми *яви* [1149], 136 об.

Случаев проклитического употребления тут совсем мало:

- а что° оумыслилъ еси, а тое дѣи* [1172], 203 об.;
ать вси по мѣсту видимъ, ∇ што° явить ны Бѣ [1151], 153 (ср. другой порядок слов в аналогичном примере, приведенном выше);

так^о нарекли ма есте собѣ отцемь [1172], 201 об.;
да како^о жаль ми блшеть на Игоря [1185], 225.

Союзы.

Разные союзы ведут себя в Киев-Д неодинаково. Союзы *ать, зане, занеже, или, любо, поне* в полноударной роли встретились всего несколько раз:

ать ми са добро с ними $\omega^{(T)}$ силы мирити [1149], 137 об./138;

ать ми будеть ту сѣдаци добро слати в Галичь [1172], 201;

зане есте людие милии $\bar{\omega}$ ю моему [1157], 174 об.;

браге, Всеволода есми имѣль въ правду брата старшаго, ∇ занеже ми братъ и зать [1146], 119 об.

В основном эти союзы употребляются проклитически. По-видимому, это определяется тем, что за союзами с данным кругом значений ('чтобы', 'потому что', 'или') обычно следует слово, выделенное по смыслу (что дает эффект, описанный в § 1.38), например:

но повели, княже, ∇ ать^о посѣкуть и ('их') [1172], 200 об.;

ту же и ты стани, ∇ ать^о добро на ω всѣмъ гадати [1152], 161 об.;

зане^о болень есми велми [1152], 162;

зане^о ты еси старѣи на^с Володимирихъ вноуцѣхъ [1148], 134;

не будетъ Константинъ въ митрополи, ∇ зане^о клал ми $\bar{\omega}$ ца [1159], 180;

тобѣ въздати слово ω томъ к Бу, ∇ занеже^о възборони ми $\bar{\omega}$ пострижения [1168], 189;

да или поѣдете борзо, ∇ или^о возворотиса домовъ [1185], 223 об.;

доколѣ // любо^о оуладимса вси, или^о не оуладимса вси [1196], 239.

Но есть и фразы, где трудно установить, есть ли эффект выделения второго слова, например:

ать^о мы са бьемъ сами съ Изаславомъ [1153], 168;

ать^о вѣ са тѣмъ подиливѣ [1151], 160 об.;

понѣ^о ты са с людми оутвердилъ будещи [1154], 170 об.

Только в проклитическом употреблении в Киев-Д встретилось *тоти*, например: *тоти^о оуже еси съступилъ крѣтного цѣлованиа* [1152], 166;

тоти^о Изаславъ ма тѣмъ приобидилъ [1151], 155 об.

Напротив, у союзов *аже, оже, аче, яко* (не в изъяснительном значении) господствует полноударное употребление. Примеры:

аже са оуже тако оучинило [1147], 130;

ажъ ми са оуже молить [1195], 237;

аже бы лиха хотѣль [1140], [113 об.];

аже еси съ сакыми рѣчьми прислалъ [1174], 203 об.;

аже ми, $\bar{\omega}$ че, того $\bar{\omega}$ даси ты [1150], 151 об.;

но аже бы оуправилъ бра^т на^ш Стѣславъ [1149], 136 об.;

Бѣ вы помози, ∇ аже ми са есте яли помогати [1149], 140;

а то ми былъ Бѣ даль, ∇ аже са есте сами зажгли [1140], 113 об.;

аче ти ма оубити сѣноу на семь мѣстѣ, а оубии, а я не ѣдоу [1150], 144 об.;

аче ти са полки иструдать [1149], 140;

аче на будетъ которыи радъ [1151], 152;

аче ны са и (с) дѣтьми бити за та [1159], 177;
аче есмь тогда не былъ надъ браѣмъ своимъ [1154], 169;
яко ('как') ти есмь крѣтъ цѣловаль [1189], 230;
яко ('как') же ны есть любилъ ѿць твои [1159], 179 об.

Проклитическое употребление встречается приблизительно в 10 раз реже. Оно представлено прежде всего в нескольких фразах с явным эффектом выделения следующего за союзом слова (§ 1.38), в частности:

аже° ѿць та приобидилъ и волости ти не далъ, ѧзь же та прияхъ въ правду [1149], 135 об./136;

ны^н же, // аче° ѿць ти волости не далъ, а ѧзь ти даю [1148], 134.

Такой же эффект, возможно, присутствовал во фразе: *сѣну, Бѣ ти помози, ∇ аже° на мене еси чѣтъ възложилъ* [1150], 151 об. (если на мене здесь понималось как 'именно на меня').

Пример из числа прочих случаев: *брате, // аже° зовоуть та съ честью, иди* [1178], 214.

Отметим также фразу *ны^н же, ѿче, // ѡсе° даю ти Киевъ* [1150], 151 об., где, по-видимому, подобно союзам *оже, аже, аче* ведет себя частица *осе* 'вот' (надежно выявить ее акцентные свойства не удастся ввиду ее редкости).

ПАМЯТНИК КНИЖНОГО ТИПА — ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ

§ 2.23. Чтобы продемонстрировать контраст (в отношении энклитик) между двумя типами памятников, рассмотрим более подробно памятник, который можно считать образцом древнерусской книжной письменности, — Житие Феодосия (по Успенскому сборнику).

Этот памятник, созданный Нестором, очевидно, в начале XII в. и дошедший до нас в списке не позднее конца XII – начала XIII в., относится тем самым к той же эпохе, что ранние берестяные грамоты. Таким образом, все различия между ним и этими грамотами определяются только типом языка, но не хронологией.

Напомним, что при разборе как этого, так и других книжных памятников цитаты из Евангелия и Псалтири при анализе в расчет не принимаются.

Ссылки даются на листы Успенского сборника.

Повторять разбор семантических факторов возникновения барьеров в данном случае нет нужды, поскольку они везде одинаковы. Рассмотрим только синтаксическую сторону вопроса.

Тривиальный случай — фразы с начальным сказуемым — опускаем.

Набор свободных проклитико-энклитических комплексов, представленный в Житии Феодосия, имеет весьма характерный для книжных памятников вид: *не же, не бо, ни же, ни бо, ни ли, то же, се бо, да бы, да са, да си, да и*; примеры соответствующих фраз см. в § 1.41. К этому списку, возможно, следует отнести также *не бы* и *не быхъ*; но не исключено также, что здесь *бы* еще функционировало как полноударная словоформа, ср., например, *яко аще не бы Гѣ помогль ми* 44а, где вполне допустима именно такая трактовка.

В памятнике отмечено несколько фраз с начальным вспомогательным глаголом. Никаких особенностей, которые отличали бы поведение энклитик в этих фразах от основного массива фраз, не наблюдается. Примеры:

не бѣ бо никома же о томъ възвѣстиль 48б;
и нѣсть бо ти лѣно, отрокоу соущю, таковааго дѣла дѣлати 29в;
бѣ бо оуже лице кго // изменило сѧ 32в.

Дальнейший разбор следует проводить отдельно для сильных и слабых энклитик.

Сильные энклитики ведут себя в Житии Феодосия практически так же, как в образцовых памятниках, т. е. стоят в главной вакарнагелевской позиции.

Характерные примеры:

и отъ ярости же и гнѣва ... 28г;
по лѣтѣ же кдинонь ... 29г;
то боудеть ли сице на ононь свѣтѣ? 60а;
кгда же ли пакы кого слышааше бесѣдоующа 38г;
тѣгда же бо слышавъ о блженѣмъ Антонии ... 31б;
прикосноу бо сѧ кь слово Гне 33в;
нъ сице сътворивѣ, ∇ да азъ ти лѣгоу на возѣ 43б;
и кгда ти оумьроу, ты же погребеши тѣло моѣ 32г;
сице бо ти бѣ тѣцаникъ къ Богу блаженааго и доуховьнааго оца нашего Феодосия 42в (в трех последних примерах *ти* — частица).

Также с разделением энклитик:

онъ же // съврѣже ю долоу 34б;
и о семь же // молю вы и заклинаю 63в;
кто бо // не почюдить сѧ оубо блженуоуоумоу семоу? 38а;
чърноризъче, // се бо ты по всѧ дѣни // пороздѣнь кси 43б;
аще бо и тѣлѣмъ // ѡлоучихъ сѧ ѡ васъ 65б;
къ томоу бо поути // не приближають сѧ змии лоукавыи 39в;
да бы ни кдинъ ѡ стада кго // ѡлоучиль сѧ 50б;
и акы° о камыкъ бо // приразивъше сѧ, ѡскаахоу 61б.

Сильных энклитик в позиции правее факультативного барьера не отмечено вообще.

§ 2.24. Что касается слабых энклитик в Житии Феодосия, то здесь обнаруживается заметное различие между энклитиками ранга 6 (*ми, ти* и т. д.) и энклитиками рангов 7 и 8 (*ма, та, са* и т. д. и связками). Первые проявляют свой промежуточный по силе характер (см. § 1.20), а именно, ведут себя до некоторой степени сходно с сильными энклитиками, тогда как вторые отличаются от сильных энклитик очень резко.

Ниже примеры с аористом и имперфектом даются в общем ряду фраз с личными формами. Супин не упоминается, поскольку соответствующего материала в памятнике нет.

В приводимых примерах подчеркиваем только слабые энклитики.

Барьеров не обозначаем (за исключением некоторых особых случаев), поскольку для памятника данного типа проблема барьеров, по-видимому, решалась существенно иначе, чем для живой речи (см. об этом ниже, § 2.25).

Рассмотрим вначале энклитики ранга 6, т. е. местоимения Д. падежа.

В простых клаузах преобладает препозиция энклитики (правда, материал здесь невелик). Примеры:

вѣроу ми ими чадо, яко мощьнѣ жсть Бѣ 54г;
то истинуоу ти злю 32г;
се бо сама съ погоублю предѣ дѣрьми печеры сея, ∇ аще ми не покажеши
кго 32в;

яко аще быша ми възвѣстили оца въставѣша ѿ мъртвыхъ ... 60а;

еи, чадо, боудеть ти, ∇ яко же ти съ обѣща анѣль 46б;

и сиа ти приведохъ, съблюдь чисты и непорочны 27в;

много же си жалю кго ради 32б;

не рачить ми кго явити 32б.

Примеры более редких фраз с постпозицией:

нѣ се нынѣ злю ти 48а;

нѣ обаче молю ти са, владыко мои 62б;

тѣкмо же да вижю си сѣна своѣго 32б;

яко же яви ми Гѣ въ постыножѣ вѣрма 62г;

яко же хотѣти ми бѣжати отъ мѣста того 44а;

се нынѣ посла ма извѣстити ти 46а;

оному съповѣдающую ми ... 33б.

В многоактантных клаузах, напротив, редкостью является препозиция, как во фразах:

тѣмъ же кѣлико ми велиши сътворити, сътворю 31в;

и ѿселѣ не имоуть ти никоѣнъ же пакости створити лоукавии бѣси 44в.

В остальных случаях представлена постпозиция, например:

и кгда пакы Гѣ Бѣ повелить ми отъ свѣта сего преставити съ 46а;

и се пакы тѣ же чьрньць Иларионѣ съповѣда ми 44г;

яко же отъ того часа не боѣти ми съ ихъ 44б;

яко сице по прошению твоѣмоу боудеть ти 46а;

аще предѣ очима моима явлахоуть ми са 44б.

Тяжелых клауз отмечено всего четыре, и во всех *ми* стоит в препозиции.

Две из них построены вполне правильно:

яко многоу ми пакость творѣхоу въ келии зѣлии бѣси 44б;

тѣгда разоумѣите, ∇ яко далече ми Бѣ быти 64а.

Но в двух других *ми* в нарушение общего правила стоит после неодночленной актантной группы (см. § 1.42):

съврѣшеникѣ же злѣ ми оукажетъ съ 33б (разделение энклитик того типа, о котором см. в § 5.4 по поводу фразы *сему ли вкушению са кси оудивилѣ*);

вѣдите, яко близъ владыкы нбѣснаго ми соущю 63г.

Перейдем к энклитикам рангов 7 и 8, т. е. к местоимениям В. падежа и связкам. В Житии Феодосия они по своему поведению разительно отличаются не только от сильных энклитик, но даже и от энклитик ранга 6.

Приводимые ниже примеры подразделены на те же классы, что при разборе образцовых памятников. Но это делается лишь для удобства сравнения с этими памятниками. Никаких статистически значимых различий между этими клас-

сами в данном случае нет — везде представлено безусловное господство постпозиции энклитик при наличии лишь единичных случаев препозиции.

Обратимся прежде всего к простым клаузам.

Начальное местоименное слово. Примеры:

и ты съблуди ны 55в;

да азъ поставлю ѿ вамъ въ себе мѣсто игоумена 62г;

и тѣ избавить тѣ ѿ печали тоѣ 61г;

да въ нѣи же кѣсмъ одежи нынѣ, ∇ въ тои да положите мѣ тако въ пещерѣ 63в;

и тако ѿпусти ѣ 63а;

се слышавъ, ∇ онъ оужасе сѣ ѿ проповѣдании прѣдъбнааго 48б;

и того боите сѣ 63б;

томуо роугахоуть сѣ 61б;

сихъ възгноушамъ сѣ 39б;

и тако оустрьми сѣ къ Кыквоу городоу 31а;

и кѣже обѣщаль кѣси дати стѣи Бѣи ... 48б.

Также с разделением энклитик (со слабыми энклитиками в постпозиции), например:

онъ же съврѣже ю долоу 34б;

по сихъ же моляшети ѿ стѣи Θεодосии 41г;

и о семь же молю вы и заклинаю 63в;

се бо мьнить сѣ намъ привидѣниѣ бысть въ цркви 47а.

Препозиция энклитики представлена только в нескольких фразах со связкой, в частности:

въ свѣтѣ томъ, ∇ кѣже кѣси оуготоваль правѣдъникомъ 46а;

онъ же отвѣща, ∇ ѣко «азъ кѣсмъ князь» 40в.

Что касается фразы *се бо // сама сѣ погоублю предъ двѣрьми пещеры сеѣ* 32в (с оборотом *самъ сѣ* 'сам себя'), см. § 1.31.

Начальный союз. Примеры:

аще надѣемъ сѣ на нѣ въсѣмъ срдцьмъ 50в;

глы, ѣко «аще възвращю сѣ съдравъ въ домъ свои ...» 47г;

иди и съмотри истѣю, ∇ еда остало сѣ или мало чѣто ѿ нѣго боудеть 53г/54а;

дондеже трудоуаше сѣ 43б;

также с разделением энклитик, например:

и ѣко же изволи сѣ кѣмоу о мнѣ, тако да сътворить 62в;

и кѣгда же въздрѣмааше сѣ 43б.

С препозицией встретились только:

боудеть ти, ∇ ѣко же ти сѣ обѣща анѣль 46б;

ѣко же кѣ лѣпо болѣромъ 34б;

ѣко же кѣ лѣпо кѣназю 59б.

Начальное знаменательное слово. Примеры:

и Гѣ оуслыша ѣ 34г;

Бѣ да блгословить тѣ, брате 48г;

и стадо разидеть сн 28г;
 и съ слъзми молаше сА Бѡу 65в;
 да съ мольбою възвратитъ сн възспятъ 34а;
 и съ пекоущими веселъше сн дѣхъмь 42б;
 ни въ одежю облече сА 34г;
 нъ цѣрки оустръмиша сн 46в;
 явленикъмь ѿкры сА 55г;
 и любъзно цѣлова н 28в;
 и малы просльзи си 60а;
 глѧ ѡи, ѡко «много молихы и ...» 32б;
 и тоу остризи сн 32г;
 ти тѣгда възвратиши сн въ пещероу сию 32г;
 аще тако ксть, ∇ то оуже не бою сА 64б;
 и абик оустръми сн по нь 30а;
 николи же не отъчаи сн 45б.

Также с разделением энклитик:

стѣи же молаше н 28в;
 Никонъ же възврати сн възспятъ 41г;
 отъ земля бо възатъ сА цѣрки 47б;
 зѣло же люблѧшети и богодѣхновенъи Θεωδοсии 41г;
 ѡбаче же надѣю сА на Бѧ 50б/в;
 тѣкмо же да не отълоучаи сн мене 32г.

С препозицией энклитики не вызывающих сомнения примеров в этом классе просто нет. Отметим квази-клаузу в составе фразы: *се бо о семь // вельми сА радѣю, братиѣ* 58г.

Подчиненный инфинитив. Примеры:

то аще хочещи видѣти мн по всѧ дѣи 32г;
 ѡко же соудии то оувѣдѣвшю, ∇ большимъ начатъ любити и 30б;
 и повелѣ великому Никоноу остръци и 31в;
 и отътолѣ нача оставати сА кѣго 29г;
 и хотѧща остръци сА въ кѣдиномъ ѿ монастыревъ 32а;
 ни въ ѡдежю рачитъ облѣци сА 34г;
 и молахоуть и не соупротивити сА кѣмоу 58г.

С препозицией встретились только:

на заточениѣ хочеть тн посълати 58г;
 ѡко на поточениѣ хочеть тн посълати князь 65б.

Деепричастие. Примеры:

и много поучивъ ю 33б;
 и любъзно цѣловавъ и 35а;
 ѡко птица ис проугла истѣргъши сн 35а;
 и зѣло дивѧще сн съмѣрению кѣго и покорению 36в;
 и мало просльзивъ сн томоу 46б;
 еда како гнѣваѧ сА на ма, и не въпоустиши насъ въ монастырь 59б/в;
 и акы о камыкъ бо приразивъше сн, ѡскакахоу 61б.

Чистых примеров с препозицией нет (см. фразы с участием деепричастия в числе многоактантных и тяжелых).

Собственно причастие. Примеры:

и то же врагоу наоучающую я 29б;

и въписахъ на память всѣмъ почитающимъ я 33б;

и тако многашьды молвицю ся кмоу 28в;

оному же обѣцавшю ся ки не ѡтъити отъ нея 29а;

да бы ѡблоудившее ся овъча ѡ стада кго възвратилъ възспать 49в;

никако же некии ся о оутрънимъ днѣ 55б.

С препозицией встретилаь только фраза с усложненной структурой: *аще бо кто и не видѣвъ кя, ти слышааше ю бесѣдоуюцю, ∇ то начьнаше мьнѣти моужа ю соуца* ('то начинал думать, что это мужчина') 28б.

Многоактантные клаузы. Примеры:

и отътоуда пакы пресели ся на инъ хълмъ Антонии 35г;

донъдеже пакы Гѣ попечеть ся и нами 54г;

нача съ мольбою оувѣцавати и 29а;

также с разделением энклитик, например:

аще бо и тѣлмъ ѡлоучихъ ся ѡ васъ 65б;

и мы же вельми радоуемъ ся о прихождении твоёмъ 40г/41а;

яко же и выше рече ся 37в;

и ако же всѣмъ чюдити ся о преоудрости и разоумѣ дѣтища 28а;

яко же тѣмъ тоу прѣселити ся 55г;

и тако же вса слоужьба ихъ съ грѣхъмъ сътварають ся 49а;

то же аще тако боиши ся мене, то да сътвори волю мою 60б.

С препозицией слабой энклитики только:

и имъ же мя бѣ пастоуха створилъ 27в;

и пакы дѣлѣ ся своёмъ кждо имашеть 36а/б;

самъ чистъ ся творя 39а (заметим, что в последних двух фразах несомненно наличествует барьер после первой тактовой группы: *и пакы // дѣлѣ ся своёмъ кждо имашеть; самъ // чистъ ся творя*).

Тяжелые клаузы. Примеры:

и своима ногама попирашеть ю въ калѣ 34б;

и ѡ всѣхъ печалии ихъ избавить я 34г;

раби и рабыня плакахоуть ся гна своѣго 35а;

да проскоуры чисты приносятъ ся въ цркъвь Бжю 29б;

много зъла створи ся въ земли тои 34а;

въсѣхъ благыхъ мира сего испълни ся домъ мои 48в;

о сеи одежи хоудѣ мнози несъмыслении роугахоу ся кмоу 43а;

также с разделением энклитик, например:

блженни же Θεωδοσιи на прьвыи подвигъ възврати ся 29а;

къ тому бо поути не приближають ся змии лоукавыи 39в.

С препозицией слабой энклитики только:

съмѣряше ся, ∇ послѣднии ся въсѣхъ творя и слоужьбьникъ 42г;

съмѣряше ся, ∇ мьнии всѣхъ ся творя и всѣмъ слоужа 36г (мьнии всѣхъ, по-видимому, слилось в единую тактовую группу, см. § 1.42).

§ 2.25. Мы можем теперь непосредственно сопоставить коэффициенты препозиции энклитик двух древнерусских памятников, являющихся наиболее яркими представителями соответственно некнижного и книжного типа.

Сравнение коэффициентов препозиции энклитик в Киев-Д и Феод.

	Киев-Д	Феод.
Сильные энклитики: <i>же, ли, бо, ти₁, бы</i>	96,3%	100%
Энклитики ранга 6: <i>ми, ти₂</i> и прочие	91%	53%
Энклитики ранга 7: <i>ма, та</i> и прочие, кроме <i>са</i>	79%	12%
Энклитика ранга 7 <i>са</i>	64%	3%
Энклитики ранга 8: связки (1-го и 2-го лица)	84%	4/9

Как можно видеть, различие в поведении энклитик между некнижными и книжными памятниками проявляется только в сфере слабых энклитик.

Так, энклитики ранга 6 в Киев-Д выступают в препозиции почти столь же часто, как сильные, а в Феод. — вдвое реже.

Но особенно резкое различие проявляется в ранге 7: основная группа энклитик этого ранга в Феод. выступает в препозиции в шесть с половиной раз реже, чем в Киев-Д, а энклитика *са* — даже в 21 раз реже.

В ранге 8 различие тоже велико; правда, для точной оценки в Феод. недостаточно материала — всего 9 примеров (поэтому в таблице не выписана цифра процентов, так как здесь она малопоказательна). Но можно в данном случае использовать в качестве образца другой памятник ярко выраженного книжного характера — старославянскую Синайскую псалтирь. В ней коэффициент препозиции энклитик ранга 8 составляет 9%.

Чем же объяснить все эти массовые отклонения от закона Вакернагеля в Житии Феодосия и других книжных памятниках?

Некоторые из приведенных выше примеров можно было бы попытаться объяснить с помощью вторичной проклитики; например, в принципе возможно просодически интерпретировать фразу *и ты съблуди ны* как *и ты° съблуди ны*; аналогично *и кже° обѣцаль кси* и некоторые другие. Но к большинству фраз такое решение неприменимо; так что этим способом можно объяснить лишь очень немногое.

С другой стороны, для объяснения позиции многих слабых энклитик можно было бы предположить наличие соответствующего барьера. В части случаев такой барьер действительно вполне возможен. Но есть и фразы, где он оказался бы крайне неправдоподобным с точки зрения смысла. Например, во фразе *и мы же вельми радоуѣмъ сѧ о прихождении твоѣмъ* пришлось бы предположить совершенно не оправданный смыслом барьер после *вельми*; во фразе *и тако же вьса слоужьба ихъ съ грѣхъмъ сътворакъ сѧ* — столь же неоправданный барьер после *съ грѣхъмъ*; во фразе *и любьзно цѣлова ѧ* — после *и любьзно*.

Поэтому естественно предполагать, что в этих случаях перед нами не странные со смысловой точки зрения барьеры и не аномально частые проявления

вторичной проклизы, а просто несколько иная система устного воспроизведения текста, где слабые энклитики трактуются как полноударные слова и, соответственно, могут занимать во фразе любое место. Очевидно, эта система была в значительной мере искусственной; она не только не соответствовала обычной живой речи, но могла даже, напротив, отталкиваться от нее. При таком способе чтения письменного текста в предельном случае каждое слово произносится четко и отдельно от соседних и получает собственное ударение.

Следует полагать, впрочем, что реальная манера чтения все же не достигала этого предела: в противном случае не было бы уже никакой разницы в поведении сильных и слабых энклитик, тогда как в действительности эта разница сохраняется. Не стирается также разница между энклитиками «промежуточного» ранга 6 и «просто слабым» рангов 7 и 8. По-видимому, манера чтения клитик как полноударных единиц распространялась в первую очередь на «молодые» энклитики, т. е. такие, которые стали энклитиками в народном языке относительно поздно. Их народное произношение могло восприниматься книжником как вульгарная скороговорка, которой следовало противопоставить медленное и четкое «правильное» произношение. Подобным образом, например, ныне педант может подчеркнуто произносить [с'ејч'ас] и даже [здрáфствуйт'е], отталкиваясь от привычных бытовых аллегровых форм этих слов.

Что касается индивидуально энклитики *са*, которая обнаруживает самый низкий коэффициент препозиции, то для нее следует предполагать, кроме того, книжную тенденцию к более тесному сцеплению ее с глаголом и постепенному закреплению за ней постоянного места непосредственно после глагола. Подробнее этот вопрос рассматривается в главе 4, посвященной именно этой энклитике.

Глава третья

ЭВОЛЮЦИЯ ЭНКЛИТИЧЕСКИХ И ПОЛНОУДАРНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ (КРОМЕ СА)

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ЭНКЛИТИЧЕСКИХ И ПОЛНОУДАРНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ

§ 3.1. Характерной особенностью древнерусской системы местоимений является наличие у ряда местоименных словоформ двух просодических вариантов: энклитического и акцентно самостоятельного (полноударного).

У личных местоимений в дательном падеже эта парность представлена только в 1-м и 2-м лицах и выглядит так (первым дается энклитический вариант, вторым — акцентно самостоятельный): *ми – мѣнѣ; ти – тобѣ (тебѣ); ны – намѣ; вы – вамѣ; на – нама; ва – вама*.

У личных местоимений в винительном падеже данное явление представлено во всех трех лицах: *ма – мене* (в более позднюю эпоху *мена*); *та – тебе* (в более позднюю эпоху *теба*); *ны – насѣ; вы – васѣ; на – наю; ва – ваю; и – его; ю – еѣ; е – его; ѣ, ѧ* (В. мн.) – *ихѣ; ѧ, и* (В. дв.) – *ею*. Местоимения 3-го лица, входящие в этот список, после предлогов выступают в варианте с *н-*: *нь, него, ню, неѣ* и т. д.

В особом положении находится возвратное местоимение. В дательном падеже в принципе существует пара *си – собѣ (себѣ)*, внешне сходная с *ти – тобѣ (тебѣ)*, однако в древнерусском, в отличие от некоторых других славянских языков, энклитика *си* в своем прямом значении 'себе' употреблялась крайне редко (сохраняясь в основном лишь в своей вторично развившейся роли усилительной частицы, впрочем, тоже сравнительно редкой). Таким образом, в этой паре реально употребительным было только *собѣ (себѣ)*.

В винительном падеже парность *са – себе* (в более позднюю эпоху *себа*) ограничена практически лишь позицией после предлога; например, *за са* и *за себе* значат одно и то же. Что же касается возвратных глаголов, т. е. основной сферы применения *са*, то здесь *са* не равнозначно *себе*. *Са* имеет гораздо более широкий круг функций, чем *себе*. В частности, оно может быть средством передачи пассивного значения (скажем, *посѣкати са*), может сочетаться с непереходными глаголами (*бѣлѣти са, загорѣти са, пасти са* 'упасть' и т. п.) или с глаголами, не употребляемыми в простой форме (*боѣти са, смиѣти са, сумѣнѣти са* и т. п.) и др. Во всех этих случаях соответствующее сочетание с *себе* невозможно. Даже там, где, казалось бы, сочетания с *са* и с *себе* должны означать одно и то же, реально практически всегда имеется большее или меньшее различие в значениях; например, не равны по значению *хвалити себе* и *хвалити са, называти себе* и *называти са, слушати себе* и *слушати са* и т. д.

В вопросе о соотношении словоформ *са* и *себе* весьма показательна также та точка грамматической системы, где в позиции, требующей Р. падежа, уже в глубокой древности было невозможно заменить *са* на *себе* (в данном случае речь идет о *себе* в функции Р. падежа). Такую точку составляют возвратные супины, например, *бить са*. Супин управляет Р., а не В. падежом, следовательно, ожидалось бы **бить себе*. Но реально сохраняется то же *са*, которое выступает при всех прочих формах глагола. Это значит, что пара «глагол + *са*» уже образует тесное единство, где элемент *са* утрачивает свой статус словоформы В. падежа и становится неизменяемым.

Как мы увидим ниже, указанное особое положение энклитики *са* в группе энклитических местоимений привело к тому, что ее эволюция в истории русского языка оказалась резко отличной от прочих местоимений. Поэтому данная энклитика рассматривается в настоящей книге отдельно от остальных — ей посвящена самостоятельная глава 4.

Для чего служит парность энклитического и полноударного вариантов?

Энклитики — это самый простой, обычный способ выразить соответствующее значение. Они употребляются везде, где какая-то особая причина этому не препятствует.

Препятствием здесь служит то, что из-за отсутствия собственного ударения и из-за обязательной постановки на строго определенное место во фразе энклитика в определенных случаях оказывается неудобным или даже просто непригодным средством выражения требуемого значения. Например, с помощью энклитик нельзя выразить смысл 'дал мне и тебе', поскольку сочетание **даль ми и ти* невозможно — оно нарушает закономерности расположения энклитик (а именно, энклитика [в данном случае *ти*] не может стоять после ненадлежащей проклитики). Нельзя выразить смысл 'дал именно мне', так как слово со значением 'мне' в этом случае должно нести ударение, а энклитики безударны. Напротив, акцентно самостоятельные словоформы свободны от указанных ограничений, поэтому они пригодны для построения сколь угодно сложных синтаксических конструкций. Например, совершенно правильным является сочетание *даль мнѣ и тобѣ* или *даль мнѣ* (с фразовым ударением на *мнѣ*).

§ 3.2. Правила распределения энклитических и полноударных вариантов со временем меняются. Даже на протяжении древнерусского периода они не остаются неизменными. Исходя из показаний самых древних и самых консервативных памятников, можно составить картину предполагаемого первоначального состояния энклитических и полноударных местоимений, от которой реальные памятники отклоняются — одни в меньшей, другие в большей степени — в сторону позднейшего состояния.

Ниже излагаются правила для этого реконструируемого первоначального состояния.

В обычном (немаркированном) случае нормой является употребление энклитики. Полноударный вариант употребляется в особых случаях, которые определяются частью синтаксическими, частью семантическими факторами.

А. Синтаксическими причинами употребление полноударных местоимений диктуется в следующих случаях.

1. В начале клаузы или после обращения. Например, невозможно: **ми не надобѣ*; **а нынѣ, кѣнаже, ма пограбили*. Если не менять порядка слов, то возможно только: *мѣнѣ не надобѣ*; *а нынѣ, кѣнаже, мене пограбили*.

2. После предлога (только для местоимений в дательном падеже), например: *къ тобѣ, по мѣнѣ, къ намѣ* (невозможно **къ ти, *по ми, *къ ны*). Но для местоимений в винительном падеже такого ограничения нет — вполне нормальны сочетания *на ма, въ та, за са, за ны, на вы, про ма, предѣ та, за нь, по нь, на нѣ* и т. п. (хотя возможны также и *на мене, въ тебе, за него* и т. д.).

3. Когда местоимение соединено сочинительной связью (союзной или бессоюзной) с каким-то другим словом. Например: *далѣ мѣнѣ и Петру; далѣ мѣнѣ, тебѣ и имѣ* (невозможно: **далѣ ми и Петру; *далѣ ми, ти и имѣ*).

4. После проклитик *а, и, но, то, не, ни* (понятно, что этот пункт часто совмещается с предыдущим). Например: *а мѣнѣ не надобѣ; виню не васѣ; насѣ наидеть и намѣ съкажетъ* (невозможно: **а ми не надобѣ; *виню не вы; *насѣ наидеть и ны съкажетъ*).

5. При наличии у данного местоимения определения или приложения. Например: *прости мѣнѣ грѣшьному; даи намѣ въсѣмѣ* (невозможно: **прости ми грѣшьному; *даи ны въсѣмѣ*).

6. Когда употребление одних лишь энклитик привело бы к появлению в одной тактовой группе двух энклитик одного и того же ранга. Например, смысл 'я должен дать тебе рубль' не может быть выражен в виде **дати ми ти рубль*, поскольку *ми* и *ти* — энклитики одного ранга. По крайней мере одна из этих энклитик должна быть заменена полноударной словоформой, например: *дати ми тобѣ рубль*.

В перечисленных случаях употребление полноударных вариантов практически обязательно. Наблюдаемые отклонения (крайне редкие) почти всегда определяются не малой строгостью правила, а неполным переходом некоторых групп местоимений в статус энклитик. Таковы, например, *мѣ же приять* в Синайской псалтири, *ѣко же и ма възлюбиль еси* в Мариинском ев., *а са его заприть* в ГВНП, № 28 и т. п. (см. § 1.10).

Из прочих случаев мы можем указать только: *а быти ми и мои^М дѣте^М с твоею кнагинею и с твоими дѣтми вездѣ за оди^Н* (ДДГ, № 16, 1401–02 гг.); *того ми и мои^М дѣте^М под ними блюсти* (там же).³²

Имеются также случаи, когда замена энклитики на полноударный вариант предпочтительна, но все же не обязательна (продолжаем счет пунктов):

³² В этих двух фразах источник нарушения, по-видимому, лежит в том, что основная мысль здесь выражена в словосочетаниях *а быти ми, того ми* (построенных совершенно правильно), а затем к этой мысли автор добавляет уточнение 'а также и моим детям', выраженное просто словами *и моимъ дѣтемъ*. Иначе говоря, смысл этих фраз можно было отразить с помощью следующей пунктуации: *а быти ми, и моимъ дѣтемъ, с твоею кнагинею (...) за одинъ; того ми, и моимъ дѣтемъ, под ними блюсти*.

7. Когда местоимение стоит непосредственно перед обращением к тому лицу, которое обозначено данным местоимением, например: *вѣ же пакы тобѣ, брате, молвивѣ* [1151], 152 об. Возможны, правда, отклонения (как, например, во фразах *а в Ладугу ти, княже, слати осетръника и медовара* [ГВНП, № 7, 1304–05 гг.], *и ѡзъ ва, брата, ѡвляю* [1147], 127); но они редки.

8. Когда местоимение подчинено не сказуемому (выраженному личной формой глагола, инфинитивом или деепричастием), а некоторому имени, собственному причастию или междометию, например: *тѣмъ же приими оуготованыи тебе <-бѣ> вѣнць* (Феод., 27в/г); *не предаи же звѣремъ дѣла можа исповѣдающася тебе <-бѣ>* (ЖАЮ, 5б/в); *оѣе Гѣ нашего Гѣ Хѣ, прииди на помощь мнѣ* (Феод., 27а); *и биюще подобныа мнѣ лишеникы* (ЖАЮ, 37а). Правило соблюдается не всегда, а лишь в большинстве случаев; но для местоимений, стоящих после слов *охъ, увы, горе*, оно действует практически всегда, например, *увы мнѣ, горе тебѣ*.

9. Когда замена энклитики полноударным вариантом позволяет разгрузить многочленный блок энклитик или избежать вклинивания энклитики внутрь тяжелой актантной группы. Например, во фразе *и что сельць тягнуло къ тымъ слободамъ, того всего тобѣ съступитися* (ГВНП, № 9, 1307–08 гг.) использование полноударного *тобѣ* позволяет сохранить единство актантной группы *того всего*; ср. фразы типа *а и-Суждальскои (и- = 'из') ти земле Новагорода не рядити* (ГВНП, № 1, 1264 г.), где энклитика *ти* в точном соответствии с законом Вакернагеля разрывает актантную группу *и-Суждальскои земле*. Правило носит отчетливо факультативный характер.

Существуют и некоторые более тонкие случаи, когда для автора оказывается удобной замена энклитики с ее фиксированным местом во фразе на полноударную словоформу, которая может занимать любую позицию, поскольку такая замена оставляет ему больше свободы в выражении его мысли. Но определить их в строгих терминах слишком сложно.

Б. Семантическими причинами употребление полноударных местоимений диктуется в следующих случаях.

1. Когда местоимение участвует в смысловом противопоставлении или сопоставлении, например: *а дала тобѣ, а Нѣжмѣ не дала* 'я дала тебе, а не Нежате' 644; *а кодъ ти мнѣ хльбъ, тѣ и тобѣ* 'а где мне хлеб, там и тебе' 731; *кто тобѣ ворогъ, тоти и намъ* [1174], 203; *то ци мене еси почѣтилъ* — *Б(о)да еси почѣтилъ* [1150], 152. В этом случае употребление полноударного местоимения обязательно.

2. Когда местоимение несет эмфазу, т. е. оно выделено, подчеркнуто. Пример: *а казни ихъ любо слѣти, аль даи намъ* [1177], 213 об.; здесь *намъ* явно подчеркнуто, именно на нем (а не на глаголе *даи*) лежит фразовое ударение. Когда такая эмфаза действительно есть, употребление полноударного местоимения столь же обязательно, как и в пункте 1. Но, к сожалению, во фразе из древнего памятника мы часто не можем установить наличие или отсутствие эмфазы с такой же надежностью, как в случае противопоставления.

Синтаксические и семантические факторы полноударности часто действуют совместно; например, условие А1 легко сочетается с условием Б2.

Следует отметить также еще один фактор, сверх синтаксических и семантических, который в некоторых случаях может приводить к замене энклитики на полноударный вариант, — стремление избежать опасной омонимии. Такова прежде всего омонимия местоимения *ти* ‘тебе’ и частицы *ти*. Пример: *ωже са тобѣ што оучинить, то што намъ дѣнати?* ‘если с тобой что-нибудь случится, то что нам делать?’ [1153], 168. Если бы автор сказал *ωже ти са што оучинить* (с энклитическим *ти*), то фразу было бы возможно (и даже более естественно) понять как ‘если же что-нибудь случится, то что нам делать?’ (где *ти* — частица), то есть важный для автора смысл ‘с тобой’ вообще пропал бы. Заменяв *ти* на *тобѣ*, автор устраняет эту опасность.

Другие варианты омонимии, которая иногда может оказаться нежелательной, — *ны* (Д.) и *ны* (В.); *вы* (Д.), *вы* (В.) и *вы* (И.).

§ 3.3. Реальные памятники, как уже указано, обычно в той или иной мере отклоняются от первоначальной картины. Но эти отклонения практически всегда направлены в одну сторону, а именно, состоят в том, что в каких-то точках мы находим полноударное местоимение вместо ожидаемой энклитики, но не наоборот. И это вполне логично, потому что таково общее направление эволюции, и памятники просто демонстрируют нам бóльшее или меньшее продвижение по пути от первоначального состояния к современному.

Эта ситуация означает, что в ходе эволюции формируется и постепенно набирает силу новое правило употребления полноударных местоимений. Оно состоит в том, что для их употребления более не требуется никакой эмфазы или иных особых условий: они могут теперь выступать в любом контексте.

Обнаруживаемые в памятниках примеры употребления полноударного местоимения за рамками приведенного выше списка случаев объясняются либо тем, что мы не уловили эффекта того или иного пункта основных правил (прежде всего Б2 или А9), либо действием указанного нового правила.

Поскольку у нас нет средств надежно отличить первый случай от второго, мы не будем пытаться разделить их при подсчетах, а будем учитывать непосредственно их сумму.

Для дальнейшего нам потребуется выделить «зону обязательного употребления полноударных вариантов» (сокращенно — «зону полноударности»). Она включает прежде всего те употребления местоимений, которые удовлетворяют условию хотя бы одного из пунктов А1–А6, Б1. Допуская небольшое огрубление, согласимся, кроме того, включать в нее также и те, которые удовлетворяют условию пункта А7 или А8.

Для характеристики поведения некоторой пары вариантов, например, *ми* – *мѣнѣ*, в конкретном памятнике необходимо указать:

- 1) общее число (*a*) примеров с *ми*³³;

³³ В это число попадут и те крайне редкие случаи, когда *ми* выступает в зоне полноударности, т.е. вместо ожидаемого *мѣнѣ*. Это те *ми*, которые в качестве исключения встречаются во фразах, подпадающих под пункты А7, А8 и Б1 из § 3.2. Нет смысла пытаться исключить эти случаи из общего подсчета, поскольку точно учесть их чрезвычайно трудно, а в количественном отношении их влияние на итоговые цифры ничтожно.

2) число (b) примеров с *мънѣ*, не входящих в зону полноударности.

Отношение $a/(a+b)$ назовем коэффициентом энклитичности (данной пары вариантов местоимения).

Если позволить себе некоторое огрубление, то можно сказать, что коэффициент энклитичности — это процент примеров с энклитическим вариантом местоимения из общего числа примеров, где нет условий для обязательного употребления полноударного варианта.

ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ

Раннедревнерусские памятники

§ 3.4. Ниже в форме таблиц приведены количественные данные, относящиеся к изучаемой группе местоимений, по обследованным нами памятникам. Указан коэффициент энклитичности для форм разных чисел и падежей; в скобках даны соответствующие абсолютные цифры (косая черта равносильна слову «из»). В рубриках, где примеров менее десяти, проценты не выписываются.

Необходимо учитывать, однако, что для изучения местоимений 1-го и 2-го лица годятся лишь памятники со значительным количеством диалогов. Поэтому часть находящихся в поле нашего зрения памятников содержит показательный материал лишь по местоимениям 3-го лица, а по местоимениям 1-го и 2-го лица почти ничего не дает (и в соответствующие сводки просто не включается). Такова, в частности, НПЛ и авторская часть Киевской летописи.

Для раннедревнерусского периода в данном вопросе еще нет необходимости разделять народные и литературные памятники.

Берестяные грамоты там, где это полезно для наглядности, мы подразделяем не просто на ранние и поздние, а более дробно — по векам (XI–XII вв., XIII в. и XIV – 1-я пол. XV в.).

Особая непростая проблема, с которой сталкивается исследователь, подсчитывающий в тексте число словоформ В. падежа, состоит в том, чтобы правильно установить падеж у словоформ с омонимией В. и Р. падежей, а таковы все интересующие нас полноударные местоимения В. падежа: *мене (мена)*, *тебе (теба)*, *насъ*, *васъ*, *наю*, *ваю*, *его*, *еѣ*, *ихъ*. Необходимо учитывать, что в древнерусском (и в старославянском) Р., а не В. падеж выступал, в частности, в следующих случаях:

1. При наличии отрицания (обязательно), причем не только при непосредственно подчиняющем слове, но и в любом вышестоящем узле дерева подчинения. Например, во фразе *и не буд(е)тъ ми лѣтъ к тому въвести тебе сѣмо николиже* (ЖАЮ, 17а) словоформа *тебе* — это не В., а Р. падеж, поскольку в цепочке подчинения *не будетъ* → *лѣтъ* → *въвести* → *тебе* верхний член имеет при себе отрицание. Тем самым *тебе* не является здесь примером употребления полноударного местоимения вместо энклитики.

2. При супине (обязательно). Например, во фразе *оувидѣвъ, яко послани суть губить кѣго* (ПВЛ, 46) *кѣго* — это не В., а Р. падеж.

3. Факультативно при целом ряде глаголов, которые в современном языке уже управляют В. падежом, в частности: *слушати, послушати, слышати, видѣти, ненавидѣти, въпрашати, въспросити, поспѣтити, присѣтити, поманути, забыти*, — не говоря уже о тех, которые и ныне управляют Р. падежом, но допускают и В., в частности: *просити, трѣбовати, искати, жьдати, чаяти*. Ср., например, управление в таких фразах, как: *овѣца моя гласа моего слоушажтъ, и азъ знаѣ, и по мнѣ граджтъ* (Мар., Ио. 10.27); *аще послоушаси моего гласа* (Флав., 477в); *незлюбивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду* (ПВЛ, 68); *странень бѣхъ и въвѣсте ма, нагъ и одѣсте ма, болѣхъ и поспѣстите мене* (Мар., Мт. 25.36; ср. *ма* при первых двух глаголах и *мене* при последнем); *тогда же Антигонъ прѣвое славы акы забывъ ...* (Флав., 360б); *в то же верема Ростиславъ Смоленский проси дчери оу Стослава оу Ольгови^ч за Романа сѣна своего* (Киев. лет. [1148], 134 об.); *время бо требоваше слоугы своего* (Киев. лет. [1199], 243).

Правда, в большинстве таких случаев те же глаголы допускают и управление В. падежом. Но понятно, что это недостаточное основание для того, чтобы рассматривать как достоверные примеры новых форм В. падежа местоимений такие фразы, как, например: *жестокое есть слово се, кто можетъ его слушати* (Мар., Ио. 6.60); *Ростиславъ же послушавъ ихъ, иде Бѣлугороду* (Киев. лет. [1161], 184 об.); *Олексъѣи [кѣ]о въспроси 755п; и посла искать брата своего, [и] искавшие его, не обрѣтоша* (ПВЛ, 23 об.) и т. п. Попытки для каждой конкретной фразы такого рода решить в индивидуальном порядке, какой падеж (Р. или В.) здесь представлен, привели бы только к произволу и разнобою. Поэтому условимся ради сопоставимости результатов разных подсчетов относить все двусмысленные формы местоимений, выступающие при глаголах приведенного списка, к Р. падежу, т. е. интерпретировать их по древней модели.

Практически это означает, что ниже такие фразы в наши подсчеты не включаются. Можно предполагать, что это создает некоторый незначительный сдвиг всех показателей в сторону большей консервативности; но поскольку этот эффект одинаков для всех памятников, то соотношения между ними остаются неискаженными.

Отметим, что, как и в пункте 1, эффект глаголов данного списка может проявляться не только при непосредственном, но и при опосредованном подчинении. Например, во фразе *что мене иштете оубити* (Мар., Ио. 7.19 et alibi), с цепочкой подчинения *иштете* → *оубити* → *мене*, Р. падеж словоформы *мене* определяется синтаксическими свойствами глагола *иштете*.

Первое и второе лицо

§ 3.5. Приводим сводную таблицу, демонстрирующую коэффициент энклитичности различных местоимений Д. и В. падежей. Она включает важнейшие древнерусские памятники XI–XIII вв., содержащие (по крайней мере в основных рубриках) удовлетворительное количество материала.

Коэффициент энклитичности местоимений 1-го и 2-го лица
в памятниках XI–XIII вв.

	Д. ед. <i>ми~мьнѣ</i>	Д. ед. <i>ти~тебѣ</i>	В. ед. <i>ма~мене</i> <i>та~тебе</i>	Д. мн. <i>ны~намъ</i> <i>вы~вамъ</i>	В. мн. <i>ны~насъ</i> <i>вы~васъ</i>	Д. дв. <i>на~нама</i> <i>ва~вама</i>	В. дв. <i>на~наю</i> <i>ва~ваю</i>
Бер. гр. XI–XII	98% (40/41)	91% (31/34)	92% (36/39)	0/2	5/6	4/6	0/1
Киев-Д	92% (140/152)	83% (150/181)	91% (174/191)	72% (96/134)	73% (27/37)	72% (23/32)	2/8
Гал.- Волын.	92% (65/71)	89% (48/54)	97% (59/61)	47% (9/19)	64% (14/22)	1/3	0/1
ПВЛ	84% (59/70)	96% (48/50)	98% (140/143)	46% (34/74)	78% (73/93)	0/6	0/4
НПЛ-1	7/7	6/6	7/8	46% (11/24)	25% (3/12)	—	—
Даниил	100% (29/29)	3/3	100% (21/21)	7/8	7/8	—	—
ЖАЮ	95% (176/185)	93% (177/190)	95% (148/155)	39% (13/33)	78% (14/18)	—	—
Феод.	98% (40/41)	100% (30/30)	100% (39/39)	0% (0/23)	(8/9)	—	—
Флавий	88% (57/65)	85% (35/41)	89% (78/88)	1% (1/96)	64% (37/58)	1/2	0/6

Из этих цифр видно, что экспансия полноударных местоимений происходила с разной интенсивностью в разных числах: во множественном и двойственном числах она была гораздо активнее, чем в единственном.

Единственное число

В единственном числе все памятники данной группы обнаруживают очень высокий коэффициент энклитичности — от 83 до 100%. Иначе говоря, нормой здесь везде является употребление энклитических вариантов; незначительная разница между памятниками состоит лишь в том, насколько заметна доля новых форм, т. е. полноударных вариантов. Приведем иллюстрации из памятников.

«Хождение» игумена Даниила.

В единственном числе древнее правило соблюдается здесь без единого отклонения (что в особенности примечательно, если учесть, что памятник дошел до нас лишь в списке конца XV в.). Примеры:

и тый ми мужь указа все по истинѣ;
тогда княз-еть с радостию повелѣ ми поити с собою и приряди мя къ отрокомъ своим;
и призва мя к себѣ с любовию, и рече ми: «что хоцещи, игумене русьский?»;
познал мя бяше добрѣ и любил мя велми;
ни пригоди ми ся видѣти инога зла ничто же;
изми статурь и вдаи за мя и за ся;
молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля русских.

Житие Феодосия.

Ситуация почти такая же, как в Дан. Примеры:

повѣжъ ми, аще сде ксть снѣ мои 32б;

се нынѣ посла ма извѣстити ти 46а;

на заточениѣ хочеть та посылати 58г.

Единственная фраза с полноударным местоимением, не входящим в зону полноударности, — *и се пьсъ чьрнѣ ста предѣ мною, ∇ яко же имь мнѣ не лъзѣ ни поклонити ся* 44а. (Напомним, что фразы, где полноударное местоимение подчинено существительному или причастию, не в счет; см. примеры в § 3.2, п. А8.)

Ранние берестяные грамоты.

Примеры фраз, составляющих норму:

а соромъ ми, оже ми лихо мълвлаше 605;

и покланяю ти са, братьче мои 605;

оставили ма были людье 724;

а а та передамо святее Богородице 705.

Фраз с полноударными *мнѣ, тобѣ, мене, тебе* вместо ожидаемых энклитик совсем мало, причем все они относятся к конечной фазе раннедревнерусского периода. Из них простым результатом действия нового, а не старого правила можно признать только: *боле же за м(е)не скота не поусту* 550 (посл. треть XII в.); *оуже мне не ехати во Соуждеале* 439 (рубеж XII и XIII вв.). В нескольких других случаях можно предполагать действие дополнительных факторов, способствующих появлению полноударных форм. Таковы, в частности: *только мнѣ емати скота* 550 (возможно, что слово *мнѣ* здесь следует понимать как подчеркнутое: ‘только мнѣ должно собирать деньги’); *и позовало мене во погосто, и азо прехала* 531 (нач. XIII в.) (здесь имеется такая же возможность); *оце е тебе н[е] годена, а попроводи ко мене сестроу* 705 (нач. XIII в.); *ни тоу тобѣ тоцины вькши одоное* ‘нет тут тебе убытка ни единой векши’ 222 (нач. XIII в.); в последних двух примерах употребление энклитики *ти* (*оце ти е ..., ни тоу ти ...*) дало бы фразы, где *ти* естественнее всего было бы понять как частицу, т. е. значение ‘тебе’ осталось бы невыраженным (см. об этом выше, § 3.2).

Таким образом, в берестяных грамотах XI–XII вв. древнее правило действует еще почти без нарушений.

Киев-Д.

Памятник чрезвычайно богат относящимся к данному вопросу материалом. Открывающаяся в нем картина в целом сходна с ранними берестяными грамотами, но степень продвижения в сторону нового правила несколько больше.

Примеры фраз, составляющих норму:

ты ми еси ѿць, а се ти Киевъ [1150], 145;

идеть на ма Изаславъ [1147], 132;

кнаже, хотать та яти [1140], 113 об.

Примеры отклонения от этой нормы в сторону нового правила:

ты мнѣ еси яко ѿць [1151], 156;

како мнѣ снѣ бра^т твои Изаславъ, тако ми ты [1151], 153 об. (NB употребление *мнѣ* и *ми* в одинаковых контекстах);

да аще мене Бѣ поиметь, а сѧ моеѣ прими к собѣ [1152], 162/об.;
 а жалоується на мене про тебе [1195], 236;
 мы есмы тебе того дѣла позвали ... [1152], 167.
 Как и выше, имеются фразы, где не исключена некоторая эмфаза, например:
 аже рать идеѣ из Галича, а друга ѿ Чернигова, ∇ то ты мнѣ Киевъ даешь
 [1150], 145 ('то ты мне Киев отдаешь [вместо того, чтобы самому его защи-
 щать]');
 и стоимъ въ крѣтньомуѣ цѣлованѣи, хотяче добра тобѣ [1174], 202 об.;
 а оубивъ мене, а тобѣ волость [1140], 113.
 Особо отметим наличие заметного числа фраз, где употребление тобѣ вме-
 сто ти можно связывать с желанием избежать двусмысленности (ти 'тебе' или
 ти – частица), например:
 поѣди, кнѣже, не страпай, ∇ ради есме тобѣ [1159], 177 (ради ти есме было
 бы понято просто как 'мы ведь рады');
 аналогично — кнаже, мы тобѣ добра хочемъ, за та головы свои съклады-
 васмъ [1178], 213 об.;
 ако ни ѿць того вдалъ, ∇ что ѧ тобѣ вдалъ [1149], 136 и ряд других.
 Сходно с Киев-Д ведут себя и другие ранние летописи, см. таблицу выше.

Житие Андрея Юродивого.

Материал столь же богат, как в Киев-Д. Полноударных вариантов лишь не-
 многим больше, чем в Феод. Примеры фраз, составляющих норму:
 хоцещи ли ми работати бв;
 и възѧ ма трепеть С21;
 имѣю ти нѣчто добро повѣдати С13 об.;
 того хоцю послати на та 33г.
 Примеры отклонений в сторону нового правила:
 и чюдѧщюса бывшему, ∇ како се сѧ ксть мнѣ створило 11б;
 не мози прославити моего лишеньѧ, // ни поставити мнѣ цркви ни иконы
 С170;
 се ти ксмъ пришедь к тебѣ, ∇ повѣдати тобѣ хотѧ ... 42в;
 да стыдитисѧ бы было тобѣ видити женьскоѣ тѣло обнажено 30а;
 насильѣ бо ми дѣють, ∇ муча мене лукавствомъ своимъ 58а;
 кым же образомъ можещи мене ѿвести ѿ свок(ѧ) мысли 22а.

Флавий.

В единственном числе коэффициент энклитичности лишь ненамного ниже,
 чем в ЖАЮ. Примеры фраз, составляющих норму:
 да вдасть ми ѿвѣтъ за сѧ и за ѿнѣхъ 368б;
 Бѣъ ма посла к тобѣ, а ты ма посылаещи къ Неронѣ 417б;
 и сѧмъ ти сѧ вдамъ 362в;
 что ли ма оустреми на та 378г.
 Примеры отклонений в сторону нового правила:
 и безпечалноѣ житиѣ мнѣ подаваше 378в;
 и ѿнъ тогда сегò житиѧ ѿхода и призва мене 376г;
 да принесеть на мене всако мѣченоѣ дѣло 379а;

ω кесарю, сѣ дне^с предаю главою свою тобѣ бóдро 451г;
 велми въписта на та хѣлѣща, и творѣща тебе нечлкомъ 377а.

Множественное число

§ 3.6. Во множественном числе картина совсем иная: коэффициент энклитичности здесь практически везде существенно меньше, чем в единственном. При этом в дательном падеже множественного числа он в большинстве памятников намного ниже, чем в винительном.

Дательный падеж

Приводим примеры в виде табличек.

Даниил.

Старые формы — норма	Новые формы — исключение
и не даша <u>ны</u> ити тамо правовѣрнии человѣци, рекоша <u>ны</u> тако: «ничто же <u>вы</u> тамо видѣти добра ...» и ту угоди <u>ны</u> ся нощьлѣгъ лежати на мѣстѣ том но сказаша <u>ны</u> добрѣ о горѣ той	но все добро показа <u>намъ</u> Богъ видѣти очима своима (единств. пример)

Киев-Д.

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
то <u>ны</u> собѣ на сп ^с ние [1147], 127 жаль бо <u>ны</u> есть, бра ^т нашего держи- ши Игоря [1147], 127 а како <u>ны</u> с ними Бѣ дастъ [1147], 131 об. аже <u>ны</u> не даси, а намъ самѣмъ ω собѣ поискати [1142], 115 возмите оу мене с любовью, ∇ что <u>вы</u> даю [1142], 115 об. а се <u>вы</u> братъ мои Игорь [1146], 118 об. се же <u>вы</u> являю [1147], 128 того <u>вы</u> бра ^т мои не велѣлъ [1147], 128	даи <u>намъ</u> снѣ твои, а Стѣслава брата твоего не хотимъ [1140], 114 ωже са с нима начнемъ бити, ∇ то се <u>намъ</u> будутъ первии ворози [1172], 199 азъ, бра ^{те} , молвлю <u>вамъ</u> [1150], 150 а азъ <u>вамъ</u> свои княжичь, а ѡтвори- теса [1157], 174 об.

Житие Андрея Юродивого.

Старые формы — более редкие	Новые формы — преобладающие
того дѣла въздал <u>ны</u> ксть Бѣ 8б то бо вѣсть, что <u>ны</u> ксть на ползу 40б не даи <u>вы</u> Бѣ видити ни кдиному васъ свѣта 23в	велицаньк наше се <u>намъ</u> ксть ство- рило 61в и кже нашего ксть, ∇ пакы вдаль бы <u>намъ</u> 65б

Старые формы — более редкие	Новые формы — преобладающие
	<i>ничтоже оуже <u>намъ</u> не остало естъ ѿ твоего лишения С51 нъ аще се <u>вамъ</u> естъ неугодно С29 он же ꙗже <u>вамъ</u> ꙗсмь исповѣдалъ, сѣдѣ нача ми повѣдати 7г</i>

Флавий.

Старые формы — исключение	Новые формы — норма
<i>а великыи кесарь боудеть <u>вы</u> противъ- никъ 354в (единств. пример³⁴)</i>	<i>аще ли прибоуде <u>намъ</u> помощи 419б ничтоже ꙗци сѣхъ не сътворатъ <u>намъ</u> 425а недостойно <u>вамъ</u> оставити мене 358а Бѣ ма посла, да покажю <u>вамъ</u> поуть законныи 383в</i>

Житие Феодосия.

Энклитики Д. мн. *ны* и *вы* здесь не встретились вообще — при 23 фразах, где вместо них выступают *намъ*, *вамъ*, как, например:

*нъ се въ сии днь подасть намъ вина до избытка 51б/в;
ꙗко не мощи намъ приблизити сѧ ꙗсмь 57в;
ꙗго же постави намъ старѣишиноу и пастоуха 53а;
нъ се намъ подобають обличити и глати вамъ ꙗже на спсении дѣи 59в;
и быти вамъ въ ꙗдиноу тѣлѣ и ꙗдинѣмъ дѣмъ 63в;
и се вамъ игоумень, ꙗго же сами изволисте 63б.*

В ранних берестяных грамотах материала слишком мало для каких-либо заключений общего характера. Здесь представлены только:

*а не сестра а вами, оже тако дѣлаете, не исправить ми ничето же 644;
се еси въдале землю н[а](мъ) 850 (церковная формула *много же в[ы] лѣта* в грамоте № 503, естественно, не в счет).*

Винительный падеж

В винительном падеже множественного числа новое правило в целом менее активно, чем в дательном.

Приводим примеры тем же способом, что выше.

Житие Феодосия.

Здесь разница между падежами особенно заметна. В отличие от Д. мн., где выступают уже только новые формы, в В. мн. здесь, напротив, новая форма встретилась только один раз (из 9).

³⁴ Пример с *ны* в 472б ненадежен (возможно, писец понял это *ны* как В. или просто недописал слово *нынѣ*).

Старые формы — норма	Новые формы — исключение
<p><i>и ты съблуди <u>ны</u> и съхрани ѿ всакаго съвѣта въселоукавааго врага 55в</i></p> <p><i>и съподоби <u>ны</u> полоучити вѣчноую жизнь 55в</i></p> <p><i>молю же <u>вы</u>, о възлюблении 26г</i></p>	<p><i>Бѣ же иже вьса словѣмъ и прѣмоудростию сътвори, ∇ тѣ <u>васъ</u> блгослови и сънабѣди ѿ проныриваго без бѣды 63б/в (единств. пример)</i></p>

Даниил.

Старые формы — норма	Новые формы — исключение
<p><i>и почестиша <u>ны</u> добрѣ в селѣ том христиане</i></p> <p><i>проводи <u>ны</u> олене до Вифлеема, и та мѣста вся тоже <u>ны</u> проводил</i></p>	<p><i>и почѣстиша <u>нас</u> добрѣ питием и ядениемъ и всѣм (единств. пример)</i></p>

Флавий.

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
<p><i>поморилъ <u>ны</u> еси глѣдомъ 357г</i></p> <p><i>и хощеть предати <u>ны</u> на ѡпоустѣние и на пагоубѣ 361а</i></p> <p><i>Бѣже наведе на <u>ны</u> рѣмляны 453в</i></p> <p><i>ѡнъ же мѣръ ѿ мене не вѣходитъ, но въ <u>вы</u> не вмѣститса 420а</i></p> <p><i>и азъ оумроу за <u>вы</u> 446а</i></p>	<p><i>тѣ смѣеши ли оучити <u>на</u> 383г</i></p> <p><i>но приведе на <u>на</u> покрѣвъ ноцъ 474г</i></p> <p><i>котораа надежда въздвигасть <u>васъ</u> на рѣмляны 403г</i></p> <p><i>тѣмъ прѣидеть на <u>васъ</u> пагѣба неиз- реченнаа 384а</i></p>

Киев-Д.

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
<p><i>а како <u>ны</u> с ними Бѣ росоудитъ [1148], 131</i></p> <p><i>а вы ми выдаита, ∇ кто <u>ны</u> сваживааетъ [1170], 193 об.</i></p> <p><i>на <u>ны</u> будетъ тотъ грѣхъ [1128], 109</i></p> <p><i>ѡже <u>ны</u> са не прѣдасте, ∇ дамы <u>вы</u> половцемъ на полонъ [1147], 130 об.</i></p> <p><i>ѡже <u>вы</u> ѡбидитъ стрыи мои Гюрги [1148], 135</i></p> <p><i>пойдите в товары своя, ∇ а ѡплатъ <u>вы</u> взовоу [1148], 136 об.</i></p>	<p><i>ты переѣди на сю сторону, ∇ а сде <u>насъ</u> Бѣ росоудитъ [1180], 217 об.</i></p> <p><i>ѡко вы начали есте перво <u>насъ</u> гоубити [1135], 110 об.</i></p> <p><i>ти что помышляете на <u>насъ</u> [1175], 207 об.</i></p> <p><i>кнаже, мы есмы приставлены в Роуской землѣ ѿ Бѣ востаживати <u>васъ</u> ѿ кровопролитья [1195], 236</i></p>

Житие Андрея Юродивого.

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
не Гчь ли осужаѣт <u>ны</u> 35а да бы <u>ны</u> избавиль ѿтудѣ Гчь Бѣ 40в да сего дѣла посланъ кѣтъ на <u>ны</u> змии 61в ѣлице, яко много <u>вы</u> есмь оучиль С165 об.	ѿлучажиши <u>насъ</u> послушаниа Бѣихъ словесъ 26в погружаа <u>насъ</u> лѣнностивымъ сномъ 26в и разумъ стѣго писаниа пролиа на <u>насъ</u> 56в

В ранних берестяных грамотах встретились:

а хотѣтъ ны ати въ Омоу съ Вацьшьскою 952;

[оже] ны кси холопы нареж[л]а 400;

опрѣв[ь]и ны Бѣа дѣла 850;

накы ли, да въсадимо вы въ погрѣбо 952;

а а за вы Бѣа молю 503.

Словоформа В. падежа *васъ* отмечена только в ненадежно читаемом фрагменте № 878.

Чем могла быть вызвана та значительная разница между Д. мн. и В. мн. в степени распространения новых форм, которая наблюдается во всех памятниках, фигурирующих в таблице из § 3.4, кроме Киев-Д, НПЛ-1 и Дан.?

Можно предполагать, что главным фактором здесь была уникальность того типа падежного синкретизма, который представлен в словоформах *ны*, *вы* (равно как в словоформах двойств. числа *на*, *ва*), а именно, омонимии Д. и В. падежей (осложненной в словоформах *вы* и *ва* еще и омонимией с И.). Нигде более в древнерусской морфологической системе Д. и В. не совпадают.

По-видимому, в этой ситуации возникала тенденция к устранению этой уникальной омонимии. Понятно, что для этого достаточно было заменить словоформы хотя бы одного из двух падежей (Д. или В.); в частности, можно было заменить *ны*, *вы* в функции Д. на *намъ*, *вамъ* и/или *ны*, *вы* в функции В. на *насъ*, *васъ*. Но положение Д. и В. падежей в этом случае было неодинаковым. Гласная *-ы*, на которую оканчиваются словоформы *ны*, *вы*, совпадает с самым частым окончанием словоформ В. мн., но не имеет решительно никаких аналогий среди словоформ Д. мн. (не говоря уже о том, что словоформы *намъ*, *вамъ*, используемые в качестве замены, однозначны, тогда как словоформы *насъ*, *васъ* омонимичны с Р.). Поэтому тенденция к устранению словоформ *ны*, *вы* в функции Д. должна была быть сильнее, чем тенденция к их устранению в функции В.

Таким образом, на общее историческое движение от энклитических *ны*, *вы* (Д. и В.) к полноударным *намъ*, *вамъ* и *насъ*, *васъ* должна была накладываться еще и тенденция к устранению словоформ *ны*, *вы* в функции Д. (более сильная, чем к их устранению в функции В.). Это обстоятельство, вероятно, и послужило к тому, что в Д. падеже данный процесс шел интенсивнее, чем в В.

Двойственное число

§ 3.7. Для двойственного числа материала немного; но ясно, что новое правило действует здесь не менее, а, возможно, даже более активно, чем во множественном.

Заметное количество примеров имеется только в Киев-Д, причем в основном это фразы с Д. дв.

Примеры с местоимениями Д. дв. из Киев-Д

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
<i>а видивѣ ѡба по мѣстоу, что на Бѣ явить [1147], 130 об.</i>	<i>ако же ты нама еси створишь [1151], 152 об.</i>
<i>вѣ съ бра^тмъ своимъ готова есѣ въ хр^стьномъ цѣлованы, и того на не даи Бѣ стоупити [1149], 136</i>	<i>сего нама оуже не крѣсити [1151], 158 об.</i>
<i>аче кдѣ на будеть мочно ѡбѣима ѣхати, а ѡба ѣдеѣ [1151], 152</i>	<i>а се нама даль тѣ былъ Бѣ и волость твою по твоеи винѣ [1152], 163</i>
<i>ны^н же, брате, сеѣ весны помози на [1151], 152 об.</i>	<i>азъ вама молвлю [1152], 163</i>
<i>а где я стану, ту же и ты стани, ать добро на ѡ всѣмъ гадати [1152], 161 об.</i>	<i>нынѣ же всако с вама хочу быти ∇ и прияю вама [1147], 132</i>
<i>чего еста хотѣла волости, то ва есмь изискаль [1146], 124</i>	
<i>и язь ва, брата, являю [1147], 127</i>	
<i>того ва есмь борона и не правиль себе [1151], 155 об.</i>	

В. дв. в Киев-Д.

Здесь соотношение энклитических и полноударных вариантов внешне выглядит как противоположное тому, что в Д. дв.; но общее число примеров (8) слишком мало. Поскольку в Киев-Д в рубриках Д. мн., В. мн. и Д. дв., где материала существенно больше (см. таблицу в § 3.4), коэффициент энклитичности имеет устойчивый уровень 72–73%, естественно предполагать, что совсем другой показатель (2/8) в рубрике В. дв. есть простая случайность, связанная с недостаточностью материала.

Старые формы представлены во фразах:

се на, брате, Бѣ искоупиль оу мѣсто [1147], 131;
ѡже ва Мьстиславъ почнетъ звати на ѡбѣдѣ, то ту ваю ятье будеть [1170], 193 об.

Примеры новых форм:

брате, приятелеве ми повѣдають, ∇ ѡже Мьстиславъ хочетъ наю яти [1170], 193 об.;

можете ли сѣ за наю бити [1149], 139 об.;

ѡстоупита вы ѡ братоу моею, ∇ азъ ваю надѣлю [1142], 115 об.;

крѣтъ цѣлую к вама, ∇ ѡко лиха на ваю не замысливъ [1170], 193 об.

В ранних берестяных грамотах встретились:

Д. дв. — *аже ва цѣто надобе, а солита ко монь* 422;

и молю ва са 725;

[*но*] *сторовоу ва есмы* 950;

а кето ва не водасте Ст. Р. 12;

с другой стороны: *а Мѣстата са вама поклана* 422 (также *ѿ тога ти нама хоце болого ...* 227, если *нама* здесь = 'нам двоим', а не 'процентов, лихвы').

В. дв. — имеется только двусмысленный пример [*се*] *мьне въ[лоца] въ в[а]ю* 'вот за вас двоих таскают [в суд] меня' 237, где *ваю* — либо В. дв., либо М. дв.

В Флав. в единственном примере с видимостью старой формы (*подѣи же на выхад с̄ женѣми и с̄ дѣт̄ми* 461в) *на* — это просто недописанное *на^м*, которое читается в других списках. В остальных 7 примерах представлены новые формы, в частности:

и лоуѣше нѣма бѣжати далече ѿ лютаго сего свѣри 376а;

и похвалѣша ва^с, зане избрѣсте наю 465б;

чтѣ сѣтвористе свѣтлес, ѿже постаѣвисте наю кесарьствовѣти 465б;

яко лжоу рѣчь възложи на наю 370а.

В ПВЛ энклитических форм двойств. числа нет. Имеется 10 примеров с Д. *нама* и В. *наю, ваю*, в частности:

ѿна же рѣста: сице нама б(о)зи молвѣть 60;

аще ли наю погубиши, многѣ печаль приимеши и зло 60;

аще ваю пуцю, то зло ми буде^т ѿ Ба 60;

Изславѣ свѣтитса со Всеславомѣ, мысла на наю 61 об.

В Феод., Дан. и ЖАЮ примеров, удовлетворяющих требуемым условиям, нет.

Как можно видеть из приведенных выше (§ 3.5–7) примеров, в В. падеже (всех чисел) замена энклитических местоимений на полноударные наблюдается как при прямом подчинении глаголу, так и после предлогов. Насколько позволяет судить имеющийся ограниченный материал, сколько-нибудь заметных различий в скорости протекания данного процесса в этих двух позициях не было.

Третье лицо

§ 3.8. У местоимений третьего лица энклитические формы имелись только в винительном падеже.

Следует специально отметить, что *и, ю, ѣ, ѣ*, входящие в состав словоформ относительного местоимения *иже* (*иже, нѣже, юже, нюже, ѣже, нѣже, ѣже, нѣже*) энклитиками уже не являются. Соответственно, словоформы местоимения *иже* (как названные здесь, так и прочие, например, *егоже, еѣже, ихъже*) ниже в рассмотрение не входят и в подсчеты не включаются.

Картина замены энклитик на полноударные варианты в третьем лице несколько иная, чем в первом и втором.

Коэффициент энклитичности местоимений 3-го лица
в памятниках XI–XIII вв.

	В. ед. муж.		В. ед. жен.		В. мн. муж., жен.	
	<i>и ~его</i>	<i>нь ~него</i>	<i>ю ~еѣ</i>	<i>ню ~неѣ</i>	<i>ѣ ~ихъ</i>	<i>нѣ ~нихъ</i>
<i>Основная группа</i>						
Ранн. бер. грам.	3/4	2/2	7/7	—	—	—
Киев-Д	77% (17/22)	100% (20/20)	3/3	—	4/5	3/3
Киев. лет. (автор.)	83% (172/208)	95% (54/57)	100% (26/26)	5/5	90% (109/121)	74% (31/42)
Гал.-Волын.	80% (≈95/119)	92% (35/38)	100% (24/24)	2/2	86% (60/70)	84% (49/58)
ПВЛ	93% (177/191)	100% (41/41)	100% (32/32)	3/3	96% (110/115)	92% (11/12)
НПЛ-1	84% (58/69)	100% (10/10)	100% (11/11)	1/1	89% (51/57)	7/7
Феод.	94% (96/102)	100% (12/12)	100% (17/17)	1/1	96% (26/27)	5/5
<i>Памятники с редким В. ед. муж. и</i>						
ЖАЮ	0% (0/≈230)	49% (19/39)	100% (27/27)	7/7	90% (35/39)	100% (10/10)
ЖФСуд	24% (6/25)	3/3	2/2	—	5/8	—
Даниил	4/9	2/2	4/5	5/5	—	—
<i>Памятник с редким В. мн. ѣ, нѣ</i>						
Флавий	72% (189/261)	92% (72/78)	100% (40/40)	85% (11/13)	16% (21/132)	0% (0/21)

В. ед. мужского рода

Во всех перечисленных памятниках, кроме ЖАЮ, после предлога всегда или почти всегда выступает *нь* (а не *него*). Примеры:

али ти не дасть, а пристави на нь отро(к)ъ Ст. Р. 15;

а Кыевь твои, поѣди во нь [1150], 145;

а заоутрии днь приѣхаста надо нь браг два Борисъ и Глѣбъ (Киев. лет. [1147], 125);

и присла к нему Рюрикъ свать, жалоуя про нь (Киев. лет. [1192], 231 об.);

иже хоцетъ вѣру нати волхву, то да идетъ за нь (ПВЛ [1071], 61);

и послаша по нь, и приведоша из Роусѣ (НПЛ [1193], 52);

и дѣхъ стѣи из млада въсели сѧ въ нь (Феод., 27б).

Фразы с *него* в этих памятниках крайне редки; вот некоторые примеры:

Глѣбъ же слышавъ, радъ быс, аже на него чѣсть воскладывають (Киев. лет. [1175], 209 об.);

никто же възложи рѣкы на него (Флав., 41бг).

При беспредложном употреблении коэффициент энклитичности несколько ниже, но все же во всех памятниках основной группы он еще весьма высок (75–94%). Примеры:

постави и пьредь людьми 502;
кнѣже, ими и, дружиноу его изъемли [1150], 144 об.;
яко же легль, тако боле того не въсталъ, ту и Бѣ пояль [1154], 170;
Блудъ же не възмогъ, како бы погубити и (ПВЛ [980], 24 об.);
и искавшии, обрете и въ домоу презвутерове (Феод., 30а).

Гораздо реже вне зоны полноударности представлено *его*, например:
снѹ, аче Володимеръ оумреть, а Бѣ оубиль его [1152], 162 об.;
аще кде пристанеть вы, то ѿрѣваите его ѿ берега (ПВЛ [988], 40 об.);
то же блаженни съ радостію его приимаше (Феод., 49г).

Имеется, однако, и небольшая подгруппа памятников, где энклитика и 'его' ведет себя совсем иначе, а именно, встречается редко или даже вообще отсутствует. Самый яркий представитель этой подгруппы — Житие Андрея Юродивого: энклитики *и* здесь нет вообще (и даже *нѣ* представлено лишь в половине случаев). Примеры:

оучаше его, како с_л бы кѹму противити кѣфиопу 3 об.;
и оужи желѣзны привазати его тамо 4 об.;
и потече на сѣаго, хотя оубити его секирою 5б;
призва его цррь полать тѣхъ 6б;
 после предлога —
како с_л бѣ грозилъ сотона на него С28 об.;
разгнѣваса на него 26в;
обычаи ксть дьяволу первою прогонити блгодѣть Бжїю ѿ члвкѣ, и тогда
входитъ в него небранимъ 44в;
 с другой стороны, например:
тогда дѣноу на нѣ, и абис ищезе С168 об.;
ѿвали камень ѿ гроба и вниде во нѣ 29г.

В несколько менее яркой форме те же соотношения выступают в Житии Феодора Студита. Вероятно, таково же «Хождение» Даниила; но для решительных заключений материала здесь слишком мало. Не исключено, наконец, что сюда же относится СПИ, но это еще менее надежно: здесь нет В. ед. *и*, но показательных примеров В. ед. *его* всего два.

Источник данной особенности не совсем ясен. Можно предположить, что в живой речи вытеснение энклитического *и* полноударным *его* уже в XII веке зашло довольно далеко и часть пишущих (и редакторов) уже считала допустимым использовать это *его* вместо *и*. В пользу этого, по-видимому, говорит ситуация в ЖФСтуд, дошедшем в списке XII в. Данные ранних берестяных грамот, к сожалению, в этом пункте пока еще слишком скудны, чтобы подтвердить это или опровергнуть. Но та стопроцентная последовательность, с которой *его* употребляется вместо *и* в ЖАЮ, может объясняться также и действиями некоего позднейшего редактора, жившего в эпоху, когда словоформа *и* 'его' в живой речи уже вообще исчезла, и считавшего ее неправильной.

В. ед. женского рода

В этой форме первоначальное состояние сохраняется наиболее устойчиво — как после предлога, так и в беспредложном употреблении. Примеры:
оже ти не возало Матее капи, воложи ю со Проусомо ко мне 439;
но не хочемь кланатиса попады, а хочемь ю оубити [1188], 229 об.;
и поя жену его, видѣвъ ю мьющуюся в бани (Дан.);
и видѣвъ ю красно соуцю, и въсхотѣвъ ю, и оуби сна и поятъ ю (Флав., 353г).

Инновационных форм здесь еще ничтожно мало. Вот они: *имя мѣсту тому Каламони, еже ея протолкует «Доброе обителище»* (Дан.); *хота приложити бѣдоу на неѣ* (Флав., 372г); *многы вины имѣаше на неѣ* (Флав., 375в).

В. мн. мужского и женского родов

Во всех памятниках данной группы, кроме Флав., коэффициент энклитичности здесь весьма высок. Примеры фраз с энклитиками:

и повѣдаша Ользѣ, яко деревлане придоша, и возва ѣ Ольга к собѣ (ПВЛ, 15);
и они сташа на воли его, и позва ѣ к собѣ Киевоу (Киев. лет. [1142], 115 об.);
на тоу ж(е) зимоу ходи Мъстиславъ на половеце и победи е (НПЛ [1167], 35);
и любезно цѣлова ѣ, и въпроси ѣ, отъкоудоу соуть и камо идоуть (Феод., 28в);
съвлекше же ѣ, биша ѣ много (ЖАЮ, 8б);
заратишася ватици, и иде на ѣ Володимиръ (ПВЛ, 26);
оувѣдавъ же Стѣславъ, ѡже пришли на нь, и посла на нѣ дикыя половецѣ (Киев. лет. [1146], 123 об.).

Лишь изредка встречаются *ихъ, нихъ*, например:

по обычаю цѣловавъ брагю всю, и подчивъ ихъ ... (ПВЛ, 61 об./62);
аже выбежатъ къ вамъ, а биште ихъ ѡтолѣ (НПЛ, 97 об.);
и кликнуша на нихъ, половеци же оужасошася (ПВЛ, 95);
пролѣи на нихъ гнѣвъ свои (ЖАЮ, 26в).

Особо стоит только памятник Флав., где в В. мн. показатели совсем иные: энклитическое *ѣ* представлено лишь в 16% случаев, а энклитическое *нѣ* отсутствует вообще. Нормой здесь являются такие фразы, как:

и почестивъ, цѣлова ихъ 395а;
и попусти ихъ писати къ Иродѣ хвалоу ѡ собѣ 377а;
влѣзъ в темницу и би ихъ, виноу възложивъ на нихъ 424а;
и стрѣлы на нихъ лѣтъхоу акы дѡждь 429в.

И лишь изредка встречается энклитика *ѣ*, например: *и възва ѣ съ вои своими и почести ихъ дѡбре* 356г.

Эта особенность памятника Флав. похожа на ту особенность ЖАЮ, которая обсуждена выше, в разделе форм единственного числа. Возможно, и здесь проявилась деятельность некоего редактора, только в данном случае устранялось другое энклитическое местоимение.

В. дв. мужского рода

В тех памятниках, где такие формы еще встречаются в сколько-нибудь заметном количестве, хорошо сохраняется древнее состояние, т. е. всегда или

почти всегда употребляется В. дв. муж. *ѧ*, *нѧ* (Мар. — 9 раз из 9; Супр. — 14 из 15; ПВЛ — 16 из 17; Флав. 31 из 32), например:

мжжа и женж сътвориль ѿ естъ Бѣ (Мар., Мр. 10.6);

и въврѣгоша ѧ въ огнь, и бѣаста въ огни пожита и хвалита Бога (Супр., 3);

ѧнь же повелѣ бити ѧ и потергати брадѣ єю (ПВЛ, 60);

творѧса, ꙗко ѿдѣстъ виноу сѧома, нѡ помышлѧше ꙗ ѧ (Флав. 367г).

Из берестяных грамот: *али ти [не д]ѧлаета, а наеми въ ѧ наимито* 'если же они (родители) [уже] не могут трудиться, то найми для них работника' 893.

Вот некоторые из редких примеров с новой формой:

в другую ноцъ медвѣдъ възлѣзъ оугрызъ єю и снѣсть, и тако погыбнуста нащценькѣмъ бѣсовскы^м (ПВЛ, 60);

... Антипатрова мѣти, доумѧюци на нею лютѣиши мѧчехы и ненавидѧци ѿрвичю поуще ꙗсынкѣ (Флав. 368г).

Замечание о «Слове о полку Игореве»

§ 3.9. В ряде памятников поведение местоимений вполне сходно с рассмотренными выше образцами, но для статистики слишком мало материала.

Одним из таких памятников оказывается «Слово о полку Игореве».

Сравним СПИ по поведению местоимений с несколькими важными древнерусскими памятниками (взяты только те рубрики, для которых в СПИ имеется материал).

Поведение местоимений в СПИ в сравнении с рядом других памятников

	<i>ми, ти ~ мьнѣ, тебѣ</i>	<i>ма, та ~ мене, тебе</i>	<i>ны, вы ~ намъ, вамъ</i>	<i>на, ва ~ наю, ваю</i>	<i>и ~ его</i>
СПИ	100% (10/10)	2/2	1/2	0/1	0/2
Дан.	100% (13/13)	100% (21/21)	7/8	—	4/9
ЖАЮ	95% (353/375)	95% (148/155)	39% (13/33)	—	0% (0/≈230)
Киев-Д	87% (290/333)	91% (174/191)	72% (96/134)	2/8	78% (18/23)

Приводим также сам материал.

В 1-м и 2-м лице в единственном числе совершенно последовательно выступают энклитики *ми*, *ти*, *мя*:

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? 68;

чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено 95;

сыпахуть ми тѣцими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно 96;

Нъ се зло: ∇ княже ми непособіе 119;

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеца отня злата стола поблюсти? 123;

Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду 138;

Мало ли ти бяшетъ горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? 175;

*Княже Игорю! Немало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли весе-
лія!* 193;

О Донче! Немало ти величія, лелѣявишу князя на вльнахъ ... 195;

*Си ночь съ вечера // одѣвах(у)т(ь) мя, рече, чръною паполомою, на кровати
тисовѣ* 94;

и нѣгують мя 97.

Ни одного примера полноударного местоимения за рамками зоны полноударности нет. Ср. точно такое же положение в Дан. и весьма близкое во всех прочих раннедревнерусских памятниках.

Между тем во множественном и двойственном числах 1-го лица в СПИ встречаются уже как старые, так и новые формы.

Фраза с энклитическим *ны* (Д.):

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы ... 1.

Фразы с полноударными *намъ*, *наю*:

*Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни
очима съглядати* 83;

*Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама
красны дѣвице, ∇ то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ* 208.³⁵

Разумеется, при трех примерах говорить о каких-либо процентах бессмысленно; однако понятно, что это в общем такая же ситуация, как и в других старых памятниках, в частности, тех, которые включены в нашу табличку.

Для 3-го лица материала совсем мало:

*Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама
красны дѣвице* 208;

*стрешаше е(го) гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на вет-
рѣхъ* 196.

Что касается примера *одѣявишу его теплыми мъглами подѣ сѣнію зелену
древу* 195, то он, согласно § 3.2 (п. А8), относится к зоне полноударности.

Форма В. мн. *я* ненадежна, так как представлена только в конъектуре, причем относящейся к очень темному месту: *на болони бѣша дѣбрь(с)ки сан(и) и
несош(а) я* къ синему морю 99 (в издании *дѣбрь Кисаню и не сошлю*).

Таким образом, при всей ограниченности материала все же ясно, что в СПИ способ распределения старых и новых форм местоимений в общем сходен с основными раннедревнерусскими памятниками, более всего — с ЖАЮ и Дан.

Сравнение раннедревнерусских памятников со старославянскими

§ 3.10. Для более полного понимания истории местоимений в древнерусском существенны также показания старославянских памятников. Нами были обследованы с данной точки зрения Мариинское евангелие и Супрасльский кодекс; оба весьма богаты соответствующим материалом.

³⁵ Интерпретация словоформы *наю* в этой фразе как Р., а не В. маловероятна.

В целом древнейшие памятники — старославянские и древнерусские — обнаруживают достаточно единообразную картину поведения местоимений. Каких-либо признаков, отделяющих все старославянские памятники от всех древнерусских, не обнаружено. Но в нескольких точках системы есть все же ощутимые расхождения между разными памятниками этой общей совокупности. С этой точки зрения можно выделить несколько групп, представленных следующими памятниками из числа наиболее крупных:

- 1) Мариинское евангелие (древнерусских памятников в этой группе нет);
- 2) Супрасльский кодекс, Житие Феодосия, Флавий;
- 3) Киев-Д, «Повесть временных лет»;
- 4) Житие Андрея Юродивого.

Приводим количественные данные в виде сводной таблицы.

Коэффициент энклитичности местоимений единств. и множеств. числа в старославянских и древнерусских памятниках

	1-е и 2-е лицо				3-е лицо			
	Д. ед. <i>ми, ти</i> ~ <i>мѣнѣ</i> , <i>тебѣ</i>	В. ед. <i>ма, та</i> ~ <i>мене</i> , <i>тебе</i>	Д. мн. <i>ны, вы</i> ~ <i>намѣ</i> , <i>вамѣ</i>	В. мн. <i>ны, вы</i> ~ <i>насъ</i> , <i>васѣ</i>	<i>и ~ его</i>	<i>нѣ ~ него</i>	<i>(н)ю ~ (н)еѣ</i>	<i>(н)ѣ ~ (н)ихѣ</i>
<i>Группа 1</i>								
Мар.	57% (124/218)	100% (231/231)	0,3% (1/350)	98% (93/95)	99,6% (260/261)	100% (53/53)	100% (54/54)	100% (117/117)
<i>Группа 2</i>								
Супр.	97% (347/357)	98% (183/186)	6% (8/126)	69% (45/65)	67% (140/210)	97% (57/59)	100% (35/35)	81% (54/67)
Феод.	99% (70/71)	100% (39/39)	0% (0/23)	8/9	82% (95/116)	100% (12/12)	100% (18/18)	86% (31/36)
Флав.	87% (92/106)	89% (78/88)	1% (1/96)	64% (37/58)	72% (189/261)	92% (72/78)	96% (51/53)	14% (21/153)
<i>Группа 3</i>								
Киев-Д	87% (290/333)	91% (174/191)	72% (96/134)	73% (27/37)	78% (18/23)	100% (20/20)	3/3	6/7
ПВЛ	89% (107/120)	98% (140/143)	46% (34/74)	78% (73/93)	93% (177/191)	100% (41/41)	100% (35/35)	96% (105/109)
<i>Группа 4</i>								
ЖАЮ	95% (353/375)	95% (148/155)	39% (13/33)	78% (14/18)	0% (0≈230)	49% (19/39)	100% (34/34)	92% (45/49)

Что касается местоимений двойственного числа, то здесь материала сравнительно мало; в значительной части рассматриваемых нами памятников они не представлены вообще. Вот сводка имеющихся данных.

Коэффициент энклитичности местоимений двойственного числа
в старославянских и древнерусских памятниках

	Д. <i>на, ва</i> ~ <i>нама, вама</i>	В. <i>на, ва</i> ~ <i>наю, ваю</i>	В. (<i>н)а</i> ~ <i>(н)ею</i>
Мар.	0/6	—	9/9
Супр.	2/7	90% (9/10)	93% (14/15)
Киев-Д	72% (23/32)	2/8	0/1
ПВЛ	0/6	0/4	94% (16/17)
Флав.	1/2	0/6	97% (31/32)
Берест. гр. XI–XII	4/6	0/1	1/1

Сравнение двух таблиц показывает, что местоимения Д. дв. *на, ва* и В. дв. (*н)а* обычно ведут себя примерно так же, как соответствующие местоимения множественного числа (по крайней мере там, где материала не слишком мало). В отличие от них, местоимения В. дв. *на, ва* везде, кроме Супр., имеют более низкий коэффициент энклитичности, чем В. мн. *ны, вы* (правда материала здесь для серьезной статистики недостаточно).

Первоначально все местоимения, по-видимому, имели коэффициент энклитичности 100% (или очень близкий к этому). Как видно из приведенных сводок, в полном виде такое состояние не сохраняет ни одна из названных групп. Но отклонения от первоначального состояния в разных группах различны.

В группе 3, представленной в нашем разборе старшими летописями, удаление от первоначального состояния состоит только в некотором умеренном понижении коэффициента энклитичности, почти одинаковом для всех рубрик (если не считать рубрики Д. мн. *ны, вы* в ПВЛ, где понижение сильнее).

Несколько сложнее решается вопрос о том, в какую группу попадают ранние берестяные грамоты. Дело в том, что заметное количество материала здесь имеется только для единственного числа; для множественного и двойственного примеров мало. Чтобы несколько уменьшить эффект этой помехи, примем во внимание то, что почти во всех крупных памятниках коэффициент энклитичности в Д. мн. и Д. дв. примерно одинаков (см. об этом выше), и объединим данные по этим двум формам. Сравним теперь данные берестяных грамот XI–XII вв. и Киев-Д (в важнейших рубриках).

Коэффициент энклитичности местоимений в берестяных грамотах и Киев-Д

	1-е и 2-е лицо				3-е лицо	
	Д. ед.	В. ед.	Д. мн.+Д. дв.	В. мн.	<i>и ~ его</i>	<i>нѣ ~ него</i>
Берест. гр. XI–XII вв.	95% (71/75)	92% (36/39)	4/8	5/6	3/4	2/2
Киев-Д	87% (290/333)	91% (174/191)	72% (119/166)	73% (27/37)	78% (18/23)	100% (20/20)

Видно, что во всех рубриках порядок величин в этих двух памятниках сходен. Таким образом, берестяные грамоты XI–XII вв. должны быть отнесены к той же группе 3, что и старшие летописи.

В группах 1, 2 и 4 картина иная, чем в группе 3: в большинстве рубрик коэффициент энклитичности высок (в части случаев даже равен 100%), но в отдельных рубриках резко понижен.

Рассмотрим эти группы по отдельности.

В Мариинском евангелии (группа 1) резко различаются В. и Д. падежи. Здесь в В. падеже коэффициент энклитичности составляет практически 100% (отмечено всего три отклонения на более чем 800 примеров). Напротив, в Д. падеже ситуация почти противоположная: во множ. и двойств. числах коэффициент энклитичности практически равен нулю, в единств. числе составляет 57%. Приводим иллюстрации:

В. падеж (даем примеры без адресов ввиду их массовости) —

что ма г̃лѣши блага; *і с̃ждии та прѣдасть слоусѣ; посылѣ ны въ свиниѧ, да въ на вънидемь; се азъ сължъ вы ѣко овьца по сръдѣ влѣкъ; приближи сѧ на вы цѣрствие Бѣіе; і емше ц, извѣса вонъ из винограда і оубиша ц; і вѣроваша во нь оученици его; останѣте еѧ, по чѣто ж троуждаате; възлагаѧ ржѣ на на; і въврѣжѣтъ я въ нештъ огньѧ; мжжа и женж сътворилѣ ѣ (В. дв.) естѣ Бѣ.*

Новые формы отмечены нами только во фразах: *егда Лазара възва отъ гроба і въскрѣси его отъ мрътвыхъ* (Ио.12.17); *оубо постиже на васъ цѣрствие Бѣіе* (Мт. 12.28); *доколѣ съ вами бждж, доколѣ трѣплж васъ* (Мт. 17.17).

Д. падеж. Примеры словоформ единственного числа:

Старые формы — несколько чаще	Новые формы — несколько реже
<i>ѣко рече <u>ми</u> въсѣ елико сътворихъ</i> Ио. 4.39	<i>ѣкоже рече <u>мънѣ</u> отѣцъ, тако г̃лж</i> Ио. 12.50
<i>да въсѣко, еже дастъ <u>ми</u>, не погоублж</i> <i>отъ него</i> Ио. 6.39	<i>чашж, жже дастъ <u>мънѣ</u> отѣцъ, не</i> <i>имамъ ли пити еѧ</i> Ио. 18.11
<i>жено, вѣрж ими <u>ми</u></i> Ио. 4.21	<i>вѣрж имѣте <u>мънѣ</u></i> Ио. 14.11
<i>повели <u>ми</u> прити къ тебѣ по водамъ</i> Мт. 14.28	<i>повѣждъ <u>мънѣ</u>, кѣде и еси положилъ</i> Ио. 20.15
<i>егоже ради г̃лж <u>ти</u>: отъпоуштажѣтъ</i> <i>сѧ еи грѣси мнози</i> Лк. 7.47	<i>г̃лж <u>тебѣ</u>: не имаши изити отъ</i> <i>тоудѣ ...</i> Лк. 12.59
<i>г̃лаше бо емоу Иоанъ: не достоитъ</i> <i><u>ти</u> имѣти еѧ</i> Мт. 14.4	<i>не достоитъ <u>тебѣ</u> имѣти жены</i> <i>Филипа брата своего</i> Мр. 6.18
<i>и бждетъ <u>ти</u> въздаание</i> Лк. 14.12	<i>і бждетъ <u>тебѣ</u> радость и веселие</i> Лк. 1.14
<i>проси оу мене, емоуже аште хоцещи,</i> <i>и дамъ <u>ти</u></i> Мр. 6.22	<i>не мож възстати дати <u>тебѣ</u></i> Лк. 11.7
<i>како <u>ти</u> естѣ іма</i> Мр. 5.9	

Как легко видеть, старые и новые формы часто встречаются в одинаковых контекстах, т. е. по крайней мере в части контекстов они находятся в отношении свободного варьирования. Только старые формы встретились при глаголах с сѧ, например:

аште ми сѧ ключитъ съ тобож оумърѣти (Мт. 26.35);

что ти сѧ мьнитъ, Симоне (Мт. 17.25);

чѧдо, отъпоуштажѣтъ ти сѧ грѣси твои (Мр. 2.5).

То же после союза *да*, например: *ръци оубо еи, да ми поможеть* (Лк. 10.40); *что хоцещи, да ти сътвориш* (Лк. 18.41).

Такой ситуации с местоимениями Д. ед. *мѣнѣ, тебѣ*, как в Мариинском евангелии, в раннедревнерусских памятниках нет нигде. Она возникает на русской почве лишь существенно позднее — не ранее позднедревнерусского периода.

Во множественном и двойственном числах в Мар. представлены, за вычетом одного случая, только новые формы, например:

повѣждѣ намѣ, когда си бжджтъ (Мт. 24.3);

хлѣбѣ наши наставшааго дъне даждѣ намѣ дънесѣ (Мт. 6.11);

пискахомѣ вамѣ и не пласте, плакахомѣ вамѣ и не рыдасте (Мт. 11.17);

оучителю, хоштевѣ, да егоже аще просивѣ, сътвориши нама (Мр. 10.35);

что хоштета, да сътвориш вама (Мр. 10.36).

Единственный пример старой формы: *отъпоуштаите, и отъпоустатъ вы* 'прощайте и простят вам' (Лк. 6.37); не исключено, впрочем, что *вы* здесь могло переосмыслиться как В. падеж.

Памятники группы 2 существенно отличаются от первоначального состояния системы только в Д. мн. и Д. дв. В этих рубриках они, как и Мар., имеют очень низкий коэффициент энклитичности — от 0 до 6%. Но, в отличие от Мар., они очень хорошо сохраняют первоначальное состояние в Д. ед.: в Супр. и Феод. коэффициент энклитичности в этой рубрике близок к 100% (и в Флав. лишь ненамного ниже).

Иллюстрации из материала Феод. и Флав. уже приводились выше. Здесь мы приведем примеры только из Супрасльского кодекса.

В. падеж.

Здесь господствуют старые формы, например:

и покры ма оубогжж, яко оуп'вахъ на нѣ 3;

вѣдѣ та, кто та пламымъ раждизаѣ на ма III-49 об.;

тѣ ны строитѣ и крѣпитѣ въ рати 14;

виждѣ вы мжжи растомѣ добры 38;

нѣ оубо и съде много молихъ са Богоу за ва, и се сътвори милость съ вама III-15;

повелѣша принести вратѣ и вѣложити и въ нѣ III-1;

и рада бысть, и вѣсхвали ѡ 13 об.;

ослѣпи ѡ и не вѣдѣахъ камо иджтъ 2;

слышавѣ же то, князь повелѣ вѣсадити ѡ (В. дв.) *въ темницѣ* 91.

Намного реже встречаются новые формы, например:

из'ми насѣ, Гїї, отъ напасті 35 об.;

останѣте са отъ сихѣ, и наоучѣ васѣ, кого бы чисти 14 об.;

они же шѣд'ше ѡша стѣаго Василиска, и сѣвазавѣше ѡго, сътвориша ѡмоу оноуитѣ 9;

приведоша ихѣ на срѣдѣ и приставиша имѣ кѣѣ отъ събора съ полемономѣ 66.

Особенно редки новые формы В. падежа *мене, тебе, ею, него*. Вот некоторые из этих единичных примеров:

съворите молитвѣ за мене III-48 об.;

оувѣштаи са намѣ, Пионикѣ, яко тебе любимѣ 66;

*кназь повелѣ въсадити ѧ въ темницѣ (...) и тако блюсти кю 91;
ко~~к~~ѧ дѣлѣма вины, повѣдите ми, ѡ жидове, съвѣтъ сътвористе на него
III–67 об.*

А в В. ед. жен. новая форма (кѧ) не встречается вообще.

Д. падеж.

За рамками зоны полноударности в Д. ед. почти всегда выступают старые формы, например: *дадите же ми на нѣ власть 14; чѣто ти прибытька бысть 33 об.* Новые формы отмечены всего в нескольких фразах, в частности: *нѣ ныѣна исповѣждѣ мнѣ о влѣхованіи своѣмъ 12; вѣдомо да бѣдетъ тебѣ 53 об.*

З а м е ч а н и е . На первый взгляд в этом памятнике подобных примеров словоформ *мнѣ* и *тебѣ* намного больше. Но при более внимательном рассмотрении они обычно оказываются принадлежащими к зоне полноударности; например: *како мѣ сѧ кѣтъ тебѣ покорити 31* (*тебѣ* вместо *ти* во избежание двух энклитик одного ранга, § 3.2, п. А6); *исповѣмъ сѧ тебѣ, Господи, въсѣмъ срьдцемъ моимъ III–43 об.* (*тебѣ* перед последующим обращением, § 3.2, п. А7); *якоже жрътва жива благопріятна тебѣ 47* (*тебѣ* при прилагательном); *послушаѣи въсѣхъ въ истинѣ работажитиѣхъ тебѣ 11* (*тебѣ* при членной форме причастия); *оувы мнѣ, оувы мнѣ 40 об.* (*мнѣ* после *оувы*; последние три примера — по § 3.2, п. А8).

Напротив, в Д. мн. и Д. дв. почти с такой же последовательностью выступают новые формы, например:

и покажи намъ, да видимъ извѣстѣнѣкѣ мѣсто то 109 об.;
они бо и прѣдаша намъ сѣи обычаи 14;
да что много глаголѣ вамъ? помните, ꙗкоже слышасте 69 об.;
и благѣ яви сѧ нама оугасити силѣ о^гнѣ и ярость мжчителѣ Аврилиана 3 об.;
яже посѣла вама Господь Богъ 91 об.

Старые формы крайне редки. Вот некоторые примеры:

да вѣсте же, ꙗко отъ днешняго дне повелѣно ны кѣтъ вѣнѣ града събирати сѧ 100 об.;
кѣже повелѣно вы кѣтъ о мнѣ творити II–12;
то кѣже ва рекѣ акы отѣць, то послушаита 102.

Феод. и Флав. обнаруживают картину, вполне сходную с Супр., если не считать того, что в Флав. весьма редко встречается местоимение В. мн. *ѧ* (*нѧ*) (см. об этом § 3.8, конец).

Житие Андрея Юродивого (группа 4) сравнительно близко стоит к группе 3, т. е. к древнерусским летописям. С этой группой его в особенности сближает довольно значительный (39%) коэффициент энклитичности форм Д. мн. (в отличие от групп 1 и 2, где он близок к нулю); ср., в частности, ПВЛ, где этот коэффициент составляет 46%.

Существенное отличие группы 4 от группы 3 состоит в полном отсутствии старой формы В. ед. муж. *и* (и резко сниженном коэффициенте энклитичности формы *нѣ*). См. иллюстрации в § 3.5–8.

Памятники более позднего времени

§ 3.11. Для памятников позднерусского периода и еще более поздних, в отличие от ранних (см. § 3.4), необходимо уже различать книжный и некнижный типы. Разграничение может проходить как между разными памятниками, так и между разными частями или пассажами внутри одного памятника.

Памятники некнижной ориентации

Памятники некнижной ориентации (прежде всего берестяные грамоты) свидетельствуют о том, что в живом языке новое правило распространялось довольно быстро: уже в позднерусский период практически выходят из употребления все энклитические местоимения, кроме *ми*, *ти*, *ма*, *та*, а у этих оставшихся четырех резко снижается частотность.

Наиболее прямо эволюцию местоименных энклитик в живом языке отражают берестяные грамоты. Ниже показаны коэффициенты энклитичности в берестяных грамотах разных периодов. При этом в данном случае оказалось целесообразным подразделить их не просто на ранние и поздние, а более детально — по векам (поскольку здесь, частности, обнаруживается заметное различие между XIII в. и XIV–XV вв.). Двойственное число не приводим, так как в поздних берестяных грамотах его уже просто нет. В рубриках, где мало материала (меньше 10 примеров), цифры процентов не вполне показательны; они даны в квадратных скобках или не даны вообще.

Коэффициент энклитичности местоимений
в берестяных грамотах разных веков

	1-е и 2-е лицо					3-е лицо (все вместе)
	Д. ед. <i>ми</i> ~ <i>мнѣ</i>	Д. ед. <i>ти</i> ~ <i>тебѣ</i>	В. ед. <i>ма</i> ~ <i>мене</i> <i>та</i> ~ <i>тебе</i>	Д. мн. <i>ны</i> ~ <i>намъ</i> <i>вы</i> ~ <i>вамъ</i>	В. мн. <i>ны</i> ~ <i>насъ</i> <i>вы</i> ~ <i>васъ</i>	
XI–XII вв.	98% (40/41)	91% (31/34)	92% (36/39)	0/2	[83%] (5/6)	92% (11/12)
XIII в.	[63%] (5/8)	64% (9/14)	80% (4/5)	—	—	[67%] (4/6)
XIV–XV вв.	65% (24/37)	13% (2/15)	36% (9/25)	0% (0/13)	0/6	9% (1/11)

Из таблицы видно, что коэффициент энклитичности здесь во всех рубриках с ходом времени падает.³⁶ В результате у берестяных грамот XIV–XV вв. он уже очень резко отличается от грамот XI–XII вв. В эту эпоху за рамками единств. числа 1-го и 2-го лица энклитик здесь уже практически больше нет.

Только одна энклитика: *ми* — все еще употребляется в берестяных грамотах XIV–XV вв. чаще, чем соответствующая полноударная словоформа (*мнѣ*).

³⁶ Небольшое отклонение от этого принципа в графе Д. ед. (98% – [63%] – 65%) непозволительно, поскольку в среднем звене здесь просто мало материала.

Примеры фраз с *ми* и *мнѣ* из берестяных грамот XIV–XV вв.

Старые формы — более частые	Новые формы — более редкие
<i>вывези <u>ми</u> 2 медведна</i> 65п <i>а ныне даі <u>ми</u> то мѣсто Быковци[н]у</i> 477п <i>давати <u>ми</u> доци, а сестри моки при-</i> <i>ставницать</i> Ст. Р. 40п <i>купи <u>ми</u> зѣндлнцю добру</i> 125п <i>не рекль <u>ми</u> Есифъ варити перевары</i> <i>ни на кого</i> 3п <i>како приде с_л грамота, тако пришли</i> <i><u>ми</u> цоловѣкъ на жерециѣ, зане <u>ми</u></i> <i>здѣсе дѣль много</i> 43п	<i>что есте <u>мнѣ</u> велѣли оу Путила конь</i> <i>взати, инъ <u>мнѣ</u> не дасть</i> 697п <i>аже возможеши, пособи_ли <u>мнѣ</u> цимо</i> 286п <i>а ту <u>мнѣ</u> трѣть</i> 519п <i>а рожь, <u>О</u>сподине, велиши_ь <u>мнѣ</u> моло-</i> <i>титъ, (ка)къ укажешь</i> 242п

Во всех прочих случаях энклитики уже составляют меньшинство или даже просто отсутствуют.

Примеры фраз с *ти* и *тобѣ* из поздних берестяных грамот (грамоты XIII в. отмечены)

Старые формы — более редкие	Новые формы — более частые
<i>симо же <u>ти</u> соулити много хотына-</i> <i>номо</i> 600п (XIII) <i>и кланяю <u>ти</u> с_л</i> 765п (XIII) <i>хота бы <u>ти</u> истерати ...</i> 489п <i>да цо бѣ <u>ти</u> година ѿт[ъ]править</i> <i>отъцу, ино бѣ добро</i> 19п	<i>а азо <u>тобе</u> кланяюс_л</i> 147п (XIII) <i>а поцта <u>тобѣ</u> буде гъже</i> 147п (XIII) <i>а азо <u>тобѣ</u> с_л кланяю</i> 186п <i>а азо <u>тобе</u> много кланяюс_л</i> 414п <i>а на томъ <u>тобѣ</u> цоломъ</i> 370п <i>буди <u>тоби</u> сведомо</i> 178п <i>только поцьне продавать <u>тобѣ</u>, и</i> <i>т[ъ] у ки купи</i> 129п

Примеры фраз с *ма* и *мене* (*мена*) из поздних берестяных грамот

Старые формы — более редкие	Новые формы — более частые
<i>цему <u>ма</u> еси погубиль</i> 272п <i>убиле <u>ма</u> пасынке и выгониле <u>ма</u> изо</i> <i>двора</i> 415п <i>что бы <u>ма</u> жсте жаловалѣ про своѣ</i> <i>коунѣ</i> 949	<i>поиди за <u>мьне</u></i> 377п (XIII) <i>аже застанеше <u>мене</u>, ти а тѣбе везу</i> Твер. 2п <i>позвале <u>мене</u> Ѡлекьсѣи на гумно</i> 755п <i>на перед[ъ] на <u>мене</u> се не на[дѣ]и</i> 25п <i>чо бы с_л на <u>мена</u> не родила грамота</i> <i>бесудна_л</i> 302п

В В. ед. 2-го лица отмечены уже только новые формы, например:
аже застанеше мене, ти а тѣбе везу Твер. 2п;
что позвалъ тебе Сава, здѣ су[ду] нѣт[ъ] 14п;

поѣдѣ, Онанья тебе зове 312п;

надекъмса, ѡсподине, на Бога и на тебѣ на своѣго ѡсподна 310п.

В 3-м лице, если не считать одного не вполне надежного примера (в № 102п), встретились тоже только новые формы, например:

а дае Кснатиныцу его, отъ блюдь до мьнь 411п (XIII);

что бы късь, Осподине, оуналь кѣго 446п;

цимь кѣго жалужшь 243п;

дать грамотѣ не дасть на него 5п;

аже ти ----- окупити ихъ 102п.

Следует отметить, впрочем, что форма В. ед. жен. (*ю – еѣ*), которая, судя по другим памятникам, дольше прочих сохраняла энклитический вариант, в поздних берестяных грамотах не представлена.

Из XV в. можно отметить некнижный компонент «Хожения» Афанасия Никитина (1470-е гг.) (Афан. Ник. I, см. § 2.1). К сожалению, в 1-м и 2-м лице в единств. числе здесь представлено всего несколько примеров, так что о статистике говорить не приходится. Примеры старых форм:

а стал ми во сто рублев 444 об.;

и они мя отпустили доброволно 442 об.

Новая форма — только один раз:

а что будет тебѣ надобе у меня, и ты ко мнѣ пришли 443 об.

Во множ. числе и во всех формах 3-го лица отмечены уже только новые формы (в общей сложности 38 раз). Примеры:

и сказали нам лживые вѣсти 442 об.;

и они нас тутю взяли 443;

а тот пошел, куды его очи понесли (Троицк. 370);

да руку правую подняль высоко да простеръ еѣ, аки Устенеянь царь цареградский 448;

и ты бы их отпустил ко мнѣ доброволно 443 об.

В XVI–XVII вв. памятники некнижной ориентации уже почти совсем не знают энклитических вариантов местоимений. Приводим количественные данные по нескольким памятникам этого периода:

Ив. Грозн. I — послания Ивана Грозного к Василию Грязному и к королям (1570-е гг.);

Грязной — письма Василия Грязного к Ивану Грозному (1576 г.);

Аввакум I — некнижный компонент «Жития» Аввакума (1670-е гг.) (см. § 2.1);

Бова — «Повесть о Бове королевиче» (XVII в.).

При анализе источника Аввакум I было установлено, что в клаузах с аористом или имперфектом и в конструкции *dativus absolutus* (т. е. в церковнославянских грамматических контекстах) местоимения ведут себя не так, как в основной части текста, а именно, энклитики выступают здесь с повышенной частотой — как в источнике Аввакум II. Поэтому ниже при оценке источника Аввакум I местоимения, представленные в указанных контекстах, из подсчетов исключены. (Это равносильно тому, что в данном пункте мы провели границу между

Аввакум I и Аввакум II несколько иначе, чем в общем случае, перенеся указанный материал из I в II.)

Коэффициент энклитичности (Е) приводится только суммарный (по всем рассматриваемым местоимениям вместе); в остальных случаях указано только количество примеров.

Коэффициент энклитичности местоимений
в памятниках некнижной ориентации

	1-е и 2-е лицо					3-е лицо (все вместе)	Е по сумме
	Д. ед. <i>ми ~ мьнѣ</i>	Д. ед. <i>ти ~ тебѣ</i>	В. ед. <i>ма ~ мене та ~ тебе</i>	Д. мн. <i>ны ~ намъ вы ~ вамъ</i>	В. мн. <i>ны ~ насъ вы ~ васъ</i>		
Ив. Грозн. I	—	0/30	0/21	0/38	0/6	0/42	0%
Грязной	0/15	0/4	0/9	—	—	0/1	0%
Аввакум I	4/69	0/15	7/164	0/16	0/26	0/133	2,6%
Бова	4/31	0/17	0/40	0/15	0/3	0/27	3%

Приводить примеры из этих памятников по всем пунктам нет необходимости — они вполне сходны с уже приведенными выше. Ограничимся иллюстрациями к форме В. ед. жен., которая не представлена в поздних берестяных грамотах и обнаруживает максимум консервативности во многих памятниках:

и почали называть Лифлянскую землю своею подданною и вослали в неѣ своихъ ротмистровъ баламутовъ (Ив. Грозн.);

а егда замужемъ была, по временамъ бѣсъ мучил ея (Аввакум, 96 об.);

и я, свѣдавъ, осердился же на нея (Аввакум, 46 об.);

и поехала, куды ѣ очи несут (Бова).

Из старых форм отмечены лишь единичные *ми*, *ма* в некнижном компоненте «Жития» Аввакума (например, *онъ же не вѣмъ, гдѣ скрыл их, мнит ми ся* — Никону отдал 24) и в «Повести о Бове». Они явно представляют собой вкрапления книжного стиля.

Литературные произведения книжной ориентации

§ 3.12. В литературных произведениях книжной ориентации энклитические местоимения сохраняются намного полнее, чем в некнижных памятниках. Повидимому, примерно с XV в. они начинают восприниматься как элемент книжного стиля, противопоставленного живой речи. Приводим данные нескольких источников этой группы:

Афан. Ник. II — книжный компонент «Хожения» Афанасия Никитина (см. § 2.1);

Петр-Февр. — «Повесть о Петре и Февронии» (вероятно, 1-я пол. XVI в.);

Ив. Грозн. II — послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.);

Аввакум II — книжный компонент «Жития» Аввакума (см. § 2.1); в подсчет включены также местоимения при церковнославянских формах и оборотах, исключенные из Аввакум I (см. выше).

Наличие двух компонентов в этих сочинениях показывает, что один и тот же автор в принципе умел писать как в книжном, так и в некнижном стиле, причем вполне мог переходить от одного стиля к другому даже в рамках одного и того же сочинения.

Коэффициент энклитичности местоимений
в памятниках книжной ориентации

	1-е и 2-е лицо					3-е лицо (все вместе)
	Д. ед. <i>ми ~ мьнѣ</i>	Д. ед. <i>ти ~ тебѣ</i>	В. ед. <i>ма ~ мене та ~ тебе</i>	Д. мн. <i>ны ~ намъ вы ~ вамъ</i>	В. мн. <i>ны ~ насъ вы ~ васъ</i>	
Афан. Ник. II	4/4	—	100% (12/12)	0/2	0/4	—
Петр-Февр.	82% (9/11)	[63%] (5/8)	94% (15/16)	0/5	2/0	65% (13/20)
Ив. Грозн. II	45% (5/11)	—	2/6	0% (0/13)	0/7	0% (0/16)
Аввакум II	58% (7/12)	[100%] (9/9)	87% (33/38)	0/3	1/5	0% (0/10)

Как видно из таблицы, яркой чертой книжного стиля был высокий уровень сохранения энклитических местоимений *ми*, *ти*, *ма*, *та*. Во всех остальных формах употреблялись уже полноударные варианты. Отклоняется в этом отношении только «Повесть о Петре и Февронии», выделяющаяся среди всех названных здесь памятников наибольшей степенью книжности.

Примеры старых форм:

Афан. Ник. II — *бесерменин же Меликъ, тот мя много понуди в вѣру бесерменьскую стати 452;*

он же ми рече: «Истинну ты не бесерменин кажешися» 452 об.;

Господи боже мой! На тя уповах спасти мя, Господи! 454.

Петр-Февр. — *глагола ей юноша: «Вижу тя, девице, мудру суцу. Повегда ми имя свое»; она же рече: «Имя ми есть Феврония»;*

хотя вы на земли хвалами почтити, и не у хвалы коснухся;

и прииде на нѣ болезнь тяжка зело;

аще ли уврачует, имам пояти ю себе жену;

она же взем сосудец мал, почерпе кисляжди своя, и дунув на ню, и рече.

Ив. Грозн. II — *и вы извѣстисте ми о Бозѣ крѣпостное житие;*

и сия малая изрекохъ вамъ, понеже вы мя понудисте.

Аввакум II — *сии быша ми духовныя дѣти 15 об.;*

всегда учаше мя страху Б(о)жию 13;

а се по мале времени, по писанному, обьяша мя болѣзни смертныя 16;

разумѣя же свое невѣжество, припадая молю ти ся 4.

Примеры новых форм:

Афан. Ник. II — *възврати насъ къ Трапизону 458;*

и вѣтръ насъ стрѣчаетъ злый, не дасть намъ по морю ходити 458.

Петр-Февр. — *да в сием лну учинитъ мнѣ срачицу и порты и убрусецъ;*
хощем вси праведно служити тебе;

даждь намъ, его же мы у тебе просим;

во един же от днии призва его к себе.

Ив. Грозн. II — *а Хабаровъ велить мнѣ себя переводити в ыной монастырь;*
и Богъ меня от нихъ укрѣлъ;

Бога ради, господие и отцы, молю васъ, престаните от такового начинания.

Аввакум II — *и з женою быша мнѣ дѣти д(у)х(о)вные 20;*

аще меня задушатъ, причти мя с митрополитомъ Филиппомъ Московскимъ 19 об.;

и на бѣса закричалъ: «Запрещаю ти именемъ Г(о)с(по)днимъ! Изыди из нея и к тому не вниди в нея!» 97.

Летописи

§ 3.13. Как и в других отношениях, летописи в данном случае сравнительно близки к литературным сочинениям книжной ориентации (ср. § 4.26).

Как и в случае с берестяными грамотами, в летописях, охватывающих ряд веков, обычно можно видеть эволюцию рассматриваемой группы местоимений во времени.

Особенно отчетливо такую картину обнаруживают разные хронологические части НПЛ (см. § 4.26). Данные этих частей НПЛ приведены ниже в виде таблицы. Для расширения обзора к ним присоединены также данные Уваровской летописи за XV в. (точнее, за 1400–1492 гг.).

Коэффициент энклитичности местоимений в летописях

	1-е и 2-е лицо			3-е лицо		
	ед. число	Д. мн. <i>ны ~ намъ</i> <i>вы ~ вамъ</i>	В. мн. <i>ны ~ насъ</i> <i>вы ~ васъ</i>	В. ед. м. <i>и, нь ~</i> <i>(н)его</i>	В. ед. ж. <i>ю, ню ~</i> <i>(н)еѣ</i>	В. мн. м/ж. <i>ѣ, нѣ ~</i> <i>(н)ихъ</i>
НПЛ-1 (до 1234)	95% (20/21)	46% (11/24)	25% (3/12)	86% (68/79)	100% (12/12)	91% (58/64)
НПЛ-2 (1235–1337)	4/10	1/6	43% (6/14)	67% (29/43)	100% (6/6)	44% (18/41)
НПЛ-3 (1333–1446)	71% (12/17)	20% (2/10)	19% (3/16)	12% (6/52)	100% (17/17)	18% (4/22)
Увар. лет. 1400–1492	83% (38/46)	4% (1/23)	17% (5/29)	3% (6/185)	28% (10/36)	2% (3/151)

Как можно видеть, в НПЛ, как и в берестяных грамотах, коэффициент энклитичности рассматриваемых местоимений на протяжении XI–XV вв. неуклонно падает.³⁷ При этом кривые падения в целом в значительной мере сходны. Но все же есть и некоторые различия, которые, очевидно, отражают разницу между состоянием живой речи (сравнительно верно представленным берестяными грамотами) и нормами языка летописцев.

Так, в летописях XIV–XV вв. (НПЛ-3 и Увар. лет. за XV в.) в 1-м и 2-м лицах единств. числа еще господствуют старые формы *ми*, *ти*, *ма*, *та*, тогда как в берестяных грамотах тех же веков *ми* уже почти в половине случаев вытеснено полноударным *мнѣ*, а остальные три энклитики уже вообще почти не встречаются. Это значит, что в данном пункте летописцы придерживались консервативной ориентации, заметно отставая от эволюции живой речи.

Такой же тип соотношения между поздними летописями и поздними берестяными грамотами представлен и в прочих рубриках. Так, во множеств. числе 1-го и 2-го лица в летописях XIV–XV вв. коэффициент энклитичности местоимений — от 4 до 20%, тогда как в берестяных грамотах он уже равен нулю. В 3-м лице (обоих чисел) в НПЛ-3 этот коэффициент еще составляет 12–18% (а для В. ед. жен. — даже 100%), тогда как в берестяных грамотах соответствующих энклитик уже практически нет.

Можно видеть также, что в данном вопросе разные летописи ведут себя не вполне одинаково. Уваровская летопись за XV в. во множ. числе 1-го и 2-го лица и во всем 3-м лице имеет показатели, намного более близкие к берестяным грамотам, чем НПЛ-3. Правда, между этими источниками имеется примерно полувековое хронологическое различие (1333–1446 в НПЛ-3 и 1400–1492 в Увар. лет.). Но целиком отнести за этот счет различия в коэффициентах явно невозможно; ср., например, Q = 100% для В. ед. жен. в НПЛ и 28% в Увар. лет. Очевидно, установки авторов Уваровской летописи были несколько ближе к живой речи, чем у авторов НПЛ-3.

Как и в § 3.11, ограничиваемся иллюстрациями к форме В. ед. жен., которая здесь наиболее показательна, поскольку она дольше всех сохраняла древние энклитические варианты (*ю*, *ню*).

НПЛ-3 — только *ю*, например:

а на зиму свяща ю архиепископъ новгородчкыи Алексии [1364];

и добрѣ ю украси [1442];

и покры ю чешуюю [1445].

Уваровская летопись за XV в. — в трех четвертях случаев *ее*, *нее*, например:

едина же бѣ пушка с ним велика велми, Галка именовъ, везяху ее на сороцѣ конех [1428];

гдѣ ни придетъ царевна, стрѣчали бы ее, и читли и кормъ давали и подводы и проводники [1472];

свершил полату кирпичну на своемъ дворѣ на четырехъ подклѣтехъ каменных, а вшел в нее ноабря 13 [1475];

³⁷ Данные НПЛ-2 в первых двух столбцах с формальной точки зрения нарушают плавность этого падения, но они непоказательны из-за ограниченности материала.

и лишь в меньшинстве случаев *ю, ню*, например:
и ту изнимаша княгиню Семенову Александру, и ограбивше ю, приведоша на Москву и з дѣтми [1401];
а они безбожнии высекоша двери церковныя, и вшедше в ню, икону чудную святыя Богородица одраша [1410].

Общая схема эволюции

§ 3.14. Приводимые ниже диаграммы демонстрируют картину исторической эволюции энклитических местоимений.

В диаграммах отражены памятники, содержащие удовлетворительное количество материала.

Каждый памятник представлен линией (или точкой), соответствующей на хронологической шкале времени его сочинения или перевода (но не изготовления дошедшего до нас списка). Пунктирная линия означает, что это время известно лишь приблизительно.

Линия, символизирующая памятник, располагается на высоте, соответствующей величине коэффициента энклитичности соответствующих местоимений в данном памятнике.

Курсивом даны обозначения литературных произведений и пространственных посланий, прямым шрифтом — обозначения грамот, летописей и церковных памятников.

Наряду с богатыми материалом памятниками кое-где в диаграммы включены также такие памятники, где материала существенно меньше. В таких случаях указываются не проценты, а сами соответствующие количества примеров (в виде дроби).

Основной является диаграмма 1 (из двух частей: А — для памятников не книжной ориентации, Б — книжной ориентации). Она демонстрирует эволюцию местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа: *ми – мѣнѣ*, *ти – тебѣ* (*тебѣ*), *ма – мене* (позднее *мена*), *та – тебе* (позднее *теба*).

Данные по этим четырём парам словоформ оказалось целесообразным объединить, поскольку различия между отдельными парами в общем довольно незначительны, а суммирование материала четырёх пар обеспечило повышение статистической надёжности полученных показателей.

Заметное отклонение представлено только в Мариинском евангелии, где коэффициент энклитичности в парах *ма – мене*, *та – тебе* составляет 100%, а в парах *ми – мѣнѣ*, *ти – тебѣ* — только 57%. Поскольку в такой ситуации суммирование неуместно, мы просто исключили данный памятник из диаграммы.

Далее даны (уже без разделения памятников на группы) аналогичные диаграммы:

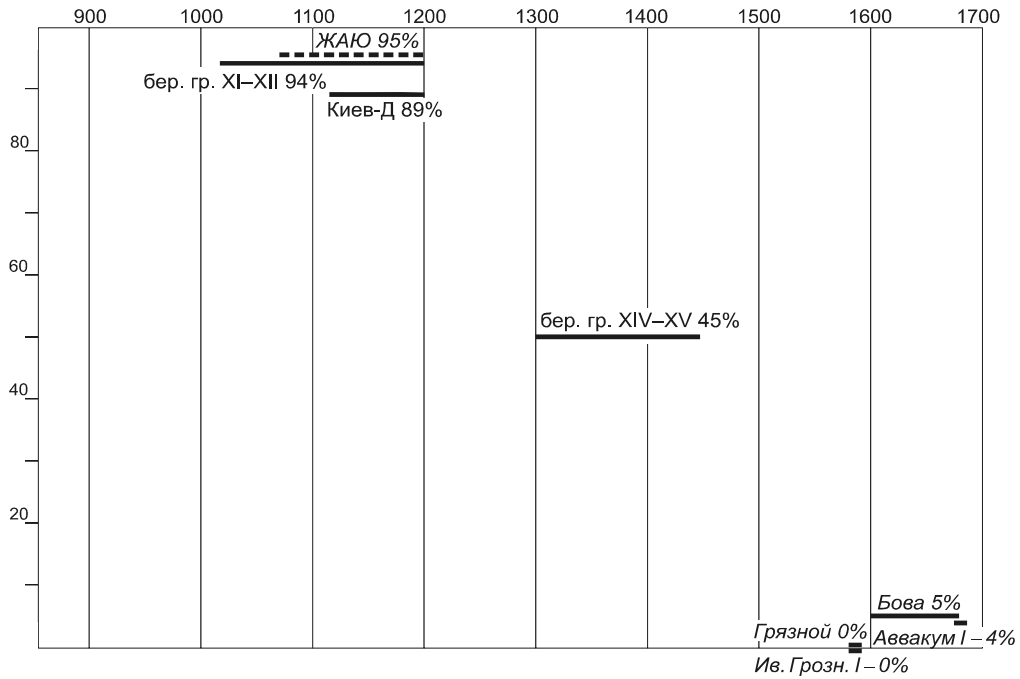
2 — для пар дательного падежа *ны – намѣ*, *вы – вамѣ*;

3 — для пар винительного падежа *ны – насѣ*, *вы – васѣ*;

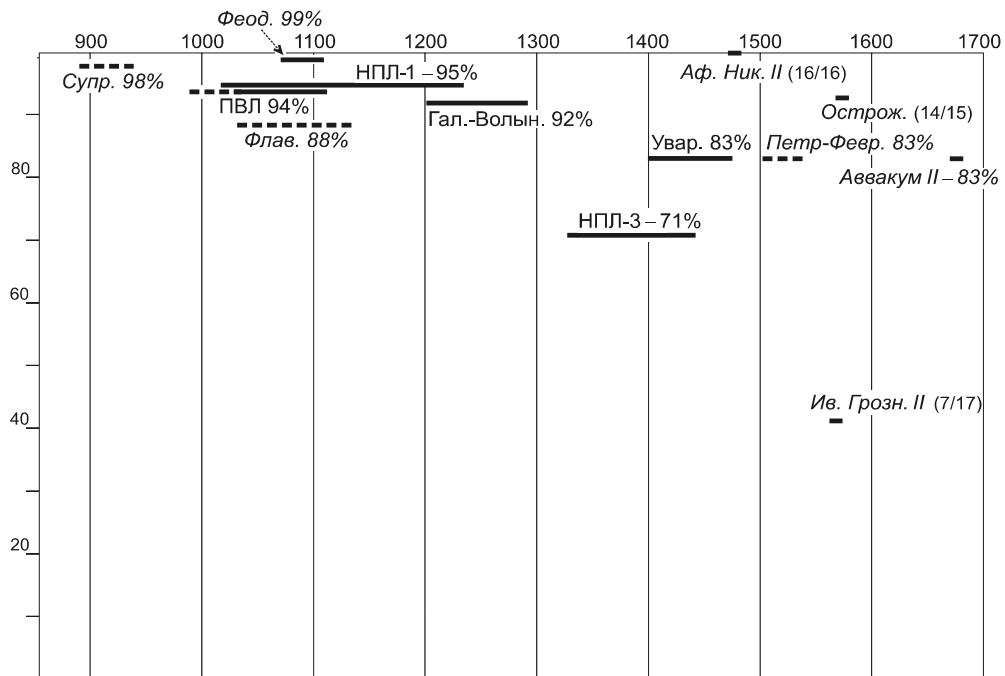
4 — для пары винительного падежа единств. числа мужского рода *и – его*.

**1. КОЭФФИЦИЕНТ ЭНКЛИТИЧНОСТИ В ПАРАХ *ми – мѣнѣ, ти – тобѣ*,
ма – мене, та – тебе: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ**

А. Памятники некнижной ориентации

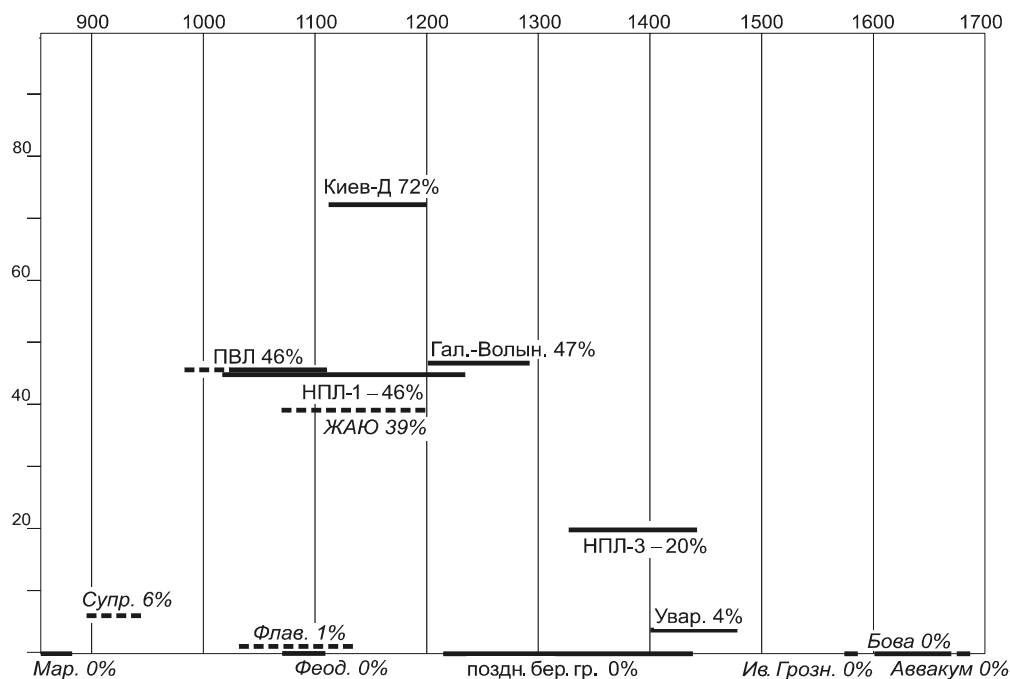

Б. Памятники книжной ориентации

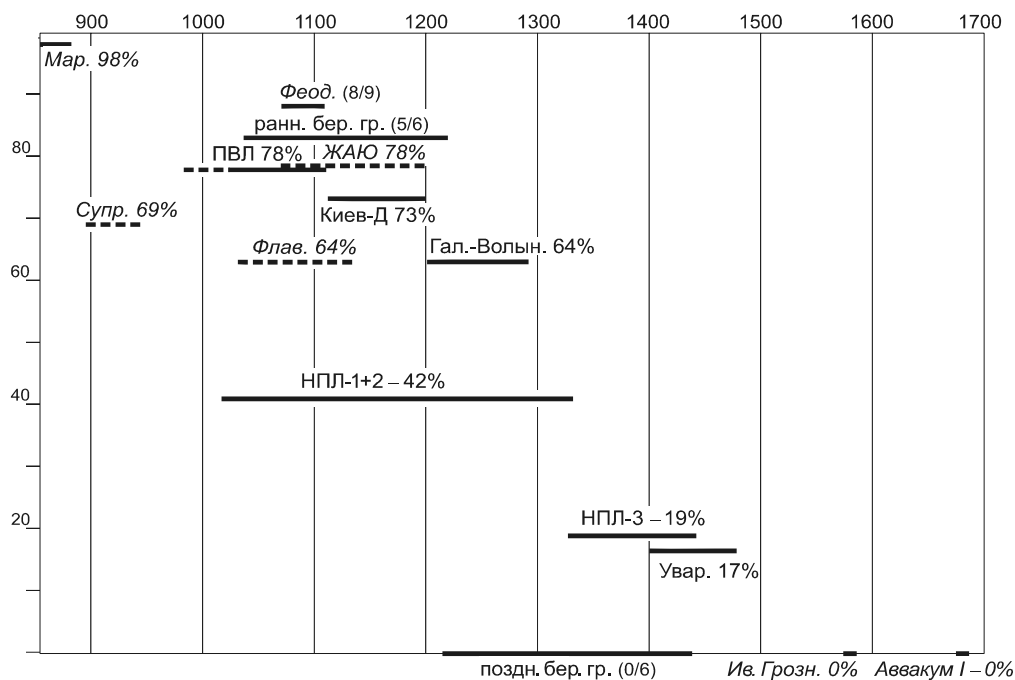
2. КОЭФФИЦИЕНТ ЭНКЛИТИЧНОСТИ В ПАРАХ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

ны – намъ, вы – вамъ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

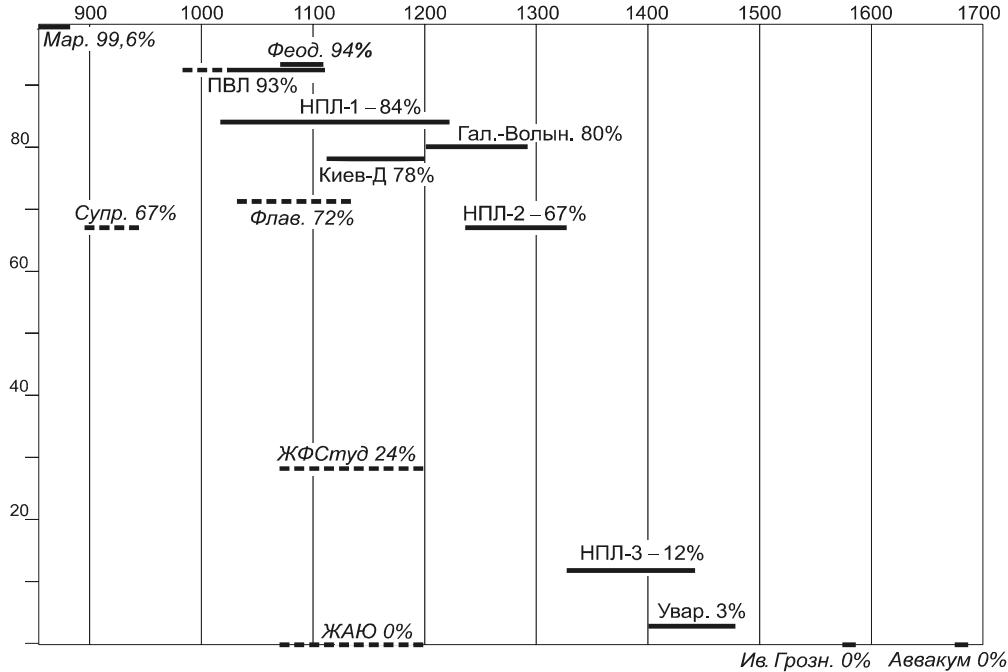

3. КОЭФФИЦИЕНТ ЭНКЛИТИЧНОСТИ В ПАРАХ ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

ны – насъ, вы – васъ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

4. КОЭФФИЦИЕНТ ЭНКЛИТИЧНОСТИ В ПАРЕ ВИНИТ. ЕДИНСТВ. МУЖСКОГО РОДА

и – ego: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

§ 3.15. Подведем итоги наших наблюдений над местоимениями. Общая схема эволюции вырисовывается из них достаточно ясно.

Как показывают памятники, уже в X–XII вв. ни в южнославянской, ни в восточнославянской зоне не было полного единства в распределении энклитических и полноударных местоимений.

Для живого древнерусского языка основной была консервативная система, где удаление от первоначального состояния выражалось только в медленном возрастании доли полноударных местоимений, примерно одинаковом для всех звеньев системы. Ее отражают прежде всего старшие летописи и берестяные грамоты XI–XII вв. Наиболее полно демонстрирует свойства этой группы памятник Киев-Д.

Наряду с этим существовал иной вариант развития, при котором в Д. мн. и Д. дв. энклитические формы были почти целиком вытеснены полноударными уже в очень раннюю эпоху. Этот вариант характерен прежде всего для старославянских памятников, но представлен также и в части литературных древнерусских (Феодр. и Флав.). См. об этом подробнее ниже, пункт 3.

В рамках старославянского существовал также еще один вариант развития, представленный в Евангелии, в частности, в обследованном нами Мариинском евангелии. Здесь низкий коэффициент энклитичности мы видим не только в Д. мн. и Д. дв., но также и в Д. ед. Правда, в Д. ед. он все же не падает до близких к нулю значений, как в Д. мн. и Д. дв., а остается на некотором среднем уровне. В раннедревнерусских памятниках этот специфический вариант не встречается.

Среди древнерусских памятников следует особо отметить ЖАЮ, где полностью устранена старая форма В.ед. муж. и 'его' и резко снижен коэффициент энклитичности формы *нь*. Не исключено также, что этот же вариант развития представлен в СПИ, но здесь слишком мало материала для надежного заключения.

Общее направление исторической эволюции местоимений ясно: это постепенное исчезновение древних энклитических вариантов. Но скорость этого процесса в разных случаях различна. Факторы, от которых она зависит, таковы.

1. Книжный или некнижный характер памятника.

Механизм действия данного фактора ясен: некнижные памятники более прямо отражают развитие живого языка, тогда как книжные в той или иной степени сохраняют традиционные формы.

Особенно сильно этот фактор дает себя знать в эволюции главной группы местоимений, т. е. местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа (*ми, ти, ма, та*). Это непосредственно видно из сравнения двух частей диаграммы 1.

Из части А можно заключить, что в живом языке движение в сторону нового правила происходит довольно быстро: в некнижных памятниках на протяжении XI–XV веков коэффициент энклитичности в данной группе местоимений падает от 95% практически до нуля.

Из части Б видно, что в книжном языке этот процесс идет гораздо слабее. Здесь в основном сохраняется старое состояние: на протяжении X–XVII веков мы наблюдаем лишь довольно незначительное снижение коэффициента энклитичности от высших значений до 83% (памятник Ив. Грозн. II, где мало материала, не в счет).

В силу такого различия в скорости эволюции между живым языком и книжными памятниками древний тип употребления местоимений не позднее XIV века начинает восприниматься как стилистический признак книжности.

Примерно с XVII века живой язык уже достигает современного состояния. Между тем в книжных пассажах литературных сочинений (напр. у Аввакума) еще сохраняются некоторые элементы старой системы.

2. Различие между числами: единственное число консервативнее, чем множественное и двойственное.

Различие между единственным и множественным числом можно непосредственно наблюдать, сравнивая диаграмму 1 с диаграммами 2 и 3.

В XIV–XV вв. из энклитик сохраняются в основном лишь *ми, ти, ма, та*, в более позднее время — только они. В XVI в. уже даже в книжных памятниках энклитических вариантов во множественном (и тем более в двойственном) числе уже больше нет.

Причина здесь, по-видимому, лежит в общем типологическом принципе, согласно которому немаркированные формы сохраняют внутри себя большее число внешне выраженных грамматических противопоставлений, чем маркированные (ср., например, большее число различающихся падежей в единственном числе, чем во множественном и двойственном, и т. п.).

Следует заметить, что у местоимений множественного и двойственного числа во всех славянских языках — даже тех, где и поныне в единственном числе сохраняется парность полноударного и энклитического вариантов, — развитие пошло по тому же пути, что в русском, т. е. древние энклитические варианты утратились. Это значит, что указанный типологический принцип активно проявлял себя и там, где прочие факторы, приводившие к утрате энклитик, отсутствовали или не действовали.

3. Различие между падежами: в Д. мн. процесс начинается раньше, чем в В. мн. (правда заканчивается практически одновременно); ср. диаграммы 2 и 3.

Как уже отмечено выше, наряду с основным вариантом развития местоимений существовал и особый вариант, при котором в Д. мн. и Д. дв. энклитические формы были почти целиком вытеснены полноударными уже в очень раннюю эпоху. Допустимо предположение, что в литературных древнерусских памятниках (таких, как Феод. и Флав.) данный эффект есть следствие подражания старославянским образцам. Но следует учитывать, что пониженный (в той или иной степени) по сравнению с остальными рубриками коэффициент энклитичности в Д. мн. и Д. дв. представлен и во всех прочих раннедревнерусских памятниках, не исключая даже Киев-Д и ранних берестяных грамот. Поэтому, хотя подражание старославянским образцам могло играть здесь определенную роль, оно было не единственным фактором, определявшим данный эффект, — эволюция такого же типа началась и в живом древнерусском языке XI–XII вв.

Главной причиной раннего устранения словоформ Д. мн. *ны, вы*, по-видимому, была уникальность того типа падежного синкретизма (Д. = В.), который представлен в этих словоформах; см. об этом § 3.6 (конец).

4. Различие между лицами: подобно множественному числу ведет себя также 3-е лицо; см. диаграмму 4. В XIV–XV вв. энклитические формы местоимений 3-го лица представляют собой уже большую редкость; в XVI в. их уже вообще нет.

§ 3.16. К анализу истории энклитических местоимений следует добавить замечание о тенденции к превращению в энклитики, которая наблюдается у некоторых местоименных словоформ, с исторической точки зрения акцентно самостоятельных.

Данное явление хорошо известно в южно- и западнославянских языках. В частности, у полноударных местоименных словоформ *jego* и *jeti* практически во всех этих языках со временем развились вторичные варианты *go* и *ti* (с усечением начального слога), являющиеся энклитиками. (Заметим, что такое усечение, очевидно, было не предпосылкой энклитического употребления, а его следствием.)

В русском языке подобного усечения не было. Но сама тенденция использовать в определенных случаях эти и некоторые другие местоименные словоформы в качестве энклитик несомненно существует. Так, в современном русском языке в роли энклитик могут выступать, в частности, *его, ему, ее, ей, их, им*. Например, во фразе *Ведь я их не знаю* словоформа *их* полностью лишена

ударения. В ряде других случаев, скажем, во фразе *Кто его знает, где он* эти словоформы выступают с ослабленным ударением.

В древних источниках имеются единичные примеры, которые в принципе могут быть интерпретированы как ранние проявления именно такой просодической инновации. Вот фразы из ЖАЮ, где словоформы *ему* и *его* стоят между глаголом и энклитикой, то есть в позиции, которую могут занимать только энклитики: *и створишь ѡму кси срамъ великъ* 15г; *прѣвратишь его еси с высока долъ въ срамъ* С25. (Ср. также § 1.2, примеч. 1, где обсуждается возможность аналогичной интерпретации для примера *и окрадоши ѿ ного кси* 370п.)

Более многочисленны фразы (встречающиеся в основном в ЖАЮ), где справа от *его*, *ему*, *ихъ* стоит словоформа *есть* или *суть*, например: *взаль ѡго ксть дьяволъ себѣ* (ЖАЮ, 24а); см. эти примеры в § 5.8. Но такие фразы недостаточно показательны, поскольку словоформы *есть*, *суть* могли быть и полноударными (а в этом случае уже ничто не мешало свободному порядку слов). Во фразе *ты бо ѡму кси вдала власть* (ЖАЮ, 42в) словоформа *ему* стоит между энклитиками, то есть тоже в позиции, характерной для энклитик. Но здесь все же нельзя исключать возможность барьера после *бо* (с разделением энклитик), и тогда *ѡму* полноударно.

Таким образом, существенный материал по данному вопросу фактически ограничивается всего двумя фразами из ЖАЮ с *ѡму кси*, *ѡго кси* после глагола. Но даже и словоформа *еси* в единичных случаях могла функционировать как полноударная.

В этой ситуации следует признать, что, хотя в принципе тенденция к энклитическому употреблению словоформ *ему*, *его*, *еи*, *еѣ*, *имъ*, *ихъ* вполне могла возникнуть в истории русского языка достаточно рано, мы все же не располагаем надежными свидетельствами того, что эти словоформы могли выступать в роли энклитик уже в древнерусский период.

Глава четвертая **ЭВОЛЮЦИЯ ЭНКЛИТИКИ СА**

ОСОБОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СА В СИСТЕМЕ ЭНКЛИТИК

§ 4.1. Из всех энклитик наибольший интерес для историка русского языка представляет эволюция энклитики *са*. Эта энклитика прошла наиболее сложный путь развития: на протяжении десяти веков она радикально трансформировала свои синтаксические свойства, превратившись из отдельного слова в морфему. На ее примере мы имеем редкую возможность проследить эту интересную трансформацию непосредственно по памятникам, поскольку все этапы этой эволюции приходятся на хорошо документированные памятниками периоды истории русского языка.

Трудность здесь только в том, что необходимо обзреть весьма значительные объемы материала — постепенные медленные сдвиги такого рода можно уловить лишь средствами статистики, которая, как известно, становится надежным орудием только при обработке достаточно большого материала.

Даже самое беглое сравнение древнерусского языка с современным позволяет понять, что основной вектор развития в данном случае — это переход от ситуации, когда возможна как постпозиция, так и препозиция *са*, к ситуации, когда допустима уже только его контактная постпозиция при глаголе.

Но для нас существенно не только констатировать эту очевидную истину, но и изучить те языковые механизмы, которые позволили осуществиться такой трансформации.

Нас будут интересовать только такие фразы, где сказуемое стоит не в начале: во фразах с начальным сказуемым в ходе истории в этом отношении ничего не менялось, поскольку здесь новые и древние правила требуют одного и того же — постановки энклитик непосредственно после глагола.

Как уже было показано выше, основной механизм, который позволял фразовым энклитикам уходить вправо от их главного вакарнагелевского места — конца первой тактовой группы клаузы, — это использование ритмико-синтаксических барьеров. Понятно, что чем больше барьеров реализовано во фразе, тем дальше энклитики, в частности *са*, отодвигаются вправо. В предельном случае самый правый барьер оказывается непосредственно перед сказуемым, и тогда *са* попадает именно в ту позицию, которая ныне для него стала единственно возможной.

Эволюция *са* выглядит тем самым так, как если бы со временем говорящие использовали все больше и больше барьеров и в конце концов стали с полной обязательностью ставить барьер непосредственно перед сказуемым.

Но такая версия приходит в противоречие с тем фактом, что барьеры в принципе применяются не случайно и не бесцельно, а в соответствии с жела-

нием говорящего придать некоторой части фразы дополнительный вес, выделить ее, несколько отделив от остальных частей. И было бы странно предполагать, что люди прошлого очень мало пользовались средствами выделения, а современные люди выделяют почти все звенья фразы. Непосредственное наблюдение над употреблением возвратных глаголов в современном русском языке не дает никаких оснований предполагать, что перед каждым из них в речи реализуется некий ритмико-синтаксический барьер.

Следует полагать, что эволюция здесь в действительности была двусторонней. С одной стороны, барьеры, диктуемые потребностью выделения, порождали фразы со сдвинутым вправо *са*. В некоторых типах фраз в силу их синтаксических или семантических особенностей благоприятные условия для постановки барьера возникали особенно часто; постепенно сдвиг энклитик здесь сам становился характерной особенностью таких фраз.

Но, с другой стороны, в чем большей степени сдвиг энклитик в таких фразах становился привычным и обычным, тем меньше он нуждался для своей реализации в выделении каких бы то ни было элементов фразы. Конечной фазой такого развития является обязательность некоторого порядка элементов, а, как известно, обязательное не может служить ни для какого выделения. Так, нынешнее обязательное положение *са* на конце глагольной словоформы уже ни в какой степени не может быть формой выражения того, что предглагольная часть фразы как-то выделена (как это было в древности).

§ 4.2. Наблюдения над памятниками действительно позволяют выделить определенные типы фраз, где сдвиг *са* слева направо по фразе происходил интенсивнее, чем в других типах.

Выясняется, что частота применения постпозиции *са* в некотором типе фраз того или иного памятника зависит от двух основных характеристик:

- 1) тип фразы, благоприятствующий или не благоприятствующий постпозиции *са*;
- 2) степень общей продвинутости памятника по пути эволюции от древнего состояния к новому.

Существенно, что второе, как мы увидим ниже, отнюдь не находится в прямом соответствии с тем, к какому хронологическому периоду относится памятник. Много важнее оказывается общая установка автора или переводчика, которая может предполагать большую или меньшую близость к живой речи.

Ниже рассматриваются более подробно те факторы, которые способствуют или не способствуют постпозиции *са*, а затем различные группы памятников (разных эпох), отражающие разные ступени указанной эволюции. Причин появления того или иного конкретного барьера мы уже более не обсуждаем, а ограничиваемся простой констатацией препозиции или постпозиции *са*.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что закон Вакернагеля — это один из автоматизмов живой разговорной речи. Письменная речь (равно как и ее устное воспроизведение при чтении написанного) может быть в большей или меньшей мере близка к живой речи, но все же никогда не совпадает с ней на сто процентов. Диапазон вариаций здесь весьма велик. Так, берестяные гра-

моты весьма близки к точной передаче устной речи. На противоположном полюсе находятся, например, богословские сочинения или художественные произведения, подчиненные эстетике «плетения словес». Последние не только не следуют устной речи, но совершенно сознательно от нее отталкиваются; успехом стиля здесь считается максимальная непохожесть на устную речь.

Письменная речь может, в частности, иметь существенно иной порядок слов, чем выражение той же мысли в живом разговоре. И при чтении вслух письменного текста возможны более частые и более ощутимые паузы между элементами фразы, чем в обычной речи; слова могут произноситься с более заметным отделением друг от друга. Особенно силен этот эффект в практике устного чтения сакральных текстов. Клитика, произнесенная отдельно, неизбежно получает самостоятельное ударение и тем самым уже перестает быть клитикой. В этих условиях, естественно, частично или даже полностью утрачивают силу и автоматизмы устной речи, касающиеся порядка слов, в частности, закон Вакернагеля.

Понятно, что этот эффект тем сильнее, чем активнее проявляется установка пишущего на удаление от устной речи. Имея дело с древнерусскими письменными текстами, приходится постоянно принимать во внимание этот фактор. Рассматривая конкретный памятник, необходимо прежде всего учитывать, какое место он занимает на шкале книжности.

Помимо общей оценки памятника с точки зрения его близости к живой речи или удаления от нее, нужно принимать во внимание и степень книжности отдельных грамматических форм или оборотов, представленных в конкретных фразах. Даже и в составе памятников, в основном ориентированных на живую речь, возможны отдельные грамматические формы или обороты книжного характера. В таких отрезках текста вакернагелевский механизм работает хуже, чем в основной части памятника.

Другое важное обстоятельство, которое необходимо учитывать, состоит в том, что закон Вакернагеля наиболее активно действует в самых простых типах клауз — прежде всего в таких, которые содержат, помимо энклитик, только глагол-предикат и небольшое число подчиненных глаголу слов. Всякое усложнение этой простейшей схемы — даже простое увеличение числа слов в клаузе — несколько затрудняет действие этого закона.

Наибольшее затруднение такого рода возникает в том случае, когда вместо глагола-предиката предикативным центром клаузы оказывается неличная форма. Так, причастие совмещает функции предиката и определения, деепричастие — функции предиката и обстоятельства, инфинитив — функции предиката и дополнения (или подлежащего). Между тем закон Вакернагеля — это в принципе механизм, связанный с предикатом (а именно, определяющий место энклитик, подчиненных предикату). Поэтому чем сильнее удаляется некоторая глагольная словоформа от собственно предикативной функции в сторону каких-то иных функций, тем слабее действует в отношении подчиненных ей энклитик автоматизм закона Вакернагеля. Соответственно, мы находим гораздо больше отклонений от закона Вакернагеля при неличных формах, чем при личных.

Дополнительные сведения о классификации клауз

§ 4.3. При изучении *са*, как и любых других энклитик, мы опираемся на классификацию клауз, описанную в § 1.29. Но с практической точки зрения оказывается полезно выделить в составе общей совокупности клауз некоторую центральную, наиболее существенную для нашего исследования часть и заниматься в первую очередь именно ею. Эту центральную часть можно обозначить как основной массив клауз.

Не входят в основной массив клаузы:

- а) где *са* относится к собственно причастию;
- б) где *са* относится к супину;
- в) начинающиеся с проклитико-энклитического комплекса (см. также § 4.11 относительно последствий, которые из этого вытекают для частицы *да*)³⁸;
- г) начинающиеся с вспомогательного глагола.

В этих периферийных категориях клауз поведение *са* подчиняется различным частным правилам, поэтому целесообразно не включать их в общие подсчеты, чтобы не затемнять те более общие механизмы, которые действуют в основном массиве клауз.

Для основного массива мы используем единую нумерацию классов (при этом для дальнейшего описания оказалось удобным поместить класс клауз с аористом и имперфектом в самый конец совокупности простых клауз). В результате получается следующая рабочая классификация (пояснения относительно всех выделяемых классов см. в § 1.29).

Классификация основного массива клауз

Простые клаузы						Осложненные	
Живые личные формы			Подч. инф.	Дее- прич.	Аор./ импф.	Много- актант.	Тя- жел.
Начальн. местоим.	Нач. союз	Нач. знамен.					
1	2	3	4	5	6	7	8

Точное наименование отдельного класса (в особенности классов 1–3), разумеется, было бы недопустимо громоздким. Например, класс 1 — это простые клаузы со сказуемым в личной форме, но не аористе или имперфекте, начинающиеся с местоименного слова. Поэтому ниже эти классы обозначаются просто номерами и/или условными ярлыками:

1 (с начальным местоимением [или просто: начальное местоимение; аналогично и далее в классах 2–6]);

2 (с начальным союзом);

3 (с начальным знаменательным словом);

³⁸ Изредка встречаются клаузы, где проклитико-энклитический комплекс стоит не в начале (например, *скоро да са събудеть*). Их мы тоже условимся исключать из основного массива.

- 4 (с подчиненным инфинитивом);
- 5 (с деепричастием);
- 6 (с аористом/имперфектом);
- 7 (многоактантные);
- 8 (тяжелые).

Следует помнить, что это именно условные (сокращенные) наименования; например, ярлык «с начальным местоимением» реально покрывает не все клаузы с начальным местоимением, а только клаузы класса 1.

Там, где дается не только ярлык, но также и номер класса, ярлык может быть сокращен еще сильнее, например: 1 (мест.), 4 (инф.).

Коэффициент препозиции *са* (Q) может быть вычислен по отдельности для каждого из этих классов; мы обозначаем его соответственно $Q_{(1)}$, $Q_{(2)}$ и т. д. Но вместо номера может быть дано и сокращенное имя класса, например, $Q_{(мест.)} = Q_{(1)}$, $Q_{(союз)} = Q_{(2)}$. Коэффициент препозиции *са* по сумме классов 1–8 мы будем обозначать $Q_{(общ.)}$.

Наиболее общая зависимость между приведенной классификацией и препозицией *са* такова: благоприятны для препозиции *са* (хотя и в неравной степени) первые четыре класса, т. е. основная группа личных форм и инфинитив. Остальные классы в большей или меньшей степени неблагоприятны для препозиции *са*.

При классификации представленных в памятниках клауз неизбежно приходится сталкиваться в числе прочих также с неочевидными и спорными случаями, когда синтаксическая структура и/или значение клаузы могут быть истолкованы по-разному. Простейший пример: *ютро же възврати са въ градъ възалка* (Мар., Матф. 21.18) — к чему относится *ютро* 'утром': к *възврати са* или к *възалка*? Синтаксически допустимо как то, так и другое, а с семантической точки зрения здесь можно говорить только о предпочтениях, но не об однозначном решении.

Иногда такое различие версий оказывается существенным для интересующей нас проблемы размещения энклитик; но чаще это влияет (впрочем, весьма незначительно) только на подсчеты численности тех или иных групп клауз.

Разумеется, составить общие предписания для всех трудных случаев такого рода невозможно; и в рамках нашей основной задачи в этом и нет необходимости. Но полезны все же некоторые технические указания, повышающие уровень единообразия в описании разных памятников. Приводим их (частично повторяя указания, уже дававшиеся ранее).

К местоименным наречиям относим *тако*, *како*, *яко* (не как изъяснительный союз), *гдѣ*, *сѣдѣ*, *тамо*, *коли*, *когда*, *тогда* (тогда как, в частности, *нынѣ* квалифицируется как обычное наречие).

Полезно напомнить, что *яко* (в функции изъяснительного союза) и *се* 'вот' ведут себя как проклитики; соответственно, в сочетании с последующей энклитикой они образуют комплексы, т. е. полноударные единицы (например, *яко же*, *се же*).

Самъ са в значении 'сам себя' из подсчетов исключается: этот оборот превратился в устойчивое сочетание, которое уже не подчиняется общим правилам размещения энклитики *са* (см. о нем § 1.31) и может встретиться даже в памятниках, где препозиции *са* уже вообще нет. По той же причине из подсчетов исключается устойчивое сочетание *миль са дѣю* 'умоляю'.

Исключаются из подсчетов также цитаты из Псалтири и Евангелия, поскольку по поведению *са* они могут совершенно не соответствовать собственным нормам памятника. (Возможно, впрочем, что кое-где цитата осталась неопознанной; но со статистической точки зрения этот факт ничтожен и никакого существенного искажения результатов дать не может.)

Словосочетание *крестъ цѣловати* во многих случаях ведет себя в просодическом отношении подобно единому сложному слову. Условимся поэтому не относить клаузу к числу многоактантных, если от простой она отличается только наличием слова *крестъ* (из данного словосочетания).

Поведение *са* в зависимости от характера предикативной словоформы

§ 4.4. Рассмотрим последовательно разные классы клауз с точки зрения их воздействия на поведение *са*. Начнем с эффектов, которые зависят от грамматических характеристик предикативной словоформы.

Клаузы с собственно причастием

Клаузы, где *са* относится к собственно причастию (т. е. причастию в членной форме и/или в косвенном падеже), максимально неблагоприятны для позиции *са*. Даже в памятниках с очень высоким общим коэффициентом препозиции *са* при собственно причастиях препозитивное *са* почти не встречается.

Во всем обследованном корпусе текстов отмечено всего несколько примеров такого рода, а именно:

ЖАЮ — *а БѸ са рѡгающе прѣльсти моєа* ... С166;

вида єго сотона тако са исполнивѣша сребролюбимь, веселашеса 31б;

нѣсмь бо видиль николиже никогоже тако са плачюща о мертвѣцѣ 24а.

Флав. — *гражаном же са сѣкоуцимь между собою безъ престани* ... 436в/г.

Супр. — *такое же са оубо съконьчавъшоу стѡуоумоу Ионѣ* ... III-1.

Безусловной нормой здесь является постпозиция *са* — даже в ситуации, когда перед причастием стоит подчиненное ему слово, в обычном случае легко притягивающее к себе энклитики, например:

и потомъ, никомоу же не противляюща емѸ слѡвомъ ... (Флав., 373б);

держим же Игорь, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борюцаса (Киев. лет. [1185], 224 об.).

Такой сильный эффект, очевидно, определяется соединением сразу двух главнейших факторов, затрудняющих действие закона Вакернагеля. Во-первых, собственно причастия носили, по крайней мере на древнерусской почве, сугубо книжный характер: в живой речи их просто не было. Во-вторых, собственно причастия по своей синтаксической функции сильно удалены от исходной роли предиката (см. об этом выше), и фразы с причастиями как правило обладают значительной степенью сложности.

Роль препозиции в этом классе клауз столь близка к нулю, что ниже мы уже просто не включаем данные по собственно причастиям в подсчеты, связанные с поведением *са*, чтобы не затемнять реальные количественные соотношения между памятниками балластом из нулей.

Клаузы с супином

§ 4.5. Эффект супина — практически такой же, как у собственно причастий. Отмечено всего несколько примеров препозиции *са* при супине. Чистый случай в сущности всего один: *идевѣ са сама боротъ* (ПВЛ [1022], 60).

Кроме того, можно указать фразу с двойным *са* — *идоуцимъ же са имъ битса, Андрѣи поча радити полкъ ѿца своего* (Киев. лет. [1151], 158) и несколько фраз с одним *са* на два глагола (подчиняющее *съступишася, съвкупнишася, творахуться* и подчиненное *са битъ*):

и съступишас(а) битъ (ПВЛ [965], 19);

и ступиша са битъ (Сузд. лет. [1152], 113 об.);

и не совокупиша са битъ (Сузд. лет. [1177], 180);

быс же лествъ въ Берендичихъ, творахуть бо са битъ приѣздаче к городу (Киев. лет. [1159], 179 об.; здесь соединены конструкции *творахуть са приѣздаче* ‘утверждали, что приезжают’ и *приѣздаче са битъ* ‘приезжают биться’; *са битъ* — супин с новым окончанием).

Во всех остальных случаях *са* при супине стоит в постпозиции, например:

и поидоша битса (Киев. лет. [1151], 157);

и иде поклонитса къ стѣму Михаилу в манастирь (ПВЛ [1097], 87) и т. п.

Причины данного эффекта в значительной мере сходны с теми, которые указаны выше для собственно причастий. Во-первых, супин представлял собой отмирающую, уходящую в прошлое категорию, уже в основном чуждую живой речи. Во-вторых, действовал фактор удаления от собственно предикативной функции.

Как и собственно причастия, ниже супины из подсчетов исключаются.

Клаузы с деепричастием

§ 4.6. Здесь и в двух последующих параграфах (§ 4.7–8) мы рассматриваем только материал простых клауз (что в заголовках уже более не отмечается).

При деепричастиях препозиция *са* представлена заметно шире, чем при собственно причастиях. Но все же она встречается здесь реже, чем при личных формах, а в части памятников даже просто отсутствует.

Сравним в рамках простых клауз³⁹ $Q_{(5)}$ (коэффициент препозиции *са* при деепричастиях) и $Q_{(1-3)}$ (коэффициент препозиции *са* при личных формах, активно используемых в живой речи, — презенсе, императиве, перфекте, плюсквамперфекте).

Коэффициент препозиции *са* может быть выражен в процентах или непосредственно в виде дроби a/b , где a — численность примеров препозиции *са*, b — общая численность примеров с неавтоматической постановкой *са*. Для большей наглядности в наиболее важных рубриках использованы оба эти способа представления сразу.

³⁹ Подсчитывать то же самое на всем объеме, т.е. с включением осложненных клауз, не имеет смысла, поскольку осложненность действует сильнее, чем фактор деепричастия, и следовательно, итоги подсчетов будут сильно зависеть просто от того, много ли в памятнике осложненных клауз.

Ниже в виде таблицы приведены данные нескольких важных памятников. Поскольку материал по *са* при деепричастиях вообще довольно ограничен, здесь пришлось включить в таблицу также и некоторые памятники, где клауз класса 5 (с деепричастием) совсем мало. В таких случаях для $Q_{(5)}$ проценты не выписываются, поскольку они создавали бы лишь иллюзию точности.

Здесь и в последующих таблицах в квадратных скобках указано общее количество представленных в памятнике примеров с неавтоматической постановкой *са* в классах 1–8. Эта цифра показывает «калибр» памятника и позволяет оценить степень показательности соответствующих статистических данных.

Поведение *са* в клаузах с деепричастием

	$Q_{(1-3)}$	$Q_{(5)}$ – дееприч.
<i>Небольшое различие коэффициентов</i>		
Ранн. бер. грам. [30]	85%	4/4
Киев-Д [188]	66%	3/5
Житие Мефодия [28]	82%	2/3
Мариинск. ев. [468]	11%	1/10
<i>Существенное различие коэффициентов</i>		
ЖАЮ [544]	64%	37% (14/38)
Супр. [689]	42%	17% (8/48)
Флавий [1115]	16%	7% (6/91)
<i>Резкое различие коэффициентов</i>		
Киев. лет. (автор.) [533]	30%	7% (3/43)
ПВЛ [422]	34%	0% (0/12)
Гал.-Волын. лет. [264]	26%	0% (0/18)

Как видно из таблицы, только в ранних берестяных грамотах, возможно, еще сохранилась предполагаемая первоначальная ситуация, когда деепричастия давали препозицию *са* без всяких ограничений. Но здесь представлено всего четыре примера, так что о серьезных статистических выводах говорить не приходится. Материал ранних берестяных грамот и Киев-Д см. в § 2.16.

К сожалению, крайне ограничен также и материал других памятников, где $Q_{(5)}$ мало отличается от $Q_{(1-3)}$ (Житие Мефодия, Мариинское ев.). Фразы с препозицией *са* здесь таковы:

въсѣмъ бо са оуподобль (Мефод., 104в);

Бѣши са явль (там же, 103б);

нѣ і оца своего глѣаше Бѣ, ∇ ра{ра}вень са твора Боу (Мар., Ио. 5.18).

Существенно больше интересующих нас примеров содержат некоторые из крупных памятников — Супрасльский кодекс, Житие Андрея Юродивого, Флавий. В частности:

Супр. — *и тѣмъ са примиривь съ нами* 56;

Богоу са на оучастиѣ въдавъ III–6;

- и зѣло са въздрадовавъ, рече* 74 об.;
и оу чрътога сѣдиши, ∇ издавѣна са троуда III–34.
 ЖАЮ — *неистов са дѣя* 4;
завистию са ражъжегъ С49;
и видивъ кѣго, ∇ малы са пролыснувъ, реч(е) 46б;
а в ризы са облача, литургисаше 48б;
и издалеча са поклонивъ, мимоидохъ С22;
он же // велми са разъгнѣвавъ на на ... С49 об.;
дивно же се бѣаше Купифану (<...>), ∇ яко° кѣмуже са не оучивъ, глѣше 16г.
 Флав. — *ни мене са стыдаце, ни своего ороужїа* 449б;
и ѿдва са ѿчютивъ, въпрошаше 356а;
проса прощѣнїа, ∇ и с'квернъ са възываа и ѿкѣненъ 371б.
 Но, как видно из таблицы, во всех этих памятниках препозиция *са* при деепричастиях представлена все же гораздо реже, чем при личных формах.
 В прочих памятниках отмечены лишь единичные примеры, в частности:
и томоу стоѣшетъ бѣаса, ∇ с ними са перемагаѣса (Киев. лет. [1140], 112 об.; двойное *са*);
смѣрти бо са, дѣти, не боѣчи, ни рати, ни ѿ звѣри, но мужьское дѣло творите (Мономах, 83);
сѣмѣряше сѣ, ∇ послѣднии сѣ въсѣхъ творѣи и слоужьбѣникъ (Феод., 42г);
аще тебе хоулитъ кто оуноша, и ты, ∇ за сѣдиноу са емъ, кажешъ свою старость к нему ... (Пчела, 433).
 И имеется значительная группа памятников (прежде всего летописей), где препозиция *са* при деепричастиях не встречается вообще (застывший оборот *милъ са дѣя* 'умоляя', как уже было оговорено выше, не в счет).
 Как понятно из таблицы, нормой для безусловного большинства памятников является постпозиция *са*. Примеры:
мало причастивса ѿ того, дивлашеса сласти тои (ЖАЮ, 14а);
ѿ конѣ спадаѣса ... (Мономах, 83);
и за роукы емлющеса сѣчѣхъ (Флав., 442а);
азъ же, того оубоѣвъса, приходъ на нь (ПВЛ, 24);
и опать воротивше са ... (НПЛ, 36) и т. п.

Представляет значительный интерес специфический показатель, характеризующий деепричастия, — величина разрыва между коэффициентами $Q_{(1-3)}$ и $Q_{(5)}$, т. е. мера различия в частоте препозиции *са* при личных формах и при деепричастиях. Как можно видеть из таблицы, в древнейших памятниках — в старославянских Мариинском евангелии и Житии Мефодия, равно как в ранних берестяных грамотах и Киев-Д, — этого разрыва еще в сущности просто нет. Он появляется лишь во второй группе, где самым древним является Супрасльский кодекс. А максимальных значений этот разрыв достигает в последней группе, которая в нашей таблице представлена древнерусскими летописями. Сюда же относятся и многочисленные более поздние памятники, где препозиции при деепричастиях нет вообще.

В отличие от собственно причастий, деепричастия были вполне употребительны в живой речи. Очевидно, этим и объясняется намного более частая, чем

при собственно причастиях, препозиция *са*. А фактором, который в ходе истории начиная с какого-то момента уже ощутимо снижает эту частоту, здесь оказывается только синтаксическая функция деепричастий, уже существенно отличная от собственно предикативной функции личных форм.

Клаузы с аористом или имперфектом

§ 4.7. Практически во всех обследованных памятниках коэффициент препозиции *са* при сказуемом в аористе или имперфекте оказывается ниже, чем при сказуемом в других личных формах или инфинитиве.

Сравним в рамках простых клауз $Q_{(6)}$ (коэффициент препозиции *са* при сказуемом в аористе или имперфекте) с $Q_{(1-3)}$ (коэффициентом препозиции *са* при других личных формах (презенсе, императиве, перфекте, плюсквамперфекте), т. е. при формах, активно используемых в живой речи).

Приводим данные нескольких памятников, содержащих удовлетворительное количество материала (а именно, не менее 20 клауз класса б).

Поведение *са* в клаузах с аористом и имперфектом

	$Q_{(1-3)}$	$Q_{(6)}$ – аор./импф.
<i>Умеренное различие коэффициентов</i>		
Супр. [689]	42%	20% (23/113)
Мариинское ев. [468]	11%	7% (7/105)
ЖАЮ [544]	64%	43% (27/63)
НПЛ-1 [186]	50%	18% (8/45)
Флавий [1115]	16%	6% (18/299)
<i>Резкое различие коэффициентов</i>		
ПВЛ [422]	34%	8% (12/143)
Киев. лет. (автор.) [533]	30%	3% (4/160)
Даниил [149]	24%	3% (1/34)
НПЛ-3 [130]	19%	0% (0/22)

Как можно видеть, в части памятников присутствие аориста или имперфекта влияет на позицию *са* очень сильно.

Из числа крупных памятников только в ЖАЮ показатель $Q_{(6)}$ превышает 40%. Примеры фраз из ЖАЮ с препозицией *са*:

да яко же са обѣца 33г;

и срѣце ми са оужасе С12 об.;

размышляя, кдѣ ли есмь былъ, ∇ кдѣ ли са обрѣтохъ С24;

егда же ли са куму не хоташе ходити в ноци 8г.

В памятниках Мефод., Мономах, СПИ показатель $Q_{(6)}$ формально тоже высок, но материала в них слишком мало для статистических заключений (всего 3–6 клауз класса б). Примеры фраз с препозицией *са*:

поути са ѡтъ (Мефод., 1056);
и то ми са вына (Мономах, 78);
и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, // тѣмою ся поволокоста (СПИ, 103).

Во всех прочих памятниках при аористе и имперфекте безусловно преобладает или даже полностью господствует препозиция *са*. Вот некоторые примеры:

Препозиция — редко	Постпозиция — норма
<i>и съврѣгъ ризы, ∇ къ нагымъ са примѣси</i> (Супр., 48) <i>да то са зваху ѿ Грекъ Великая Скуфь</i> (ПВЛ, 5) <i>и тако са оуправиша по воли</i> (НПЛ [1177], 41 об.)	<i>не отъ жены ли роди са</i> (Супр., 4 об.) <i>да ови обѣшитавахъ са, друзиѣ же не покораахъ са</i> (Супр., 17) <i>тѣгда събѣраша са архиереи и кѣнижѣници</i> (Мар., Мт. 26.3) <i>і егда исплѣниша са дѣнье очишениѣ ею</i> (Мар., Лк. 2.22) <i>и тако разидеса словѣньскии языкъ</i> (ПВЛ, 2 об.) <i>и ту створишася врата мѣдна</i> (ПВЛ, 85 об.) <i>и тамо прѣстависа</i> (НПЛ [1156], 29) <i>и они передашася</i> (НПЛ [1209], 74) <i>и мало не смерчеса</i> (Киев. лет. [1124], 107 об.) <i>Дюрги же възворотиса в Киевъ</i> (Киев. лет. [1155], 173) <i>и тогда раздрася церковная катапетазма, и камене распадеса</i> (Дан.) <i>и мноѹи прельстишася</i> (Флав., 348б)

Вот особенно наглядный пример, где в одной фразе мы находим в совершенно однотипных клаузах препозицию *са* при перфекте и постпозицию при аористе (того же глагола):

и дастъ ему оѣць его Лучинъ городъ, въ нѣмже родиса, и поставиша на томъ мѣстѣ иркѣвъ стѣго Михаила, где са родиль (Киев. лет. [1173], 201 об.).

Для русских памятников описанный эффект аориста и имперфекта естественно связывать с фактором книжности: аорист и имперфект отсутствуют в живой речи, соответственно фразы с этими временами возникают только в условиях, где автоматизмы устной речи частично или даже полностью теряют актуальность.

Правда, Мариинское евангелие и в особенности Супрасльский кодекс показывают, что и в старославянском препозиция *са* при аористе использовалась несколько реже, чем при презенсе или перфекте. Очевидно, здесь действовали какие-то факторы, специфические для старославянского. Но для их выявления того ограниченного старославянского материала, который привлекается к рассмотрению в настоящей книге, недостаточно.

Клаузы со сказуемым в личных формах (но не аористе или имперфекте)
и клаузы с подчиненным инфинитивом

§ 4.8. Клаузы названных категорий — это сфера, наиболее благоприятная для действия закона Вакернагеля. А внутри этой сферы максимально благоприятен для препозиции *са* класс клауз с начальным местоименным словом.

Приводим цифровые данные по наиболее показательным памятникам. За немногими исключениями взяты только относительно крупные памятники (т. е. содержащие статистически значимый материал).

Поведение *са* в разных классах простых клауз

	1 Мест.	2 Союз	3 Знамен.	4 Инф.
<i>Умеренные различия между классами</i>				
Житие Мефодия	2/3	4/4	3/4	1/1
Ранн. бер. грам.	92% (12/13)	2/3	2/3	2/2
Киев-Д	79% (52/66)	67% (22/33)	46% (19/41)	73% (22/30)
ЖАЮ	71% (82/115)	57% (12/21)	45% (18/40)	72% (44/61)
Поздн. бер. грам.	48% (16/33)	3/6	23% (3/13)	1/2
<i>Значительные различия между классами</i>				
Общий случай				
Супр.	63% (20/32)	72% (13/18)	16% (7/45)	19% (14/75)
ПВЛ	52% (16/31)	30% (8/27)	21% (7/34)	33% (13/39)
Киев. лет. (автор.)	50% (9/18)	27% (4/15)	0% (0/11)	43% (28/65)
Гал.-Волын.	15% (2/13)	4/9	24% (4/17)	35% (12/34)
Памятники с очень низкими Q(знам.) и Q(инф.)				
Мариинск. ев.	19% (15/80)	10% (4/39)	0% (0/47)	3% (1/39)
Изборник 1076	20% (9/44)	6% (1/16)	5% (3/61)	8% (2/26)
Флавий	23% (20/87)	25% (14/55)	6% (7/120)	4% (3/73)
Пчела	16% (19/118)	23% (9/39)	4% (5/115)	5% (2/41)
Памятники с препозицией почти исключительно при начальном местоимении				
Даниил	34% (11/32)	0/5	0/8	1/3
Домострой	18% (2/11)	0/4	1/11	0/4
Грязной	4/6	—	0/6	0/2

Примеры см. ниже в обзоре памятников.

Как видно из таблицы, примерно одинаковый коэффициент препозиции *са* во всех четырех рассматриваемых классах (если не считать некоторой склон-

ности к снижению этого коэффициента в классе 3) характерен для старших памятников, относительно близких к живой речи. Поскольку, судя по ряду признаков, именно эти памятники в наибольшей степени приближаются к предполагаемому исходному состоянию энклитик, можно думать, что первоначально никакого различия в поведении энклитик в этих четырех классах не было.

Но в большей части памятников представлено уже иное состояние, а именно, классы 2–4 уже менее благоприятны для препозиции *са*, чем класс 1.

При этом, правда, в ряде памятников класс 2 дает примерно такие же показатели, как класс 1 (иногда даже несколько бóльшие).

Из частных особенностей можно отметить то, что ряд церковных и книжных памятников избегает препозиции *са* при подчиненном инфинитиве и при знаменательном слове. Между тем русские летописи используют препозицию *са* при подчиненном инфинитиве относительно активно.

В поздних памятниках препозиция *са* за рамками клауз с начальным местоимением уже вообще почти не встречается.

Поведение *са* в зависимости от степени сложности фразы

§ 4.9. Перейдем к другому параметру — степени сложности фразы. Рассмотрим более подробно, в чем именно может проявляться сложность фразы.

Многоактантные клаузы

По поведению многоактантных клауз можно подразделить памятники на три группы, в которых коэффициент препозиции *са* в многоактантных клаузах соответственно: 1) примерно такой же, как в простых (иногда даже немного выше); 2) заметно ниже, чем в простых; 3) в 5–10 раз ниже, чем в простых, или даже равен нулю. Самая большая из них — группа 3; в группу 1 из богатых материалом памятников входят только Киев-Д и Афан. Ник.

Приводим количественные данные для ряда важных памятников всех трех групп (в основном таких, где сравнительно много материала).

Поведение *са* в многоактантных клаузах

		Q(1–3)	Q(7)– многоакт.
<i>Слабое отличие многоактантных клауз от простых</i>			
Киев-Д	[188]	66%	70% (21/30)
Афан. Никитин	[58]	35%	43% (6/14)
<i>Заметное отличие многоактантных клауз от простых</i>			
Супр.	[689]	42%	12% (25/210)
ЖАЮ	[544]	64%	39% (48/124)
Александрия	[236]	47%	16% (9/55)
ПВЛ	[422]	34%	18% (10/56)
Киев. лет. (автор.)	[533]	30%	12% (10/85)
Флавий	[1115]	16%	6% (12/186)

<i>Резкое отличие многоактантных клауз от простых</i>			
Мариинск. ев.	[468]	11%	1,3% (1/77)
НПЛ-1	[186]	50%	10% (2/20)
Гал.-Волын. лет.	[264]	26%	2,6% (1/38)
Пчела	[685]	12%	2,7% (10/372)
Грязной	[27]	33%	0/11

Ситуация, представленная в Киев-Д, позволяет предполагать, что первоначально фактор многоактантности никакой роли в размещении энклитик не играл. Весьма показательно огромное различие в данном отношении между Киев-Д и авторской частью Киевской летописи: $Q_{\text{многоакт.}}$ соответственно 70% и 12%. Даже из одного этого факта уже можно заключить, что тенденция к постпозиции *са* в многоактантных клаузах — это книжная черта, тогда как в живой речи ее не было или она была гораздо слабее.

С этим выводом достаточно хорошо согласуются и показания ряда других памятников. Так, «Хождение» Афанасия Никитина, где многоактантность не влияет на поведение *са*, и Житие Андрея Юродивого, где она влияет слабо, — это памятники, отражающие значительное число черт живого языка.

Были бы, конечно, весьма существенны показания берестяных грамот, в особенности ранних. Но, к сожалению, многоактантных клауз в них совсем мало (3 в ранних и 9 в поздних), так что никакая статистика здесь невозможна.

Препозиция *са* в многоактантных клаузах бывает двух родов: обычная и смещенная. Обычная препозиция имеет место в клаузах без барьеров (скажем, *нынѣ са еси съ братомъ оумириль*), смещенная — в клаузах с барьером (скажем, *нынѣ // съ братомъ са еси оумириль*).

Вот некоторые примеры из памятников первых двух групп.

С обычной препозицией *са*:

Киев-Д — *а ты са еси еше с людми Киевѣ не оутвердилъ* [1154], 170 об.;
а вѣ са своимъ братомъ и сѣмъ Изаславомъ сами вѣдаимы [1149], 141;
аче ти са полки иструдать, а на силнѣиши поуцю другыа [1149], 140;
а се ти са Романъ бродить, а ѿсуда Дедѣ [1167], 188;
а сѣмо са за нами Днѣпръ росполиваетъ [1148], 132 об.

Супр. — *тѣмъ са таиньи подають даръ* III-35 об.

СПИ — *Нъ ро(зн)о ся имъ хоботы пашутъ* 166;

И древо с(я) туюю къ земли прѣклонило 199;

На ниче ся години обратиша 120.

ЖАЮ — *комуже ихъ глѣше своимъ языкомъ, ∇ в немже са жсть кождо ихъ родиль* 17в;

сдѣ са кончина оуставляетъ 65б.

ПВЛ — *се бо ны са по дань ѡли* 22;

на горѣ, ∇ еже са ныне зоветь Оугорское 8.

Киев. лет. (автор.) — *про се са и Мьстиславъ разьгнѣваса на нѣ* [1140], 112 об.;
а иногю кнѣза не искати, ∇ оли са с ни^м смѣтью розлучити [1168], 189.

- Со смещенной препозицией *са*:
- Киев-Д — *доспѣваите вси, ∇ доколѣ // рѣкы са оустановати* [1147], 131 об.;
онъ же нынѣ // ворогъ ми са оучинилъ [1196], 241.
- Афан. Ник. — *а у жены // дитя ся родит, ино бабит муж* 448 об.;
Божиею благодатию // зло ся не учинило 457 об.
во Индѣиской же земли // кони ся у них не родят (Троицк. 373).
- СПИ — *И съ нимъ молодая мѣсяца, // Олегъ и Святъславъ, // тьмою ся поволокоста* 103.
- ЖАЮ — *и о семь // наиболе са веселимъ* С168 об.;
коя дѣла вины // се са ксть створило тебѣ 42б;
но не своєю силою // члѣкомъ са створивъ 66б;
нъ немлѣтивъ члѣкъ и лютъ // на мнѣ са кси явилъ 30а.
- ПВЛ — *а члѣкъ золь // ни крѣта са боить* 46 об.
- Александрия — *иже бѣгомъ настѣлникъ бѣвъ, и съ слнцемъ въсходивъ, ∇ нынѣ оубѣ // бѣгунъ са сътворихъ поусть* 65.
- Флав. — *и вса Галилеа // къ нему са приложи* 357в.

Разумеется, как ясно из таблицы, в этих памятниках имеются также, причем в большом количестве, многоактантные клаузы с постпозицией *са*, скажем, *тамо аште и много плачемъ са за грѣхы* (Супр. III–55 об.); *и во мнѣ сила моя матетса* (ЖАЮ, 61б); *но мы на преднаа взратимса* (ПВЛ, часто); *Мьстиславъ же крѣпко прашеса по Климѣ* (Киев. лет. [1160], 180); и т. п.

В памятниках третьей группы (куда входит, помимо указанных выше, также много других памятников) в многоактантных клаузах господствует постпозиция *са*. Ограничимся немногими примерами (знаки барьеров мы здесь во фразах с постпозицией *са* предпочитаем не ставить, поскольку в них барьеров в принципе могло уже и не быть):

- Мар. — *азъ николиже не съблажнѣ са* (Мт. 26.33).
- НПЛ — *и тако по грѣхомъ нашимъ разиде са власть наша и градъ нашъ* 81 об.

Клаузы с препозицией *са* здесь весьма редки. Приводим примеры.

С обычной препозицией *са*:

- Мар. — *и не можтъ са кнѣгы разорити* (Ио. 10.35).
- Мефод. — *о немъ же са никто же николи же попекль* 104б;
оуже бо са есть яко и при пеци оупотилъ 107а.
- Изборник 1076 — *еда бы са пакы къ грѣхоу обратилъ* 218 об.
- ГВНП — *а гдѣ са тажа родить* № 29 (1262 г.);
обы са просто не учинилоса № 44 (1373 г.) (двойное *са*).

Со смещенной препозицией *са*:

- Мономах — *и в то же лѣт(о) // и дѣта са роди старѣшиес Новгородское* 81.
- Феод. — *и пакы // дѣлѣ ся своємъ къждо имашеть* 36а/б.
- Шестоднев — *тии же разумнымъ друзи // на золь ся совратиша;*
и въ томъ часѣ // пакы // въ тѣлѣ ся своємъ обряцеть.
- Изборник 1076 — *посредѣ вельможъ // не равнь са твори* 404.
- Даниил — *и благодѣтью божиею // та ся 3 кандила возгоша тогда;*
и лвоу мнози // ту ся ражсают;

Пчела — *иже ѿ всакоя сладости // волею сА воздержитъ, моудръ жсть* 435.
 Неизв. кн. — *или роусьскомуу гьстьи // притъча сА пригодитъ въ Ризѣ.*

Тяжелые клаузы

§ 4.10. Тяжелые клаузы сильнее всех прочих клауз склонны к постпозиции сА.

Вот максимально наглядные примеры, где в одном и том же тексте соседствуют фразы, различающиеся только легким или тяжелым началом, и это немедленно отражается на позиции сА:

Мономах, 79 об.: *и сему сА по[див]уемы* — а чуть выше: *и сему чюду // диву-емъсА.*

Киев-Д [1150], 151 об.: *сърѣшилъ есмь и первое, ∇ а того сА каю* — а чуть ниже в том же монологе: *ны^н же, ѿце, // того всего // каюсА.*

Приводим соответствующие цифровые данные для памятников, где имеется удовлетворительное количество материала (а именно, не менее 20 клауз класса 8 [но для Киев-Д сделано исключение]).

Поведение сА в тяжелых клаузах

	Q(1–3)	Q(8) – тяжел.
<i>В тяжелых клаузах препозиция встречается лишь примерно вдвое реже, чем в простых</i>		
Киев-Д [188]	66%	31% (4/13)
Даниил [149]	24%	13% (7/52)
<i>В тяжелых клаузах препозиция встречается очень редко</i>		
Супр. [689]	42%	0,7% (1/148)
ЖАЮ [544]	64%	9% (7/82)
НПЛ-1 [186]	50%	2% (2/103)
ПВЛ [422]	34%	2,5% (2/80)
Киев. лет. (автор.) [533]	30%	0,7% (1/136)
<i>В тяжелых клаузах препозиция не встречается вообще</i>		
Мариинск. ев. [468]	11%	0/71
Изборник 1076 [350]	11%	0/101
Флавий [1115]	16%	0/204
Гал.-Волын. лет. [264]	26%	0/36
ГВНП XIV–XV [54]	35%	0/22

Из числа памятников с недостаточным количеством материала ко второй из этих групп примыкают, частности, Мефод., СПИ, Афан. Никитин, к третьей — берестяные грамоты обоих периодов и Мономах.

Как ясно из таблицы, в тяжелых клаузах во всех памятниках господствует постпозиция *са*. Примеры:

Киев-Д — *бѣю моему и своему брату // поклониши(а) Изаславу [1150], 148;*

кѣже, // велико зло // дѣтсѧ в городѣ [1161], 182 об.

Даниил — *и тѣми оконци // видитьсѧ святыи тѣ камень.*

Супр. — *и мжкѣ твоихѣ // не боивѣ са 6 об.*

ЖАЮ — *ѡ сего всего // храниса 35б;*

в нама^Г стѣхѣ // причащаиса С170;

о которыхѣ грѣсѣхѣ // ро^Д ва^Ш // веселитсѧ наиболе С168.

НПЛ-1 — *въ се же(е) лѣт(о) // прѣстависа Добрына посадникѣ новгородьскыи 9 об.*

ПВЛ — *штроци Свѣнльжи // изодѣлисѧ суть ѡружьемѣ и порты, а мы нази 14 об.*

Феод. — *много зѣла // створи сѧ въ земли тои 34а;*

блѣженни же Феодосии // на прѣвыи подвигѣ // възврати сѧ 29а.

СПИ — *Жены Рускѣя // въсплакашас(я) 82;*

По Руской земли // прострошася Половци 105;

Въ княжихѣ крамолахѣ // вѣци чловѣкомѣ // скратишас(я) 64.

Берестяные грамоты — *[ѡ]а [и]н[е]х[ѡ] д[ев]ате гривено // осталосѧ 43б;*

ѡ всѣмѣ томо // понаболисе 359п.

Мономах — *с брато^М твоимѣ // радилисѧ есвѣ 84 об.*

Мар. — *а оученици твои // не поставѣ са (Мт. 9.14).*

Флав. — *Алексѧндрова жена // грозѣтсѧ на вси жены 369г.*

Обратимся теперь к тем редким случаям, где представлена препозиция *са*.

В тяжелых клаузах это могут быть:

1) правильные примеры, где *са* в прямом соответствии с законом Вакернагеля вклинивается внутрь тяжелой актантной группы (создавая тем самым непроективность);

2) примеры, где *са* стоит после тяжелой актантной группы (сохраняя проективность) — либо в силу просодического объединения членов тяжелой группы, либо как прямое нарушение закона Вакернагеля.

Примеры первого рода, т. е. с соблюдением закона Вакернагеля (почти полный список):

Киев-Д — *а брата са Игорѧ лиши 121 об.;*

затѣ ти са король кланаетѣ 161 об.;

се съ симѣ ны са полко^М нѣ лзѣ бити сею рѣкою [1148], 132 об.

Даниил — *и то сѧ мѣсто зоветь Аримафѣй* (аналогично: *Магдалия, Азиати-мина, Месопотамия*; таким образом, в этом памятнике из семи примеров препозиции *са* в тяжелых клаузах четыре — это фактически одна и та же фраза);

все сѧ то дѣяло в дому Иосифовѣ обрученика Мариина.

ПВЛ — *си же са злоба склучи въ днѣ Възнесеньѧ Гса нашего Гса Хса 73 об.;*

[бысть] знаменьѣ в слнци, нако погыбнути юму, ∇ и мало са кѣго ѡста 71 об.

НПЛ-1 — *и много са зла створи 15 об. (в Комисс. и много сѧ пакости издѣя);*

кто са на^С осталѣ живыхѣ 122 об.

Мефод. — *съ гроубою са чадью пьрѣхъ* 107а.

СПИ — *Вежи ся Половецкii подвизашася* 187 (двойное *са*).

Афан. Ник. — *что° «судно ся мое розбило ...»* (Троицк. 370 об.).

О примерах второго рода (т. е. с *са* после неодночленной группы) см. § 1.42. Они представлены в основном в ЖАЮ (где примеров первого рода нет вообще).

Особые явления, связанные с *са*

Фактор наличия сильных энклитик

§ 4.11. Дополнительным фактором, который способствует переходу *са* в постпозицию, является наличие в той же клаузе сильных энклитик (прежде всего, *же*, *ли*, *бо*).

Для энклитик можно предполагать — с некоторой долей идеализации — такое первоначальное состояние, при котором они беспрепятственно соединялись в сколь угодно большие блоки. Но со временем мы обнаруживаем в памятниках некоторую тенденцию к тому, чтобы при наличии в клаузе сильной энклитики энклитика *са* уходила в постпозицию. Наиболее достоверно этот эффект зафиксирован для сильных энклитик *же* и *бо*.

Продемонстрируем эту тенденцию на материале крупного памятника ЖАЮ, где примеров данного класса несколько десятков. Разумеется, мы будем рассматривать только фразы с нена начальным сказуемым, т. е. исключим такие, где позиция *са* автоматическая.

Количественные соотношения здесь таковы. Клауз, содержащих одновременно *же* (противительное, причинное или усилительное) и *са* или *бо* и *са*, в ЖАЮ 68; из них 22 содержат *са* в препозиции, т. е. коэффициент препозиции *са* здесь 32% (22/68). Между тем $Q_{(общ.)}$ (т. е. по сумме классов 1–8) для этого памятника — 46% (252/544). Если же вычесть из общей суммы клаузы с *же* + *са* и *бо* + *са*, то для остатка $Q_{(общ.)}$ составило бы 48% (230/476). Разница между 48% и 32% и есть мера того эффекта, который оказывает на позицию *са* присутствие сильной энклитики *же* или *бо*.

Примеры фраз с *са* из ЖАЮ, содержащих также сильные энклитики

Препозиция — редко	Постпозиция — часто
С сильной энклитикой <i>же</i>	
<i>како же ти са мнить быти светныи мирь противѣ семѣ</i> С25 <i>много же са емѣ молихъ</i> С26	<i>азъ же // клахса емѣ ротою страшною</i> С14 об. <i>много же // и пощашеса и бдѣше</i> 45г <i>праведникъ же // толико оусміхашеса</i> 9в <i>послѣди же оутѣшивса, исповѣда все по праву</i> 30б

С сильной энклитикой <i>бо</i>	
<i>велми бо са пеку тобою</i> 5г <i>мнѣ бо са мнаше, яко въ плоти</i> <i>хожю тамо</i> 13б/в	<i>азъ бо // о тѣхъ не пекуса</i> 65г <i>азъ бо // молилса ксмь своему влѣцѣ</i> 60г <i>ѿ того бо // раждаѣтса любы</i> 58б <i>крѣпко бо // пратса с нами кретицкыя</i> <i>дѣти</i> 59б <i>не толико бо // радуѣмса о приношеньи</i> <i>вашемъ</i> 62г

Добавим к этому несколько примеров из Киев-Д, где эти две модели представлены в приблизительном равновесии:

с препозицией *са* —

ѿтолѣ же са хочю с тобою радити [1150], 144 об.;

можете ли са за наю бити? [1149], 139 об.;

с постпозицией *са* —

ны^н же, ѿце, // того всего // каюса [1150], 151 об.;

ты же ми еси ее // ѿстоупилса по волѣ [1195], 236 об.

Частица *да* ‘пусть’

§ 4.12. Особое место занимают клаузы с участием частицы *да* ‘пусть’. Само это слово является книжным элементом, поэтому во многих из обследованных нами памятников (в частности, в берестяных грамотах) его просто нет.

При рассмотрении клауз с начальным *да* ‘пусть’ необходимо различать следующие случаи:

1) начальное *да* в составе проклитико-энклитического комплекса (в частности, *да са*), например: *да ми съкажетъ, да са събудеть, да бы са избавиль, да бы са отъ нихъ избавиль, да бы избавиль са*;

2) начальное *да* непосредственно перед сказуемым, например: *да будетъ, да отидеть прочь, да събудеть са*;

3) начальное *да* в любом ином сочетании, например: *да прочь отидеть, да никому не достанеть са*.

В случаях 2 и 3 частица *да* — проклитика, то есть «просодический нуль». Соответственно, в нашей классификации группа 2 не входит в основной массив, так как это модель с начальным сказуемым, а клаузы группы 3 попадают в тот или иной из обычных классов. Клаузы группы 1 не входят в основной массив в силу соглашения о проклитико-энклитических комплексах (§ 4.3).

Таким образом, класс клауз, состоящий из суммы групп 1 и 2, не входит в наши общие подсчеты. Для нас представляет, однако, интерес вопрос о поведении *са* в этом классе. Понятно, что в составе этого класса группа 2 всегда дает постпозицию *са*, группа 1 — почти всегда препозицию (исключение составляет только редкая модель *да бы избавиль са*).

Пусть *a* — численность клауз группы 1 с препозицией *са* (реально это клаузы с начальным комплексом *да са*, *да же са*, *да бы са* и т. п.). Пусть *b* — численность клауз групп 1 и 2 с постпозицией *са* (т. е. сумма моделей *да събудеть са* и *да бы избавиль са*).

Обозначим через $Q_{(da)}$ коэффициент препозиции *са* в указанном классе клауз (т. е. в группах 1+2). Понятно, что $Q_{(da)} = a/(a+b)$.

Посмотрим, как выглядит коэффициент $Q_{(da)}$ в тех памятниках, где активно используется *да*.

В обследованных нами памятниках старославянского происхождения, за исключением Супрасльского кодекса, $Q_{(da)}$ обычно не очень сильно отличается от $Q_{(общ.)}$.

Поведение *са* в клаузах с *да*
в памятниках старославянского происхождения

		$Q_{(общ.)}$	$Q_{(da)}$
Житие Мефодия	[28]	68%	4/5
Супрасльский кодекс	[712]	16%	35% (13/37)
Мариинское ев.	[468]	6%	4% (2/49)
Изборник 1076	[350]	6%	8% (2/25)
Синайская псалтирь	[365]	2%	2% (1/62)

Эти данные позволяют предполагать, что поведение *са* в клаузах с *да* здесь в общем подчиняется тем же факторам, что и в других типах клауз. Но, конечно, особо благоприятным для препозиции *са* этот случай считать нельзя: $Q_{(da)}$ близко к средней величине Q , следовательно, оно ниже, чем значения этого параметра в благоприятных случаях. Действительно, $Q_{(da)}$ всегда заметно ниже, чем $Q_{(мест.)}$. Это верно даже и для Супр., с его относительно высоким $Q_{(da)}$ (35%): здесь $Q_{(мест.)} = 63\%$.

Примеры с препозицией *са* (во всех памятниках данной группы, кроме Жития Мефодия и Супрасльского кодекса, очень редкие):

Мефод. — *да са обрацете истиньнии поклонителе* 106в.

Супр. — *да са събждетъ писанок* III-29 об.

Мар. — *приношаахъ же къ нему и младенъца, ∇ да би са ихъ коснжль* (Лк. 18.15).

Изборник 1076 — *члдо, алчьнь боуди, ∇ да са насытиши* 113.

Син. псалт. — *да сѧ не подвижж* (пс. 15.8).

Примеры с постпозицией *са* (во всех памятниках данной группы, кроме Жития Мефодия, господствующие):

Мефод. — *да бы проучиль са въсьмъ обычаемъ словѣньскимъ* 104в.

Супр. — *да съвршишь са реченок* 69;

Господи, // да отвръзжтъ са небеса II-9 об.

Мар. — *да събждетъ са реченое пророкомъ Исаемъ* (Мт. 8.17);

аще кто хочетъ по мнѣ ити, ∇ да отвръжетъ са себе (Мт. 16.24).

Изборник 1076 — *печалоуи и о падении своємъ, ∇ да очистиши са* 12 об.

Син. псалт. — *да не подвижжтъ сѧ стопы моѧ* (пс. 16.5).

Среди памятников древнерусского происхождения особое место в этом отношении занимает ЖАЮ. Здесь $Q_{(da)}$ составляет 91% (64/70) при $Q_{(общ.)} = 45\%$. Учитывая показания остальных памятников, это можно объяснить только тем,

что переводчик здесь руководствовался искусственной нормой, требовавшей постановки *са* сразу после *да*. Примеры:

абик же вда кго, ∇ да са наоучить стѣмъ книгамъ 2;
иди сѣмо, оучѣрнене, ∇ да са боревѣ оба 3 об.;
Гѣ кдинь // да са печеть тѣмъ 12г;
да бы са сбыла мысль кѣа 44г;
да быхомъ са блюли 63б и т. п. (при очень редких фразах типа *да борюса с ними 19а*).

Возможно, такой же нормой руководствовался составитель НПЛ-3 (4 случая препозиции *са* из 4 при $Q_{(общ.)} = 5\%$). Но ввиду малочисленности примеров это остается лишь предположением.

В Флав. в клаузах с *да* имеется 9 примеров с препозицией *са* (из 43), в «Пчеле» — 4 из 26. В прочих рукописях русского происхождения либо отмечены единичные примеры препозиции на фоне намного более частой постпозиции, либо препозиция *са* в таких клаузах не встречается вообще. К последним относятся, например, сочинения Мономаха, Галицко-Волынская летопись и др.

Таким образом, частица *да* 'пусть' выступает в качестве живого элемента, по-видимому, только в старославянских памятниках. В древнерусских книжных памятниках ее употребление не поддерживалось автоматизмами живой речи и потому было в значительной мере искусственным (и неодинаковым под пером разных редакторов). По этой причине данная группа клауз и не включена в основной массив.

Двойное *са*

§ 4.13. Представляют специальный интерес фразы с так наз. двойным *са*, т. е. такие, где *са* выступает дважды — в препозиции и в постпозиции.

В ранних рукописях такие примеры крайне редки. В обследованных нами источниках встретились только:

къто са прикоснѣ са мѣнѣ (Мар., Мр. 5.31);
къже отъ мене хошетъ са, ѣкоже глаголеши, родити са на земли (Супр., П–2);
много са покоушахомъ, да быхомъ са приближилисѣ къ нему (Чудеса Николы, 74а);
никъто же съмѣеть са прикосноути са ѣи (Усп. сб., 142а).

Добавим сюда из Др.-р. грамм. 1995 (с. 474): *да того ради тако са моучать са на вѣкы* (Сборник Троицкий XII–XIII вв., 33).

Примечание. В сильно фрагментированной берестяной грамоте № 227 (2-я пол. XII в.) имеется отрезок (стоящий после обрыва) ...[м]оу со зем(и)е ти хотаци са не [и]ѣтиса, конец которого, по-видимому, означает: 'хотя бы не считайся'. Не исключено, что это ранний пример дублирования *са* (т. е. что оба *са* относятся к *не <ч>ѣти*); но это совершенно ненадежно. Более вероятно, что первое *са* относится к *хотаци*. Дело в том, что в древнерусском языке деепричастие *хотѣ*, *хотѣчи* в значении современного 'хотя' часто сопровождалось частицей *си* или *ти*; ср., например: *то си хотѣ мѣльви 605*; *хотѣ си боуди холопъ или роба* (ПР, ст. 17); *нама ти хотѣ ти по 8 куну и по мородоки 775*. Допустимо предполагать, что наряду с *си* и *ти* в такой же роли могло выступать и *са* или что в данном отрывке *са* просто поставлено вместо *си* в силу

предвосхищения последующего *са*. Таким образом, прямым свидетельством «двойного *са*» в живом языке XII века данный пример служить не может.

Основная масса таких примеров представлена в поздних рукописях — списках или оригиналах, относящихся не ранее чем к XIV веку. Нами отмечены: Киев-Д — *и нѣльзѣ бы ны сѧ с ними тою рѣкою битъсѧ полко^м* [1148], 132 об.; *и пакы како сѧ по на^с яла* (было *яласѣ*, но *съ* соскоблено) *Руская земля всѧ и Чернии Клобуци* [1151], 152 об.

Киев. лет. (автор.) — *идоуцимъ же сѧ имъ битсѧ* ... [1151], 158; *и про се сѧ и Мьстиславъ разъгнѣвасѧ на нѣ* [1140], 112 об.; *и томоу стоѧшетъ бѣасѧ, ∇ с ними сѧ перемагаѧсѧ* [1140], 112 об.; *доколѣ же рѣкы сѧ оустановатсѧ* [1152], 165; *начаша сѧ слатисѧ к нему Чагровичи* [1169], 191; *боудоуюцю же емоу в половцехъ, ∇ тамо сѧ налѣзесѧ моужь родомъ половчинь, именемъ Лаворь* [1185], 226 об.

Шестоднев — *но аще сѧ прилучитсѧ ему и князь видѣти;*
како сѧ не имуть радоватисѧ и веселити.

ЖАЮ — *да не могу сѧ остатисѧ, донелѣже правого судью испрашаю* 31г;
а Бѣ не любить, ∇ тако да сѧ молимсѧ 56г;
да сѧ потицишисѧ, да сѧ избавиши ѿ первыхъ грѣхъ своихъ С133.

Флав. — *и велѧцю сѧ предѧтисѧ вавилоняном* 445б.

СПИ — *Вежи сѧ Половецкѧи подвизашасѧ* 187;
а древо сѧ) туюю къ земли преклонилосѧ) 74.

Поздние берестяные грамоты — *мнѣ сѧ не можетсѧ* 124п;
како сѧ, ѡсподине, нами своими хрестилны попецалишисе 310п;
а на вхыхъ се грозитьце 359п;
а то сѧ диялосѣ 154п (все четыре примера — из грамот начала XV в.).

Гал.-Волын. — *но азъ хоцоу сѧ остатисѧ) самъ в малѣ др(оу)жинѣ* [1254], 275 об. / 276;

не смѣахоу бо сѧ ѿлоучитисѧ) его [1254], 276;

и начаша сѧ причащатисѧ) [1261], 284 об.;

и начаша сѧ исповѣдатисѧ [1261], 284 об.

Радзивил. — *Г(осподи), что сѧ оумножишасѧ стужаюци мнѣ* [1015] (ср. то же место в Лавр.: *Г(осподи), что сѧ оумножиши стужаюци мнѣ*).

Комисс. НПЛ — *ему же сѧ сии кланяютсѧ, то азъ не кланяюсѧ* [1245];

а и товара много поимаши, ∇ что сѧ осталосѣ от огня [1372];

и бысть на рѣцѣ на Овожи, ∇ и ту сѧ обои полкы съступшасѧ [1379].⁴⁰

ГВНП — *обы сѧ просто не учинилосѧ* (№ 44, 1373 г.);

что сѧ учинилосѣ нелюбье (№ 18, 1375 г.);

а в то сѧ Матфѣю не вступатсѧ (№ 122, 1460-е гг.).

ДДГ — *а что сѧ бѣдет ѣчинилосѧ* (№ 19, список с ориг. 1402 г.);

и чего сѧ не оточтисѧ) [1433 г.]

Задонщина (список И-1, XVI в.) — *туто сѧ погании разлучшасѧ) боръзо.*

⁴⁰ Г. Гуннарссон (1935) приводит много большее число примеров двойного *са* из летописей; но, к сожалению, им нельзя доверять: большинство из них — это просто результат ошибочной расшифровки того, как издатели приводят разночтения.

Как указано в § 1.22, двойные энклитики не могут рассматриваться лишь как особенность письменного текста — по крайней мере в части случаев это отражение соответствующей особенности устной речи. Поскольку двойное *са* представлено, за ничтожным числом исключений, лишь в рукописях не старше XIV века, естественно предполагать, что перед нами явление устной речи, возникшее лишь в позднерусский период. А единичные примеры из более ранних рукописей вполне могут быть просто погрешностями писцов.

В живой речи двойное *са* представляло собой результат конкуренции старого и нового правил расстановки энклитик, из которых первое требует препозиции, а второе — постпозиции *са* (см. об этом § 1.37). В оригинальных текстах XIV–XVI вв. мы, по-видимому, обычно имеем дело с письменным отражением именно этого живого явления. В списках со старых оригиналов оно могло возникать в силу того, что переписчик, хотя и копировал механически древнее препозитивное *са*, уже плохо понимал его роль и добавлял недостающее, по его ощущению, *са* после глагола.

Что касается высказывавшегося некоторыми славистами предположения о том, что двойное *са* служило средством «усиления рефлексивности», то тут несомненно следует согласиться с Г. Гуннарссоном (1935: 17) в том, что эта версия не находит никакого подтверждения в древнерусском материале.

Одно *са* на два глагола

§ 4.14. Изредка встречаются фразы с особенностью, которая внешне противоположна предыдущей. С синхронической точки зрения мы имеем здесь дело с трансформацией, состоящей в том, что устраняется одно из двух *са*, содержащихся в одной и той же фразе; например, *пооуштаѣ ѿ не боѣти са, нѣ радовати* вместо *не боѣти са, нѣ радовати са*. С исторической точки зрения это, напротив, не что иное, как реликт древнейшего самостоятельного *са* ‘себя’, которое еще могло заполнять сразу две валентности во фразе. Структура древней фразы такая же, как, например, в современной фразе *убеждая их не устрашать себя, а радовать*, где одиночное *себя* обслуживает два глагола.

Такие примеры обнаруживаются только в древнейших памятниках⁴¹, в частности (сохраняем в этих фразах отдельное написание *са*):

Супр. — *пооуштаѣ ѿ не боѣти са, нѣ радовати* 50 об.;

нѣ тѣчьѣж ѿко покаѣвѣше са обратимъ ‘но только то, что покаявшись обратимся’ III–59 об.;

вел’ми мниши са мнѣ поржгаѣ 25 (где участвуют глаголы *мнѣтиса* и *поржгатиса*).

Мефод. — *да са тѣмъ подобѣше, вѣси на доброе оустили* ‘чтобы им уподобляясь, все поущались на добро’ 103а.

Шестоднев — *не престаеши възыская повелѣний его и твари, ∇ хотя ся ими красити и славити* (‘желая ими украшаться и прославляться’).

⁴¹ О возможном присутствии примера этого рода также в тексте «Слова о полку Игореве» см. Зализняк 2007, с. 65–66.

- Иларион — *нѣсть отъ насъ ни единого о небесныхъ тщица са и подвизающа* (Срезн., II: 1035).
- Мономах — *то никтоже ва^с не можетъ вредити са и оубити, понеже не буде^т ѿ Ба повелѣно* 83.
- Феод. — *аще быша ми възвѣстили оца въставша ѿ мъртвыхъ, не быхъ са тако радовалъ яко о приходѣ твоємъ, ∇ и не быхъ са того тако боалъ или соумнѣлъ, яко же придѣбныя твоѣя дѣла* 60а/б (где участвуют глаголы *боатиса* и *сумнѣтиса*);
по вса дѣи съ братиею подвизана са и троужана 60г;
имѣя оубо присно на памяти слово гнѣ, ∇ и тѣмъ оутѣшаѣа веселѣше са ('и тем утешаясь, радовался') 43а.
- Нифонт — *и по томъ часѣ ѡставльша члѣка дѣло своѣ, начаста са которати и бити* 11/об.
- Флав. — *стыдѣше са и срамляюще* 421в (чтение Виленского хронографа).
- ПВЛ — *и при семь нача вѣра х^сьяньска плодити са и раширати* 51 об.;
и съступниша са битъ 'и сошлись биться' 19 (см. также подобные примеры с супином из других памятников в § 4.5).
- Киев. лет. (автор.) — *Сѣослав же оутаивса Рюрика, оуохота са твораше* ('делал вид, что обрадовался' — с глаголами *уохотитиса* 'обрадоваться' и *творитиса* 'притворяться'), *яко же дадать емоу Галичь* [1191], 230.

Изменение места *са* в блоке энклитик

§ 4.15. Как ясно из изложенного выше, историческая эволюция энклитики *са* сводится прежде всего к переходу *са* в постоянную постпозицию к глагольной словоформе. Однако сам по себе этот переход еще не обеспечивает сращения этих двух словоформ воедино, поскольку *са* — это энклитика ранга 7 и, следовательно, между глагольной словоформой и *са* могут стоять еще и любые энклитики рангов 1–6, как, например: *боите же са, не хвалю бо са, молю ти са, молю же вы са*.

Но в истории русского языка наряду с процессом перехода *са* в постоянную постпозицию шел также и процесс ломки древнего порядка энклитик в случае скопления энклитик после глагольной словоформы, а именно, *са* постепенно приобретало способность стоять непосредственно после глагола даже при наличии других энклитик. Например, вместо *боите же са* постепенно все чаще употреблялось *боите са же*, вместо *не хвалю бо са* — *не хвалю са бо* и т. д. В конечном счете в современном языке не осталось никаких древних сочетаний, где *са* было чем бы то ни было отделено от глагола. Именно этим обеспечен полный переход прежней энклитики *са* в статус морфемы в составе глагольной словоформы.

Интересно проследить данное изменение на примере Евангелия — текста, в основе своей устойчиво сохраняющегося на протяжении многих веков.

В Мариинском евангелии представлены, например: *молите же са* (Мт. 24.20); *и оубошша же са* (Лк. 9.34); *ѣви же са емоу аѣнѣ Гнѣ* (Лк. 1.11); *отврѣса же са оуста его абие* (Лк. 1.64); *възалкахъ бо са* (Мт. 25.42); *боѣахъ бо са людии* (Лк. 22.2); *ли мьнитъ ти са* (Мт. 26.53); *моля ти са, не мѣчи мене*

(Лк. 8.28). Во всех этих случаях порядок энклитик точно соответствует правилу рангов. И такой же порядок представлен в этих фразах в евангелиях XI–XVI вв., переписанных на Руси, вплоть до Острожской библии 1581 г.

Но в Синодальной библии мы находим уже в тех же самых фразах: *моли́теса же*; *оубо́лшаса же*; *нави́са же емѣ*; *ѡверзо́шаса же оуста егѡ ѡбне*; *взалка́хса бо*; *бо́лхѣса бо люде́й*; *или́ мни́тса ти*; *молю́са ти*. Следует, правда, указать, что такая перестановка произведена здесь не во всех случаях — иногда еще сохраняется старый порядок энклитик, например: *бо́лхѣ бо са* (Мр. 11.18); *да́тъ бо са ва́мъ* (Мт. 10.19); *ѡставля́ють ти са* (Лк. 5.20).

Мы видим, таким образом, что в русском изводе церковнославянского языка реализовано то же изменение, что и в живом русском языке, только все еще не совсем последовательно.

Что же касается собственно русских текстов, то в XVI–XVII вв. нами отмечен уже только новый порядок энклитик. Ср., например, у Аввакума: *и я, свѣдавъ, осердился же на нея* 46 об.; *бѣси ево давили, а онъ спрашивал их, удастся ли поход* 48; и т. п.

ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ

§ 4.16. Ниже рассматривается поведение *са* в разных группах памятников. Как мы уже знаем, различия между памятниками определяются в первую очередь степенью их близости к народному (некнижному) или к книжному типу.

Соответственно, мы различаем ниже два класса памятников, условно обозначаемые как памятники некнижной ориентации и памятники книжной ориентации. Было бы ближе к истине обозначить первые как памятники отсутствующей или слабой книжной ориентации, вторые — как памятники сильной книжной ориентации. Но, конечно, практически пользоваться такими громоздкими обозначениями было бы невозможно.

В первый класс попадают бытовые и деловые документы, а также те из литературных памятников, где книжные черты выражены лишь частично и наряду с ними присутствует значительное число черт живого языка.

Во второй класс попадают церковные тексты, литературные произведения с достаточно последовательными книжными чертами и летописи.

Как уже указывалось в § 2.1, разделение на эти два класса может быть не вполне одинаковым при разборе разных аспектов памятников; в частности, в некоторых литературных произведениях одни элементы системы носят книжный характер, другие — народный. Ниже используется тот вариант разделения, который соответствует именно поведению *са*.

Памятники некнижной ориентации

Грамоты, акты, письма

Эту группу можно подразделить на две подгруппы: раннюю и позднюю. Границу естественно провести приблизительно по моменту монгольского на-

шествия, т. е. в конце первой трети XIII в. (Но некоторые документы, в частности, грамоты XIII в. из ГВНП, обладают свойствами ранней подгруппы, хотя они и составлены несколько позднее этого рубежа.)

В обеих подгруппах наиболее близки к живой речи берестяные грамоты.

Ранняя подгруппа

Представителями этой подгруппы являются прежде всего образцовые памятники — ранние берестяные грамоты и Киев-Д. Сюда же можно отнести Русскую Правду, а также грамоты XII и XIII вв. из ГВНП⁴²; к сожалению, материал последних двух источников очень ограничен. В памятниках этой подгруппы представлены самые высокие коэффициенты препозиции *са*.

В приводимой ниже и последующих таблицах показан коэффициент препозиции *са* (Q) — общий (т. е. по сумме типов 1–8) и отдельно по типам клауз.

Таблица разделена на две неравные части — основную (левую) и дополнительную (правую). Основная часть содержит наиболее важные обобщающие показатели. В дополнительной части (нужной лишь для тех или иных справок) приведены (мелким шрифтом) данные по каждому из восьми классов клауз.

В графе, обозначенной $Q_{(1-4)} \sim Q_{(5-8)}$, показан коэффициент препозиции *са* в сумме первых четырех классов (т. е. благоприятных для препозиции) и через тильду — коэффициент в сумме последних четырех классов (т. е. неблагоприятных). Эта пара показателей дает более адекватное представление о поведении *са* в памятнике, чем один лишь общий коэффициент. В самом деле, общий коэффициент препозиции зависит не только от степени продвижения памятника от древнего состояния к современному, но и от ряда малосущественных для нашей основной проблематики факторов, например, от количества громоздких фраз в тексте, от того, часто или редко употребляется аорист и т. п. Раздельные показатели позволяют отличить влияние основных факторов от влияния второстепенных.⁴³

Как уже отмечено, в некоторых памятниках фактор многоактантности не играет роли — в многоактантных клаузах коэффициент здесь не ниже, чем в соответствующих простых. В этом случае мы не отделяем многоактантные клаузы от простых (т. е. подсчитываем их вместе с простыми), а в графе «Мно-гоакт.» даем помету «не отделено». В рубрике « $Q_{(1-4)} \sim Q_{(5-8)}$ » для такого памятника реально показано соотношение $Q_{(1-4,6)} \sim Q_{(5,7,8)}$.

⁴² Здесь и в прочих случаях из ГВНП берутся только подлинные грамоты и списки, сделанные не позднее XV века.

⁴³ В приводимых здесь и ниже числовых данных внимательный читатель может в отдельных рубриках заметить маленькие расхождения с данными, содержащимися в Зализняк 2007, с. 64. Они определяются некоторыми уточнениями в методике подсчета, изредка также новой оценкой отдельных сложных случаев. Общего характера обсуждаемых количественных соотношений они нигде не меняют.

Коэффициент препозиции *сА* в ранних некнижных памятниках

	Q(общ.)	Q(1-4)~ Q(5-8)	1 Мест.	2 Союз	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Аор. импф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
Ранн. бер. гр.	77% (23/30)	86~36%	12/13 = 92%	2/3	2/3	2/2	4/4	—	1/3	0/2
ГВНП XII–XIII	67% (14/21)	81~20%	12/14 = 86%	0/1	—	1/1	—	—	1/3	0/2
Киев-Д	65% (122/188)	68~39%	52/66 = 79%	22/33 = 67%	19/41 = 46%	22/30 = 73%	3/5	—	не отде- лено	4/13
Рус. Правда	53% (8/15)	64~25%	5/6 = 83%	0/2	0/1	2/2	—	—	1/4	—

Выше уже говорилось о необходимости рассматривать по отдельности два компонента Киевской летописи по Ипат. — прямую речь нецерковных персонажей (Киев-Д) и авторскую речь летописца. Теперь мы имеем возможность показать в цифрах, сколь сильно они различаются в интересующем нас отношении (ограничиваемся демонстрацией процентных соотношений).

Поведение *сА* в двух компонентах Киевской летописи

	Q(общ.)	Q(1-4)~ Q(5-8)	1 Мест.	2 Союз	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Аор. импф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
Киев-Д	65%	68~39%	79%	67%	46%	73%	3/5	—	не отде- лено	4/13
Киев. лет. (автор.)	11%	38 ~ 4%	50%	27%	0%	43%	7%	3%	12%	1%

§ 4.17. Показания ранних некнижных памятников уместно ввиду их важности проиллюстрировать полнее, чем для прочих источников.

Ниже в § 4.17–26 во всех таблицах, содержащих примеры, в левом столбце даются примеры с препозицией *сА*, в правом — с постпозицией. Часто встречающиеся модели обычно иллюстрируются бóльшим числом примеров, чем редкие; но, разумеется, о приведении всего материала речи не идет (кроме специально оговариваемых случаев).

В примерах правого столбца для большей наглядности может быть проставлен знак барьера (//); но это не обязательно. Дело в том, что во многих случаях невозможно надежно установить, имелся ли во фразе барьер или уже просто действовало новое правило, которое требует постпозиции *сА* независимо от наличия или отсутствия барьера.

Простые клаузы

С начальным местоименным словом

Этот тип клауз представляет собой зону самого активного действия закона Вакернагеля: почти во всех памятниках в этом типе коэффициент препозиции *сА* принимает наивысшее (для данного памятника) значение.

Препозиция — норма	Постпозиция — редко
<i>а а са имо потешоу</i> 705 <i>а тебе са кланяю</i> 175 <i>а чемоу са гнѣваеши</i> 605 <i>а въ [т]омъ ми са не исправиль въ борзѣ</i> 724 <i>а сьмо са не надъи</i> 943 <i>на са тобѣ, брате, кланяю</i> [1151], 156 <i>ты са, ѿце, не труди</i> [1150], 145 <i>кнѣже, ты са на нас не гнѣваи</i> [1147], 126 об. <i>что са оудѣть, то вы виновати</i> [1135], 110 об. <i>а мнѣ са воротити</i> [1161], 184 об. <i>а ѿ мене са ему поклони</i> [1152], 167 <i>чимъ ти са есмь ѡбѣщаль, то ти исполню</i> [1189], 230 <i>а тогда са затворимъ в городѣ с тобою</i> [1153], 168 <i>а ту са сождемъ</i> [1150], 149 об. <i>кто са изоѡстанеть въ монастыри</i> (Мстисл. гр.) <i>како са боудеть радиль</i> (ПР, ст. 50)	<i>а а // прашальса</i> 605 <i>а азъ // не радуюса ѡ погыбели его</i> [1155], 175 об.

С начальным союзом

Этот тип клауз удовлетворительно документирован только в Киев-Д; в прочих памятниках этой подгруппы слишком мало материала. Примеры из Киев-Д.

Препозиция — часто	Постпозиция — редко
<i>оже са не отворите</i> [1123], 107 <i>аже са оуже тако оучинило</i> [1147], 130 <i>а то ми былъ Бѣ далъ, ∇ ѡже са есте сами зажгли</i> [1140], 113 об. <i>любо с нимъ миръ створимъ, ∇ любо са с нимъ бьемъ</i> [1147], 126	<i>аже^о совокоупитиса оу Чернигова всимъ</i> [1196], 240 <i>доколѣ // любо оуладимса вси, или не оуладимса вси</i> [1196], 239

С начальным знаменательным словом

Коэффициент препозиции *са* в этом случае ниже, чем при местоименном начале.

В ранних берестяных грамотах и в Русской Правде мало материала, а в Киев-Д наблюдается следующая особенность: в отличие от клауз с начальным существительным, в клаузах с начальным наречием здесь преобладает постпозиция *са*. При начальном существительном коэффициент препозиции *са* здесь 73% (16/22), а при начальном наречии — только 16% (3/19). (В других памятниках такого резкого различия между эффектом начального существительного и начального наречия не замечено.)

Примеры препозиции <i>са</i>	Примеры постпозиции <i>са</i>
Существительные	
<i>а Мѣстата са вама поклана</i> 422 <i>[а] поп[ѣ] ти [са м]о[д]иль</i> 950 <i>снѣ ти са кланаеть</i> [1151], 157 <i>рѣкы са смерзываютъ</i> [1150], 147 об. <i>а къ Гюргеви са послали</i> [1147], 128 <i>и с Лахы са есмь за нь билъ</i> [1152], 162 об. <i>моложьшему са не поклоню</i> [1151], 155 об.	<i>а въжники // творатеса въдавоше</i> <i>Собыславоу цетьри гривне</i> 550 <i>Стѣславъ ти // послалъса къ</i> <i>Гюргеви</i> [1149], 136 об.
Наречия	
<i>оуже са есмы изнемоглѣ</i> [1185], 226	<i>а ннѣ кланая ти са</i> [1154], 171 <i>оуже обьявихомса Ростиславичемъ</i> [1180], 216 об. <i>мало перепочивше, ∇ опять</i> <i>възвратимъса</i> [1172], 196 об. <i>не крѣпко бытса дружина и</i> <i>половци</i> [1152], 164 об.

С подчиненным инфинитивом

В этом типе клауз в данной подгруппе коэффициент препозиции *са* исключительно высок: в Киев-Д он немногим ниже, чем при начальном местоименном слове, а в прочих памятниках данной подгруппы он формально даже равен 100% (но при ничтожном количестве материала).

Препозиция — норма	Постпозиция — редко
<p>а) <i>са</i> левее подчиняющего слова: <i>оже са с нима начнемъ бити</i> [1172], 199 <i>ѿтолѣ же са хочю с тобою радити</i> [1150], 144 об. <i>тѣмъ са есть кушати к Бѣлугороду поѣхати</i> [1151], 156 об. <i>а онѣ са начнетъ запирати</i> (ПР, ст. 47)</p> <p>б) <i>са</i> между подчиняющим словом и инфинитивом: <i>могоу са съ тобою ати на воду</i> 238 <i>не моги са ослоушати</i> 779 <i>а хочем са с вами коньчати</i> [1175], 207 об. <i>можете ли са за наю бити?</i> [1149], 139 об. <i>ци боудеть ны са соудити пре^д Бмъ</i> [1151], 155 <i>а почнуть са с тобою бити, ты же к намъ вѣсть</i> <i>посли</i> [1150], 150 об. <i>или кто почнетъ ся запирати того</i> (ГВНП, № 105, ок. 1270 г.)</p>	<p><i>но не хочемъ кланатиса</i> <i>попадъи</i> [1187], 229 об. <i>а тобѣ не достоить</i> <i>трудитиса</i> [1152], 165 об.</p>

С деепричастием

В данной подгруппе, в отличие от всех остальных памятников, даже в клаузах с деепричастием коэффициент препозиции *са* весьма высок.

Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
<i>а нѣнѣ ти са съмълъвивѣ съ близокѣ <-кы> 907</i> <i>а же бы ти годѣнѣ, ∇ то [из] оцѣю бы са вытьрьго</i> <i>притькль 752</i> <i>како са нагадавше, поидемы же по ни^х [1151], 156 об.</i> <i>а на ма са ѡборочиваѣ [1150], 151 об.</i>	<i>а со мною не спрошав-</i> <i>са [1189], 230</i>

С аористом и имперфектом

Графа, посвященная аористу и имперфекту, здесь пуста: в данной группе памятников этих грамматических форм, характерных для книжной письменности, просто нет. (Заметим, что это здесь одна из причин высокого общего коэффициента препозиции *са*.)

Многоактантные клаузы

Эффект многоактантности заметен в берестяных грамотах, ГВНП и Русской Правде (ниже приведен весь имеющийся материал):

Препозиция — реже	Постпозиция — чаще
<i>а ныне са дружина по ма пороучила 109</i> <i>а не джи са боудоуть сами собою печаловати (ПР, ст. 99)</i> <i>а гдѣ са тажа родить (ГВНП, № 29, 1262 г.)</i>	<i>а а ноугене пецалоуса цереницами 717</i> <i>оже ли право запираютьс(а) 222</i> <i>аже челадинѣ съкрыютьс(а) (ПР, ст. 32)</i> <i>аже братья ротаажютьс(а) передѣ князем (ПР, ст. 108)</i> <i>аже кто своѣго холопа самѣ досочитьс(а) (ПР, ст. 114)</i> <i>оже тажа родитс(а) (ГВНП, № 28, 1190-е гг.; 2х)</i>

Что же касается Киев-Д, то здесь данный фактор никак себя не проявляет, т. е. соотношение препозиции и постпозиции *са* в многоактантных клаузах примерно такое же, как в простых:

Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
<i>аче ти са полки иструдать [1149], 140</i> <i>ать ми са добро с ними ѡ^(т) силы мирити [1149], 138</i> <i>а вѣ са своимѣ брато^м и сѣмѣ Изаславомѣ сами вѣдаимы [1149], 141</i>	<i>ѡже добрѣ надѣеишс(а) на Кияны [1150], 150 об.</i> <i>зане в землѣ нашеи жито не родилоса нынѣ [1193], 234</i> <i>а нынѣ ѣ вамѣ во ѡцѣ мѣсто ѡсталс(а) [1180], 217/об.</i>

<i>а ты са еси еще с людми Киевѣ не оутвердилъ [1154], 170 об. а нама са тобѣ нѣчимъ ѿкупити сему [1151], 152 об. то к чемоу са ѡплатъ воротитишь? [1139], 112</i>	
--	--

Тяжелые клаузы

Этот тип клауз во всех памятниках дает наименьший коэффициент препозиции *са*. Даже и в данной подгруппе препозиция здесь встречается лишь в качестве редкого варианта.

Препозиция — редко	Постпозиция — норма
<i>затъ ти са король кла- наеть [1152], 161 об.</i>	<i>·Б· дѣла, котореи любо потрудиса до владычѣ 725 но лоучышии коньници перебероутьс(а) [1185], 224 и своєю вины каетьса [1152], 162 об. (см. также примеры в § 2.9)</i>

Поздняя подгруппа

§ 4.18. В качестве представителей данной подгруппы ниже выбраны поздние берестяные грамоты, а также смоленские грамоты XIII в. (а именно, Неизв. кн. и Смол. гр. 1229) и грамоты XIV–XV вв. из ГВНП. Из более поздних памятников взяты письма Василия Грязного Ивану Грозному (1576 г.).

По сравнению с ранней подгруппой все коэффициенты здесь заметно ниже. Но все же переход от одной подгруппы к другой не носит характера скачка; например, показания смоленских грамот XIII в. и Русской Правды (см. выше) довольно близки.

Коэффициент препозиции *са* в поздних не книжных памятниках

	Q(общ.)	Q(1–4)~ Q(5–8)	1 Мест.	2 Союз	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Аор. импф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
Смол. гр. XIII	48% (10/21)	62~25%	5/6	0/4	—	3/3	—	—	2/6	0/2
Поздн. бер. грам.	35% (25/71)	43~12%	16/33 =48%	3/6	3/13	1/2	—	0/2	2/9	0/6
ГВНП XIV–XV	17% (9/54)	32~6%	6/15 =40%	0/2	—	1/5	0/1	—	2/9	0/22
Грязной	15% (4/27)	29~0%	4/6	—	0/6	0/2	—	—	0/11	0/2

К этой таблице можно добавить еще данные ДДГ (грамоты XIV–XV вв., в основном завещания). При местоименном начале здесь фиксируется чрезвычайно высокий для XIV–XV вв. коэффициент препозиции *са*: 73% (113/154)

(для прочих типов начала здесь материала мало). Такой высокий коэффициент явно определяется здесь стереотипностью формул, используемых в заветчаниях. Эти формулы остаются неизменными в течение столетий и тем самым фактически отражают состояние языка на несколько веков более древнее, чем сами документы.

Снижение коэффициентов препозиции сѧ при переходе от ранней подгруппы к поздней явно представляет собой не что иное, как отражение эволюции живого языка на протяжении соответствующих веков: энклитика сѧ медленно дрейфует от чистого вакернагелевского статуса в сторону более частой постпозиции.

Яснее всего это видно в тех случаях, когда имеется возможность сравнить документы одного и того же типа, относящиеся к разным периодам. Приводим показания ранних (XI – нач. XIII в.) и поздних (XIII – 1-я пол. XV в.) берестяных грамот, а также грамот из ГВНП, относящихся к разным векам.⁴⁴

Поведение сѧ в раннедревнерусских и позднедревнерусских грамотах

	Q(общ.)	Q(1-4)~ Q(5-8)		Q(общ.)	Q(1-4)~ Q(5-8)
Ранние бер. гр.	77% (23/30)	86~36%	Поздние бер. гр.	35% (25/71)	43~12%
ГВНП XII–XIII	67% (14/21)	81~20%	ГВНП XIV–XV	17% (9/54)	32~6%

Для наглядности приводим примеры, иллюстрирующие смену преобладающих моделей в важнейших классах клауз за время между эпохой ранних и эпохой поздних берестяных грамот.

Модель, преобладающая в ранних берестяных грамотах, — препозиция сѧ	Модель, преобладающая в поздних берестяных грамотах, — постпозиция сѧ
С начальным местоимением	
<i>а азѡ ти сѧ отѡплачѸ</i> 829 <i>а тебе сѧ кланяю</i> 175 <i>а цето ти сѧ остало суца</i> Ст. Р. 30 <i>а во томо сѧ соросло ...</i> 654 <i>тако сѧ поеть обеденѧ</i> 727 <i>а ѡтоселе сѧ не надеи</i> Ст. Р. 30	<i>а азѡ тебе кланяюсѧ</i> 147п <i>а вамѣ кланяюсѧ</i> 708п <i>кто изгодидце тамо</i> 281п <i>а то делосѣ ...</i> 496п <i>како ли ты венилесѧ</i> 30п <i>а сѡдсе не надшисѧ</i> 354п
С начальным знаменательным словом	
<i>а Мѣстѧта сѧ вама покланѧ</i> 422	<i>и Тѣрохѣ возилесѣ быле</i> 300п
С подчиненным инфинитивом	
<i>могоу сѧ съ тобою ѧти на водоу</i> 238	<i>Мѣкѣфорко хѣцѣть оу тебе проша-тѣсѧ на Лунѣну</i> 314п

⁴⁴ Разумеется, ничто не мешало бы нам разделить материал берестяных грамот и грамот из ГВНП не на два периода, а более подробно — скажем, по векам. Но, к сожалению, общий объем материала здесь недостаточен для того, чтобы такой «дробный» анализ принес статистически удовлетворительные результаты.

На протяжении XVI в. в живом языке препозиция *са* постепенно почти полностью исчезает. Но все же единичные ее примеры встречаются и в деловых документах более позднего времени. Приведем в качестве иллюстрации некоторые примеры XVII века из Пам. Влад.:

и тѣ зѣси // ѿ нево ся очютили (№ 185, 1682 г.);

и что ся стане^т впредь дела^т (№ 265);

в чем ся ты зѣлаешъ, сам в том пострадаешъ (№ 276);

и ѿ нас не скоро ся всякое дѣло делае^т (№ 257);

и ѿнь, зѣдрни, почал ся на дворенко мое лому^т (№ 152, 1649 г.).

Но коэффициенты здесь уже можно не подсчитывать: ясно, что это совершенно ничтожная доля представленных в памятнике *са*.

А. И. Соболевский (1907: 256) приводит пример *съ воры ся ему не водити* из грамоты 1615 г. (а также указывает пример пословицы с препозитивным *ся* из сборника 1758 г.).

Г. Гуннарссон (1935: 62–84) подробно изучил вопрос о поведении *са* в документах русско-польской дипломатической переписки XVI – начала XVII века и установил, что в переводах с польского препозитивное *са* используется намного чаще, чем в обычных русских текстах того же времени; в большинстве случаев это результат прямого копирования переводимой польской фразы.

В обширном сочинении Григория Котошихина (1660-е гг.), близком по языку к деловым документам, Анна Пеннингтон (1980: 244) отмечает ровно один пример препозитивного *ся*: *а княжество^м ся не пишеть* (л. 187) (причем она допускает, что он мог возникнуть под польским влиянием).

Литературные произведения некнижной ориентации древнерусского происхождения

§ 4.19. Сюда относится часть созданных на Руси оригинальных произведений или переводов. Как уже указывалось, эпитет «некнижной ориентации» в данном случае следует понимать лишь как условный. Будучи литературными сочинениями, эти произведения имеют, конечно, определенную степень книжности (например, книжной чертой является активное употребление аориста и имперфекта, наличие конструкций с *да* 'пусть' и с *да бы* и др.). Просто количество и степень последовательности книжных черт здесь существенно меньше, чем в сочинениях, которые квалифицируются ниже как тексты книжной ориентации.

Коэффициент препозиции *са* в этой группе ниже, чем в предыдущей (т. е. в деловых и бытовых текстах соответствующего периода), что естественно объяснять именно элементом книжности. Но он все же еще относительно высок.

Ниже из числа произведений этой группы, возникших в домонгольский период, выбраны Житие Андрея Юродивого (перевод XI – 1 пол. XII в.) и «Слово о полку Игореве». С некоторой долей условности к ним присоединены также сочинения Владимира Мономаха, которые фактически занимают промежуточное положение между данной группой и литературными текстами книжной ориентации (но все же ближе к данной группе).

Наибольшую статистическую значимость здесь имеет крупный памятник ЖАЮ; материал двух других памятников, к сожалению, весьма ограничен.

Среди более поздних памятников следует различать сочинения XV века и XVI–XVII веков. Ниже из первых взяты «Хожение за три моря» Афанасия Никитина (1470-е гг.) и Житие Михаила Клопского (2-я пол. XV в.), из вторых — Домострой (XVI в.), «Житие» Аввакума (по Пустозерскому сборнику, 1670-е гг.) и «Повесть о Бове королевиче» (XVII в.).

В графе «Жития» Аввакума никаких клеток, кроме $Q_{(общ.)}$, не заполняем, поскольку препозиция *са* встретилась здесь всего один раз, — ограничиваемся пометой (1×) в соответствующей клетке. И так же мы поступаем ниже и с другими памятниками, где общий коэффициент препозиции *са* близок к нулю.

Коэффициент препозиции *са*
в литературных произведениях некнижной ориентации

	$Q_{(общ.)}$	$Q_{(1-4)} \sim$ $Q_{(5-8)}$	1 Мест.	2 Союз	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Аор. импф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
XII–XIII вв.										
ЖАЮ	46% (252/544)	66~31 %	82/115 = 71%	12/21 = 57%	18/40 = 45%	44/61 = 72%	14/38 = 37%	27/63 = 43%	48/124 = 39%	7/82 = 9%
СПИ	52% (11/21)	88~31 %	2/2	—	4/5	1/1	0/2	3/7	не от- делено	¼
Мономах	34% (14/41)	46~18 %	7/9	2/3	0/4	2/8	1/4	1/4	1/2	0/7
XV в.										
Афан. Никитин	34% (20/58)	40~9%	6/12	4/4	8/30	1/1	1/1	0/2	не от- делено	0/8
Мих. Клопск.	20% (4/20)	33~9%	2/3	0/1	0/3	1/2	—	—	1/8	0/3
XVI–XVII вв.										
Домо- строй	5% (3/62)	10~ 0%	2/11	0/4	1/11	0/4	0/1	0/1	0/17	0/13
Аввакум	0,2% (1/473)		(1×)							
Бова	0% (0/96)									

Из таблицы непосредственно видно, что на протяжении XI–XVII вв. коэффициент препозиции *са* в памятниках данной группы неуклонно понижается и в конце концов становится нулевым.

В сочинениях XV века еще видна преемственность с памятниками раннедревнерусского периода. Наиболее отчетливо это проявляется у Афанасия Никитина. А сочинения XVI–XVII веков явно отражают такое состояние языка, когда препозиция *са* уже в основном исчезла.

Интересно отметить, что по абсолютной величине коэффициентов Афанасий Никитин мало отличается от Мономаха, — при том, что между этими сочинениями пролегают три с половиной века. Но сочинения Мономаха, как уже указано, до некоторой степени сближаются с памятниками книжного характера, так что показатели здесь несколько ниже, чем у других ранних сочинений этой группы. А в XV веке такие же показатели уже должны расцениваться, напротив, как очень высокие; здесь они оказываются признаками консервативного стиля.

§ 4.20. Проиллюстрируем отраженную в таблице эволюцию на примерах.

Самый богатый материалом памятник данной категории — Житие Андрея Юродивого; его данные имеют существенную статистическую значимость. Поэтому полезно представить картину поведения *с* в этом памятнике в целом.

Приводим примеры из классов 1–4 (т. е. из числа простых клауз со сказуемым не в аористе или имперфекте).

Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
С начальным местоименным словом	
<i>мнѣ сѧ покарѧють и мнѣ работають</i> 31в <i>что ти сѧ ксть створило, гдѣне мои друже?</i> 15в <i>да что сѧ не плачешу?</i> С27 об. <i>почто сѧ кси осрамилъ?</i> 15в <i>на се ли сѧ бѣховѣ тцала ...?</i> 39а <i>того сѧ не прю, право бо се ксть</i> 55а <i>иже сѧ ругають</i> 10а <i>кже сѧ ксть дѣяло</i> 20г <i>и все, ∇ кумуже сѧ прикоснетъ</i> 54а <i>видите ли, ∇ како сѧ смѣють с демономъ своимъ</i> 10а <i>тако сѧ молите</i> 56г (императив) <i>сдѣ сѧ помоли</i> С134 (императив) <i>да гдѣ сѧ ему слюбить, ту шедъ, внидетъ</i> 55а <i>и не вѣдѣхъ, ∇ камо сѧ естъ дѣль</i> С13	<i>да иже причащаются ко трѣбованию ихъ ...</i> С175 <i>и азъ о семь помолюся творцю и Б(о)гу</i> 62 об.
С начальным союзом	
<i>аще сѧ сбудетъ</i> 41г <i>и аще сѧ не останешу татѣбы</i> С50 об. <i>аще ти сѧ семѣ хоцетъ, да азъ се тебе створю</i> С11 <i>кгда сѧ оумножатъ грѣси наши</i> 54г	<i>аще не обратисѧ въ реч(е)ную годину</i> 38б
С начальным знаменательным словом	
<i>Бѣ сѧ о немъ не печеть</i> 8в <i>добро ми сѧ ксть створило ѿ Ба</i> 11б <i>неистовъ сѧ дѣють</i> 4 <i>не вѣсте ли, ∇ яко с буякы сѧ прѣмѣсилъ ксмь</i> 19а <i>и люто сѧ разгнѣваетъ Гѣ Бѣ</i> 64г	<i>ѿ оубогыхъ пецисѧ всегда</i> С171 об. <i>и неприязни противишисѧ и мужьскы терпиши</i> 46г

С подчиненным инфинитивом	
<p>а) <i>са</i> левее подчиняющего слова: (простые и многоактантные) <i>нѣ помнѣ</i>, ∇ <i>что ти са</i> <i>ѣму хощеть створити въскорѣ</i> 38а <i>кто са можетъ ѿричати добраго</i> 6б <i>и тако са нача кормити</i> 30б <i>да гдѣ са хотать оукрити</i> 52в <i>много бо са начнетъ каѣти</i> 38б</p> <p>б) <i>са</i> между подчиняющим словом и инфинитивом: <i>нача са смѣяти</i> 5г <i>да не можетъ са покаѣти</i> 38б <i>нѣ ты не мози са оужаснути</i> 3 об. <i>яко Б(о)гу нѣ лѣѣ са поругати</i> 60б</p>	<p><i>и нача дивитиса о</i> <i>бывшихъ ѣму</i> 3 об. <i>и не мози ослушатиса</i> <i>словесъ моихъ</i> 33в</p>

В клаузах с деепричастием коэффициент препозиции *са* в ЖАЮ (37%) уже не столь высок, как в классах 1–4. Но он намного выше, чем во всех прочих памятниках данной категории; примеры см. в § 4.6.

В клаузах с аористом и имперфектом коэффициент препозиции *са* в ЖАЮ (43%) выше, чем во всех прочих крупных памятниках; примеры см. в § 4.7.

Относительно высок в ЖАЮ также коэффициент препозиции *са* в многоактантных клаузах (39%); см. § 4.9.

В тяжелых клаузах этот коэффициент резко падает (до 9%). При этом ЖАЮ обнаруживает примечательную индивидуальную особенность: *са* здесь вообще никогда не создает непроективности (охват сказуемого не в счет), т. е. оно никогда не внедряется внутрь неодночленной актантажной группы. Вместо этого в обычных тяжелых клаузах в нарушение общего правила *са* помещается непосредственно после двучленного начального сочетания, например: *и в болюю печаль са еси вложилъ* С172. (При этом в одном случае мы находим разделение энклитик: *сему ли вкушению са еси оудивиль?* 7б.) Подробнее об этой особенности см. § 1.42.

В ЖАЮ ярко проявляется эффект сильных энклитик, выступающих в комбинации с энклитикой *са*: в этих случаях заметна отчетливая тенденция разъединить такие энклитики, в результате чего *са* переходит в постпозицию к глаголу. См. об этом § 4.11.

Уникальной особенностью ЖАЮ является почти последовательная постановка *са* после *да* и *да бы*. См. об этом § 4.12.

В целом памятник ЖАЮ в том, что касается поведения *са*, оказывается самым консервативным из всех крупных литературных памятников раннедревнерусского периода.

В сочинениях Мономаха, которые, как уже указано, отчасти сходны с памятниками книжного характера, препозиция *са* преобладает только в первых двух классах клауз:

Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
С начальным местоименным словом	
<i>и сему са по(див)уемы ...</i> 79 об. <i>а кгоже не оумбючи, ∇ а тому са оучите</i> 80 об. <i>а ѿ се са ради</i> 84	<i>а ѿзъ оутбшюса ѿ Бзѣ</i> 84
С начальным союзом	
<i>трудъ свои, ∇ ѿже са есмь тружалъ, пути дѣа и ловы</i> 81 <i>идохо^М на Ѡлга, ∇ зане са блше приложиль к половце^М</i> 82	<i>сли к брату, ∇ дондеже Ѱлади^Мса</i> 84 об.

В прочих классах преобладает постпозиция *са*. Примеры препозиции единичны; вот основные из них:

али вы са начнетъ не мочи, а трижды 80;

добрѣ же твораще, ∇ не мозите са лѣнити ни на что же доброе 80 об.;

и в то же лѣ^Г // и дѣта са роди старѣшее новгородское 81;

смрти бо са дѣти не боачи, ни рати ни ѿ звѣри, но мужьское дѣло творите 83.

§ 4.21. Особо стоит «Слово о полку Игореве», время создания которого, как известно, является предметом длительной дискуссии. В работе Зализняк 2007 (с. 51–66) в связи с этой дискуссией специально рассмотрен вопрос о поведении энклитики *са* в этом памятнике, и установлено, что это поведение в принципе одинаково с тем, которое наблюдается в домонгольских памятниках не книжной ориентации. Сделанные в этой работе выводы позволяют нам рассматривать «Слово о полку Игореве» в составе именно этой группы памятников.

Поскольку материал этого памятника весьма невелик, мы имеем возможность привести его здесь целиком.

Многоактантные клаузы не отделяем от простых (ср. § 4.9); заметим, что особенностью данного памятника является то, что многоактантных клауз здесь больше, чем простых.

Препозиция <i>са</i>	Постпозиция <i>са</i>
С начальным местоименным словом	
<i>Ту ся копѣмъ приламати</i> 46 <i>Ту ся саблямъ потручати</i> 46	—
С начальным знаменательным словом	
<i>И древо с(я) тугою къ земли прѣклонило</i> 199 <i>А древо с(я) тугою къ земли преклонилос(я)</i> 74 (двойное <i>ся</i>) <i>А заднюю ся сами подѣлимъ</i> 116 <i>Нъ ро(зн)о ся имъ хоботы паишуть</i> 166	<i>Солнце свѣтитса на небесѣ</i> 211

С подчиненным инфинитивом	
<i>А чи диво ся, братіе, стару помолодити</i> 117	—
С деепричастием	
—	<i>Тъй клюками подпръся ...</i> 154 <i>Яко соколь на вѣтрехъ ширяся</i> 134
С аористом	
<i>Ту ся брата разлучиста ...</i> 71 <i>На ниче ся години обратиша</i> 120 <i>И съ нимъ молодая мѣсяца, // Олегъ и Святъславъ, // тьмою ся поволокоста</i> 103	<i>Тоска разліяся по Руской земли</i> 85 <i>Уже снесеса хула на хвалу</i> 106 <i>Уже врѣжеса Дивъ на землю</i> 108 <i>Тогда при Олзѣ Гориславличи // сѣяшеть и растяшеть усобицами</i> 64
Тяжелые	
<i>Вежи ся Половецкіи подвизашася</i> 187 (двойное <i>ся</i>)	<i>Жены Рускія // въсплакашас(я)</i> 82 <i>По Руской земли // прострошася Половци</i> 105 <i>Въ княжихъ крамолахъ // вѣци чловѣкомъ // скратишас(я)</i> 64

Из этой таблицы непосредственно видно, что в классах клауз, благоприятных для препозиции *са* (1 мест., 3 знам., 4 инф.) в СПИ почти всегда представлена именно препозиция. Имеющиеся примеры постпозиции сосредоточены в классах, неблагоприятных для препозиции *са* (5 деепр., 6 аор., 8 тяжел.).

§ 4.22. Как пример памятника XV в. можно взять «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Памятник принадлежит к числу тех, где многоактантность не снижает коэффициента препозиции *са*, поэтому мы, как и в случае с СПИ, не отделяем многоактантных клауз от простых. В основных группах клауз картина здесь такова:

С начальным местоименным словом или союзом (простые и многоактантные)	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
<i>и они ся жалуют князю</i> 446 об. <i>какъ ся имъ являль многыми образы</i> (Троицк. 377 об.) <i>а тут ся родит краска да лекъ</i> 444 <i>гдѣ ся жемчюг родит</i> 453 об. <i>что бы ся о мнѣ печаловал</i> 445 об. <i>что° «судно ся мое розбило ...»</i> (Троицк. 370 об.)	<i>а с ним садятся три возыри</i> 454 об. <i>а в нем мускус родится</i> 451 об. <i>а кто в нем женится хоросанецъ</i> 450 об. <i>истинну, ▽ ты не бесерменин кажешися</i> 452 об.

С начальным знаменательным словом (простые и многоактантные)	
Препозиция — реже	Постпозиция — чаще
<i>и вѣры ся да лишают кристьянские</i> 452 <i>и земля ся не окрепила</i> 454 <i>да фота по плечем, ∇ да другою ся</i> <i>опояшет</i> 445 <i>а у жены // дитя ся родит, ино бабит</i> <i>муж</i> 448 об. <i>в Бндѣиской земли // гости ся ставят</i> <i>по подворьем</i> 445 <i>Божиею благодатию // зло ся не</i> <i>учинило</i> 457 об.	<i>а дѣти родятся на всякыи год</i> 444 <i>да слоны родятся</i> 450 об. <i>и султан ополѣлся на индѣян</i> 456 <i>а от бесермен крыются</i> 448 об. <i>к бутхану же съезжается вся страна</i> <i>Индийская</i> 447 об. <i>а лѣвою не примется ни за что</i> 448 об. <i>а у которые жены // от гостя</i> <i>зачнется дитя</i> 451 <i>да всякого кореня // в нем родится</i> <i>много</i> 450 об.

Отметим препозицию *са* при подчиненном инфинитиве и при деепричастии:
и они же не учили ся от меня крыти ни о чемъ (Троицк. 377);
и у игумена ся благословив у Макария и у святыа братьи 442 об. (других примеров этих двух классов не встретилось).

В тяжелых клаузах встречается только постпозиция, например:
а попелом тѣмъ мажутся по лицу 449;
день и ноць бился з городом 20 дни 456 об.

В более поздних памятниках данной группы препозиция *са* уже почти не встречается. Так, в «Житии» Аввакума она отмечена (если не считать цитаты: «... и всяк мняися стояти да блюдется, да ся не падет» 31) всего один раз:

не велики были, да, однако, дѣтки; пускай их, не гдѣ ся дѣнуть 41.

Безусловной нормой здесь является постпозиция *са*, например:

и ко мнѣ поклонился до земли 26;

тогда добръ был, а н(ы)нѣ учинился отступникъ 28;

и смѣх и горе, как помянутся дние оны 39 об.;

сказали ему, что я молюся такъ 49.

Только постпозиция представлена в «Повести о Бове», например:

а Богу ты не помолился и со мною не простился;

и самъ яз тому дивлюся.

Литературные произведения не книжной ориентации старославянского происхождения

§ 4.23. Как мы увидим ниже, классические старославянские памятники имеют гораздо более низкий коэффициент препозиции *са*, чем основные древнерусские памятники.

Можно было бы предположить, что мы имеем здесь дело со старым диалектным различием между древнерусским и старославянским. Но такой непереводной текст, как Житие Мефодия (по Усп. сб.), решительно свидетельству-

ет против этого предположения: из него видно, что в живом старославянском языке ситуация не отличалась от древнерусской. Такие же показатели дает обследованный нами отрывок из Шестоднева Иоанна экзарха болгарского.

Коэффициент препозиции сѧ в памятниках не книжной ориентации старославянского происхождения

	Q(общ.)	Q(1-4)~ Q(5-8)	1 Мест.	2 Союз	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Аор. импф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
Житие Мефодия	68% (19/28)	83~56%	2/3	4/4	3/4	1/1	2/3	3/5	3/5	1/3
Шесто- днев	70% (14/20)	73~60%	6/6	1/1	1/2	3/6	—	0/1	3/4	—

Поскольку Житие Мефодия в том, что касается поведения энклитик, резко отличается от основных старославянских памятников, полезно непосредственно продемонстрировать его материал. Он невелик, и мы приводим его целиком.

Препозиция сѧ	Постпозиция сѧ
С начальным местоименным словом	
<i>что сѧ потиши?</i> 107а <i>иже сѧ мьнати Бѧ знающе</i> 106а	<i>иже нарицаеть сѧ Поли- хронь</i> 105а
С начальным союзом	
<i>яко сѧ соуть събывала многа</i> 107б <i>яко сѧ съконьчати на немь <...> словеси</i> 108б <i>яко° «аще ми сѧ обѣщаеши ...»</i> 107в <i>донде сѧ исправить</i> 106в	—
С начальным знаменательным словом	
<i>яко° цѣрь сѧ на нь гнѣваеть</i> 108а <i>а дѣлы сѧ его отъмѣтають</i> 106а <i>добро ти сѧ крѣсти, сѧоу</i> 107в (императив)	<i>Бѧ боите сѧ, цѣра чьтѣте</i> 105б
С подчиненным инфинитивом	
<i>тъгда не смаста сѧ ѿреци</i> 105б	—
С деепричастием	
<i>вьсѣмь бо сѧ оуподобь</i> 104в <i>Иосифъ въ Егуптѣ люди прѣпитѣ, ∇ Бѣши сѧ</i> <i>явль</i> 103б	<i>начать же пакы, ∇ съ</i> <i>покорьмь повиноуя сѧ,</i> <i>служити</i> 105б
С аористом или имперфектом	
<i>и другъ сѧ емоу нарече</i> 103а <i>на молитвоу сѧ наложиста</i> 105б <i>поути сѧ ять</i> 105б	<i>людие же, яко же есть</i> <i>обычаи чловѣкомь,</i> <i>∇ вьси печаловахоу сѧ и</i> <i>жаллахоу си</i> 108а

	<i>въ Цѣриградѣ потвърди сѧ стѣи соуMBOLь 104а</i>
Многоактантные	
<i>о нѣмъ же сѧ никто же николи же попеклъ 104б</i> <i>оуже бо сѧ есть ѧко и при пеци оупотилъ 107а</i> Также со смещенной препозицией: <i>Нои правдѣнь сѧ обрѣте 103а</i>	<i>ѧко же и тѣлесньи его образъ ѧвлаше сѧ 104в</i> <i>сихъ оугодьницѣхъ по единому не постыдимъ сѧ 104б</i>
Тяжелые	
<i>сѣ грубою сѧ чадью пѣрѣхъ 107а</i>	<i>Моиси сѣ Аронѣмъ въ иерѣихъ Бжѣихъ Бѣ фараѡсовѣ нарече сѧ 103б</i> <i>ини бо, ∇ Бжѣи раби творѣще сѧ, таи развращахоу ѧ 107в</i>

Как можно видеть, картина распределения примеров здесь довольно похожа на ту, которую дает СПИ.

В дополнение к этой таблице приведем материал клауз с *да*:

да сѧ обращете истиньнии поклонителе 106в;

да сѧ бы пакы земля напѣлнила 103а (с акцентно самостоятельным *бы*);

да сѧ тѣмъ подобаще вѣси на доброе оустили 103а (с одним *сѧ* на два глагола);

таче словѣньскы да сѧ испѣлнить 106б (со смещенной препозицией).

Этому противостоит всего один пример с постпозицией *сѧ*: *да бы прооучилъ сѧ вѣсѣмъ обычаемъ словѣньскимъ 104в*.

Памятники книжной ориентации

§ 4.24. Безусловное большинство дошедших до нас церковных, литературных и летописных памятников можно квалифицировать как «памятники книжной ориентации».

Среди них следует различать прежде всего тексты старославянского происхождения (значительная часть которых известна только в церковнославянских списках) и тексты древнерусского происхождения (в число которых включаются и переводы, сделанные на Руси). Кроме того, для нас существенно деление текстов на литературные и летописные.

Рассмотрим последовательно эти группы.

Произведения книжной ориентации старославянского происхождения

Приводим данные о поведении *сѧ* в нескольких важных памятниках этой группы.

Коэффициент препозиции сА в памятниках книжной ориентации
старославянского происхождения

	Q(общ.)	Q(1-4)~ Q(5-8)	1 Мест.	2 Союз	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Аор. импф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
Супр.	16% (111/689)	32 ~11%	20/32 =63%	13/18 =72%	7/45 =16%	14/75 =19%	8/48 =17%	23/113 =20%	25/210 =12%	1/148 =1%
Мар.	6% (29/468)	10 ~ 3%	15/80 =19%	4/39 =10%	0/47	1/39	1/10	7/105 =7%	1/77	0/71
Изборник 1076	6% (22/350)	10 ~ 3%	9/44 =20%	1/16 =6%	3/61 =5%	2/26 =8%	1/14	0/8	6/80 =8%	0/101
Синайская псалтирь	2% (7/365)		(3×)	(2×)				(2×)		

В качестве наиболее показательного представителя данной группы можно
взять Мариинское евангелие.

Вот некоторые примеры из него.

Препозиция — очень редко	Постпозиция — почти всегда
С начальным местоименным словом	
<i>кого сА оубоите</i> Лк. 12.5 <i>что сА вамъ мьнитъ</i> Мт. 18.12	<i>жено, // что плачещи сА</i> Ио. 20.13 <i>а иже възнесетъ сА, съмъритъ сА</i> Мт. 23.12 <i>і како оудръжж сА</i> Лк. 12.50 <i>тоу събержтъ сА оръли</i> Мт. 24.28 <i>і тъгда авитъ сА знамение</i> Мт. 24.30
С начальным союзом	
<i>добрѣ би было емоу, ∇ аште сА би не родиль чкъ ть</i> Мт. 26.24	<i>добро би емоу было, ∇ аште не би родиль сА члѣвко ть</i> Мр. 14.21 <i>і аще въпадеть сА въ ѣмж въ соботж</i> Мт. 12.11 <i>і егда молиши сА, не бжди ѣко и лицемъри</i> Мт. 6.5
С начальным знаменательным словом	
<i>юже бо сА бѣахж съложили шодѣи</i> Ио. 9.22 (единств. пример)	<i>і вино пролѣветъ сА</i> Мт. 9.17 <i>не въ лъжж клънеши сА</i> Мт. 5.33 <i>і тлъкжцюмоу отеръзаатъ сА</i> Мт. 7.8 <i>аbye съблажнѣатъ сА</i> Мт. 13.21
С подчиненным инфинитивом	
<i>и бѣ слжка і не можити сА въсклонити отънждь</i> Лк. 13.11 (единств. пример)	<i>і не може оутаити сА</i> Мр. 7.24 <i>наченъшо же емоу сътазати сА о словеси</i> Мт. 18.24 <i>тогда начатъ ротити сА и клати сА</i> Мт. 26.74

С деепричастием	
<i>нѣ і оца своего гл҃ааше бѣ, ∇ ра{ра}вень сѧ твора бѣу Ио. 5.18 (единств. пример)</i>	<i>и мно́го прѣжавъ сѧ изиде</i> Мр. 9.26 <i>бѣ не боѡ сѧ и чѣкъ не срамлѣѡ сѧ</i> Лк. 18.1–2 <i>і иде, ∇ въ себѣ дивѡ сѧ бывъшюмоу</i> Лк. 24.12
С аористом или имперфектом	
<i>егоже вы гл҃ете, ∇ фко° слѣпъ сѧ роди</i> Ио. 9.19	<i>кто прикоснѣ сѧ ризахъ моихъ?</i> Мр. 5.30 <i>онъ же отвѣръже сѧ прѣдъ всѣми</i> Мт. 26.70 <i>и абие ищисти сѧ отъ проказы</i> Мт. 8.3 <i>і землѣ потрасе сѧ, і камене распадае сѧ, і гроби отврѣса сѧ</i> Мт. 27.52
Многоактантные	
<i>і не можѣтъ сѧ кнѣигы разо- рити</i> Ио. 10.35 (единств. пример)	<i>азъ николиже не съблажнѣ сѧ</i> Мт. 26.33 <i>оба въ ѣмѣ впадете сѧ</i> Мт. 15.14 <i>како же оубо събждѣтъ сѧ кнѣигы</i> Мт. 26.54
Тяжелые	
—	<i>ни главож своеж клѣни сѧ</i> Мт. 5.36 <i>оученици же его възаалкаша сѧ</i> Мт. 12.1 <i>і си всѣ приложѣтъ сѧ вамъ</i> Мт. 6.33

Наглядно видно, что в вопросе о поведении *сѧ* эта группа памятников образует как бы противоположный полюс по сравнению с древнерусскими грамотами и актами: коэффициенты препозиции *сѧ* здесь минимальны, а в части памятников просто приближаются к нулю.

Поскольку, как показывает, в частности, Житие Мефодия, такое положение никоим образом нельзя приписывать живой южнославянской речи, необходимо признать, что мы имеем здесь дело с особым правилом старославянского книжного синтаксиса, которое резко расходилось с народным синтаксисом. Это правило не получило, однако, полной обязательности, иначе не было бы такого произведения, как Житие Мефодия. Поскольку все произведения настоящей группы переводные, а Житие Мефодия — оригинальное славянское, следует полагать, что первоначальной зоной формирования книжного правила о постпозиции *сѧ* были именно переводы, а на оригинальные сочинения это правило распространялось лишь постепенно и без полной обязательности.

Отдельного замечания заслуживает Супрасльский кодекс. Коэффициенты препозиции *сѧ* (как общий, так и отдельные по классам) здесь заметно выше, чем в остальных текстах данной категории. С другой стороны, от такого памятника, как Житие Мефодия, его все-таки отделяет еще большая дистанция. Тем самым Супрасльский кодекс должен расцениваться как памятник книжной ориентации, но выдержанной несколько менее последовательно, чем в других аналогичных текстах.

Чтобы дать представление о поведении *сѧ* в поздних церковнославянских версиях произведений этого круга, можно привести, в частности, некоторые

данные Острожской библии 1581 г. Из этого памятника была обследована книга Экклезиаста. В классах 1–8 здесь на 64 примера *са* в неавтоматической постпозиции приходится 3 примера *са* в препозиции, т. е. $Q_{(общ.)} = 4\%$.

И только в Синодальной библии, редактировавшейся в начале XVIII в., устраняются почти все примеры препозитивного *са*.

Таким образом, в церковнославянской традиции к концу XVII в. коэффициент препозиции *са*, как и в живом языке, опускается практически до нуля. Но ввиду того, что он был весьма низок и в начальной точке развития, здесь это движение едва заметно.

Литературные произведения книжной ориентации древнерусского происхождения

§ 4.25. Эта группа весьма многочисленна. Ниже приводятся цифровые данные по нескольким из них, относящимся к разным векам с XI по XVI.

К XI–XIII вв. относятся:

«Хождение» игумена Даниила (конец XI – нач. XII в.; по списку 1495 г.);

Житие Бориса и Глеба (по Усп. сб.);

Житие Феодосия (по Усп. сб.);

«Александрия» в переводе предположительно XI в.;

«Чудеса Николы» в переводе предположительно XI в.;

«История Иудейской войны» Иосифа Флавия в переводе XI–XII вв.;

«Пчела» в переводе XII–XIII вв.;

Девгениево деяние в переводе XII–XIII вв.

Кроме того, чтобы не дробить слишком сильно нашу рубрикацию, мы включили в ту же таблицу несколько памятников, близких к рассматриваемой категории, но все же, строго говоря, в нее не входящих.

Это, во-первых, собственно церковный памятник — Устав Студийский в переводе 60-х гг. XI в. (по списку конца XII в.);

во-вторых, два памятника, о происхождении которых — древнерусском или южнославянском — нет единого мнения:

Житие Нифонта (краткая редакция; по Выг. сб. конца XII в.);

Житие Феодора Студита (тоже по Выг. сб.).

Из более поздних произведений в качестве представителей этой группы выбраны:

Задонщина (кон. XIV – сер. XV в.; взято четыре основных списка, т. е. подсчеты отражают суммарный материал этих списков, чем отчасти компенсируется краткость этого памятника);

Повесть о взятии Царьграда турками (2-я пол. XV в.);

Повесть о Петре и Февронии (1-я пол. XVI в.).

В XI–XIII вв. в данной группе памятников можно различить две подгруппы: основную, где коэффициент препозиции *са* очень низок (не выше 7%), и подгруппу с несколько более частой препозицией *са* (до 21%). В последнюю вхо-

дят отдельные литературные произведения, книжная ориентация которых (по крайней мере в данном пункте) немного слабее, чем у остальных.

Коэффициент препозиции *са* в памятниках книжной ориентации древнерусского происхождения

	Q(общ.)	Q(1-4)~ Q(5-8)	1 Мест.	2 Союз	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Аор. импф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
XI–XIII вв.										
<i>Подгруппа с несколько более частой препозицией са</i>										
Александрия	21% (49/236)	43~12%	19/28 =68%	3/10	3/15	4/15	5/16	4/39	9/55	2/58
Чудеса Никола	21% (12/57)	40~11%	4/8	2/5	1/2	1/5	0/6	3/11	1/11	0/9
Житие Нифонта	21% (14/66)	44~13%	5/6	1/4	0/5	2/3	1/4	4/15	1/19	0/10
Даниил	14% (21/149)	25~9%	11/32 =34%	0/5	0/8	1/3	0/4	1/34	1/11	7/52
<i>Основная подгруппа</i>										
Борис и Глеб	5% (5/102)	10~3%	1/10	2/7	0/4	0/10	0/5	1/21	1/30	0/15
Житие Феодосия	3% (6/213)							(1×)	(3×)	(2×)
Житие Ф. Студита	1% (4/≈400)		(1×)						(3×)	
Устав Студ.	0,6% (1/166)			(1×)						
Флавий	7% (80/1115)	13~5%	20/87 =23%	14/55 =25%	7/120 =6%	3/73 =4%	6/91 =7%	18/29 9=6%	12/18 6=6%	0/20 4
Пчела	7% (45/685)	11~3%	19/118 =16%	9/39 =23%	5/115 =4%	2/41 =5%	2/14 =14%	1/25 =4%	7/227 =3%	0/106
Девген. деяние	5% (5/103)	10~0%	0/13	0/7	2/11	3/19	0/1	0/17	0/15	0/20
XIV–XVI вв.										
Задон- щина	2% (1/54)		(1×)							
Взятие Царьграда	2% (2/103)		(2×)							
Петр и Феврония	3% (1/33)		(1×)							

Наиболее выразительным представителем этой группы памятников является Житие Феодосия. В этом сравнительно большом тексте (213 примеров неавтоматического *са*) препозиция *са* встретилась всего в 6 случаях, а именно:

*ei чадо, боудеть ти, ∇ яко же ти са обѣща анѣлъ явивъ са въ образѣ мо-
къмь 46б;*

се бо о семь // вельми са радю, братиѣ 58г;

и пакы // дѣлѣ съ своѣмъ кѣждо имашеть 36а/б;
самъ // чистъ съ творѣ 39а;
сѣмѣряше съ, ∇ послѣднии съ въсѣхъ творѣ и слоужьбѣникъ 42г;
тѣмъ же сѣмѣряше съ, ∇ мѣнии всѣхъ съ творѣ и всѣмъ слоужа 36г (по-
 видимому, *мѣнии всѣхъ* здесь было единой тактовой группой, см. § 1.42).

Можно присоединить сюда также один пример с возвратным *си*:

много же си жалю юго ради 32б.

В остальном поведение *са* здесь практически такое же, как в современном языке. Пытаться делать какие-то статистические заключения по отдельным рубрикам нет смысла — слишком низок общий коэффициент препозиции. Ясно, что постпозиция *са* была для автора просто нормой.

Житие Феодосия создано не позднее начала XII века. Ранние берестяные грамоты ясно говорят нам о том, что в эту эпоху в живом древнерусском языке закон Вакернагеля еще действовал практически безукоризненно. Это значит, что Нестор сознательно писал не так, как то же самое звучало в живой речи. Он явно ориентировался в синтаксическом отношении на старославянские образцы — прежде всего на Евангелие и Псалтирь. И как нередко бывает с усердными подражателями, он оказался здесь «большим католиком, чем папа»: в своем отталкивании от живой речи он достиг более низкого коэффициента препозиции *са*, чем в Евангелии (не говоря уже о таком памятнике, как Супр.).

Ввиду искусственного, книжного характера такого синтаксиса не приходится удивляться тому, что коэффициент препозиции *са* не обнаруживает в памятниках этой категории строгой зависимости от хронологии. Разумеется, линия эволюции и в этой категории в общем ведет к тому, чтобы данный коэффициент постепенно упал до нуля. Однако в конкретном памятнике он все же в гораздо большей степени зависит от стилистических установок и предпочтений автора, чем от точной датировки памятника. Например, «Хождение» игумена Даниила, где $Q_{(общ.)} = 14\%$, примерно синхронно Житию Феодосия, с его $Q_{(общ.)} = 3\%$; просто игумен Даниил несколько меньше заботился о том, чтобы выразиться по-книжному, а не по-народному.

Как мы знаем, ныне живой русский язык пришел к $Q_{(общ.)} = 0\%$. Поэтому парадоксальным образом Житие Феодосия, резко отталкивавшееся в данном пункте от живого языка, теперь нам ближе и понятнее (по крайней мере в этом отношении), чем, скажем, берестяные грамоты.

Еще более яркий образец такого рода представляет собой Устав Студийский. Это церковный памятник, переведенный в XI веке, где встретился всего один пример препозиции *са*: *вънгда же са икосъ поють* 212 (не считая выпадающего из всех норм примера *и въспоминатиѣ сего са остающемъ* 215 [с собственно причастием]). Таким образом, степень прикрепления *са* к глаголу здесь уже по существу такая же, как в современном языке.

Летописи

§ 4.26. Летописи образуют в интересующем нас отношении довольно единообразную группу памятников, близкую к литературным сочинениям книжной ориентации, но все же менее удаленную от живой речи.

Летописи целесообразно подразделять не по времени списка, а по времени отражаемых событий (т. е. по времени составления соответствующих погодных записей).

В связи с этим мы различаем в НПЛ три части, а именно:

НПЛ-1 — первый почерк Синод. НПЛ (события 1016–1234 гг.);

НПЛ-2 — второй почерк Синод. НПЛ (события 1235–1337 гг.);

НПЛ-3 — Комисс. НПЛ, часть, охватывающая события 1333–1446 гг.

Из Строевского списка Псковской 3-й летописи обследованы записи за XV и XVI вв., причем оказалось целесообразно рассматривать отдельно записи этих двух веков (точнее, записи до 1478 г. и после него).

Напомним, что ПВЛ берется без сочинений Мономаха, а Киев. лет. (автор.) — это Киевская летопись без прямой речи.

Для большей наглядности при всех летописях указаны охватываемые ими хронологические интервалы.

Коэффициент препозиции *са* в летописях

	Q(общ.)	Q(1–4)~ Q(5–8)	1 Мест.	2 Со- юз	3 Зна- мен.	4 Инф.	5 Дее- прич.	6 Аор. импф.	7 Мно- гоакт.	8 Тяж.
ПВЛ (до 1110)	16% (68/422)	34 ~ 8%	16/31 =52%	8/27 =30%	7/34 =21%	13/39 =33%	0/12	12/143 =8%	10/56 =18%	2/80
Киев. лет. (автор.) XII	11% (59/533)	38 ~ 4%	9/18 =50%	4/15 =27%	0/11	28/65 =43%	3/43 =7%	4/160 =3%	10/85 =12%	1/136
Гал.-Волын. XIII	10% (27/264)	30 ~ 3%	2/13	4/9	4/17 =24%	12/34= 35%	0/18	4/99	1/38	0/36
НПЛ-1 (до 1234)	10% (19/186)	41 ~ 7%	5/9	—	0/1	2/7	0/1	8/45 =18%	2/20	2/103
НПЛ-2 (1235–1337)	7% (7/98)	14 ~ 5%	1/7	0/5	0/5	2/5	0/2	0/24	2/14	2/36
НПЛ-3 (1333–1446)	5% (7/130)	17 ~ 1%	4/18	0/3	1/6	1/9	0/2	0/22	1/23	0/47
Строев. 1400–1478	6% (10/158)	16 ~ 3%	2/13	3/7	1/12	1/12	0/10	0/18	3/27	0/59
Строев. 1479–1567	0% (0/82)									

Как можно видеть, на протяжении XI–XV вв. коэффициент препозиции *са* в летописях (как общий, так и по классам) постепенно понижается, причем очень плавно. Понятно, что в этом отражается эволюция живой речи. Но это не прямое ее отражение (при котором коэффициенты препозиции *са* были бы существенно выше), а косвенное, как бы пропущенное через фильтр общей установки (хотя и не слишком жесткой) на книжность. Отсутствие в этой кривой каких-то всплесков или провалов говорит о том, что стилистические установки летописцев были довольно единообразны, т. е. существовало достаточно устой-

чивое традиционное представление о том, как должны выглядеть летописные записи.

Полная утрата препозиции сѧ отмечается в некоторых летописях лишь с XVI в.

Как частные черты летописного стиля следует отметить, во-первых, очень резкое различие между Q₍₁₋₄₎ и Q₍₅₋₈₎; во-вторых, относительно высокий коэффициент Q_(инф.).

В качестве характерного представителя этой категории памятников (точнее, ее более древней разновидности) можно взять авторскую часть Киевской летописи по Ипат.

Приводим из нее некоторые примеры.

Приблизительное равновесие двух моделей	
С начальным местоименным словом	
<i>а вси^М сѧ снати оу Смоленскѣ</i> 134 об. <i>а кто сѧ ѡсталъ в городѣ, а тѣ вси</i> <i>взати быша</i> 226	<i>а всимъ снатисѧ на Волзѣ</i> 134/об. <i>Изморагдѣ, ∇ еже наречетьсѧ</i> <i>дорогыи камень</i> 242 об.
С подчиненным инфинитивом	
<i>и тако сѧ начаша ладити</i> 141 <i>и начаша сѧ бити ѡ рѣку</i> 188 <i>поидоша по немъ на верхъ ѡзера,</i> <i>∇ хотѧче сѧ бити с ни^М</i> 157 об. <i>и повелѣ сѧ постричи Ефимью еп^споу</i> 124 об.	<i>а Изславци почаша битисѧ</i> 109 <i>и нача молитисѧ ѡ ѡцю</i> 142 об. <i>Изславъ же не хотѧше миритисѧ с</i> <i>ни^М</i> 165 об. <i>и половцемъ не дадуцимъ миритисѧ</i> 157
Препозиция — редко	Постпозиция — часто
С начальным союзом	
<i>блюда того, ∇ абы сѧ не сналъ с</i> <i>Володимеромъ Галичьскымъ</i> 157	<i>абы оутишилсѧ матежь</i> 213 об. <i>зане бѣ ѡсталсѧ с маломъ дружины на</i> <i>полчици</i> 168 <i>и слышавъ, ∇ ѡже билисѧ Ѡлговичи оу</i> <i>Переяславлѧ</i> 115
Препозиция — очень редко	Постпозиция — почти всегда
С начальным знаменательным словом	
—	<i>Стародубци бо прислалисѧ баху ко Ѡлгови</i> 187 об. <i>в городѣ бо затворилсѧ баше съ княгинею</i> 181 об.

С деепричастием	
<i>и тако са оуладивше, и разъѣхаша</i> 140	<i>и тако ѡборотачеса полкы своими</i> 158 <i>и тако испросивъса оу Изаслава</i> 123 об. <i>и ту оуладивъса с нима, иде въ свои Киевъ</i> 173 <i>по зори исполцивса</i> 138
С аористом или имперфектом	
<i>и ту са ѡѣловаша не съсѣдающе с кониш</i> 146 об. <i>но стрѣлци са ѡ ню бѣяхоуть ѡ ѡбоихъ</i> 132 об.	<i>а самъ възворотиса в Суждаль</i> 168 об. <i>и про то заратишася Олговичи</i> 110 <i>и тако разъѣхашася</i> 176 <i>а стрѣлци бѣяхоуса межси полкома</i> 138
Многоактантные	
<i>и повѣда ему, ∇ како са с королемъ видиль въ здоровьи</i> 164 <i>ѡже юже // рѣкы са роушають</i> 135 об.	<i>и тако наро^д дигноушася</i> 129 <i>мы же на преднее възвратимса</i> 112 об. <i>Дюргии же не хоташе и еше битиса</i> 157 об. <i>того дѣла и с братьею совокоупилъса башеть</i> 232
Тяжелые	
<i>то же все са створи, оже выгна Гюрги Всеволода ис Переяслава</i> 110 об. (единств. пример)	<i>того же лѣта потрасеса земля</i> 108 об. <i>в то же время половци напилисѣ бѣхоуть коумыза</i> 226 об. <i>но злое невѣръствие в нихъ вкоренилоса</i> 200 <i>и многы крови проливахутса межси ими</i> 175

Общая схема эволюции

§ 4.27. Приводимая ниже диаграмма 5 (из двух частей: А — для памятников некнижной ориентации, Б — книжной ориентации) демонстрирует в наглядном виде общую картину исторической эволюции энклитики *са*.

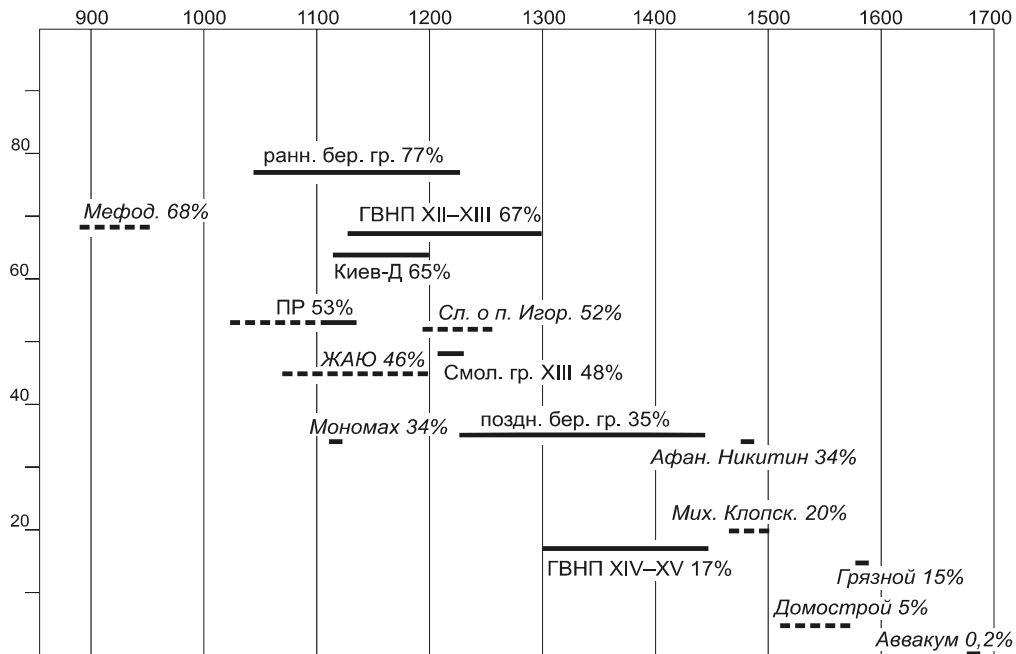
Способ построения диаграммы — такой же, как для прочих местоимений (см. § 3.14).

Для библейских текстов и «Домостроя» отражено время составления соответствующей редакции. Как Строев.-1 обозначена часть Строевского списка Псковской 3-й летописи, охватывающая 1400–1478 гг., как Строев.-2 — часть, охватывающая 1479–1567 гг. За пометой Острож. реально стоит не вся Острожская библия, а только книга Экклезиаста (см. § 4.24).

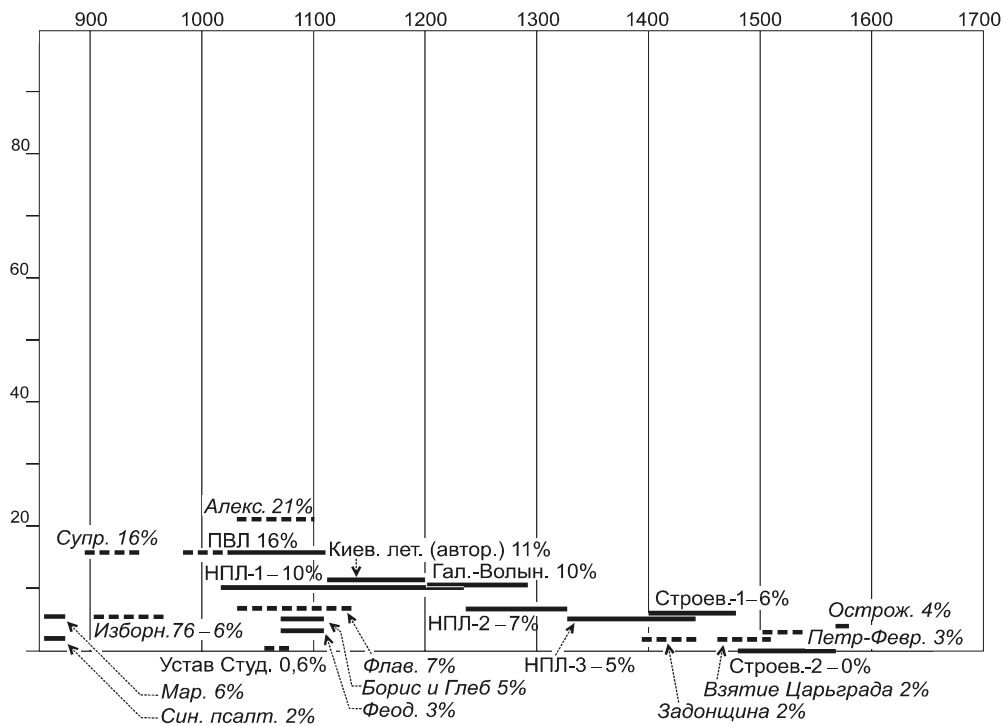
Раздельная демонстрация памятников некнижной и книжной ориентации позволяет непосредственно увидеть, что историческая эволюция энклитики *са* в этих двух группах памятников совершенно различна. В некнижных памятниках коэффициент препозиции *са* плавно понижается от очень высоких значений в XI–XII вв. до нуля в XVII в. Между тем в книжных памятниках этот коэффициент даже и в древнейшие века весьма низок и его движение к нулю представляет собой лишь весьма медленное и незначительное изменение.

5. КОЭФФИЦИЕНТ ПРЕПОЗИЦИИ сА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

А. Памятники не книжной ориентации

Б. Памятники книжной ориентации

§ 4.28. Подведем итоги проведенного разбора поведения *са* в древнерусских и позднейших памятниках.

В живом древнерусском языке XI–XII вв. энклитика *са* по своему поведению еще практически ничем не отличалась от других фразовых энклитик: вместе с ними она подчинялась закону Вакернагеля и правилам, связанным с ритмико-синтаксическими барьерами. Соответственно, в зависимости от структуры фразы она оказывалась либо в постпозиции к глаголу, либо в препозиции (контактной или дистантной).

В ходе эволюции местоименные энклитики (*ми, ти, ма, та* и т. д.) исчезли, уступив свое место своим полноударным синонимам (*мѣнѣ, тебѣ, мене, тебе* и т. д.). То же произошло и с *са* в сочетаниях с предлогом: *за са, на са* и т. д. уступили место сочетаниям *за себе, на себе* (позднее *за себа, на себа*) и т. д.

Но *са* как показатель возвратности глагола пойти по тому же пути не могло, поскольку полноударное *себе* не имело большинства тех функций, которые были свойственны энклитике *са* (см. об этом подробно выше, § 3.1). Поэтому здесь эволюция оказалась иной — *са* постепенно слилось с глагольной словоформой.

Таким образом, на протяжении XI–XVII веков *са* претерпело радикальную трансформацию: из самостоятельного слова, а именно, энклитики, подчиненной закону Вакернагеля, оно превратилось в морфему, входящую в состав глагольной словоформы.

В этой ситуации казалось бы естественным, чтобы письменные памятники демонстрировали все более сильное продвижение от века к веку по этому пути. В действительности, однако, историческая картина оказалась намного сложнее.

Обнаружилось, что с самого начала письменной истории русского языка существуют две отчетливо различающиеся традиции в трактовке элемента *са*: народная и книжная. В первой *са* представляет собой нормальную фразовую энклитику, способную стоять как в постпозиции, так и в препозиции по отношению к глаголу — в соответствии с тем, чего требует закон Вакернагеля и правила о барьерах. Во второй она уже в XI–XII веках предстает как единица, весьма близкая к морфеме *-ся* современного русского языка, а именно, лишь в весьма редких случаях выступает во фразе в какой-либо иной позиции, кроме положения непосредственно после глагольной словоформы.

В рамках народной традиции мы наблюдаем именно то, что ожидается на основе общих соображений: коэффициент препозиции *са* плавно понижается с ходом времени и к XVII в. достигает современного состояния, при котором он равен нулю (т. е. *са* уже не бывает в препозиции никогда, являясь неотделимой частью глагольной словоформы).

Совершенно иной была ситуация в книжных памятниках. Здесь уже в XI–XII веках коэффициент препозиции *са* был очень низким (не выше 21%, а в большинстве случаев даже не выше 10%) — это была традиция, идущая из старославянского. В дальнейшем это положение изменялось довольно незначительно. В XVI в. этот коэффициент оказался в книжных памятниках даже несколько выше, чем в народных текстах (т. е. в этот момент соотношение двух

типов текста в данном пункте фактически сменилось на противоположное тому, что было в древности). Позднее, однако, как в живом русском языке, так и в церковнославянском препозиция *са* исчезает полностью.

Выявленная нами картина исторического развития *са* резко отличается от той, которую предложил в свое время Г. Гуннарссон (1935). Основных причин этого отличия две: 1) работа Г. Гуннарссона написана до открытия берестяных грамот; 2) в числе инструментов анализа у Г. Гуннарссона не было понятия ритмико-синтаксического барьера.

В силу первого из этих обстоятельств Г. Гуннарссон не имел возможности оценить истинное соотношение между живым древнерусским языком и языком традиционных древнерусских памятников. Он исходил из того, что такой памятник, как обследованный им Изборник 1073, отражает первоначальное состояние древнерусского языка, тогда как, например, летописи отражают уже более поздний этап эволюции (в частности, эволюции *са*).

В силу второго обстоятельства Г. Гуннарссон считал энклитическим только такое *са*, которое стоит во фразе в главной вакернагелевской позиции; *са* в любой другой позиции (кроме постпозиции при глаголе) он трактовал как полноударное (т.е. объяснял его удаление от начала фразы просто тем, что полноударное слово может стоять в любой точке фразы).

На основе этих двух ошибочных положений он сделал вывод, что в древнерусском языке *са* лишь в весьма незначительной степени подчинялось закону Вакернагеля, причем эта ситуация была прямым наследием глубокой древности. Он пишет: «Контактное положение *са* было, таким образом, осуществлено (*durchgeführt*) уже в доисторическое время, а свободное его расположение, соответственно, должно рассматриваться в древнейших текстах как исключение» (Гуннарссон 1935: 103). Даже и в отношении летописей и грамот (официальных) он полагал, что свободное (т.е. не находящееся в контактной постпозиции к глаголу) *са* здесь лишь изредка выступало в роли энклитики, а в основной части случаев представляло собой полноударную словоформу.

Из материалов настоящей главы понятно, сколь далек этот вывод от того, что мы теперь знаем о древнерусских энклитиках.

Глава пятая

ЭВОЛЮЦИЯ СВЯЗОК

§ 5.1. Особую группу древнерусских энклитик составляют словоформы настоящего времени глагола *быти*: *есмь*, *есмы* (*есме* и др.), *есвѣ*; *еси*, *есте*, *еста* (2 дв.); *есть*, *суть*, *еста* (3 дв.).

Важное для нашего разбора обстоятельство состоит в том, что, как уже указывалось выше, эти словоформы имеют статус энклитик только в функции связок. В неслужебном значении ('существовать, иметься', 'пробывать, находиться') они ведут себя как акцентно самостоятельные.

Например, во фразе *есть градъ между нобомъ и землею* 10п словоформа *есть* означает 'существует, имеется' и ее начальное положение ясно показывает, что это не энклитика, а акцентно самостоятельная словоформа. Вот некоторые другие подобные примеры:

3-е лицо —

а есть мжжь, съ нимь 'а если есть человек, с ним [пошли]' 296;

но есть ми весть, ажъ Всеволодъ сватъ мои всѣль на кона [1193], 239 об./240;

есть ми поуть на Литвоу [1193], 234;

не есть того в законѣ, яко ставити еп^спомъ митрополита безъ патриарха [1147], 125 об.;

си же вѣдѣти ксть же 'а это тоже должно знать' (Феод., 65а);

кнѣже, поѣди к намъ, ∇ суть ны с тобою рѣчи [1159], 177 об.;

суть ми орудия въ Роуси, а вы вольни въ кнѣзѣхъ (НПЛ, 80).

1-е и 2-е лица —

ты по Бѣѣ тамо оу Смоленскѣ и в Новѣгородѣ оу Велицимъ еси [1152], 165;

да се есмы оуже на се^м мѣстѣ [1151], 158;

снѹ, се оуже въ старости есмь [1154], 169;

а во твоей волѣ есмь всегда [1190], 231.

К сожалению, разграничение между служебным и полнозначным употреблением словоформ *есмь*, *еси*, *есть* и т. д. далеко не всегда очевидно. Например, фразу *се оуже въ старости есмь* в принципе можно понимать и как 'вот я уже пребываю в старости' (где *есмь* = 'пребываю'), и просто как 'вот я уже стар' (где *в старости* понимается как эквивалент для *тот, кто в старости* = *старый*, и тогда *есмь* — это связка). В данном случае позиция словоформы *есмь* показывает, что здесь реализован первый из этих вариантов: а именно, *есмь* стоит здесь после неодночленной актантной группы, т. е. на месте, которое энклитика занимать не может. Но во многих случаях столь простых оснований для выбора нет. Например, фразу *а а въде, ожь ж васъ есте тѣварь Ольскы(нѣ)* 548 можно понимать как 'а я знаю, что Олескин товар у вас' (где *естъ* —

связка); но можно понимать и иначе: ‘а я знаю, что у вас есть (имеется) Олескин товар’ (где *естъ* полнзначное). Аналогичным образом фраза *чѣа ти есть корова* 8 может пониматься как ‘чѣа [это] корова’ (где *ти* — частица, *есть* — связка) или как ‘чѣа у тебя корова’, ‘чѣа у тебя находится корова’ (где *ти* — ‘у тебя’, *есть* — ‘имеется, находится’). И в этих примерах позиция словоформы *есть* во фразе при выборе нужного понимания не помогает.

Чтобы избежать неопределенности этого рода, мы будем ниже при изучении просодического поведения связок рассматривать только те случаи, где словоформы *есмь*, *еси*, *есть* и т.д. бесспорно являются связками. Для этого условимся исключить из нашего разбора фразы, где именной частью сказуемого является наречие (например, *а ты ны еси близь* [1195], 237 об.) или сочетание существительного с предлогом или со словом *яко* (например, *се оуже въ старости есмь* [1154], 169), иначе говоря, относить такие фразы к той же категории, что фразы с заведомо полнзначными *есмь*, *еси*, *есть*.

Но трудности этим не ограничиваются. Верно то, что рассматриваемые словоформы имеют статус энклитик только в функции связок. Но обратное неверно, а именно, связки не всегда являются энклитиками. Так, например, во фразе *и не ими, княже, вѣры брати наю, ∇ соут¹ на та съвѣтали съ чърниговьскыми князи* (НПЛ, 73 об.) словоформа *соуть* — явно связка (в составе перфекта), но это не энклитика, что видно из ее начального положения в клаузе. Аналогично: *късть бо си повѣсть якоже медвена* (ЖАЮ, 1 об.); *срацининъ онъ <...> сътникъ дѣмономъ бѣаше, ∇ естъ же дерзь братиса с подвизающимиса* (ЖАЮ, С31); здесь связка *есть* стоит в начале клаузы, да еще и перед энклитиками начальных рангов *же* и *бо*.

Таким образом, в вопросе о древнерусских связках необходимо различать два аспекта:

- 1) просодический статус связок, т.е. проблема соотношения их энклитических и полноударных вариантов;
- 2) конкуренция конструкций со связками (в любом из их двух просодических статусов) и конструкций с местоимениями.

В каждом из этих двух аспектов имеется собственный вектор эволюции.

С просодической точки зрения связки эволюционируют от первоначального полноударного статуса к статусу энклитик. Разные старославянские и древнерусские письменные источники демонстрируют нам различные степени продвижения по этому пути.

С синтаксической точки зрения эволюция состоит в том, что связки постепенно уступают свои функции личным местоимениям. (Отметим, что в главных чертах этот процесс ясно обрисован в Соболевский 1907: 239–242.) Со временем достигается конечная точка этого движения — связки полностью исчезают.

Дальнейший разбор состоит из двух разделов, соответствующих этим двум аспектам проблемы.

Внутри каждого раздела вначале рассматриваются связки первого и второго лица, затем отдельно связки третьего лица, поскольку эти две группы связок в ряде случаев ведут себя неодинаково.

Примечание. Отрицательные формы связок — *нѣсмь, нѣси, нѣсть, нѣсмы* и т.д. — всегда полноударны. Поэтому при изучении просодического статуса связок их уже незачем подробнее рассматривать и ни в какие подсчеты они не включаются. Напротив, при изучении конкуренции связок с местоимениями они учитываются наравне с обычными формами связок.

ПРОСОДИЧЕСКИЙ СТАТУС СВЯЗОК

Связки первого и второго лица

Данные акцентуированных памятников

§ 5.2. Для выявления просодического статуса древнерусских связок служат два инструмента: 1) прямые показания акцентуированных памятников; 2) наблюдения над размещением связок во фразах (возможное в любых памятниках, а не только в акцентуированных).

Первый из этих источников информации в сущности ограничен показаниями Чудовского Нового Завета XIV века (см. § 0.4).

В этом памятнике в большом числе случаев мы находим над связкой знак ударения. Примеры:

- а) во фразах, где связка стоит в позиции, недопустимой для энклитики:
вы ѓлсите ма ѓчтль и Гъь, і добрѣ ѓте: ∇ ѣсмь бо 48г;
те^ч же к нима: что су^т словеса^с си, о ни^х же стазаета^с к соб(ѣ) идуце, и еста драхла (2 дв.) 40г;
я^к моуж грѣше^н есмь 28в;
снѣ мои еси ты 144б;
сѣма Авраамле есмь 45г;
вѣ^м, я^к сѣма Авраамле есте 45г;
 б) во фразах, где связка находится в главной вакернагелевской позиции:
азь есмь му^ж іюдѣи 74г;
не мѡгль ли еси едино^г чѣса побдѣти 24а;
тогѡ бо есмы тварь 125в;
снѣе есте избивши^х прркы 13а;
 в) в прочих случаях (т.е. там, где позиция энклитики в принципе может определяться как наличием тех или иных барьеров, так и ее полноударностью):
и азь са^м члѡвкъ есмь 65в;
і вѣрова^ш, я^к ты ма^а посла^л еси 50б;
ни ли се^г члѡ есте? 29а.

Наряду с этим в Чуд. имеется также и много случаев, когда над связкой нет знака ударения. Но, к сожалению, они не могут служить свидетельством безударности связки, поскольку в Чуд. акцентные знаки выставляются без обязательности.

В примерах группы «а» полноударность связки находится в полном соответствии со свободой ее расположения во фразе.

В примерах группы «б» положение иное: связка стоит в позиции, естественной для энклитики (это особенно ясно видно в примерах типа *тогда бо есмь твѣрь*, где связка оказывается внутри группы *того твѣрь*), но тем не менее она несет знак ударения.

В принципе это может объясняться тем, что связки представляли собой то, что в § 0.2 было названо синтаксическими энклитиками, т. е. единицы, обладающие только синтаксическими свойствами энклитик, но не фонетическими.

Другая возможность состоит в том, что расстановка знаков ударения в Чуд. соответствует книжной манере чтения текстов, при которой почти каждое слово произносится без всякого просодического объединения с соседними словами. Но даже и в этом случае придется признать, что связки отличались от остальных энклитик более сильной тенденцией к полноударности, поскольку в Чуд. другие энклитики (в т. ч. слабые) почти никогда не получают знаков ударения за рамками тех случаев, когда они оказываются ударными в силу общих правил из § 0.4.

Что касается акцентуированных памятников XV века Флав. и Алекс., то они, к сожалению, практически никакой информации в данном пункте не дают. Дело в том, что в этих рукописях (писанных одной и той же рукой) словоформы *есмь*, *еси*, *есть*, *есмь* (*есмо*, *есмы*), *есте*, *еста* никогда не получают знака ударения — даже и в тех случаях, где они заведомо были ударными, например: *богатства же не хотѣть, нѣ естѣ в нѣхъ именѣя никосгоже* 384г. Напротив, словоформа *соуть* почти всегда несет знак ударения: *соуть*. Отсюда понятно, что в этих словоформах писец выставлял или не выставлял знак ударения не в соответствии с их реальным произношением в записываемой фразе, а в силу выработанного устойчивого навыка одни из них всегда писать со знаком ударения, а другие всегда без него.

Такого рода устойчивые орфограммы, включающие (или, напротив, исключаящие) знак ударения, — не редкость в акцентуированных рукописях XV–XVII вв. И довольно часто это касается как раз клитик; например, во многих рукописях всегда или почти всегда пишется *бѣ* (а не просто *бо*), хотя несомненно в какой-то части случаев это *бо* было безударным. Такой же характер нередко носят орфограммы *нѣ* (*нѣ*), *лѣ* и др. С другой стороны, плотность акцентировки ни в какой рукописи не достигает 100% (ср. § 0.4, примеч.) и даже редко приближается к этому идеалу. В этих условиях изучать проблему ударности или безударности каких-то словоформ (в особенности служебных) в различных контекстах по показаниям акцентуированных рукописей XV–XVII вв. оказывается занятием крайне сложным и малонадежным. В настоящей работе мы таких попыток не делаем.

Следует полагать, что неполная утрата ударения у связок определяется в значительной мере тем, что те же словоформы употребляются также в качестве полнозначных (и, соответственно, полноударных). Кроме того, играет роль и то, что связки *еси*, *есмо*, *есмы*, *есте*, *еста* двусложны, а двусложные словоформы вообще склонны к тому, чтобы даже в позициях, где они утрачивают нормальное ударение, все же сохранять некоторое ослабленное ударение (как это происходит, например, с современными *ему*, *его*, *было*).

Расположение связок во фразе

§ 5.3. При анализе расположения связок во фразе для выявления того, в какой степени в конкретном памятнике связки играют роль энклитик, могут быть использованы:

- 1) оценка количества случаев, где связка стоит в позиции, в которую никогда (или почти никогда) не попадают слова, не являющиеся энклитиками;
- 2) оценка количества случаев, где связка стоит в позиции, недопустимой для энклитики;
- 3) коэффициент препозиции (§ 1.35) связок — общий или с подразделением по тем или иным позициям.

Связки в позициях, характерных для энклитик

Обратимся к вопросу о том, в какой степени связки способны выступать в позициях, допустимых исключительно (или почти исключительно) для энклитик.

Главная из таких позиций — положение внутри тяжелой (т.е. неодночленной) актантной группы. Если такая группа стоит в начале фразы или непосредственно после барьера, то в силу закона Вакернагеля энклитика должна вклиниться внутрь такой группы.

Наблюдается, однако, некоторая тенденция к тому, чтобы тем или иным способом избежать такого вклинивания, т.е. сохранить актантную группу в неразорванном виде. Тяжелые группы разной структуры проявляют эту тенденцию в разной степени. Наибольшее сопротивление разрыву обнаруживают тяжелые группы из существительного (или местоимения) и согласованного с ним прилагательного (в любом порядке), не являющиеся именным сказуемым (ср. § 2.18).

Соответственно, фразы, где связка разрывает даже такую группу, — это наиболее весомое свидетельство ее энклитического характера. Таких примеров немного, но все же они есть. Единственный памятник из обследованных нами, где имеется целая группа таких фраз, — это Киев-Д:

брате, хрѣтъ еси чѣтныи ѡблѡвалъ ко мнѣ [1149], 137;

ѡ котораго есте становища поѣхали [1149], 138;

и свои еси радѣ възалъ [1196], 241;

а оу королева еси мужа слышалъ ли ѡ томъ чѣтномъ крѣтѣ? [1152], 166 об.;

и того еси всего не оуправилъ [1152], 166;

того еси всего не исправилъ [1196], 241;

а вы есте вси хрѣтъ ѡблѡвали [1148], 134.

Единичные примеры из других памятников:

ни ли сихъ есте кънигъ чѣли? (Мар., Мр. 12.10).

да въ нки же ксмъ одежи нынѣ, въ тои да положите ма тако въ пещерѣ (Феод., 63в).

Присоединим сюда аналогичный пример с приложением, а не определением: *брат(а) мою есте 2 княза повесили вы въ Галици како злодѣи* (НПЛ, 78 об.;

словосочетание *брата моя* здесь, вероятно, подверглось просодическому объединению, см. § 1.42).

Имеется также ряд других синтаксических контекстов, где связка разрывает неодночленную группу, в силу чего оказывается именно в той позиции, которая ожидается для энклитики. Но в этих случаях в той же позиции все же изредка оказываются и полноударные словоформы; поэтому такие фразы служат лишь вероятным, а не бесспорным свидетельством энклитичности связки. Вот некоторые примеры.

Фразы с разрывом группы из именного сказуемого и согласованного с ним прилагательного:

Киев-Д — *брата еста моя* [1150], 143 об.;

свои ми еси сестричичь [1146], 121.

ЖАЮ — *яко оугодникъ кси Бѣи* 41б.;

понеже // другъ ми кси добрыи 49б.;

ѿселѣ оуже // нашъ кси другъ и бра^т 3 об.

Мар. — *нѣ ѣко самъ рече: ∇ цѣрѣ есмь иудейскъ* (Ио. 19.21);

ты оученикъ еси того, ∇ мы же Мосееви есмь оученици (Ио. 9.28).

Супр. — *яко Хсѣви ксмъ воины* 51 об.

Флав. — *но сѣве есмы прѣстѣи* ('персидские') 365в.

Фразы с разрывом других групп с участием именного сказуемого:

берестяные грамоты — *не виновать есмь Кузмѣ* 697п.

Киев-Д — *раненъ есмь велми* [1152], 162;

поѣди, кѣже, не страпаи, ∇ ради есме тобѣ [1159], 177;

а жизнь есмы его взяли [1147], 127 об.;

и зла есмь Ѡлговичемъ много створилъ [1147], 130 об.;

и много есмь имъ зла оучинилъ [1148], 132 об.;

брате и сѣоу, // много ти есмь добра створилъ [1180], 217 об.;

а ворожду еси про Игоря ѿложилъ [1149], 137.

ЖАЮ — *яко велми кси мерзѣкъ* 38а.;

понеже, возлюблене мои, // дѣмономъ ксмъ смѣхъ 24в.;

овца ксмъ словеснаго твоѣго стада 46б.

Мар. — *егда въ мирѣ есмь, ∇ свѣтъ есмь мироу* (Ио. 9.5);

еда ты // болей еси отѣца нашего Иѣкова (Ио. 4.12).

Супр. — *якоже бо мѣнѣ, ∇ то рабъ кси богыня Артемиды* 113 об.;

кшите ли пакы дръзакши, ∇ и жестокъ кси срьдцемъ, Савине 76 об.

и съпричастникъ кси отѣцу твоѣмоу диволоу 6 об.

Флав. — *яко гнѣсенъ еси Бѣоу и члкомъ* 373в.;

яко подобни есте звавшимъ васъ 426а.

В большей части случаев, однако, во фразе, начинающейся с тяжелой группы, представлено некоторое синтаксическое решение, позволяющее избежать разрыва этой группы. Таких синтаксических решений три.

а) Самое обычное из этих решений — постановка барьера после начальной группы с вытекающей отсюда постпозицией связки, например:

берестяные грамоты — *а троке тво[е // ч]устило есмь и даалъ дары* 831.;

а рожь Петровоу // повелело ксемо измолотиво Кривѣ дати 196п.;

оу Сменка оу Савина // възль ксемь поло коробиш Овса 689п;
 а до можго живота // пособ[ь]никъ ксмь тобѣ [з](а) твоѣ [д]об[р]о 749п;
 Киев-Д — и всю жизнь // погоубила еста [1146], 122;
 а со Ярославомъ с Черниговьскымъ // целоваль есмь крѣть [1196], 239;
 брате и сватоу, // ѿчиноу нашу и хлѣбъ нашъ // възль еси [1196], 240;
 ЖАЮ — и къ своемѣ БѢ // привель еси С40 об.;
 истинное възданіе праведныхъ // позналь еси С25;
 Мар. — многѣхъ пѣтиць // соулѣиши есте (Лк. 12.7);
 Супр. — окаане, // зълоу бѣсоу // прѣодолѣль кси 58;
 и многа ради // достоинъ кси живѣ быти 66;
 Флав. — и чины воиньскыа // измѣнилъ еси 381г;
 и всю вѣзнь // преводилъ еси на римланы 416а.

б) При наличии после начального словосочетания еще одной актантной группы возможна также смещенная препозиция связки. Эта модель встречается гораздо реже. Примеры:

чад(о), онои ноци // кдѣ же ксѣѣ ходила оба в темныа храмы адовы (ЖАЮ, 40в);
 и ѿже сватыа цркъви // съ ратижъ ксте прѣѣли, то и ты оставивъше, вѣнѣ град(а) прѣбываите (Супр., 100 об.).

в) Наконец, изредка встречается постановка связки непосредственно после тяжелой актантной группы. Это уже прямое нарушение закона Вакернагеля (если только члены тяжелой актантной группы не подверглись просодическому объединению). Этот случай относится уже к следующему параграфу.

Связки в позициях, недопустимых для энклитик

§ 5.4. Рассмотрим теперь случаи, когда связка оказывается в позиции, недопустимой для энклитик.

Прежде всего это фразы — чрезвычайно редкие, — где связка стоит в начале клаузы или после начальных проклитик.

В начальной позиции стоит словоформа *есмь* во фразе: *в(ы) глаашете ма оучителѣ и Гѣ, і добрѣ глѣте: ∇ есмь бо* (Мар., Ио. 13.13) (ср. ту же фразу в Чуд. — § 5.2, пункт «а»). Но для связок эта фраза непоказательна, поскольку *есмь* здесь нельзя признать обычной связкой: при ней нет никакой именной части — эта именная часть (*учитель и Господь*) лишь подразумевается. В этой эллиптической фразе полноударность *есмь* как бы вынужденная и *есмь* здесь фактически приобретает значение 'да, я являюсь этим', т. е. становится полнозначным.

Со связкой после начальных проклитик мы можем указать:

что сжтъ словеса си, о нихъже сътмасаата са, къ себѣ иджица, ∇ і еста драхла (2 дв. — Мар., Лк. 24.17; ср. ту же фразу в Чуд. — § 5.2, пункт «а»);
и хоитеть Богъ, ∇ да кси въ плти на оувѣтъ (Супр., III–14);
можеши и кднѣмъ добро сътворити, ∇ не бо кси оноѣ вѣдовы оубожаи (Супр., III–55 об.).

Можно было бы предположить, что мы имеем здесь дело с проклитико-энклитическими комплексами. Но это маловероятно, так как связки — это поздние энклитики, а достоверные проклитико-энклитические комплексы — это как раз очень старые сложения. Против такого предположения говорит и исключительная редкость таких примеров. Поэтому более правдоподобно то, что здесь отразилась книжная реализация связок как полноударных словоформ.

Особо стоят две фразы: *рекуще тако: ∇ а есте послушали половъчь* (НПЛ, 97 об.); *а еси посоромилъ коньць въхъ Людинь 954*. Здесь весьма вероятным является предположение о простой ошибке писца. В первом случае оно подкрепляется тем, что в младшем изводе НПЛ стоит не *а есте*, а *аще есте*. Для второго случая можно предполагать пропуск *се* в *а се еси*.

Другая позиция, недопустимая для энклитик, представлена во фразах, попадающих под пункт «в» предыдущего параграфа, т.е. таких, где связка стоит непосредственно после тяжелой актантной группы (любой структуры).

Правда, для части таких фраз, например, *brate, // что дѣла еси приѣхаль?* [1169], 191, можно предполагать просодическое объединение членов начальной актантной группы. Там, где это так, никакого нарушения закона Вакернагеля нет. См. об этом § 1.42.

Следует отметить также особый частный случай, где для постановки связки после тяжелой группы имеется некоторый дополнительный стимул. Таковы фразы, где эта группа уже разорвана сильной энклитикой, например: *сему ли вкушению са ꙗси оудивиль?* (ЖАЮ, 7б). Здесь мы имеем дело с реализацией отмеченной в § 1.21 тенденции к разделению блока энклитик, куда входят одновременно сильные и слабые энклитики. Из-за разрыва тяжелой группы сильной энклитикой (в данном случае *ли*) второй член группы (*вкушению*) получает большую, чем обычно, самостоятельность, и в данной фразе слабые энклитики присоединены прямо к нему, как если бы он составлял отдельную актантную группу.

Как видно из разбора в § 1.42, остается тем не менее некоторое число фраз, где связки стоят после неодночленной актантной группы, причем такой, где нет оснований для просодического объединения, например: *отъвѣшташа емоу юдеи: сѣма Аврамле есмь* (Мар., Ио. 8.33). Такие примеры представлены в старославянских памятниках и в древнерусских памятниках книжного характера.

По крайней мере в части таких случаев связки, по-видимому, могли восприниматься как близкие по значению к полнозначному *быти* 'пребывать, находиться' и тогда уже вести себя как полноударные словоформы. Единичные случаи такого рода можно указать и не только в чисто книжных памятниках; ср., например: *ѧ не Оугринъ ни Лахъ, ∇ но ѡдиногo дѣда есмы вноуци* [1172], 205 (и то же в чуть ином варианте: *то мы есмы не Оугре ни Лахове, ∇ но единого дѣда есмы вноуци* [1195], 237 об.).

Об аномальной фразе *и окрадонѣ ѿ ного ꙗсми 370п* (где не исключена какая-то ошибка писавшего) см. § 1.2, примеч. 1. О фразах типа *и створиль ему еси срамъ великъ* см. § 3.16.

Коэффициент препозиции связок

§ 5.5. Важную информацию о просодическом статусе связок может дать коэффициент их препозиции в различных типах фраз.

Наиболее показательно здесь поведение связок в перфекте и при именном сказуемом, которое выражено прилагательным. Именно к этим двум группам относятся приводимые ниже подсчеты.

Что касается биноминативных фраз, т. е. фраз с именным сказуемым, которое выражено существительным (или личным местоимением), то для них почти невозможно достичь полной объективности в подсчетах, поскольку для заметной их части вопрос о том, какое из двух существительных (или из существительного и местоимения) является подлежащим, а какое сказуемым, решается неоднозначно. Например, фраза *ты еси защититель мой* может пониматься двояко: 1) 'ты мой защитник (а не враг и не равнодушный)', 'tu es mon défenseur'; 2) 'мой защитник — это ты', 'mon défenseur, c'est toi'. В первом случае сказуемое — *защититель мой* и связка *еси* стоит в препозиции; во втором случае сказуемое — *ты* и связка *еси* стоит в постпозиции. Для многих фраз такого типа с надежностью определить, какое из двух значений имеется в виду в древнем тексте, невозможно или по крайней мере очень непросто (например, во фразе *оубѣдите, яко Господь есть Богъ нашъ* из псалма 99 для ответа на такой вопрос необходим целый богословский анализ). Поэтому при разборе вопроса о препозиции и постпозиции связок мы не включаем биноминативные фразы в подсчеты.

Ниже в форме таблицы показан коэффициент препозиции связок 1-го и 2-го лица в ряде древнерусских и старославянских памятников, содержащих удовлетворительное количество материала (ПВЛ, как и в других случаях, взята без сочинений Мономаха). В скобках указаны количества примеров. Пометой «С прилагат(ельными)» обозначены клаузы с именным сказуемым, которое выражено прилагательным. Некоторые рубрики, где мало материала, объединены.

Коэффициент препозиции связок 1-го и 2-го лица

	Простые клаузы		Многоактантные клаузы	Тяжелые клаузы
	С перфектом	С прилагат.		
Син. псалт.	21% (5/24)	0/9	0% (0/21)	
Мар.	32% (8/25)	33% (5/15)	38% (8/21)	
Супр.	64% (7/11)	30% (3/10)	5% (2/38)	
Флав.	59% (20/34)	58% (7/12)	8% (2/25)	
ПВЛ	67% (22/33)	22% (2/9)	27% (3/11)	
ЖАЮ	85% (115/136)	57% (8/14)	73% (11/15)	61% (11/18)
Киев-Д	91% (200/220)*	43% (10/23)*	[см. простые]	58% (15/26)
Берестяные грамоты	ранн. 98% (41/42), поздн. 87% (34/39)	3/3	71% (12/17)	ранн. 0/1, поздн. 0/4

* Вместе с многоактантными, поскольку в Киев-Д в таких клаузах коэффициент препозиции энклитик не ниже, чем в простых (см. § 2.17).

Из таблицы видно, что в поведении связок во фразе имеется как бы два полюса, представленных, с одной стороны, Синайской псалтирью и Мариинским евангелием, с другой — берестяными грамотами, Киев-Д и Житием Андрея Юродивого. На одном краю этой шкалы отчетливо преобладает постпозиция связок, на другом господствует их препозиция.

Супрасльский кодекс, перевод Флавия и «Повесть временных лет» занимают промежуточное положение между этими полюсами.

§ 5.6. Приведем иллюстрации (многоактантные клаузы помечены символом М, тяжелые — символом Т).

Синайская псалтирь (в примерах из старославянских памятников знак // не ставим, поскольку вопрос о том, были ли в этих случаях барьеры, решается неоднозначно).

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — редко	Постпозиция — норма
<i>многа еси створилъ ты, Гїи Бжєе мои, чюдеса твоѣ</i> (пс. 39.6)	<i>въсѣ покоришь еси подъ носѣ его</i> (пс. 8.7) <i>гора Сионъ сі, ∇ въ нжже въселилъ снх еси</i> (пс. 73.2) <i>і ты оставилъ еси нечѣсти срьдѣца моего</i> (пс. 31.5)
Любые иные клаузы	
Препозиция — отсутствует	Постпозиция — всегда
—	<i>въскжж печальна еси, дїше моѣ</i> (пс. 41.6) <i>се бо рѣснотж възлюбилъ еси</i> (пс. 41.6) (М) <i>ѣко брїтва изоштрена сътворилъ еси лестъ</i> (пс. 51.4) (Т)

Мариинское евангелие.

Препозиция — намного реже	Постпозиция — намного чаще
<i>і Аврама ли еси видѣль?</i> Ио. 8.57 <i>азъ бо есмъ старъ</i> Лк. 1.18 <i>чесо есмъ еште не доконьчалъ</i> Мт. 19.20 (М) <i>ни ли сихъ есте кънигъ чѣли</i> Мр. 12.10 (Т)	<i>правѣ сждилъ еси</i> Лк. 7.43 <i>о семь вѣроуемъ, ∇ ѣко отъ Бїи ишелъ еси</i> Ио. 16.30 <i>Гїи, съ тобож готовъ есмъ и въ темьницж и въ смърть ити</i> Лк. 22.33 <i>і мнѣ николиже не далъ еси козълате</i> Лк. 15.29 (М) <i>ты же колицѣмь длъженъ еси?</i> Лк. 16.7 (М) <i>мъносѣхъ пѣтицъ соулѣиши есте</i> Лк. 12.7 (Т)

Супрасльскый кодекс.

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
<i>нѣ оумъ ли кста погубила</i> 106 об. <i>къгда кси видѣль господина</i> <i>робомъ продакма</i> III-79	<i>пойже съгрѣшилъ ксмъ</i> III-9 об.
Простые клаузы с прилагательными	
Препозиция — namного реже	Постпозиция — namного чаще
<i>мы бо ксмъ повинни, събланивъ-</i> <i>ше са на пжти</i> 17	<i>аште вѣрънѣ кси</i> III-30 об. <i>и нагъ видимъ ксмъ отъ селика народа</i> 76 об.
Многоактантныи и тяжелые клаузы	
Препозиция — крайне редко	Постпозиция — почти всегда
<i>не бо кси оноѣ вѣдовы оубожаи</i> III-55 об. (М)	<i>яко не тѣчьж богы прѣбидѣль кси</i> 84 (М) <i>и многа ради достоинъ кси живѣ быти</i> 66 (Т)

Флавий.

Простые клаузы	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
<i>тѣ бо ма еси привель ѿ поточеніа</i> 378г <i>помощники ли есте чѣтели?</i> 460г <i>и нынѣ еси ратенъ на ма</i> 375б	<i>процѣнѣ же // подаль еси</i> 373в <i>и тѣмъ // съхраненъ еси ѿ злодоумиа</i> 372б
Многоактантныи и тяжелые клаузы	
Препозиция — крайне редко	Постпозиция — почти всегда
<i>зане живѣ еси ратными ятъ</i> 462а (М)	<i>и народомъ всю волю // рекль еси</i> <i>сътвори ти</i> 381г (М) <i>тѣ почто беспрестани // искушени</i> <i>есмы</i> 418в (М) <i>и чѣны воиньскыа // измѣнилъ еси</i> 381г (Т) <i>ѿ множества добра // сътворилъ ма еси</i> <i>въ завистъ всѣмъ</i> 378г (Т)

«Повесть временных лет».

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — namного чаще	Постпозиция — namного реже
<i>а с четырма ксмъ вышель</i> 42 об. <i>сега ксмъ не молвилъ</i> 89 об. <i>на что ма есте привабилы</i> 92	<i>Бу послужилъ кси в тишинѣ</i> 71

Любые иные клаузы	
Препозиция — редко	Постпозиция — часто
<i>да оуже поманиса, ∇ колико кси зла створиль 90 (Т)</i>	<i>азъ / погана есмь 17 об. мы оуже зло // створили ксмы 58 об. (М) всако собѣ принесеньє бжѣтвеное // принесль кси 71 (Т)</i>

Житие Андрея Юродивого.

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — норма	Постпозиция — редко
<i>види ли, ∇ како ти са ксмь оураниль 5в мнѣци, ∇ яко к пастуху ксмь шла 42г крилѣ кси имѣль, якоже соуть оу серафимь 32г тако ли са кси ѿвергль мира 33б накы ли еси пришелъ на боющихса Бѣ С51 и многы кси ѿ бѣды избавиль 41б прѣльсти мою, ∇ сюже са есте прѣльстили С166</i>	<i>и азъ, зѣже, // вѣдѣль ксмь 5а нѣ отинѣдѣ // погѣбилса еси 133 об.</i>
Любые иные клаузы	
Препозиция — несколько чаще	Постпозиция — несколько реже
<i>обищи ма, ∇ аче ти ксмь невѣренъ 27в томѣ бо та есмь съ многими слезами предалъ стѣмѣ ексарѣхѣ С172 об. (М) и в болюю печаль са еси вложилъ С172 (Т)*</i>	<i>да и азъ // грѣшенъ есмь С157 да ты добра дѣла // не створилса кси похабомъ 10а (М) всю не(дѣ)лю // пострадалъ еси, браш- на и питъа лишаѣса С32 об. (Т)</i>

* С неправильной позицией энклитик при двучленной актантной группе (§ 1.42).

Киев-Д.

Простые и многоактантные клаузы с перфектом	
Препозиция — норма	Постпозиция — редко
<i>то ци мене еси почѣтилъ, Бѣ еси почѣтилъ [1150], 152 Мьстислава есмь яль, и полкъ его побѣдилъ [1195], 238 об. чего еста хотѣла волости, то ва есмь изискаль [1146], 124 се есѣв оугадала тако [1149], 137 об. издалеча есми поѣхали [1149], 138 на же есмь Гюрга ис Киева выгналъ [1150], 147 (М) азъ ти есмь съ бра(то)мъ твоимъ с Володимеромъ ѿселѣ оуже пошелъ [1150], 147 об. (М)</i>	<i>про што ми // ѿбрекль еси Киевъ [1142], 117 назъ переже всихъ // далъ есмь тобѣ волость сю [1195], 236 об. (М)</i>

Простые и многоактантные клаузы с прилагательным	
Препозиция — реже	Постпозиция — чаще
<i>в томъ еси волень</i> [1146], 124 <i>а мы есмь въ хрѣтьномъ ѡблованы прави</i> [1148], 133 (М)	<i>а ѡ / старъ есмь</i> [1151], 155 <i>а ѡ / готовъ есмь самъ полкъ своими</i> [1149], 140 <i>ны(нѣ) же // оу ноужи сеи // болень есмь велми</i> [1146], 124 (М)
Тяжелые клаузы	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
<i>ѡ котораго есте становища поѣхали</i> [1149], 138 (Т)	<i>и всю жизнь // погоубила еста</i> [1146], 122 (Т)

Берестяные грамоты (не отделяем ранние грамоты от поздних, поскольку различия между ними в данном случае невелики).

Препозиция — почти всегда	Постпозиция — очень редко
<i>чемоу не восолещи, ∇ что ти есемо водада ковати?</i> 644 <i>Матьеви еси молвилъ</i> 550 <i>товарьць есьмо посьлалъ Смольньскоу</i> 952 <i>ци оуже ти есмь задѣла сълюци</i> 752 <i>что бы късь, Осподине, оуналъ къго</i> 446п <i>зандо есмь пуста</i> 692п <i>да же еси тими коунами не исполнила</i> 711п (М) <i>а нине есемо к тобѣ рибоко послале</i> 131п (М)	<i>толико // възалъ есмь ж Проконѣ</i> 7366 <i>а ныне оу Даньши // залъ есмь ...</i> 336 (М) <i>а рожь Петровоу // повелело късемо измолотиво Кривѣ дати</i> 196п (Т)

В отношении биноминативных фраз (о которых см. выше) отметим лишь, что практически во всех памятниках преобладают те их модели, где связка помещается между подлежащим и сказуемым (в каком бы порядке они ни стояли), например: *азъ есмь пастырь добры* (Мар., Ио. 10.11); *ты ми еси ѡцѣ* [1150], 145. Существенно реже встречаются модели, где связка стоит правее обоих именных членов, например: *и азъ крѣстьянъ късмъ* (Супр., 40 об.).

Выводы

§ 5.7. Рассмотренные факты достаточно ясно показывают, что с синтаксической точки зрения связки 1-го и 2-го лица в древнерусских и старославянских текстах в большинстве случаев ведут себя как энклитики. С другой стороны, не подлежит сомнению и то, что в старославянских текстах и в древнерусских текстах книжного характера они все же в части случаев сохраняют свой первоначальный полноударный статус.

Что касается степени фонетической ударности или безударности связок, то в отношении живой древнерусской речи наши источники, к сожалению, не дают в этом пункте надежных сведений. Можно допустить как то, что в живой речи связки несли ослабленное ударение или даже просто были безударны, так и то, что мы имеем здесь дело с синтаксическими энклитиками (§ 0.2), т. е. единицами, обладавшими только синтаксическими, но не фонетическими свойствами энклитик.

При устном воспроизведении книжных текстов связки почти наверное произносились с нормальным ударением — особенно при медленном или торжественном чтении. Иначе говоря, знаки ударения над связками, которые мы находим в Чуд., по-видимому, прямо соответствуют принятой у книжников манере чтения.

Следует полагать, что в живой древнерусской речи связки всегда размещались во фразе в соответствии с правилами, действующими для энклитик. Наиболее убедительным свидетельством этого являются показания берестяных грамот.

Отклонения от этого принципа, которые обнаруживаются в древнерусских книжных текстах, вероятно, объясняются прежде всего тем, что сочинитель или переводчик мысленно представлял себе, как будет звучать сочиняемая им фраза (может быть, даже проговаривал ее), исходя именно из принятой манеры книжного чтения. Отсюда известная степень свободы от автоматизмов живой речи в расстановке слов. Определенную роль могло играть также прямое оттапливание от живой речи (ср. § 2.25). Еще одним стимулом, действовавшим в том же направлении, могло быть подражание старославянским образцам (о которых см. ниже).

Что касается старославянских текстов, то, по-видимому, в них отразился более ранний этап движения от полноударного статуса связок к энклитическому, чем в древнерусских текстах. Если в живом древнерусском языке XI–XII веков это движение уже фактически достигло своей конечной точки, то для старославянского языка IX–X веков следует предполагать лишь некоторое промежуточное состояние.

Кроме того, на синтаксис переводных старославянских текстов могло оказывать некоторое влияние и то обстоятельство, что славянским формам перфекта (скажем, *реклъ еси, пришьль есмь*) в греческом оригинале соответствовали единые глагольные словоформы. При общей тенденции к пословному переводу это, по-видимому, вело к тому, что, например, *реклъ еси* и *εἶπας* воспринимались переводчиками как эквиваленты; а тогда уже *реклъ еси* могло вставляться во фразу как единое целое — даже там, где по правилам живой славянской речи *еси* как энклитика должно было бы уйти от *реклъ* влево. Например, фраза *πάντα ὑπέταξας ὑποκάτω τῶν ποδῶν αὐτοῦ* (пс. 8.7) переведена пословно: *вѣсѣ покорилъ еси подѣ ногѣ его* (Син. псалт.). Между тем в живой речи ожидалось бы *вѣсѣ еси покорилъ*. Очевидно, переводчик либо мысленно произносил каждую тактовую группу по отдельности (сперва *вѣсѣ*, затем *покорилъ еси* и т.д.), либо мысленно произносил *еси* как обычную полноударную словоформу.

Если для старославянских текстов восприятие словосочетаний типа *рекль еси* как устойчивых цельных единиц представляет собой правдоподобную гипотезу (но позволяющую объяснить всё же не все случаи, а лишь их большинство), то для позднейших церковнославянских текстов это становится очевидностью. Как известно, церковнославянские грамматики расценивают *рекль еси* просто как 2-е лицо при формах 1-го лица *рекохъ* (или *рѣхъ*) и 3-го лица *рече*. И, в частности, в церковнославянской Псалтири с течением времени практически все древние формы 2 ед. аориста (совпадающие с 3 ед.) заменяются моделью *рекль еси* (причем именно с таким порядком членов). Ср., например:

Ѣже сътвори величствѣѣ в Синайской псалтири (пс. 70.19) — *ѣже створил ми еси величѣя* в Киевской псалтири XIV в.;

аналогично: *і ненавидѣщаѣа ма потрѣбі* (пс. 17.41) — *и ненавидѣщаѣа ма потрѣбилъ еси*; и т. п.

В Киевской псалтири таким способом заменена только некоторая часть старых форм 2 ед. аориста. А в Синодальной библии такие замены осуществлены уже вполне последовательно.

Как можно видеть, во фразах из Киевской псалтири связки стоят не на тех местах, которые ожидалось бы для энклитик. Редакторы текста явно механически вставляли здесь привычную модель *рекль еси*.

Их отношение к этой модели как к правильной особенно ясно видно из того, что они заменяли на нее не только аористы, но и перфекты модели *еси рекль*. Ср., например:

сі есі створиль в Синайской псалтири (пс. 49.21) — *сиѣ створиль еси* в Киевской псалтири;

многа еси створиль ты, ГїѢже мои, чудеса твоѣ (пс. 39.6) — *многа створиль еси ты, ГїѢе мои, чудеса твоѣ*.

И, наконец, самым ярким свидетельством восприятия сочетаний типа *рекль еси* как некоего нераздельного единства с фиксированным порядком элементов являются фразы из поздних церковнославянских редакций, где механическая замена таким сочетанием стоявшего в прежних переводах аориста ведет к нарушению правила рангов для энклитик. Примеры:

и насади і в Синайской псалтири (пс. 79.9) — *и насадиль еси і* в Острожской библии;

и изведе ны в покои в Киевской псалтири (пс. 65.12) — *и извѣль еси ны въ покѣи* в Синодальной библии;

озлѣби люди и изгна ѡ в Острожской библии (пс. 43.3) — *озлѣбилъ еси люди и изгналь еси ѡ* в Синодальной библии;

тѣ созда ма в Острожской библии (пс. 138.5) — *тѣ создаль еси ма* в Синодальной библии.

И даже с прямой заменой правильного порядка энклитик, представленного в прежнем переводе, на неправильный ради непосредственного примыкания связки к л-причастию:

и ты, ГїѢ, створиль ѣ еси в Киевской псалтири (пс. 108.27) — *и тѣѢ, ГїѢ, створиль еси ѡ* в Острожской библии.

Ср. аналогичные замены, связанные с энклитикой *са* (§ 4.15).

Из приведенных фактов можно заключить, что в книжной традиции сформировалась тенденция к тому, чтобы закрепить за связкой место непосредственно после *л*-причастия (или прилагательного), — подобно тому, как это произошло с местоимением *са*. Просто в живом языке в данном случае развитие пошло по иному пути, чем для *са*.

Связки третьего лица

§ 5.8. Главное отличие связок 3-го лица от связок 1-го и 2-го лица — это то, что в живом древнерусском языке они встречались очень редко, а именно, в перфекте их не было вообще, а при именном сказуемом они употреблялись лишь в очень узком круге случаев.

Таким образом, связки 3-го лица — это в основном элементы книжного языка, и этим в значительной мере и определяется их просодическое и синтаксическое поведение.

Укажем кратко, как ведут себя связки 3-го лица в тех пунктах, которые рассмотрены выше в § 5.1–6, в чем их сходство со связками 1-го и 2-го лица и отличие от них.

Существенное отличие словоформ *есть*, *суть*, *еста* (3 дв.) от соответствующих словоформ 1-го и 2-го лица состоит в том, что они несравненно чаще употребляются в неслужебном значении ('существовать, иметься', 'пребывать, находиться') и в этом случае ведут себя как акцентно самостоятельные. См. примеры в § 5.1.

В Чудовском Новом Завете связки 3-го лица, как и прочие связки (ср. § 5.2), часто выступают со знаком ударения, например:

и что́ есть створи́ль 74в;
Бѣ же еди́н есть 123а;
аще же бра́т ли́ сестра́ нага́ еста́ 81г.

Связки 3-го лица, как и прочие, мы иногда находим в позициях, характерных в первую очередь для энклитик. Правда, таких случаев в 3-м лице намного меньше, чем в 1-м и 2-м. Примеры:

а тобѣ есть, кнѣже, король явлалъ того чѣтнго Хѣа [1152], 166 об.;
ти бо соуть не мене ѡдиногo хотѣли оубити, но и ваѣ искоренити [1147], 128.

Также с разрывом именной группы, включающей именное сказуемое:

или возворотиса домовъ, ∇ яко не наше есть верема [1185], 223 об.;
яко прелицие есть Диѡфа(н)тово (Флав., 372в)
яко Бѣсик ксть съмотрениж се (Феод., 53б);
хота видѣти, ∇ каѣ то ксть црѣкы (Феод., 47в);
се бо глааше, ∇ яко «не моужьскыя есть дѣша (Р.ед.) кже раслабѣти печальными сими напастьми» (Феод., 49в/г).

С другой стороны, связки 3-го лица, как и прочие, могут выступать в позициях, недопустимых для энклитик, причем в 3-м лице это случается гораздо чаще, чем в 1-м и 2-м.

Примеры начальной позиции:

- ПВЛ — *и есть ми любо вѣра ваша и служенье 38;*
и инѣмъ приходици^М странны^М с вѣрою даета ищѣленье, <...> напастны^М из-
бавленье, ∇ и еста (3 дв.) заступника Русьстѣи земли 47.
- НПЛ — *и не ими, княже, вѣры бра^Ти наю, ∇ соут на та съвѣтали съ чърни-*
говьскыми князи 73 об.
- ЖАЮ — *ни подобень никожиже твари, ∇ ни ксть кго видилъ никтоже 51б;*
срацининъ онъ, възлюблене мои, сътникъ дѣмономъ бѣаше, ∇ есть же дерзъ
братиса с подвизающимиса С31;
якоже и поститса и кланаетса, ∇ и ксть незлобивъ и смиренъ и кротокъ
и молчаливъ 31в;
каменьк бо и злат(о) и сребро, ∇ ни ксть было живо 59в.
- Флав. — *и ѿвѣщаша еѣ: есть писано: въсияеть свѣзда ѿ Иакова 366а;*
и не есть крѣпко тако блго 347в;
нѣтъ же та велми есть ми свободна 416 б/в (есть стоит перед ми).

Примеры позиции после двучленной актантной группы:

- ЖАЮ — *заповѣди твоѣ пооученик моѣ суть 47а;*
како губитель и разбоиникъ и книгамъ гордъ ксть 32б;
разумѣхъ поистинѣ, ∇ яко велми сладокъ ксть путь службы твоѣя 7б;
якоже иже творить правдѣ, ∇ слѣга добра правды есть ('хороший слуга
правды') С 31 об.;
но гадаю, ∇ яко великъ зрѣхъ ксть створилъ 48а;
да и первокъ слово ксть рекль 49в.
- Флав. — *рѣкие, яко Бѣъ побѣрникъ нѣшь есть 428а;*
нѣмъ смръть дѣпши живота есть 346в;
знѣино сѣло есть мѣсто то 430в;
и въпроша Антонѣи, ∇ кото́рии моужѣ соутъ годни владѣти 356б.
- Мар. — *да оувѣствъ, ∇ какъ коупль сжтъ сътворили (Лк. 19.15).*
- Чуд. — *яко аще ктѣ послоушникъ слѣвоу есть 81б.*

Особую группу составляют фразы, где между л-причастием и словоформами *есть, суть* вклинено местоимение (в нормальном случае полноударное) *его, ему, еѣ, еи, ихъ, имъ, насъ, намъ, васъ, вамъ*. Примеры:

- ЖАЮ — *взаль кго ксть дьяволъ себѣ 24а;*
испросилъ же кго ксть анѣлъ, иже хранить дѣю кго 38а;
да сего дѣла Бѣъ свергль кго ксть с горы долу со всеми тѣми 50г;
яко явилъ кму ксть безвѣстнаѣ и таинаѣ великыѣ премѣти 28а;
и егоже дѣла показаль еѣ есть прежеречнаѣ чудеса стѣць С49;
и тогда лѣтъ имъ есть мазати и добрѣ воню подавати С158 об.;
мнози же ѿ праведникъ видели кго суть 55а.
- ПВЛ — *поистинѣ прельстилъ ва^с есть бѣсь 59 об.*

Понятно, что во фразах такого строения либо словоформы *есть, суть* полноударны, либо словоформы *васъ, его, ему, имъ* (исконно полноударные) уже стали энклитиками (либо и то, и другое вместе). В § 3.16 было показано, что для предположения о раннем превращении словоформ *его, ему, имъ, ихъ* в

энклитики нет достаточно надежных оснований. Соответственно, в этих случаях более вероятной следует признать полноударность словоформ *есть*, *суть*.

Аналогичную структуру имеют также некоторые фразы с прилагательными, страдательными причастиями или существительными, например:

Флав. — *вѣдоуще же, яко ѿложена имъ есть смръть с мѡками* 444а;
разоумѣ, яко не любо имъ есть 453в;
нынѣ же извѣстно намъ есть ... 474в;
сѣлгавъ емоу, яко Архелаи дрѣгъ емоу есть 371г.

Что касается коэффициента препозиции связок 3-го лица, то анализировать его столь же подробно, как для для 1-го и 2-го лица (см. § 5.5–6), нет необходимости. Удовлетворительное количество материала здесь имеется только в литературных памятниках ЖАЮ и Флав. Их данные подтверждают то, что естественно ожидать на основании всех прочих указаний на сильную склонность связок 3-го лица к полноударности. Так, в ЖАЮ коэффициент препозиции в простых клаузах с перфектом составляет для связок 1-го и 2-го лица 85%, а для связок 3-го лица — 69%. В Флав. в простых клаузах с перфектом или с именным сказуемым – прилагательным это соответственно 59% и 31%.

Общий вывод очевиден: связки 3-го лица в значительной части случаев выступают в роли акцентно самостоятельных словоформ, а не энклитик.

Это четкое отличие связок 3-го лица от связок 1-го и 2-го лица, которые практически всегда энклитичны, явно связано с тем, что в живом языке в большинстве синтаксических позиций, в принципе допускавших связки, в 3-м лице связки реально отсутствовали. Широкое использование словоформ *есть*, *суть* в функции связок есть черта книжного языка. Ср. приведенные выше примеры: почти все они происходят из книжных памятников или из книжных пассажей в составе иных памятников. Но просодические автоматизмы, требующие перевода тех или иных словоформ в категорию энклитик, принадлежат как раз живому, а не книжному языку. Книжный язык, как уже указывалось, может, напротив, даже отталкиваться от таких автоматизмов, требуя от каждого слова отдельного и просодически самостоятельного чтения.

Ввиду наличия бесспорных примеров полноударных связок *есть*, *суть*, продемонстрированных выше, необходимо признать, что и в ряде других случаев, менее очевидных, эти связки могли быть полноударными. Тем самым в большом числе случаев, когда в книжных памятниках связки *есть*, *суть* стоят намного правее главного вакернагелевского места, мы вправе предполагать не серию барьеров, которая отодвинула эти словоформы вправо, а просто использование этих словоформ в качестве полноударных.

Понятно, однако, что с достоверностью определить, в каких из фраз подобной структуры связка действительно была полноударной, невозможно. Поэтому производить здесь какие-либо подсчеты бессмысленно. Следует просто ограничиться констатацией того, что при устном воспроизведении книжных текстов связки *есть*, *суть* могли реализоваться как полноударные, а это давало возможность составителям таких текстов при желании ставить их в позиции, не соответствующие закону Вакернагеля.

ПРОЦЕСС УТРАТЫ СВЯЗОК

Общие положения

§ 5.9. Теоретически возможные сочетания именной части сказуемого (считая таковой также л-причастие) с местоимением и/или связкой таковы (как образцы взяты местоимение *ты*, связка *еси*, л-причастие *далъ*, прилагательное *старъ*, существительное *къназь*):

- а) трехчленная конструкция — *ты еси далъ, ты еси старъ, ты еси къназь*;
- б) двучленные конструкции — *ты далъ, ты старъ, ты къназь* (с местоимением); *далъ еси, старъ еси, къназь еси* (со связкой);
- в) одночленная конструкция — *далъ, старъ, къназь*.

Уточним сразу же, что порядок членов может быть и не такой, как в этих формулах: он определяется общими правилами для энклитик (скажем, в *далъ еси* порядок членов автоматически меняется при добавлении какого-нибудь слова спереди, например, *кому еси далъ*) и другими правилами порядка слов. Возможно также дистантное расположение членов такого словосочетания. Сущность конструкции от всех этих модификаций не меняется.

Особый случай составляет непервый член в серии однородных сказуемых (например, *слышалъ* во фразе *видѣлъ еси и слышалъ*): поскольку как местоимение, так и связка в этом случае обычно не повторяется, он внешне выглядит как одночленная конструкция. Ниже мы такие непервые члены просто не рассматриваем и при подсчетах не учитываем.

Реальную ситуацию со связками в живом древнерусском языке можно в основных чертах представить так.

В этой сфере действуют следующие общие принципы.

1. В предикативной синтагме грамматические значения лица и числа не дублируются: достаточно, чтобы они содержались в каком-то одном члене этой синтагмы — подлежащем или сказуемом. Например, достаточно конструкции *далъ еси* или *ты далъ* — в обоих случаях грамматические значения 2-го лица и единственного числа выражены; трехчленная конструкция *ты еси далъ* (где эти значения продублированы) — не требуется.

2. Местоимения-подлежащие в немаркированном случае отсутствуют. Они используются только в особых случаях, где они несут дополнительную смысловую нагрузку или где без них возникли бы синтаксические трудности.

3. Перфектные причастия (л-причастия) уже приобрели (в своей нечленной форме) предикативный статус, т.е. они уже выделились из общей категории прилагательных/причастий, практически утратив функцию определения к существительному и частично усвоив функции личных форм.

В соответствии с этими принципами в живом древнерусском языке нормальными оказываются следующие синтаксические модели:

для 1-го и 2-го лица: *далъ еси, старъ еси, къназь еси* (а в тех особых случаях, где требуются местоимения-подлежащие, — *ты далъ, ты старъ, ты къназь*);

для 3-го лица: при отсутствии выраженного отдельным словом подлежащего — *далъ* 'он дал', *старъ естъ* 'он стар', *къназь естъ* 'он князь'; при наличии

такого подлежащего — *Иванъ даль, Иванъ старъ, Иванъ къназь*. Наряду с *Иванъ даль* (и т. д.) в принципе возможен также вариант *онъ даль*; но реально такая возможность здесь используется очень редко.

В 3-м лице присутствие подлежащего (существительного или местоимения) дает в отношении связок такой же эффект, как присутствие местоимения-подлежащего в 1-м и 2-м лице.

Отсутствие связки *есть* в модели *даль* отражает третий из сформулированных выше принципов.

Таким образом, в живом древнерусском языке для фраз с перфектом или именным сказуемым действует следующее правило употребления связки:

если во фразе есть выраженное отдельным словом подлежащее, то связка отсутствует; если такого подлежащего нет, то связка присутствует, за исключением 3-го лица перфекта (где ее нет).

От этой картины очень сильно отличается та, которую мы находим в книжных памятниках. Из указанных общих принципов здесь сохраняет силу (и то не всегда) только принцип 2. Принципы 1 и 3 не действуют вообще (или действуют очень слабо). Из этого, в частности, следует, что связка здесь никогда (или почти никогда) не опускается.

Соответственно, здесь представлен существенно иной набор основных синтаксических моделей:

для 1-го и 2-го лица: *даль еси, старъ еси, къназь еси* (а в тех особых случаях, где требуются местоимения-подлежащие, — *ты еси даль, ты еси старъ, ты еси къназь*);

для 3-го лица: при отсутствии внешне выраженного подлежащего — *даль есть, старъ есть, къназь есть*; при наличии такого подлежащего — *Иванъ есть даль, Иванъ есть старъ, Иванъ есть къназь* (или: *онъ есть даль* и т. д.).

Как следствие описанных соотношений, в древнерусском языке связки и личные местоимения (в И. падеже), например, *есмь* и *язь* (*я*), *еси* и *ты* оказываются в ряде контекстов в роли функциональных синонимов, несмотря на свою принадлежность к совершенно разным грамматическим классам (см. о существовании таких пар и их свойствах Хабургаев 1978).

Поскольку связки — это в нормальном случае энклитики, а личные местоимения — акцентно самостоятельные словоформы, противопоставление связок и местоимений в парах *есмь – язь*, *еси – ты* и т. д. получает характер просодического противопоставления энклитических и полноударных вариантов одних и тех же функциональных единиц.

В древнерусском языке уже имелись два ряда единиц с аналогичным соотношением вариантов: личные местоимения Д. падежа (*ми – мьнѣ, ти – тобѣ* и т. д.) и личные местоимения В. падежа (*ма – мене, та – тебе* и т. д.). Ряд из связок и личных местоимений И. падежа (*есмь – язь, еси – ты* и т. д.) стал третьим членом в этой системе просодических вариантов.

Как мы увидим ниже, фундаментальное единство этих трех рядов подтвердилось в ходе их дальнейшей эволюции: во всех трех рядах со временем энклитические варианты исчезли, будучи полностью вытеснены полноударными.

*Правила употребления личных местоимений
в роли подлежащего*

§ 5.10. Поскольку употребление связок непосредственно зависит от употребления местоимений-подлежащих, необходимо подробнее рассмотреть правила употребления этих местоимений.

Эти правила (наилучшим образом соблюдаемые в части ранних памятников, менее последовательно в других категориях памятников) таковы.

В обычном (немаркированном) случае подлежащее *я* (*ты, мы, вы*) опускается, т. е. реально отсутствует. Это одинаково верно как для предложений со сказуемым, не предполагающим связки в настоящем времени (например, *иди, молю ти съ, рекохъ, събирахомъ*), так и для фраз с перфектом (*далъ еси*) или именным сказуемым (*старъ еси, къназь еси*). Для последних двух категорий отсутствие местоимения означает, что связка в нормальном случае не может быть опущена.

Указанному обычному случаю противостоит серия особых случаев, где личное местоимение всё же присутствует.

Что касается фраз с перфектом или именным сказуемым, которые составляют основной предмет нашего дальнейшего разбора, то в книжных памятниках для таких фраз добавление личного местоимения означает появление трехчленной конструкции. В некнижных памятниках при добавлении личного местоимения связка становится излишней и в нормальном случае опускается.

Излагаемые правила в принципе действительны для всех трех лиц. Но 3-е лицо имеет ту особенность, что в древнейших текстах местоимения 3-го лица (*онъ, она, они* и т. д.; *тъ, та, ти* и т. д.) в роли подлежащего (а не определения) вообще избегаются. Они встречаются почти исключительно в сочетании с *же* (*онъ же, они же* и т. д.), с *а* (*а онъ, а они*) или с *и* (*и онъ, и они*). В частности, в берестяных грамотах XI–XII веков они не встретились вообще.⁴⁵

§ 5.11. С точки зрения употребления или неупотребления личного местоимения все контексты можно разделить на: а) такие, где личное местоимение должно быть употреблено обязательно; б) такие, где это необязательно.

Первую категорию контекстов мы будем называть зоной обязательных местоимений, вторую — нейтральной зоной.

Местоимение-подлежащее обязательно употребляется в следующих случаях (перечисляемые условия в принципе совместимы друг с другом).

1. Если подлежащее несет на себе эмфазу (подчеркивание), например:

идяху слово рекоуче Олговичи, ∇ яко «вы» ('именно вы') начали есте перво насъ гоубити» [1135], 110 об.;

а ты мене старѣи, ∇ а ты ма с ни^м и соуди ('и вот именно ты меня с ним и суди') [1149], 136;

Саватии <...> запраша братьѣ свои и всѣхъ новгородьць: «изберете собѣ игумена»; они же рекоша: ∇ «кого ты блг^свиши» (НПЛ, 102 об.).

⁴⁵ Словоформа *то* во фразе *къже ми отьць дааль и роди съдали, а то за нимъ* 9 сюда не относится: она означает 'это, то' (а не 'оно').

К сожалению, этот пункт, при всей его реальной важности для механизма употребления местоимений, не поддается формальной проверке; некоторая доля предположительности в оценке значения древнего текста здесь неизбежна.

2. Если подлежащее находится в смысловом противопоставлении (или сопоставлении) с подлежащим (или иным членом) предшествующей клаузы. Примеры:

пойди за мене: азъ тебе хоцю, ∇ а ты мене 377;
мене игоумене не поустиле, ∇ а а прашальса 605;
не ходи ты, ∇ но поидемъ мы [1145], 117 об.;
азъ оуже бородать, ∇ а ты са еси родиль 'я [был] уже бородат, а ты [только еще] родился' [1151], 155 об.;
но ать Изаславъ поидеть въ свои Володимиръ, ∇ а вы въ свою землю поидите [1149], 141.

3. Если подлежащее входит в состав сочиненной группы (соединенной союзами или бессоюзно) или если к нему относятся частицы *и* (усилительное), *не*, *ни*. Примеры:

вълѣзи ты и жена твоя (ПВЛ, 30);
братъ твои кнѣзь и ты [1146], 119;
яко же и бра^т твои Изаславъ чѣстиль Вячеслава, ∇ тако же и ты чѣсти [1154], 169 об.;
и кже ксмь и азъ дѣяль, все ми исповѣда (ЖАЮ, 18а);
не мы его оубили, но Ѡлгови^ч Двѣбича и Всеволодичь [1147], 129 об.;
да ни мы начнемъ боятиса васъ, ни вы насъ [1172], 198.

4. Во фразах с обращением и сказуемым во 2-м лице, вводимых союзом *а*, *и*, *но* или частицей *же*. Примеры:

а ты, Нестере, про чицакъ пришли ко мни грамоту 358п;
ты же, браце господине, молови емо(у) тако 531.

5. После союзов *и*, *ти*, выступающих в значении 'то', 'тогда', 'в таком случае', если в предыдущей клаузе содержится условие или объявление темы ('а что касается ...'). Примеры:

а что рубль дать Игнату, ∇ и ты даи 363п;
аже застанеше мене, ∇ ти а тебе везу Твер. 2п;
толико яви^ш стагы, ∇ и мы ѡступимъ ѡ Юрослава а ко Изаславу [1159], 178 об.;
а коли б ты хотѣль правдою жити, и ты б прислалъ ко мнѣ пословъ (Ив. Грозн.; отметим, что здесь подлежащие обеих клауз совпадают).

6. Если местоимение представляет собой общий член двух или более клауз (главного и придаточного предложений; предложения и деепричастного оборота; сочиненных предложений, соединенных союзами *и... и...* или *ни... ни...*). Примеры:

а ты, атче еси не възаль коунъ техъ, а не емли ничѣто же оу него 109;
како ты оу мене и чѣстьное дрѣво възъмъ, и вевериць ми не присълеши, то деватое лето 246;

а ты ни к на^М еси пошелъ, ни на Ростислава еси настоупилъ [1148], 133 (второе ни из Хлебн.).

Совокупность контекстов, где имеет место хотя бы одно из перечисленных условий, и составляет зону обязательных местоимений.

С диахронической точки зрения важнейшая характеристика зоны обязательных местоимений состоит в том, что поведение местоимений в этой зоне не меняется от времени: оно практически такое же и в современном языке.

§ 5.12. Остальные контексты образуют нейтральную зону. В этой зоне употребление местоимений-подлежащих факультативно. Теоретически они могут здесь вообще отсутствовать. Реально, однако, в памятниках — в одних реже, в других чаще — местоимения-подлежащие встречаются и в этой зоне, причем в разных категориях контекстов вероятность этого очень различна.

Не претендуя на полноту перечисления, отметим ряд ситуаций, где в большей или меньшей степени проявляется тенденция ставить местоимение.

1. Если подлежащее находится в смысловом противопоставлении (или сопоставлении) с подлежащим следующей клаузы, то в большинстве случаев местоимение реально присутствует. Примеры:

азъ тѣбе хоцю, а ты мене 377п;
вы, гнѣ, промежю собою исправы не учините, а мѣ (= мы) промежю вами погибли 361п;

азъ оуже бородать, а ты ся еси родиль [1151], 155 об.;
вы нѣста княза, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа (ПВЛ, 8).

Реже встречаются фразы такого же типа, где местоимения нет, например:
а звало ксѣмъ васо в городо, и вы можго слова нѣ послушали 345п.

2. Местоимение обычно присутствует вообще в тех случаях, когда подлежащее отличается от подлежащего предыдущей клаузы и является темой, — даже если нет условий для действия какого-либо из обязательных пунктов. Появлению личного местоимения в этом случае особенно благоприятствует наличие союзов или частиц, уточняющих характер связи с предыдущей клаузой; чаще всего это *а*, но возможны также *но*, *же*, *бо*, *ти* и др. Примеры:

оте побоуде сыно у мене, ∇ а а са имо потешоу 705;
пришли, осподине, цлвкъ с проста, ∇ а мы не смикъмъ имать ржи безъ тво-
кго слова 17п;

што кси шдода деревенку Климецу Шпарину, ∇ а мы кго не хъtimo 311п;
а поцта тобъ буде гъже, ∇ а азо тебе кланяюса 147п;
а како ты вгадаеши, ∇ а язъ в томъ готовъ есмь [1148] 133 об.;
лоуче того штаниса високооумья своего и проси си мира, ∇ мы бо вѣда-
емъ млр^одие Крѣполче [1139], 112;

а вы боудите до вечера в Киевѣ, ∇ и мы боудемъ [1151], 154 об.

Редкий пример без союза: а целовало кси ко мнѣ, а не прислало кси — ∇ асо
погибло 445п.

Но вполне возможны также (особенно в древнейших памятниках) фразы, где при смене подлежащего местоимение отсутствует, например:

а не присълеци ми полоу паты гривьны, ∇ а хоцоу ти выроути въ та лоуцьшаго новъгрожанина 246;

пойди же въ горо(дъ), ∇ [мо]гоу са съ тобою ати на водоу 238;

нъ посълалъ съ Асафъмъ къ посадъникоу медоу дѣла, ∇ а пришъла есвѣ, оли звонили, ∇ а чемоу са гнѣваеши? 605;

паки ли не идеши, ∇ а послоу н(а) та абытъникъ 421;

да пришли сороцицю, ∇ сороцицѣ забыле ('я рубашку забыл') 43п;

се брата нашего Бѣ поналъ, ∇ а стоиши ли въ хрѣтньомуъ целованьи? [1146], 119;

чего еста хотѣла волости, ∇ то ва есмь изискалъ [1146], 124;

пойдите в товары своя, ∇ а ѡпачь вы взовоу [1149], 136 об.

Отметим, что в Киев-Д в 1-м лице множ. и двойств. чисел в подобных фразах местоимение (*мы, вѣ*) отсутствует несколько чаще, чем в других формах. Примеры:

кнѣже, ты са на на^с не гнѣваи, ∇ не можемъ на Володимире плема роуки въздавати [1147], 126 об.;

поѣди в борзѣ, ∇ оуже есмь перешили Днѣпръ [1151], 154;

поѣди брате ис Киева, идетъ ти Дюрги, ∇ а позвалѣ есвѣ ѡба [1155], 171 об.

Примечание. Действие настоящего пункта лишь в очень ограниченной степени распространяется на клаузы с императивом. Вот некоторые из сравнительно редких примеров, где присутствует местоимение:

ци ти пѣц[ъ]не князь кѣпѣцѣ надѣливати, аци ти присъле къ тѣбѣ, а ты емѣ мѣльви 794;

брате, тобѣ Бѣ даль верхнюю землю, ∇ а ты тамо пойди противоу Гюргеви [1147], 131 об.

Гораздо чаще в подобных случаях местоимение отсутствует, например:

аже то лодиа присълана кыанина, обѣсти ж кѣназоу 745;

али чимо есемо виновата, а восоли отроко 644;

пришъл(е) искоупник(е) ис Полоцька, а рать поведеа великоу, а водаит(е) пошьницѣ) во засадоу 636п;

како приде са грамота, тако пришли ми цоловѣкъ на жереницѣ 43п;

се оуже Изаславъ в Киевѣ, а поидита ми в помочъ [1151], 153.

3. Местоимение часто присутствует там, где сказуемое допускает омонимию лиц, например:

вы ведаета, оже а таже не добыле 603 (без местоимения была бы омонимия 2 дв. и 3 дв.; то же и ниже);

поедита въ свои волости, ∇ а вы вѣдаета, ѡже намъ съ Гюргемъ не оужи-ти [1149], 139 об.;

ѡстоупита вы ѡ братоу моею, азъ ваю надѣлю [1142], 115 об.

ажь бы ты д(о)бромъ жила (съ) братом... 487 (без местоимения была бы омонимия 2 ед. и 3 ед.).

Но обязательности здесь все же нет, ср. пример без местоимения:

аже бы ти годьнъ, то [из] оцью бы са вытьрьго притькль 'если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под [людских] глаз и примчался' 952.

4. Местоимение часто присутствует там, где оно имеет при себе определение или приложение (чаще всего это слово *самъ*). Примеры:

а азо са саме с нимо [8]ведаю 142п;
 и тъ (= ты) саме ѿпразновавъ да пождь сѣмь 19п;
 ѡже добръ надѣешиа на Кианы, ∇ то ты самъ вѣдаеши люди своя
 [1150], 150 об.;
 кѣже, ты самъ вѣдаеши, что есмы издѣнали Кианомъ [1171], 195 об.
 Но обязательности и в этом случае нет, ср., например:
 а про села сама веси 944;
 а то ми былъ Бѣ даль, ∇ ѡже са есте сами зажгли [1140], 113 об.
 сѣу, потрудиса к нама сѣмо, ∇ ать вси видимъ по мѣсту што ны Бѣ явить
 [1151], 153.

5. В ряде случаев местоимение присутствует в начале периода, как бы указывая основную тему периода, т. е. объявляя, о ком будет идти речь. Примеры:

ты е^с намъ хр^стъ ѿѣловаль, ако ти поити с нами Изаслава; се же еси не пошель [1148], 132 об.;
вы намъ есте въ бѣца мѣсто, а се нѣѣ заратилася есте свои^м бра^тмъ и сѣмъ Изаславомъ [1149], 141.

Этими частными случаями, однако, не исчерпываются возможности употребления местоимений-подлежащих в нейтральной зоне.

Дело в том, что, в отличие от зоны обязательных местоимений, в нейтральной зоне поведение местоимений со временем меняется, а именно, они начинают употребляться все шире (а связки — соответственно, все уже), пока, наконец, не достигают современного состояния, при котором связок уже нет вообще.

Это означает, что древнее правило, ограничивавшее употребление местоимений-подлежащих лишь обязательными случаями (§ 5.11), со временем начинает уступать место новому правилу, которое позволяет употреблять личное местоимение в роли подлежащего независимо от наличия требовавшихся для этого прежде особых условий — в конечном счете при любом сказуемом в любом синтаксическом контексте.

Фразы с местоимениями-подлежащими, приведенные выше в настоящем параграфе, — это не что иное, как примеры действия нового правила уже в раннедревнерусский период. Можно указать и немало других подобных примеров, которые уже не укладываются в рамки очерченных выше частных случаев, а просто должны быть признаны реализацией нового правила в его наиболее общем виде.

Например, во фразе *послале азo к тоби беросто написаво ...* 27п (грамота конца XIV в.) представлено *послале аз(ъ)*, тогда как в других берестяных грамотах (в том числе всех более ранних) совершенно такое же по типу начало послания всегда имеет вид *пос(ъ)лале есмь, въдале есмь, продале есмь, купилъ еси, велѣлъ ми еси* и т. д. Следует полагать, что перед нами просто эффект нового правила употребления местоимений.

Вот некоторые ранние примеры такого же рода:

а река тако: азo солю 4 дворано ... 531;
 шьли мы на Мълевъ 885;
 а не ѣде^м по тобѣ, ∇ мы того не вѣдали [1169], 191 об.

Таким образом, для фраз с перфектом и именным сказуемым, которые мы изучаем в настоящей главе, схема эволюции на протяжении XI–XVII веков проста: в живом языке связки к концу этого периода полностью выходят из употребления, а функция обозначения лиц глагола переходит от связок к местоимениям-подлежащим, которые со временем употребляются все шире. И если вначале местоимения-подлежащие употребляются лишь в особых, маркированных случаях, а в нормальном случае отсутствуют, то в конечной точке эволюции они уже оказываются вполне нейтральными членами фразы и никакого выделения или подчеркивания больше не передают.

Соответственно, историческая эволюция фраз с перфектом и именным сказуемым включает две линии изменения:

- 1) постепенное увеличение доли фраз с местоимением-подлежащим, т.е. расширение первоначальной сферы употребления местоимений;
- 2) постепенное увеличение доли фраз, где отсутствует связка.

Эти две линии теснейшим образом связаны между собой, подобно сообщающимся сосудам, поскольку почти всякий раз, когда фраза без внешне выраженного подлежащего строится уже без связки, в этой фразе появляется местоимение-подлежащее.

Ниже рассматривается поведение связок и местоимений в ряде конкретных памятников.

Показания памятников

Связки первого и второго лица

§ 5.13. Рассмотрим вначале связки первого и второго лица, поскольку связки третьего лица ведут себя несколько иначе.

Назовем коэффициентом сохранения связок (в некотором памятнике или некотором классе фраз из него) отношение числа фраз со связкой к совокупности всех фраз со сказуемым, выраженным именем или причастием (включая *л*-причастие).

Предполагаемое первоначальное состояние (разумеется, несколько идеализированное) характеризуется тем, что коэффициент сохранения связок первого и второго лица равен 100% (а местоимения-подлежащие в нейтральной зоне вообще не употребляются). Иначе говоря, можно предполагать, что связки первого и второго лица первоначально употреблялись при сказуемом, выраженном именем или причастием (включая *л*-причастие), практически всегда.⁴⁶

Как мы видели выше, в действительности уже в древний период намечается некоторое удаление от этого первоначального состояния. Разные памятники отражают различные варианты такого удаления.

⁴⁶ Естественное исключение составляет серия однородных сказуемых, где в соответствии с § 1.2 допускается использование одной связки на всю серию, например, *пришелъ есмь и принеслъ дары*.

Так, старославянское Мариинское евангелие еще чрезвычайно близко к первоначальному состоянию: тенденция к добавлению местоимений проявляется здесь лишь очень слабо, а тенденция к утрате связок не проявляется еще никак, т. е. связка 1-го или 2-го лица еще систематически сохраняется. И почти то же самое мы видим в древнерусском памятнике ЖАЮ.

Противоположный полюс в раннюю эпоху составляют берестяные грамоты. Здесь ясно проявляются обе названные тенденции и уже отчетливо сформировалось правило их взаимосвязи: «если употреблено местоимение-подлежащее, связка 1-го или 2-го лица опускается». Следствием этого оказывается исчезновение трехчленной конструкции.

Как и в других отношениях, берестяные грамоты здесь следует признать наиболее достоверным отражением живой древнерусской речи. И это значит, в частности, что состояние связок, представленное в таких памятниках, как ЖАЮ, есть не что иное, как черта книжного стиля. Эта черта, противопоставленная живой речи, очевидно, была подобна, например, такой книжной черте, как употребление аористов и имперфектов, которых живая речь уже не знает или почти не знает.

Летопись обнаруживает компромиссное состояние: с одной стороны, здесь, как и в берестяных грамотах, связка 1-го или 2-го лица может опускаться; в другой стороны, это происходит далеко не так последовательно, как в берестяных грамотах, а именно, здесь еще в значительном числе случаев сохраняется трехчленная конструкция, характерная для книжных памятников. В данном случае эту общую черту летописей разделяет и такой особый летописный источник, как Киев-Д.⁴⁷

Уже в раннедревнерусский период выявляется также неравномерность в ходе эволюции в разных категориях фраз, первоначально имевших связки.

Медленнее всего эта эволюция протекает во фразах с перфектом. Несколько быстрее она во фразах с прилагательным или причастием в роли именной части сказуемого, еще быстрее — в аналогичных фразах с существительным.

Ниже мы рассматриваем материал памятников отдельно по этим группам.

Перфект

§ 5.14. Наиболее полно документирована эволюция связок и местоимений-подлежащих во фразах с перфектом.⁴⁸ Ниже в виде таблицы приведены количественные данные, характеризующие поведение связок и местоимений 1-го и 2-го лица в таких фразах.

Формулами *даль еси*, *ты даль*, *ты еси даль* обозначены соответствующие синтаксические модели (см. § 5.9). Клаузы, где опущена как связка, так и мес-

⁴⁷ Заметим, что тем самым лишний раз подтверждается, что Киев-Д — это все же не прямая запись реальных грамот. (Предположение о том, что в этом пункте было некоторое диалектное различие между Киевом и Новгородом, представляется маловероятным.)

⁴⁸ Помимо обычного перфекта, в подсчеты включается также безэлевный перфект (см. ДНД₂, § 3.29 и 3.39) и плюсквамперфект с вспомогательным *быль* (но сослагательное наклонение не включается).

тоимение-подлежащее, в подсчеты не входят (таковы в основном непервые члены в ряду однородных сказуемых, сверх этого лишь крайне редкие эллиптические клаузы).

В настоящем параграфе при подсчетах учитывались только данные нейтральной зоны (§ 5.11) — с тем, чтобы результат подсчетов не зависел от того не имеющего отношения к исследуемому процессу обстоятельства, много или мало местоимений представлено в зоне обязательных местоимений.

Коэффициент сохранения связок, приводимый в последнем столбце, с технической точки зрения есть не что иное, как отношение суммы столбцов «*даль еси*» и «*ты еси даль*» к общей сумме учтенных клауз.

Выбран ряд памятников разных веков, в основном из числа крупных. Берестяные грамоты даны без разделения на ранние и поздние, поскольку в данном пункте существенных различий между ними нет.

Памятники подразделены на группы в зависимости от того, какие синтаксические модели в них представлены (в нейтральной зоне):

- 1) памятники без модели *ты даль* (т. е. имеющие только модели со связкой);
- 2) памятники, имеющие все три модели перфекта;
- 3) памятники без модели *ты еси даль*;
- 4) памятники, имеющие исключительно (или почти исключительно) модель *ты даль*.

Поведение связок и местоимений 1-го и 2-го лица в перфекте

	Модель <i>даль еси</i>	Модель <i>ты даль</i>	Модель <i>ты еси даль</i>	Коэффициент сохранения связок
Памятники без модели <i>ты даль</i>				
Мариинское ев.	61	0	3	100%
Житие Андрея Юродивого	205	0	14	100%
Памятники с тремя моделями				
Киев-Д (XII в.)	213	20	58	93%
НПЛ-1 (1016–1234 гг.)	21	2	3	92%
Памятники без модели <i>ты еси даль</i>				
Берестяные грамоты (XI–XV вв.)	143	26	0	85%
Афан. Ник. I (1470-е гг.)	54	9	0	86%
Уваровская летопись за XV в.	52	10	0	84%
Ив. Грозн. I (1568–74 гг.)	63	20	0	76%
Грязной (1576 г.)	8	18	0	31%
Памятники, имеющие (почти) исключительно модель <i>ты даль</i>				
Аввакум I (1670-е гг.)	1	116	0	1%
Бова (XVII в.)	0	27	0	0%

§ 5.15. Приводим иллюстрации (слово «модель» в заголовках таблиц опущено).

Примеры из памятников, где связка 1-го или 2-го лица в перфекте присутствует всегда

<i>даль еси</i> — норма	<i>ты еси даль</i> — очень редко
Мариинское евангелие	
<i>чесо есмь еште не доконьчаль?</i> Мт. 19.20 <i>і Аврама ли еси видѣль?</i> Ио. 8.57 <i>правѣ сждиль еси</i> Лк. 7.43 <i>ли нѣсте чѣли въ законѣ</i> Мт. 12.5	<i>въ грѣсѣхъ ты родиль сѧ еси</i> Ио. 9.34
Житие Андрея Юродивого	
<i>много вы есмь оучиль</i> С165 об. <i>ци облѣнила ти сѧ есмь</i> С151 <i>и будеть ти, ∇ ꙗкоже ти ксмь рекль</i> 61г <i>тако ли кси забыль заповѣдь</i> 21г <i>но не боисѧ, похабе, ∇ попраль бо еси врагы</i> <i>своѧ</i> С24 об.	<i>ꙗко ты еси попраль дѣявола</i> С30 об.

Примеры из памятников, где встречаются все три модели

<i>даль еси</i> — чаще всего	<i>ты даль</i> — очень редко	<i>ты еси даль</i> — редко
Киев-Д		
<i>прислальсѧ еси к нама</i> [1152], 163 об. <i>избезумильсѧ есмь</i> [1155], 171 об. <i>хрѣтъ есме ѡблѡвали</i> [1147], 127 <i>и волость ти есмь даль</i> [1149], 136 <i>издалеча есми поѣхали</i> [1149], 138 <i>и корола еси на ма възвелъ</i> [1152], 166 <i>оуже есмь пошелъ</i> [1159], 179 <i>ѡже есте на ма пришли</i> [1154], 170 об. <i>то ва есмь изискаль</i> [1146], 124 <i>и свои еси радъ взаль</i> [1196], 241 <i>а чему есте не молвили ко мнѣ?</i> [1159], 177 об.	<i>а Игоревѡ ꙗ</i> <i>взаль</i> [1147], 127 об. <i>мы того не вѣ-</i> <i>дали</i> [1169], 191 об.	<i>а есмь не ратью при-</i> <i>шелъ к вамъ</i> [1155], 174 об. <i>мы есме хрѣтъ целовали</i> [1149], 136 об. <i>ты ми еси самъ рекль</i> [1150], 147
НПЛ-1		
<i>а далече ксте шли, и вышли ксте</i> <i>акы рыбы на соухѡ</i> 85 <i>а зла до васъ ксмь не мыслиль</i> <i>никотораго же</i> 105 <i>а с рижаны ксме миръ взали</i> 105	<i>ꙗзъ ꙗлъ ворога</i> <i>вашего Иса-</i> <i>ковища</i> 67 об.	<i>ты кси мои дворъ хо-</i> <i>тель зажечи</i> 110 об.

Примеры из памятников, где в нейтральной зоне встречаются только двучленные модели *далъ еси* и *ты далъ*

<i>далъ еси</i> — намного чаще	<i>ты далъ</i> — намного реже
Берестяные грамоты	
<i>а водале ми еси хамече</i> 644 <i>ѡцельть ти есмь ѿ пожарѹ и целѹю та</i> 710 <i>а пришьла есвѣ, оли звонили</i> 605 <i>оже еси забыле моего доброделиа</i> 627 <i>покосиле есмь поженю</i> 53п <i>а нынеца ксме, гѣне, погилби</i> 361п <i>что есте мнѣ велѣли оу Путила конь взати</i> 697п	[а] <i>азо не едино быль</i> 548 <i>азо ти олово попродаде и свинеце и клепание вохо</i> 439 <i>а куны назъ дала Дѣду Прибышѣ</i> 125п
Афанасий Никитин I	
<i>и приѣхал есми в Новгород в Нижней</i> 442 об. <i>и Казань есмя проѣхали доброволно</i> 442 об. <i>а золотой есми взял на харчь</i> 458	<i>и яз свое судно покинул</i> 442 об. <i>а мы того не слыхали ничего</i> 443
Уваровская летопись за XV в.	
<i>неправду еси учинилъ, а меня еси ввел въ грѣх и в сором</i> 373 <i>целовал есми крестъ к великому князю</i> 435 об.	<i>а мы пришли ис Черкас</i> 375
Иван Грозный I	
<i>а и такъ еси одного для слова жены своей крови много пролилъ напрасно</i> <i>а то есмя тебѣ из грамоты выписали подлинно</i>	<i>и ныне ты къ нам отпустила нашего посла</i>
<i>далъ еси</i> — реже	<i>ты далъ</i> — чаще
Василий Грязной	
<i>и царю есми сказывал: «яз молодой человек»</i>	<i>ты деи коли жил у своего государя, и ты тогда слыхал у государя ...</i> <i>а Дивея, государь, яз за себя не суливал</i>

О двух примерах трехчленной конструкции в берестяных грамотах, представленных в зоне обязательных местоимений, см. ниже.

Примеры из памятников, имеющих (почти) исключительно модель *ты далъ*:
Аввакум I — *сидѣль я тутъ четыре н(е)д(ѣ)ли* 26;
постригъ я ево и поскимил 44;

попал ты в руки мнѣ! 91;
оправяся, мы наки поехали вперед 32;
окинула нас на море погода, и мы гребми перегреблися 54.
 Единственный пример модели *даль еси* — *немоцнии есте стали* 71 об.⁴⁹
 Бова — *воистинну яз тебя забыла с кручины;*
о злодей Бова, ты у меня убил сына Лукопера и 100000 войска побилъ;
дали вы мнѣ ладо поноровное, и не дали вы мни с нею пожить от младости
и до старости.

§ 5.16. Укажем также некоторые элементы поведения связок при перфекте за рамками простейших случаев, проиллюстрированных выше.

В зоне обязательных местоимений поведение связки в конкретном памятнике обычно такое же, как и в нейтральной зоне. Например, в Киев-Д в зоне обязательных местоимений приблизительно такое же соотношение моделей *ты даль* и *ты еси даль*, как и в нейтральной зоне.

Но в берестяных грамотах в зоне обязательных местоимений встретилось два примера трехчленной конструкции (которой в нейтральной зоне здесь нет): *то еси ты повѣдалъ къ Рожьнѣтови на Нустуе емати 2 сročька* 336 (здесь *ты*, вероятно, несло эмфазу: ‘именно ты’); *а въ сю недѣлю цѣтъ до мнѣ зѣла имеши, оже е[с]и къ мнѣ н[ъ при]ходить? ∇ а азъ та есмѣла* (вместо *есмѣ имѣла*) *акы братъ собѣ* 752 (здесь *а азъ* противопоставлено тому ‘ты’, которое подразумевается первой частью периода).

Представляет интерес поведение связок при однородных сказуемых; здесь необходима некоторая детализация того, что сказано на этот счет в § 1.2.

Чаще всего в древнейших текстах встречаются следующие две схемы: а) *видѣлъ еси и слышалъ еси* (с повторением связки); б) *видѣлъ еси и слышалъ* (с одной связкой на весь ряд сказуемых). Вот некоторые примеры:

а) *а нынѣ сѣдѣлъ еси в Киевѣ, а мнѣ еси части не оучинилъ в Роуской землѣ, но раздалъ еси инѣмъ, моложьшимъ брати своеи* [1195], 236;

ажъ еси поѣхалъ брата моего оубить, и ѡбродовался еси семоу, то оуже состоупилъся еси радоу и крѣтнаго целованиа [1195], 238 об.;

а целовало еси ко мнѣ, а не прислало еси 445п;

б) *виделе есмь и цюле* 154п;

Мѣстислава есмь ѧлъ, и полкъ его побѣдилъ [1195], 238 об.

Более сложный пример: *на Олгови^ч есми ходилъ, к Черниговоу ходилъ, и на Олговѣ есми стоялъ, и много есмь имъ зла оучинилъ, землю и^х повоевалъ есмь* [1148], 132 об. (второе из пяти звеньев цепочки не имеет связки).

Но возможны также и схемы с участием местоимений: в) *ты видѣлъ и слышалъ еси*⁵⁰; г) *ты видѣлъ и слышалъ*. Схема с повторением местоимения практически не встречается. Схема «г» со временем полностью победила в совре-

⁴⁹ Отметим, что в памятнике имеется также один пример сослагательного наклонения со связкой: *еще же и тремя перѣсты бы есте кр(е)стилис(ь)* 23 об.

⁵⁰ В принципе возможен также (но реально весьма редок) вариант с трехчленной конструкцией в первом звене, например: *а есмь к тобѣ слалъ, а Киевъ тобѣ далъ, и то ти есмь ѧвлалъ ...* [1150], 145.

менном языке; но в древнерусский период она была очень редка. Вот единичные примеры из берестяных грамот:

а дала тобѣ, а Нѣжлтѣ не дала 644;

а а безъ другого коня животь пометаль, а иноє розрональ 272п.

В течение длительного времени для цепочек с первым членом по модели *ты даль* нормой была схема «в». Примеры:

то вѣдаю, а иного не вѣдаю, ∇ како ли ты венилеса, како ли что дале еси рубль на собѣ 30п;

ако ни ѡцѣ того вдаль, что на тобѣ вдаль, и еще есмь и Роускои земли приказаль стеречи тобѣ, а то ти есмь рекль [1149], 136;

а ты ма тако переѡбидиль, а мнѣ еси Вышегородъ ѡдинъ даль [1151], 155 об.;

а назъ ѡцѣю твоему, досыти послужиль свои^М копиемъ и своими полкы за его ѡбиду, и с Лахы са есмь за нь билъ [1152], 162.

назъ Витебьска стоупиль тобѣ, и посоль былъ свои послалъ есмь ко братоу Дѡдѡви [1195], 238 об.

Особенно часто эта схема выступает у Афанасия Никитина, например:

и яз свое судно покинул, да полѣз есми на судно на послово 442 об.;

а мы того не слышали ничего, а бежали есмя парусом 443;

а мы поѣхали к ширѡванше <...>, и били есмя ему челом, чтобы нас пожа- ловаль (Троицк. 371);

а яз пошелъ к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ <...>; а изъ Баки пошелъ есми за море к Чебокару (Троицк. 371);

а яз жеребца своего продал в Бедери; да наложил есми у него шестьдесят да осмь футунов, а кормил есми его год 447 об.;

и яз заговѣлъ з бесермены в недѣлю, да говѣл есми мѣсяць, мяса есми не ѣлъ и ничего скоромнаго 449 об.

То же в посланиях Ивана Грозного:

и ныне ты къ нам отпустила нашего посла, а с нимъ еси к намъ своего посла не прислала;

а лихорадство почаль ты, какъ сѣлъ еси на государство.

Но в письмах Василия Грязного нормой уже является такая же конструкция, как в современном языке, например:

а яз стал в долу с полком, а Василью приказал ...;

да после того, государь, яз посылал ко царю челобитную, а написал так в челобитной ...;

а яз, холоп твои, не у браги увечья добыл, ни с печи убился.

И лишь один раз встретилась схема «в»: *и яз, холоп твои, Кудеяру ничево не сказал, ни грамоты, ни слова, а говорил есми ...*

Только современная конструкция представлена у Аввакума, например:

и я поднял, и положил ево на постѣлю, и исповѣдал, и маслом св(я)щ(е)нным помазал 20;

я по обычаю сам постился и имъ не давал есть, молебъствовал и маслом мазаль, и какъ знаю дѣйствовал 43;

такъ мы с робяты огородилис(ь), балаганецъ здѣлавъ, огонь курили 39 об.

Именное сказуемое

§ 5.17. Материала здесь существенно меньше, чем для фраз с перфектом. Поэтому, чтобы не сужать сверх меры базу для нашей статистики, мы в данном случае включаем в подсчеты данные не только нейтральной зоны, но и зоны обязательных местоимений. В результате коэффициент сохранения связей (там, где он не равен 100%) оказывается несколько ниже, чем для одной лишь нейтральной зоны, но эта разница очень невелика и не меняет общей картины исторической эволюции.

В отличие от вопроса о препозиции или постпозиции связки, где биноминативные фразы пришлось исключить из-за трудностей в определении подлежащего и сказуемого (см. § 5.5), в вопросе о наличии или отсутствии связки эти трудности роли не играют. Поэтому здесь уже нет препятствий для включения таких фраз в общие подсчеты. (Но фразы, где именной частью сказуемого является наречие или сочетание с предлогом, в подсчеты, как и выше, не входят; см. § 5.1.)

Приводим количественные данные по нескольким важным памятникам. Пометами «С прилагательными», «С существительными» обозначены соответственно фразы с прилагательными (или причастиями) и существительными (или местоимениями) в качестве именной части сказуемого. Модели с *еси*, *ты* и *ты еси* обозначены соответствующими условными формулами.

Связки во фразах с именным сказуемым

	С прилагательными				С существительными			
	<i>старь еси</i>	<i>ты старь</i>	<i>ты еси старь</i>	Коэф. сохран. связок	<i>кназь еси</i>	<i>ты князь</i>	<i>ты еси князь</i>	Коэф. сохран. связок
Мар.	30	0	15	100%	23	0	64	100%
ЖАЮ	18	0	9	100%	12	0	15	100%
Киев-Д	9	9	21	77%	4	20	17	51%
Берест. гр.	9	3	1	77%	2	12	0	14%

Иллюстрации.

Мариинское евангелие.

Именное сказуемое — прилагательное или причастие	
<i>старь еси</i> — чаще	<i>ты еси старь</i> — реже
<p><i>неповинень есмь отъ крове сего праведнааго</i> Мт. 27.24</p> <p><i>нъ посланъ есмь прѣдъ нимъ</i> Ио. 3.28</p> <p><i>даждь ми, ∇ имъже еси длъженъ</i> Мт. 18.28</p> <p><i>і гла имъ: ∇ что страшиви есте, маловѣри?</i> Мт. 8.26</p>	<p><i>еда и мы // слѣпи есмь</i> Ио. 9.40</p> <p><i>азъ бо есмь старь</i> Лк. 1.18</p> <p><i>ты же // колиѣмъ длъженъ еси?</i> Лк. 16.7</p>

Именное сказуемое — существительное или местоимение	
<i>кназь еси</i> — редко	<i>ты еси князь</i> — часто
<i>егда въ мирѣ есмь, ∇ свѣтъ есмь миру</i> Ио. 9.5 <i>ібо галилѣанинъ еси</i> Мр. 14.70	<i>азъ есмь свѣтъ миру</i> Ио. 8.12 <i>отъвѣща Пилатъ: ∇ еда азъ // жидовинъ есмь</i> Ио. 18.35 <i>ты ли еси цѣрь иудеискъ?</i> Мт. 27.11 <i>ты еси снѣ мои възлюблены</i> Мр. 1.11 <i>Гї, виждж, ∇ ѣко прѣкъ еси ты</i> Ио. 4.19 <i>мы же // Мосеови есмь оученици</i> Ио. 9.28

Житие Андрея Юродивого.

Именное сказуемое — прилагательное или причастие	
<i>старь еси</i> — чаще	<i>ты еси старь</i> — реже
<i>ѣше к неѣ ефиопъ, ∇ яко «моѣ еси, а не Хѣва»</i> С98 об. <i>еще выше // должьни есмы взити</i> С21 об. <i>яко велми кси мерзкъкъ</i> 38а <i>видиши ли, ∇ кольми еси грѣшенъ</i> С15 <i>но якоже ксте наоуцени, тако сѣ молитѣ</i> 56г	<i>чѣтнѣ еси ты</i> С149 <i>да ты, друже, // младѣ кси</i> 35б <i>и азъ бо // весель ксмъ</i> 27г <i>а ты кси толстѣ и тученѣ велми</i> 45а
Именное сказуемое — существительное или местоимение	
<i>кназь еси</i> — чуть реже	<i>ты еси князь</i> — чуть чаще
<i>члѣцы бо есмь</i> С24 <i>овца ксмъ словеснаго твоѣго стада</i> 46б <i>яко оугодникъ кси Бїи</i> 41б <i>ѣселѣ оуже // нашѣ кси другъ и браѣ</i> 3 об.	<i>а мы // члѣци ксмъ грѣшнии</i> 44б <i>азъ // страница есмь сдѣ</i> С27 <i>ты еси чернецъ Епифанъ, дрѣгъ мои</i> С11 <i>горе мнѣ, ∇ кто есмь азъ, гї</i> С34 <i>похвала бо стѣмъ // ты еси</i> С148 об.

Киев-Д.

Именное сказуемое — прилагательное или причастие		
<i>старь еси</i> — редко	<i>ты старь</i> — редко	<i>ты еси старь</i> — часто
<i>в томъ еси воленъ</i> [1146], 124 <i>раненъ есмь велми</i> [1152], 162	<i>ты починаи, ∇ а азъ готовъ с тобою</i> [1196], 239 <i>язъ въ всемъ виновать передъ Бмѣ и предъ нимъ</i> [1149], 142 об.	<i>ѡсе ѣ, братѣ, // готовъ есмь</i> [1151], 156 об. <i>зане азъ / виновать есмь</i> [1152], 162 об. <i>азъ есмь велми боленъ</i> [1146], 118 об. <i>ты еси мене старѣи</i> [1148], 133 об. <i>ты еси молодъ</i> [1153], 167 об./168

Именное сказуемое — существительное или местоимение		
<i>кназь еси</i> — редко	<i>ты кназь</i> — часто	<i>ты еси кназь</i> — часто
<i>Изаславъ же реч:</i> <i>кнѣзь есмь</i> 158 об. <i>свои ми еси</i> <i>сестричичь</i> 121	<i>ты нашъ кнѣзь</i> 119 об. <i>ако мнѣ Гюрги ѿць, та-</i> <i>ко мнѣ и ты ѿць</i> 143 об. <i>а ты, брате, Двѣвичь, а</i> <i>нѣ ѿлговичь</i> 160 об.	<i>а ты еси нашъ кнѣзь</i> 177 об. <i>ты ми еси ѿць</i> 145 <i>вы есте людие дѣда моего и</i> <i>ѿца моег</i> 149

Берестяные грамоты.

Именное сказуемое — прилагательное или причастие		
<i>старь еси</i> — часто	<i>ты еси старь</i> — крайне редко	<i>ты старь</i> — редко
<i>свободне еси</i> 421 <i>зандо ксмъ пуста</i> 692п <i>не виновать есмь Кузмѣ</i> 697п <i>приѿбижени ксмъ с немецкой</i> <i>половинѣ</i> 248п	<i>ты еси мои, а а</i> <i>твои</i> в 605 (единств. при- мер)	<i>а а емоу не дѣльжьне</i> <i>ничимъ же</i> 725 <i>а на Арослави добръ</i> <i>здоровъ</i> 69п
Именное сказуемое — существительное или местоимение		
<i>кназь еси</i> — крайне редко	<i>ты кназь</i> — норма	
<i>а до можго живота // посо[бъ]никъ</i> <i>ксмъ тобѣ</i> 749п	<i>а не сестра а вамо, оже тако дѣлаете</i> 644 <i>исправи слово то – ты мои брат[ъ]</i> 749п <i>а звѣре</i> 199п	

Выводы

§ 5.18. Эволюцию связей в живом языке наиболее достоверно отражает нижняя половина таблицы «Поведение связей и местоимений 1-го и 2-го лица в перфекте» (§ 5.14), т. е. показания памятников без модели *ты еси даль* и с единственной моделью *ты даль*.

Состояние живого раннедревнерусского языка лучше всего отражают, как и в других отношениях, берестяные грамоты. На протяжении XI–XV вв. оно меняется довольно незначительно. Резкое продвижение в сторону современного состояния приходится на XVI век, причем даже во второй его половине мы еще видим в посланиях Ивана Грозного картину, близкую к древней, тогда как в письмах Василия Грязного (того же времени) картина уже совсем иная. В XVII веке ситуация уже практически не отличается от современной.

Для фраз с именным сказуемым картина в принципе такая же, как в перфекте, но эволюция идет заметно быстрее и достигает современного состояния раньше.

В особенности интенсивен этот процесс во фразах с существительным в роли именной части сказуемого. В этой категории уже в берестяных грамотах почти достигнуто современное состояние, а именно, в 10 случаях из 11 представлены фразы типа *а не сестра а вамъ* (а не типа *а не сестра есмь вамъ*).

При этом, однако, столь четкая картина постепенного исчезновения связок характерна только для текстов, близких к живой речи. В книжном стиле связки могут сохраняться (хотя бы изредка) и в XVII в. и позднее. В одном и том же памятнике в текст не книжного характера могут быть вклинены отдельные книжные пассажи; поведение связок в этих двух «слоях» текста оказывается различным.

Характерным примером может служить «Житие» Аввакума.

В части Аввакум II (см. § 2.1) связки иногда встречаются, например:

их же Соломан воспѣтъ, зря на м(а)т(е)рь Вирсавию: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая!» 82 об.;

и последнее рек слово: «Чистъ есмъ аз и прах прилѣпшии от ногъ своих отрясаю предъ вами ...» 72 об.;

ч(е)л(о)вѣцы бо есмь 52 об.

В основной части памятника (т. е. Аввакум I) связок почти нет. Но в отдельных выражениях церковного стиля несколько связок все же отмечено, в частности:

а я ничтоже есмъ; рекох и паки реку: аз есмъ грѣшникъ, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытаремъ и грѣшникамъ ... 83;

и мняся нѣчто быти, а калъ и гной есмъ, окаянной ... 88;

да не опалиши мя приобщением, но очисти мя от всякия скверны, огонь бо, рекъ еси, недостойных опаляя ... 101;

и я отвѣщал: «Аз есмъ Аввакумъ, протопон; что тебѣ дѣло до меня?» 33 об.

Связки третьего лица

§ 5.19. Как уже указано в § 5.8, основная особенность связок третьего лица состоит в том, что в живом древнерусском языке в перфекте их не было вообще и даже при именном сказуемом они употреблялись весьма редко.

Сложный вопрос о том, является ли такое положение новшеством (возникшим лишь в восточнославянском) или архаизмом (прямым наследием индоевропейского состояния), мы обсуждать и решать не будем. Это вопрос, относящийся к предыстории древнерусского языка, т. е. он выходит за рамки проблематики настоящей книги.

Рассмотрим поведение связок третьего лица в разных типах фраз.

Перфект

Начнем с не книжных памятников.

Для берестяных грамот общим правилом является просто отсутствие связки 3-го лица в перфекте, т. е. употребление моделей *Иванъ даль* и *даль* 'он дал', но не *Иванъ есть даль* и *даль есть*. Примеры.

Модель *Иванъ даль* —

оже ти Иване не дале 430;

мене игоумене не поустиле 605;

къже ми отьць даалъ и роди съдаали 9;

по томъ пришли смерди, ѿ Аньдрѣа мѣжъ приали, и дане ѿали людье, и осьмь выслагла что о Тѣдоре 724;

а Поутила пришьле, а товаро продале 165;
оуглицане замеръзъли на Арославли 69п;
убиле ма пасынке и выгониле ма изо двора 415п;
і ѿнь прислалъ къ Федосы 3п.

(Понятно, что в таких случаях при однородных сказуемых подлежащее не повторяется, например: *убиле ма пасынке и выгониле ма.*)

Модель *далъ* 'он дал' (т. е. без подлежащего) —
а мѣнѣ не въдасть ничьто же, избивъ роуки, поустилъ же ма, а иноую поаль 9;
а оу него ти крадено, атъ ти възалъ оу Иванькова съмърѣда 3 гривн(ы), а татъбоу кѣнажоу потаилъ 907;
оу Воислава възьми 10 коунъ истинь, а 5 коунъ намомъ: не въдале дѣвоихъ намъ 509;
посадьникоу 30 да(н)[и] а за са(н)[и] по 5 коуно за довое, а [тре]теее возале 601.

Во всем массиве берестяных грамот встретился только один пример перфекта с *есть*: *[и]и есть саме в[ь]хоу [ли]хв[оу въд]але 736а* 'отдал ли он сам всю лихву' (см. об этом уникальном примере также ДНД₂, § 3.20).

Близкую картину мы находим и в Киев-Д: безусловной нормой здесь являются такие фразы, как:

ѿць мои Коурьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли [1140], 113;
се брата нашего Бѣ поналъ [1146], 119; и т. п.

Но все же здесь встречаются, хотя и весьма редко, также фразы с сохранением связки, например:

а оуже есть вшелъ в нашѣ ватицѣ [1149], 136.

У Афанасия Никитина, в некнижных посланиях Ивана Грозного, в письмах Василия Грязного связки 3-го лица в перфекте отсутствуют полностью.

§ 5.20. Совершенно иную картину дают памятники книжного характера.

В основной группе таких памятников употребление связки 3-го лица при перфекте представляет собой норму. В памятниках, где число примеров перфекта невелико, эта норма может соблюдаться стопроцентно. Таково, в частности, положение в Мариинском евангелии, Житии Мефодия, Житии Феодосия.

Там, где перфектов много, встречаются и отдельные отклонения, но их доля невелика. Таково, в частности, Житие Андрея Юродивого. Связки 3-го лица присутствуют здесь в перфекте почти всегда; связка опущена лишь в 10 случаях из 247, т. е. в 4% случаев.⁵¹

Примеры:

да страх ма приалъ есть С21;
да лице ти са ксть зардѣло 15в;
нѣ трогалъ ми естъ сѣдины, и оутробѣ ми естъ розоп'халь ногама, да вредил' ма естъ, ветхыя моя зѣбы пастию м(и) естъ избилъ С27 об.;

⁵¹ Из непервых членов в ряду однородных сказуемых включены в подсчет только те, которые имеют при себе связку.

и иже на мори са суть истоплѣ 15а.

Некоторые из редких примеров без связки:

Гѣ бо вдалѣ имѣ животъ 49г;

исповѣда же емѣ Спифанѣ, како са емѣ оутѣкнѣлѣ на пѣти сотона 30 об.

Другие книжные памятники обнаруживают примерно такую же картину, хотя доля перфектов 3-го лица без связки может быть и несколько большей. Так, например, в «Александрии» это 7 случаев из 52 (= 13%).

Заметно более высокой, чем в других книжных памятниках, эта доля оказалась в Супрасльском кодексе: 20 случаев из 59 (=34%).

§ 5.21. Летописи занимают промежуточное положение между книжными памятниками и берестяными грамотами, но в данном пункте ближе к последним. Показательно, например, что авторская часть Киевской летописи почти не отличается в этом отношении от Киев-Д. Ситуацию в летописях можно охарактеризовать так: в основном соблюдается тот же принцип, что в берестяных грамотах (т.е. отсутствие связки в 3-м лице перфекта), но имеется некоторое число уклонений в сторону книжного принципа (т.е. сохранения связки).

Например, в Синодальном списке НПЛ 57 примеров перфекта (о способе подсчета см. сноску 51), из них 51 (= 89%) — без связки; т.е. соотношение здесь противоположное тому, что в основных книжных памятниках. Сходные соотношения представлены и в других старших летописях. Перфекты 3-го лица со связкой встречаются здесь лишь в качестве редких отклонений от нормы.

Примеры фраз со связкой 3-го лица и без нее из летописей

Без связки — норма	Со связкой — очень редко
<i>сего доужа слѣпиль Маноуиль цѣрь</i> (НПЛ, 71 об.)	<i>а Нифонтѣ тако мѣвллаше: ∇ не достоинѣ есть сталь</i> (НПЛ, 26)
<i>выдалѣ Твѣрдиславѣ кнѣзю Матѣю</i> (НПЛ, 90)	<i>ини же не свѣдуце рекоша, ∇ ѣко Киш есть перевозникѣ былѣ</i> (ПВЛ, 4)
<i>и разгнѣваса на ты, ∇ оже то грабили Даньслава и Ноздрѣчу</i> (НПЛ, 9 об./10)	<i>ако же есть и переже было</i> (Ипат., 141)
<i>не ходи, но возьми дань, ∇ юже ималь Олгѣ</i> (ПВЛ, 10 об.)	
<i>ибо заповѣдала Олга: не творите трызны на^д собою</i> (ПВЛ, 20 об.)	
<i>повѣда ему Стѣславлю рѣчь и что ему Володимирѣ сказалѣ</i> (Ипат., 136 об.)	
<i>а того не вѣдаше, ѡже оуже Изаславѣ вшелѣ в Черниш Клобоуки</i> (Ипат., 143 об.)	

Следует отметить, что в летописях сохранению связок *есть, суть* в перфекте способствовал такой фактор, как отсутствие во фразе выраженного отдельным словом подлежащего (тогда как в живом древнерусском языке его

действие на фразы с 3-м лицом перфекта не распространялось, см. § 5.9). В НПЛ из шести перфектов 3-го лица со связкой таковы пять, в частности:

- а Нифонтъ тако мълвлаше: ∇ не достоинѣсть сталъ 26;*
и рекоша фрагомъ: ∇ оумърль ксть, придете и видите 68;
и не съвѣдаѣмъ, ∇ ѿкоудоу соуть пришли и кдѣ са дѣша опать 99 об.

В ПВЛ находим, например, с одной стороны: *и призва старѣишину конюхомъ, рка: кде есть конь мои <...>? онъ же рече: оумерль есть* (ПВЛ по Ипат., 15 об.) — с другой стороны: *и посла Ярославъ к Глѣбу, глѣ: не ходи, ѿць ти оумерль* (ПВЛ по Лавр., 46 об.). Но жесткого правила здесь нет: в ПВЛ связка вполне может присутствовать и при наличии подлежащего.

Присутствие связок *есть, суть* в перфекте явно воспринималось уже в древнерусскую эпоху как одна из примет книжности. Во многих памятниках эта черта в основном тексте отсутствует, однако сохраняется в цитатах, а также в пассажах церковного или возвышенного стиля. Так, например, в Уваровской летописи за XV век отмечено всего два таких случая — один в речи некоего святого старца, другой в речи митрополита. То же у Аввакума: во фразах церковного стиля у него два раза встретилось *избавиль мя есть*.

Именное сказуемое

§ 5.22. При именном сказуемом связка 3-го лица представлена существенно шире, чем при перфекте. Здесь она изредка присутствует даже в берестяных грамотах.

В берестяных грамотах хорошо соблюдается правило употребления связок, сформулированное в § 5.9. Во фразах с именным сказуемым оно получает следующий простой вид: если во фразе есть выраженное отдельным словом подлежащее, то связка отсутствует, если такого подлежащего нет — присутствует.

Примеры.

Подлежащее есть — связки нет:

- а замъке кѣле, а двѣри кѣль 247;*
Жизнобоуде погоублене оу Сычевиць 607;
дешеве ти хлебе 424;
а стѣе Варъварь тѣлица сторова ли? 657;
тажа ваша [эта] тяжба — ваша' 603;
Хона жена тое грамоте господини 112;
а Тимона меретве 582п;
Гѣа вола і твоа 356п;
а тѣ худѣ 242п;
земла готова 17п;
а иное все добро здорово 122п, 129п.

Подлежащего нет — связка есть:

- а тобѣ вѣдѣ, ако есть не годьн(о) 'а тебе, видно, не любо' 752;*
правъ ти есть 'он прав' 819;
лихе есте 'он дурной' 163;
оце е тебе н[е] годена 'если она тебе не угодна' 705.

Такая же картина и во фразах с предложной группой: ср., с одной стороны, такие фразы без связки, как: *а то за нимъ* 9; *а Бъ за мѣздою* 549; *а роко на Роство* 144п; *а просоле здѣ по пяти гривону бочка* Ст. Р. 2п; с другой — *аже ти е по сънехо* 'если тебе к спеху' 709п (XIII в.).

Но от второй части приведенного правила все же возможны отклонения, т.е. связка иногда отсутствует и там, где подлежащего нет: *ни векшею не длѣжьнь* '[он] не должен ни векши' 336; *а мы ꙗко не хъtimo: не сусѣднеи челоуѣко* 311п. В частности, связки нет в безличных конструкциях со страдательным причастием, например: *а оу него ти крадено* 907; *на Бозѣ пол(о)жено и на васо* 414п.

В целом берестяные грамоты являют собой картину минимального сохранения связок 3-го лица при именном сказуемом. В берестяных грамотах XIV–XV вв. фраз с такой связкой не встретилось вообще.

В Киев-Д связка при именном сказуемом употребляется лишь в меньшинстве случаев, но все же заметно шире, чем в берестяных грамотах. Примеры сохранения связки несмотря на наличие подлежащего:

занеже Гюрги есть силенъ 152 об.;
а оуже есть правъ ѿць твои и ты 182 об.;
поганы есть всимъ намъ ѡбечь ворогъ 223.
 Но гораздо чаще здесь выступает конструкция без связки, например:
а мы вчера ѣхали, ∇ а ѡнь добръ и здоровъ 170;
а въ Володимерѣ племени кто ми ближни, тотъ добръ 216;
а Дѣдъ виновать 213;
котораѡ ему волость люба, ту же бы взаль 137 об.;
а трудно ны вельми 149;
велѣно ми своимъ кнземъ Юрославомъ пять днѡвъ стояти оу Вышегорода 196;
кто тобѣ ворогъ, тоти и намъ, а се мы с тобою готови 203;
ѡни же рекоша имъ: ∇ кнзь оу насъ Изаславъ 130 об.;
ако мнѣ Гюрги ѡць, тако мнѣ и ты ѡць 143 об.

Несколько иную ситуацию мы наблюдаем у Афанасия Никитина. При именном сказуемом он употребляет связку *есть* довольно часто (при том, что в перфекте она полностью отсутствует). В части случаев это тот тип употребления связки, который допускается даже и в современном языке.

Примеры:

Аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Велик день или говѣино 452;
Гурмыз же есть пристанище велико 450;
А от Пали до Умри 10 дни, и то есть город Индѣйскый 444 об.

Но у Афанасия Никитина сфера употребления связки шире. В частности, связка легко сочетается у него с прилагательными, например:

А градъ есть великъ, а людей много велми 447;
А бутхана же велми велика есть, с пол-Тѣври, камена (Троицк. 377 об.).
 Специфический характер имеет у него оборот *тутъ есть*, например:
И тутъ есть Индйская страна 444;

И тутъ есть пристанище Гурмызьское (Троицк. 370 об.);

И тутъ есть море Индѣйское (Троицк. 370 об.).

По значению это соответствует современному *И тут Индийская страна* (а не *И тут находится Индийская страна*); т.е. и в этих случаях правильное трактовать *есть* как связку, а не как полнзначное слово.⁵²

У Аввакума связка *есть* сохраняется (если не считать библейской цитаты *гдѣ есть Б(о)гъ их?* 102 об.) всего в нескольких фразах, причем таких, где *есть* в принципе возможно и в современном языке, — с существительным в качестве именной части сказуемого:

и я потѣшил ево: ∇ ц(а)рь то есть, от Б(о)га учинень 59;

аще и мучит мя, ∇ но ц(а)рь бо то есть 75 об.;

идоль в руке слагая, на чело возлагають, ∇ еже есть мерский образ 114;

есть-тово послѣ побой-тѣхъ хочется, ∇ да вет(ь) су неволя то есть: как пожалуют — дадутъ 36 об.

В некнижных посланиях Ивана Грозного, в письмах Василия Грязного, в «Повести о Бове» связок *есть, суть* при именном сказуемом не встретилось вообще.

Совсем иначе обстоит дело в книжных памятниках: здесь связка при именном сказуемом является обязательной или почти обязательной. Примеры:

ЖАЮ — *а сотона ксть золь* 15г;

кто ли крадетъ, кто ли естъ скѣпъ 10б;

нъ аще се вамъ естъ неугодно С29;

мечь твои остръ естъ, стрѣлы твоѣ часты сѣтъ С149;

оумъ естъ оѣъ, а слово сѣнь С29 об.;

иже бо творить грѣхъ, да рабъ естъ грѣхови С31 об.

Флав. — *лѣсть бо ихъ явлена естъ* 357а;

а рѣд ѿѣа моего хоудъ естъ 372б;

дѣа же бесмртна естъ 386а;

нетвердѣ же естъ надежда, ѡже кто сѣ надѣеть не на свою сѣлѣ, нѣ на чюждѣ пакость 361в;

смрть свободно естъ 358б (с характерным отсутствием согласования).

Александрия — *сѣ ѡѣъ мои естъ* 3б;

оубѣенъ ли естъ кто ѿ васъ на плѣку 47;

бѣстра же естъ вода та 54.

Летописи, как и в прочих пунктах, занимают промежуточное положение между книжными и некнижными памятниками. Здесь встречаются обе модели, например, с одной стороны, *а братъ ти оубѣенъ ѿ Стѣполка* (ПВЛ, 46 об.), с другой — *ре^ч же имъ Ѡльга: «люба ми естъ рѣчь ваша»* (ПВЛ, 15).

⁵² При этом у Афанасия Никитина имеются также и примеры настоящего полнзначного *есть*: *У кого что естъ на Руси, и тот пошелъ на Русь* (Троицк. 370); *Есть в том Алянде птица гужукъ* 446 об. и т.п.

Общая схема эволюции

§ 5.23. Резюмируем изложенные выше наблюдения над исторической эволюцией связок.

Ситуация в живом языке выглядит так.

В 1-м и 2-м лицах перфекта в древнерусском языке связки присутствовали во фразах, где нет местоимения-подлежащего (модель *далъ еси*), и отсутствовали там, где оно есть (модель *ты далъ*). Эволюция состояла здесь в том, что доля фраз с местоимением-подлежащим неуклонно возрастала и, соответственно, доля фраз, где еще сохранялись связки, падала. Заключительный этап этого процесса приходится на XVI–XVII вв. В XVII в. в живом языке было достигнуто современное состояние, при котором связок в прошедшем времени (= древнем перфекте) уже более нет вообще.

В 3-м лице перфекта связки отсутствовали уже в древнерусском, т. е. имелись только модели *Иванъ далъ* и просто *далъ* 'он дал'. Таким образом, в этом пункте единственное отличие современного состояния от древнего — это то, что стало нормальным добавление местоимения-подлежащего (*он дал*), тогда как в древнерусском местоимение в немаркированном случае отсутствовало.

Во фразах с именным сказуемым уже в древнерусскую эпоху получили значительное распространение модели без связки — *ты кнѣзь* и *Иванъ кнѣзь* (и в несколько меньшей степени — модели *ты старъ* и *Иванъ старъ*). Эволюция состояла здесь в постепенной экспансии этих моделей, так что в конечном счете в живом языке альтернативные модели со связкой вообще исчезли (но в литературном языке в научном, педантичном или возвышенном стиле фразы типа *жизнь есть борьба, это есть заблуждение* возможны и ныне). Древние модели *кнѣзь есть, старъ есть* были вытеснены моделями *онъ князь, онъ старъ*. Во фразах с именным сказуемым новое состояние, по-видимому, было достигнуто уже в XVI веке. В итоге к XVII веку живой язык уже более не имел энклитик данной группы.

В книжных памятниках описанная эволюция отражалась со значительным отставанием во времени. В древнейших книжных памятниках связка сохраняется еще всегда (или почти всегда) во всех категориях фраз. Ее широкое употребление (в особенности в позициях, где народный язык связку утратил) становится одной из примет книжного стиля. В качестве таковой оно существует еще и в XVII веке, в отдельных случаях и позднее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 6.1. Подведем итоги проведенного исследования.

Для древних индоевропейских языков характерно существование фразовых (то есть относящихся по смыслу ко всей фразе в целом) энклитик, расположение которых во фразе подчиняется так наз. закону Вакернагеля, состоящему в том, что такие энклитики ставятся в конце первой тактовой группы фразы. При соединении фразовых энклитик друг с другом их взаимное расположение подчиняется ранговому принципу. По своей жесткости ранговая организация энклитик близка к правилам порядка морфем внутри словоформы.

Среди живых славянских языков максимально четкий механизм вакернагелевских энклитик сохранен в сербском и хорватском (к ним приближаются в этом отношении украинские закарпатские и прикарпатские говоры).

Анализ берестяных грамот с полной очевидностью показал: закон Вакернагеля действовал также в живом древнерусском языке, причем вполне активно и последовательно. И, как это часто бывает, после этого обнаружилось, что данное явление хорошо прослеживается также и по ряду других древнерусских памятников (давно известных), только на это не обращали необходимого внимания.

Функционирование энклитик в русском языке последнего тысячелетия отмечено быстрыми по меркам истории языков изменениями — к счастью для лингвистов, достаточно хорошо прослеживаемыми по памятникам. На протяжении этого тысячелетия одни единицы постепенно включаются в категорию энклитик, другие из нее (или вообще из языка) выпадают; изменяются и сами механизмы размещения энклитик во фразе. В результате формируется новая система энклитик, в которой уже очень мало что осталось от древнерусской системы.

Древнейшие энклитики, унаследованные из праславянского, — частицы *же*, *ли*, *бо*, *ти* и местоимения Д. падежа (*ми*, *ти*, *си* и т. д.). Как в старославянском, так и в древнерусском они обладают вполне устойчивым просодическим статусом.

Позднее входят в категорию энклитик местоимения В. падежа (*ма*, *та*, *са* и т. д.), глагольные словоформы *бы*, *быхъ* (и т. д.), еще позднее — связки. В старославянском единицы этих групп выступают в качестве энклитик лишь в части случаев (в связи с чем А. Вайян называет их полуэнклитиками). Но в живом древнерусском языке они уже практически не отличаются по своему поведению от старых энклитик.

Фразовые энклитики (за вычетом самых редких) включены в древнерусском языке в следующую систему рангов: 1) *же* (противительное, причинное, усилительное), 2) *ли* (частица, не союз), 3) *бо*, 4) *ти* (частица), 5) *бы*, а также *быхъ*, *быхомъ*, *быша* и т. д. (в качестве показателей сослагательного наклоне-

ния), 6) энклитические формы местоимений в Д. падеже (*ми, ти, си* и т. д.), 7) энклитические формы местоимений в В. падеже (*ма, та, са* и т. д.), 8) связки (*есмь, еси* и т. д.).

Ранговые системы разных славянских языков неодинаковы между собой, из чего ясно, что они формировались в значительной мере независимо друг от друга в ходе истории отдельных языков. В частности, система рангов современных сербских энклитик, хотя и имеет много общего с древнерусской, все же далеко с ней не совпадает (см. § 1.11).

Важнейшее новое понятие, которое потребовалось ввести при анализе реального размещения фразовых энклитик, — ритмико-синтаксический барьер, т. е. некоторая условная граница внутри фразы, отсекающая начало фразы таким образом, что сферой действия закона Вакернагеля оказывается лишь послебарьерная часть фразы.

Понятие ритмико-синтаксического барьера позволяет объяснить большое число кажущихся нарушений закона Вакернагеля. Тем самым становится ясно, что этот закон действовал в древнерусском языке гораздо более последовательно и строго, чем это представляется на первый взгляд.

В § 1.18 было показано, к каким существенным ошибкам приводили попытки анализировать древнерусские энклитики без использования понятия ритмико-синтаксического барьера.

В настоящей книге исследовано реальное использование ритмико-синтаксических барьеров в древнерусских фразах.

Важную особенность системы древнерусских энклитик составляет их разделение на две группы с несколько различными свойствами, названные в настоящей книге соответственно сильными и слабыми энклитиками.

Сильные энклитики — это первые пять рангов указанной выше шкалы, слабые — последние три. Сильные энклитики почти всегда располагаются в том месте фразы, которого требует закон Вакернагеля в его простейшем виде, т. е. без модификаций, проистекающих из наличия барьеров. Иначе говоря, они весьма редко подвергаются действию барьера (который заставил бы их уйти правее этого места). Напротив, слабые энклитики подвергаются такому действию (и, соответственно, оказываются правее некоторого барьера) сравнительно часто. При наличии барьера нередко происходит разделение энклитик: сильные остаются левее барьера, а слабые ставятся правее его.

§ 6.2. В истории русского языка время максимально полного и последовательного функционирования энклитик — это древнерусский период, в особенности его ранняя половина, т. е. XI – начало XIII века.

Позднее начинается процесс постепенного распада этой системы. Он идет по двум линиям.

Первая линия — это выход из употребления и последующее полное исчезновение из языка существенной части древних энклитик.

Из числа сильных энклитик со временем исчезают частицы *бо* и *ти* — просто как лексические единицы. Соответствующие значения начинают передаваться другими средствами (или даже, как в случае с некоторыми из значений

частицы *ти*, они уже более никак не передаются — так что часть древних фраз с *ти* вообще невозможно адекватно перевести на современный язык).

В сфере слабых энклитик в ходе эволюции реализуется следующая закономерность:

во всех случаях, когда у энклитики имелся акцентно самостоятельный синоним (включая пары типа *есмь* – *язь*, § 5.9), **из двух членов синонимической пары сохраняется только акцентно самостоятельная словоформа, а энклитика выходит из употребления.**

Это значит, что древние конструкции типа *даи ми*, *кланяю ти са*, *увиджу та* замещаются новыми *даи мнѣ*, *кланяюса тобѣ*, *увиджу тебе* (позднее *теба*); древние конструкции *даль есмь*, *купиль еси*, *знали есте* — новыми *а даль*, *ты купиль*, *вы знали*.

Данное изменение представляет собой не что иное, как результат постепенного расширения тех возможностей, которые существовали уже в рамках древней системы. В самом деле, древняя система тоже позволяла передавать соответствующие значения с помощью акцентно самостоятельных словоформ; но эта возможность использовалась только в некоторых особых случаях — прежде всего при смысловом выделении или подчеркивании. Дальнейшее развитие есть частный случай хорошо известного явления «износа» экспрессивности, когда средство передачи экспрессии постепенно утрачивает свою первоначальную силу и данный способ выражения становится нейтральным; соответственно, из редкого он превращается в преобладающий или даже единственный.

Так, первоначальное правило употребления полноударных *мнѣ*, *тобѣ*, *мене*, *тебе* и т. д. предписывало их использование только в строго очерченном круге синтаксических позиций и в случае смыслового выделения. Но со временем формируется новое правило, снимающее эти ограничения и допускающее употребление полноударных местоимений в любых контекстах. То же самое происходит в сфере употребления местоимений-подлежащих: древнее правило содержало жесткие ограничения на их употребление, которые новое правило снимает.

В описанном развитии не было никакого взрыва или резкого перелома; просто полноударные варианты с ходом времени стали употребляться всё шире и чаще, а энклитические всё уже и реже, пока последние не сошли вообще на нет.

Указанные изменения практически означают исчезновение всех слабых энклитик, кроме *са*. У этой энклитики акцентно самостоятельный синоним (*себе*) имелся только в сочетаниях с предлогом (*за са* – *за себе* и т. п.); и в этой своей функции *са* имело ту же судьбу, что и прочие слабые энклитики, т. е. исчезло, уступив место полноударному *себе* (позднее *себа*).

Но в приглагольном употреблении, т. е. в своей основной функции, *са* не могло участвовать в данном процессе, поскольку в этой функции у него не было полноценного акцентно самостоятельного синонима (см. § 3.1).

Разрешением этой коллизии стало то, что *са* постепенно перешло в постоянную контактную постпозицию к глаголу и превратилось в морфему — часть глагольной словоформы. Тем самым *са* как энклитика точно так же перестало

существовать, как и прочие слабые энклитики. Но, в отличие от них, физически *са* сохранилось — в новом качестве.

Связь между исчезновением в русском языке (и других восточнославянских) всех слабых энклитик и сращением *са* с глагольной словоформой косвенным образом подтверждается ситуацией в южно- и западнославянских языках: здесь, с одной стороны, не исчезли энклитики **mi*, **me*, **jesь* и т. д., с другой — не произошло сращения **se* с глагольной словоформой.

Вторая линия распада первоначальной системы — это постепенное выведение начальной части фразы из сферы действия закона Вакернагеля с помощью ритмико-синтаксических барьеров, в силу чего энклитики уходят вправо от начальной тактовой группы. Здесь тоже эволюция осуществляется за счет все более широкого использования факультативных возможностей, заложенных уже в первоначальной системе. Так, механизм превращения древней фразы типа *ѿ мене са ему поклони* в современную *от меня ему поклонись* в сущности сводится к максимальному использованию всех допустимых факультативных барьеров: *ѿ мене са ему поклони* → *ѿ мене // ему са поклони* → *ѿ мене ему // поклони са*.

При этом в чем большей степени постпозиция энклитики становилась нормой, в тем меньшей степени для такого ее расположения становился нужным реальный барьер перед глаголом. В конечном счете постпозиция энклитики стала законной в любом синтаксическом контексте — без того, чтобы для этого требовался какой-либо барьер.

Таким образом, в трансформации энклитики *са* действовал тот же механизм эволюции, который проявился в процессе исчезновения слабых энклитик: средства, первоначально предназначенные только для выделения или подчеркивания, со временем теряют экспрессивность и становятся нейтральными.

Как объяснить, однако, что превращение *са* в морфему произошло только в восточнославянских языках, а не во всех славянских?

Как мы уже видели, данная трансформация была составной частью общего процесса устранения всех слабых энклитик, который протекал в восточнославянских языках, в отличие от южно- и западнославянских, где слабые энклитики сохранились. Но чем можно объяснить само это различие между ветвями славянства?

Наиболее правдоподобный ответ состоит здесь в том, что это различие некоторым образом связано с неодинаковым характером ударения в разных ветвях славянства. Именно такой ответ предложил Р. Якобсон, указывая в этой связи (1935: 18): «Чем восточнославянские языки и болгарский отличаются от других славянских языков? Прежде всего свободным силовым ударением (*accent d'intensité libre*)». В самом деле, в остальных славянских языках ударение либо не силовое (сербский, хорватский, словенский), либо не свободное (западнославянские языки).

Следует, правда, признать, несмотря на решительность заявлений Якобсона, что механизмы, ведущие от наличия свободного силового ударения к устранению слабых энклитик, все же не вполне прозрачны.

Представляется допустимым предположение, что здесь существенно следующее: в языках со свободным силовым ударением имеется возможность одну и ту же словоформу (например, *меня, мне*) ударять как сильно, так и слабо, тогда как в языках с несвободным ударением или с тональной системой такое варьирование затруднено или даже невозможно. Это значит, что в языке со свободным силовым ударением в качестве энклитик могут использоваться те же самые словоформы, что в позициях полноударности (например, *меня, мне*), но только с ослабленным ударением. В такой ситуации прежние энклитические варианты (*ма, ми* и т. д.) перестают быть необходимыми.

Отметим также важную идею Якобсона о том, что в кругу славянских языков со свободным силовым ударением следует различать две подгруппы: 1) русский, белорусский и северо-восточная зона украинского; 2) болгарский и юго-западная зона украинского. Согласно Якобсону, во второй подгруппе словесное ударение несколько менее сильное, чем в первой, и этим следует объяснять то обстоятельство, что древнее *са* здесь не стало простой морфемой в составе глагола, а сохранило некоторую часть своей исконной свободы.

Развивая свою мысль о связи между утратой изменяемых (*fléchies*) энклитик и характером ударения, Якобсон высказывает предположение, что в истории русского языка утрата таких энклитик началась лишь после утраты тоновых противопоставлений. Он пишет (1935: 18): «Дело в том, что русский и болгарский первоначально были политоническими языками; иначе говоря, они обладали музыкальным ударением. Но способ употребления служебных слов изменился, когда эти языки приобрели свободное силовое ударение».

Данные о времени утраты в русском языке древних тоновых противопоставлений, к сожалению, не вполне определены; наиболее вероятны XIII–XIV века (см. Зализняк 1985, § 3.6). Следует признать, что указанная гипотеза Якобсона в принципе совместима с этими данными.

§ 6.3. Помимо основной совокупности фразовых энклитик, очерченной при описании системы рангов, в ходе истории русского языка достаточно рано появляются и некоторые другие единицы, которые хотя бы в части случаев ведут себя как фразовые энклитики: *нъ, былъ (было, были), вѣдѣ (вѣдь), дѣи (дѣ), мол, рече* и др. Но по ним материала в памятниках недостаточно, поэтому они рассмотрены в книге лишь весьма кратко. В современном литературном языке от них сохранилось только *было* и *ведь*; в сниженном стиле и в просторечии сохранились также *де* и *мол*.

Со временем в некоторых случаях начинают использоваться в качестве энклитик также такие местоименные словоформы, как *его, ему, ее, ей, их, им*; см. об этом § 3.16.

Из старых фразовых энклитик основного круга в литературном языке остаются только *же, ли, бы*. Эти «выжившие» энклитики и поныне до некоторой степени сохраняют свои древние свойства в том, что касается их места в предложении. В частности, ни одна из них ни при каких условиях не может стоять в начале клаузы.

В наибольшей степени сохраняет древние позиционные свойства частица *же* (противительная, причинная, усилительная). В безусловном большинстве

случаев и поныне ее позиция во фразе соответствует требованиям закона Вакернагеля (разумеется, с учетом возможности появления ритмико-синтаксических барьеров; ср. примеры в § 1.18). Отклонения касаются в основном соединений частицы *же* с неодночленной актантной группой. В этом случае современный узус неустойчив: возможны, с одной стороны, фразы типа *Иван же Петрович отказался, Железную же дорогу там проложить нельзя, Собственного же дома у него нет* (с непроективностью, требуемой здесь законом Вакернагеля), с другой — фразы типа *Иван Петрович же отказался, Железную дорогу же там проложить нельзя, Собственного дома же у него нет* (где *же* уже не нарушает проективности, но нарушает закон Вакернагеля).

В значительной части случаев сохраняет вакернагелевскую позицию также частица *ли*, например: *Не пустое ли дело ты затеял?; В своем ли ты уме?* Такую позицию *ли* может занимать даже и в том случае, когда оно уже выступает в роли союза (обычно парного: *ли... ли...*), причем в роли клаузы здесь оказывается каждое из связываемых словосочетаний, например: *в большом ли городе, в глухой ли деревушке...*

У частицы *бы* наследием ее прежнего вакернагелевского статуса является прежде всего то, что, будучи теснейшим образом связана по смыслу со сказуемым, она тем не менее и ныне может уходить от него сколь угодно далеко влево. Наследием вакернагелевского статуса является также запрет на дистантную постпозицию к сказуемому (возможна только контактная постпозиция); например, невозможно **Он от этого отказался наотрез бы* — при том, что и после *он*, и после *этого*, и после *отказался* частицу *бы* здесь поставить можно.

Сохраняется также, хотя и не полностью, древняя ранговая организация энклитик *же, ли, бы*. Так, в НКРЯ последовательность *ли бы* отмечена около 700 раз (например, *Не согласились ли бы вы?* [Петрушевская]), а последовательность *бы ли* — только 5 раз.

Последовательность *же бы* отмечена 303 раза, например, *Что же бы вы думали, ваше сиятельство?* [Пушкин] (но из этого числа следует вычесть около 70 примеров с отождествительным *же*, которое является локальной, а не фразовой энклитикой и тем самым к рассматриваемому вопросу отношения не имеет); последовательность *бы же* отмечена только 3 раза.

Для пары *же* и *ли* аналогичная проверка, к сожалению, затруднена тем, что *же* в соседстве с *ли* — это почти всегда отождествительное *же* (например, *Такой же ли это цвет?*). Редкие примеры соединения *ли* с противительным *же*, содержащиеся в НКРЯ, имеют тот же порядок, что в древности: *Не все же ли это равно для него?* [Белинский]; *Не сейчас же ли вы говорили?* [Герцен].

Из сравнительно поздних фразовых энклитик полнее других сохраняют вакернагелевские свойства энклитики *было* и *де*. Так, *было* никогда и *де* почти никогда не встречается в начале фразы; и самым частым местом их расположения во фразе до сих пор является конец первой тактовой группы фразы, то есть главная вакернагелевская позиция.

Что касается прочих более поздних фразовых энклитик — *ведь, мол*, а также новых местоименных энклитик (*его, ее, их, ему, ей, им* и др.) — то все они выступают в качестве энклитик не постоянно, а лишь в части случаев. Любая

из них в принципе может оказаться и в начале фразы, например: *Ведь я же вас предупреждал*. Расположение в главной вакернагелевской позиции является для них не более чем тенденцией.

При соединении со старыми энклитиками любая из поздних ставится правее, например: *же ведь, бы ведь, ли де, же мол, ли мол, же их* и т. д. Обратный порядок возможен лишь там, где *ведь, мол, их* и т. д. выступают не в энклитическом, а в полноударном варианте (в частности, в начале фразы или после проклитики), например, *А ведь бы мог!* (наряду с более обычным *А ведь мог бы!*), *Их же знают* и т. п. В прочих случаях такой порядок был бы воспринят как явная неправильность. Это значит, что ранговый принцип действует и в современном языке, несмотря на существенное сужение сферы функционирования энклитик по сравнению с древнерусским языком.

§ 6.4. Следует особо отметить роль количественных оценок, примененных в настоящей книге.

Подробный анализ письменных памятников позволяет документировать интересующие нас процессы с количественной стороны. С этой точки зрения в книге особенно подробно изучена историческая эволюция энклитики *са*.

Мерой продвижения некоторой точечной языковой системы (например, системы, отраженной конкретным памятником) по описанному эволюционному пути может служить коэффициент препозиции *са* — отношение числа случаев препозиции *са* к общему числу случаев, где в принципе допустима как постпозиция, так и препозиция *са*.

Для современного языка коэффициент препозиции *са* очевидным образом равен нулю. Для некоторых древних текстов он очень высок (хотя все же нигде не равен 100%, поскольку какое-то число факультативных барьеров, пусть небольшое, реализуется даже и в таких текстах).

Можно было бы ожидать плавного снижения коэффициента препозиции *са* от высших показателей в XI–XII вв. до нуля в новое время.

Анализ памятников показывает, однако, что реальность намного сложнее. Наше ожидание оправдывается только в сфере деловых и бытовых документов, а также таких литературных произведений, которые обнаруживают более или менее ясно выраженную ориентацию на живой, некнижный язык.

Совершенно иную картину дают церковные тексты (старославянские и более поздние церковнославянские), а также литературные произведения книжной ориентации и летописи. Здесь с самого раннего времени коэффициент препозиции *са* удивительно низок, а в некоторых из таких памятников (например, в Уставе Студийском) он практически такой же нулевой, как в современном русском языке.

При этом, однако, нет оснований предполагать, что живая южнославянская речь отличалась в этом отношении от восточнославянской: в частности, в непереводном Житии Мефодия *са* ведет себя так же, как в живом древнерусском языке.

Объяснение явно нужно искать в другом: кирилло-мефодиевские переводы трактовали энклитики (по крайней мере слабые) как полноударные словоформы. Это соответствовало особой торжественной манере чтения текста, при

которой каждое слово полновесно и в определенной степени отделено от соседей. В то же время это, в частности, давало возможность ставить сочетания глагола с *са* на то же место во фразе, что и соответствующая единая словоформа медиума или пассива, представленная в греческом оригинале; отсюда решительное преобладание постпозиции *са* в древних переводах.

А далее такое поведение энклитик по контрасту с живым языком, где действует четкий вакернагелевский механизм, уже переосмысливается как характерная черта книжного стиля.

Постоянную постпозицию *са* можно сравнить в этом отношении, например, с неповторением предлога в сочетаниях типа *къ отьцу своему, въ городѣ Пльсковѣ*. В живом древнерусском языке, в отличие от кирилло-мефодиевских переводов, нормой здесь было повторение предлога: *къ отьцу къ своему, въ городѣ въ Пльсковѣ*. В этой ситуации неповторение предлога в древнерусскую эпоху, очевидно, выступало как черта книжного стиля.

Характерно, что как в случае с неповторением предлога, так и в случае с постпозицией *са* в том же направлении, что книжная норма, развивался и живой русский язык; только он достиг того состояния, которое соответствует книжной норме древнерусского периода, лишь на несколько столетий позднее.

Отметим, наконец, значение изложенных выше наблюдений для лингвистической истории славянского мира в целом.

Если мы непосредственно сравним поведение энклитик, например, в сербском и в старославянском, то непременно должны будем заключить, что в сербском вакернагелевский механизм действует гораздо последовательнее, чем в старославянском. Отсюда легко может возникнуть представление о позднем развитии этого механизма в отдельных новых славянских языках.

Однако открывающаяся ныне картина четкого функционирования энклитик в живом древнерусском языке свидетельствует о неправдоподобии такой гипотезы. Раннедревнерусская система энклитик, засвидетельствованная всего лишь одним-двумя веками позже классических старославянских источников, намного более последовательна, чем то, что представлено в кирилло-мефодиевских переводах. И мы имеем все основания считать именно эту систему наиболее прямым отражением общеславянского состояния.

Вектор эволюции раннедревнерусской системы энклитик в последующие века, состоящий в постепенном ослаблении действия закона Вакернагеля, дает основание предполагать, что в века, предшествующие началу письменной истории древнерусского языка, действие этого закона было еще более последовательным, чем в XI–XII веках.

Тем самым, в частности, и современные южнославянские системы энклитик надлежит выводить не из состояния, сходного с показаниями старославянских памятников, а из реконструируемого состояния, весьма близкого к раннедревнерусскому.

Таким образом, изучение истории восточнославянских энклитик оказывается весьма информативным и для понимания их эволюции в славянском мире в целом.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ, СОКРАЩЕНИЯ

Не включены в список общепринятые и/или непосредственно понятные сокращения, например: ед., дв., мн. (наименования чисел); И., Р., Д., В., Т., М. (наименования падежей).

Цифра после цитаты (в случае, если прямо не указан источник) — номер новгородской берестяной грамоты. При грамотах из других городов дается еще символ города (см. в общем списке).

Аввакум — «Житие» Аввакума. По изд.: Пустозерск. сб.

Аввакум I, Аввакум II — не книжный (I) и книжный (II) компоненты «Жития» Аввакума; см. § 2.1.

Алекс. (и Александрия) — Александрия. По изд.: *В. М. Истрин*. Александрия русских хронографов // Чтения ОИДР. 1894 г. Кн. 2. Отд. 2.

Афан. Ник. (и Афан. Никитин) — Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. Цитируется, если не оговорено иное, по Летописному списку.

Афан. Ник. I, Афан. Ник. II — не книжный (I) и книжный (II) компоненты «Хождения за три моря» Афанасия Никитина; см. § 2.1.

Бернекер 1900 — *E. Berneker*. Die Wortfolge in den slavischen Sprachen. Berlin, 1900.

Бова — Повесть о Бове королевиче. По изд.: Пам. лит., XVII век.

Борис и Глеб — Житие Бориса и Глеба (по Успенскому сборнику).

Борковский, Кузнецов 1963 — *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Вайян — *А. Вайян*. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Взятие Царьграда — Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. По изд.: Пам. лит., вторая половина XV в.

Вопрош. Кирик. — Вопрошание Кириково. По изд.: РИБ, т. 6. СПб., 1908.

Выг. сб. — Выголексинский сборник. М., 1977.

Гал.-Волын. (и Гал.-Волын. лет.) — Галицко-Волынская летопись (за XIII в.) по Ипат.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949.

Горшкова, Хабургаев 1981 — *К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев*. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Грязной — Письма Василия Грязного Ивану Грозному. По изд.: Хрест.

Гуннарссон 1935 — *G. Gunnarsson*. Studien über die Stellung des Reflexivs im Russischen. Uppsala, 1935.

Дан. (и Даниил) — «Хождение» игумена Даниила. По изд.: Пам. лит., XII век.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950.

Девген. деяние — Девгениево деяние. По изд.: Пам. лит., XIII век.

ДНД₂ — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М., 2004.

Домострой — По изд.: Домострой. СПб., 1994.

Др.-р. грамм. 1995 — Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.

Дурново 1924 — *Н. Дурново*. Очерк истории русского языка. М.–Л., 1924.

Дыбо 1975 — *В. А. Дыбо*. Закон Васильева-Долобо в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета) // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Vol. XVIII, 1975. P. 7–82.

- ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого. По изд. в кн.: Молдован 2000.
- ЖФСтуд — Житие Феодора Студита (по Выголексинскому сборнику).
- Завещ. Клим. — Завещание новгородца Климента. По изд.: Тихомиров, Щепкина 1952.
- Задонщина — По изд. в кн.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М., 1966.
- Зализняк 1981 — *А. А. Зализняк*. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 89–107.
- Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 1993 — *А. А. Зализняк*. К изучению языка берестяных грамот // НГБ IX. С. 191–321.
- Зализняк 2007 — *А. А. Зализняк*. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 2-е. М., 2007.
- Ив. Грозн. — Послания Ивана Грозного. По изд.: Пам. лит., вторая половина XVI века.
- Ив. Грозн. I, Ив. Грозн. II — некнижный (I) и книжный (II) компоненты посланий Ивана Грозного; см. § 2.1.
- Изборник 1073 — Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. М., 1983.
- Изборник 1076 — Изборник 1076 года. М., 1965.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Киев-Д — диалогическая часть Киевской летописи по Ипат. (= прямая речь светских лиц); подробнее см. § 1.1.
- Киев. лет. — Киевская летопись (за XII в.) по Ипат. При наличии указания года, например, Киев. лет. [1199], означает то же, что Киев. лет. (автор.).
- Киев. лет. (автор.) — авторская речь в Киевской летописи по Ипат.; подробнее см. § 1.1.
- Комисс. НПЛ — Комиссионный список Новгородской I летописи.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.
- Мар. (и Мариинск. ев.) — Мариинское евангелие.
- Мефод. — Житие Мефодия (по Успенскому сборнику).
- Миклошич 1874 — *F. Miklosich*. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd IV. Wien, 1874.
- Мих. Клопск. — Повесть о житии Михаила Клопского. По изд.: Пам. лит., вторая половина XV в.
- Молдован 2000 — *А. М. Молдован*. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Мономах — сочинения Владимира Мономаха (по Лавр.).
- Мстисл. гр. — Мстиславова грамота. По изд.: Хрест.
- НГБ VIII — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- НГБ IX — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Неизв. кн. — Договор неизвестного смоленского князя с Ригю и Готским берегом. По изд.: Смол. гр.
- Нифонт — Житие Нифонта, краткая редакция (по Выголексинскому сборнику).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>.

- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.
- НПЛ-1 — первый почерк Синод. НПЛ (события 1016–1234 гг.).
- НПЛ-2 — второй почерк Синод. НПЛ (события 1235–1337 гг.).
- НПЛ-3 — часть Комисс. НПЛ, охватывающая события 1333–1446 гг.
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности.
- Острож. (и Острожская библия) — Библия, сирѣчь книги Ветхаго и Новаго Завѣта по языкѣ словенскѣ. Острог, 1581. Фототипическое переиздание: М.–Л., 1988.
- Остромир. ев. — Остромирово евангелие.
- п (при номере) — поздняя берестяная грамота (2-я четв. XIII – сер. XV в.).
- Пам. Влад. — Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984.
- Пам. лит. — Памятники литературы древней Руси. М., 1978–.
- ПВЛ — «Повесть временных лет» (цитируется, если не оговорено иное, по Лавр.).
- Пеннингтон 1980 — *A. E. Pennington. Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Michajloviča. Text and Commentary.* Oxford, 1980.
- Петр-Февр. — Повесть о Петре и Февронии. По изд.: Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979.
- ПР (и Рус. Правда) — Правда Русская. Т. 1–3. М.–Л., 1940–1963. Цитируется, если не оговорено иное, по Синодальному списку.
- Пск. лет. — Псковские летописи. Вып. 1–2. М., 1941–1955.
- Пустозерск. сб. — Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.
- Пчела — Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Издатель В. Семенов. ОРЯС, 54, № 4. СПб., 1893. XV в.
- Радзивил. — Полное собрание русских летописей, Том 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.
- РИБ — Русская Историческая библиотека.
- РНБ (бывш. ГПБ) — Российская Национальная библиотека в Санкт-Петербурге.
- Рус. Правда — см. ПР.
- Син. псалт. — Синайская псалтирь. Глаголический памятник XI века. Приготовил к печати С. Северьянов. Петроград, 1922.
- Синод. НПЛ — Синодальный список Новгородской I летописи.
- Синодальная библия — Библия, сирѣчь книги свашченнаго писанїа Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1914.
- Смол. — берестяная грамота из Смоленска.
- Смол. гр. — Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.
- Смол. гр. 1229 — Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. По изд.: Смол. гр.
- Соболевский 1907 — *А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка.* М., 1907. Перепечатано в кн.: Соболевский 2004. Т. 1.
- Соболевский 2004 — *А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка.* Том 1–2. М., 2004.
- СПИ — «Слово о полку Игореве».
- Срезн. — *И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам.* Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Київ, 1977–1978.

- Ст. Р. — берестяная грамота из Старой Руссы.
- Строев. — Строевский список Псковской 3-й летописи // Пск. лет. Вып. 2. С. 78–250.
- Сузд. лет. — Суздальская летопись (по Лавр.).
- Супр. — Супрасльский кодекс.
- Твер. — берестяная грамота из Твери.
- Тестелец 2001 — *Я. Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Тихомиров, Щепкина 1952 — *М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина*. Два памятника новгородской письменности. М., 1952.
- Толстая 1991 — *М. Н. Толстая*. Система энклитик в сербских грамотах XIV – начала XV в. // Конференция «Славистика, индоевропеистика, ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо». Тезисы докладов. М., 1991. С. 201–205.
- Толстая 2000 — *М. Н. Толстая*. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998–1999, XIV. М., 2000. С. 134–143.
- Торж. — берестяная грамота из Торжка.
- Троицк. — Троицкий список «Хожения за три моря» Афанасия Никитина.
- Увар. (и Увар. лет.) — Московский летописный свод конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., 1949.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- Устав Студ. — Устав Студийский. По изд. в кн.: *А. М. Пентковский*. Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси. М., 2001.
- Феод. — Житие Феодосия (по Успенскому сборнику).
- Флав. (и Флавий) — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. 1–2. М., 2004.
- Хабургаев 1978 — *Г. А. Хабургаев*. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1978, № 4. С. 42–53.
- Хлебн. — Хлебниковский список Ипатьевской летописи.
- Хрест. — *С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов*. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I. М., 1952.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при императорском Московском университете.
- Чуд. — Чудовский Новый Завет. По изд.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. (Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского.) М., 1892.
- Чудеса Николы — По списку Торжественника XII в. (рукопись РНБ, Ф. п. I, 46).
- Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. (Перепечатка — М., 2002.)
- Шестоднев — отрывок из Шестоднева Иоанна экзарха болгарского, приведенный в: Пам. лит. XII в., с. 184–196.
- Якобсон 1935 — *R. Jakobson*. Les enclitiques slaves // Atti del Congresso di Linguistica tenuto in Roma il 19–26 Settembre 1933. Firenze, 1935. Перепечатано в кн.: *Jakobson R. Selected Writings. Vol. II. The Hague–Paris, 1971. P. 16–22.*
- Якубинский 1953 — *Л. П. Якубинский*. История древнерусского языка. М., 1953.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Цифры обозначают параграфы. Для часто встречающихся терминов указывается только место, где содержится определение термина. В круглых скобках даны варианты термина, в квадратных — указание сферы действия термина и другие пояснения.

- автоматическая постпозиция 1.35
актантная группа 0.6–7
акцентно самостоятельная (полноударная) словоформа 0.1
акцентуация тактовых групп 0.4
биноминативная фраза 5.5
блок энклитик 1.2
вакернагелевская (фразовая) энклитика 1.2
вторичная проклита 0.2, 1.38, 2.20–21
главное вакернагелевское место (позиция) для энклитик 1.19
деепричастия 0.5
двойное *са* 4.13
двухъядрусная клауза 0.5
дублирование энклитик 1.22, 4.13
закон Вакернагеля 1.2
зона обязательного употребления полноударных вариантов (зона полноударности) 3.3
зона обязательных местоимений 5.11
изменение места *са* в блоке энклитик 4.15
инородная группа 0.6
квази-клауза 1.32
классификация клауз 1.29–31, 4.3
клауза 0.5
клитика 0.1
коэффициент неавтоматической постпозиции [энклитики] 1.35
коэффициент препозиции [энклитики] 1.35
коэффициент препозиции связок 5.5–6
коэффициент сохранения связок 5.13–14
коэффициент энклитичности [местоимений] 3.3
легкая (одночленная) актантная группа 0.6
локальная (невакернагелевская) энклитика 1.2, 43
многоактантная клауза 0.7, 2.17, 4.9
неавтоматическая постпозиция 1.35
невакернагелевская (локальная) энклитика 1.2, 43
нейтральная зона [в сфере употребления местоимений] 5.11
неодночленная (тяжелая) актантная группа 0.6
новое правило расположения энклитик 1.37
новое правило употребления местоимений-подлежащих 5.12
новое правило употребления полноударных местоимений 3.3
нормальная препозиция 1.33
образцовые памятники
обязательный барьер 1.23–24, 2.3
одно *са* на два глагола 4.14
однородные сказуемые 0.5
одночленная (легкая) актантная группа 0.6
ортотоническая словоформа 0.1
осложненная клауза 0.7
отчлененная энклитика 1.21
охват сказуемого 0.5
первообразные союзы и предлоги 0.2
полноударная (акцентно самостоятельная) словоформа 0.1
полуобязательный барьер 1.23, 25, 2.4
полупроклитика 0.2, 1.38–39
постпозиция [энклитики] 1.2
потенциальное место для блока энклитик 1.19
правила употребления личных местоимений в роли подлежащего 5.10–12
правило о возможных местах ритмико-синтаксического барьера 1.18
правило употребления связки 5.9
предглагольная часть [клаузы] 0.7
препозиция [энклитики] 1.2
проективность 1.2

проклитика 0.2, 1.38
 проклитико-энклитический комплекс
 (проклитико-энклитическая группа)
 0.2, 1.39–41
 просодическое объединение [двух так-
 товых групп] 0.3
 простая клауза 0.7
 разделение энклитик во фразе 1.21
 разорванная актантная группа 0.6
 ранги энклитик 1.3, 2.2
 ритмико-синтаксический барьер 1.18–19,
 23
 связки 1.11, глава 5
 семантические факторы появления фа-
 культативных барьеров 1.27, 2.7–10
 сильная энклитика 1.20, 2.5, 4.11
 синтаксические факторы появления фа-
 культативных барьеров 1.28, 2.11–19
 синтаксические энклитики 0.2
 слабая энклитика 1.20
 смещенная препозиция 1.33
 собственно причастие 0.5
 сочетания с устойчивым отчленением 1.21
 сращение 1.39–41
 тактовая группа (фонетическое слово) 0.1,
 3, 4
 тяжелая клауза 0.7, 2.18, 4.10
 тяжелая (неодночленная) актантная
 группа 0.6
 факультативный барьер 1.23, 26–28
 фонетическое слово (тактовая группа)
 0.3–4
 фразовая (вакернагелевская) энклитика 1.2

энклиномен 0.1
 энклитика 0.2
 энклитика после неодночленной
 актантной группы 1.42
 энклитики во фразах с однородными
 сказуемыми 1.2, 5.9
 энклитические и полноударные
 местоимения — глава 3

Индивидуальные лексемы

бо 1.6
бы, быхъ и прочие показатели сослага-
 тельного наклонения 1.8
вѣдѣ (ведь) 1.17, 6.1
да 'пусть' 1.14, 4.12
дѣи (дѣ, деи, де) 1.15, 6.1
же (противительное, причинное, усили-
 тельное) 1.4
ка 1.17
ли (частица) 1.5
ми и прочие местоименные словоформы
 дательного падежа 1.9
миль са дѣяти 4.3
мол 6.1
ма и прочие местоименные словоформы
 винительного падежа 1.10
самъ са 1.31, 4.3
су 1.17
са 1.10, глава 4
рече, реку, рѣци 1.16
ти (частица) 1.7
таки 1.17

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ВВЕДЕНИЕ	
Основные черты древнерусской просодической системы	6
[Общее] (§ 0.1). <i>Проклитики и энклитики</i> (§ 0.2)	
Тактовая группа (фонетическое слово)	9
[Общее] (§ 0.3). <i>Акцентуация тактовых групп</i> (§ 0.4)	
Клауза (§ 0.5)	12
Актантная группа (§ 0.6–7)	15
Строение книги (§ 0.8)	18
Способ цитирования и условные знаки (§ 0.9–10)	19
Глава 1. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ЭНКЛИТИК	
[Общее] (§ 1.1)	23
Закон Вакернагеля (§ 1.2)	24
Ранги энклитик	
[Общее] (§ 1.3)	27
Основные фразовые энклитики	28
Энклитика ранга 1 — <i>же</i> (§ 1.4). Энклитика ранга 2 — <i>ли</i> (§ 1.5). Энклитика ранга 3 — <i>бо</i>	
(§ 1.6). Энклитика ранга 4 — <i>ти</i> (§ 1.7). Энклитика ранга 5 — <i>бы</i> (§ 1.8). Энклитики ранга	
6 — местоименные словоформы дательного падежа (§ 1.9). Энклитики ранга 7 — место-	
именные словоформы винительного падежа (§ 1.10). Энклитики ранга 8 — связки (§ 1.11)	
Другие фразовые энклитики (§ 1.12–17)	39
Ритмико-синтаксические барьеры	
[Общее] (§ 1.18–19)	47
Сильные и слабые энклитики (§ 1.20)	51
Разделение энклитик во фразе (§ 1.21)	51
Дублирование энклитик (§ 1.22)	53
Типы ритмико-синтаксических барьеров	54
[Общее] (§ 1.23). <i>Обязательные барьеры</i> (§ 1.24). <i>Полуобязательные барьеры</i> (§ 1.25).	
<i>Факультативные барьеры</i> (§ 1.26–28)	
Классификация клауз	
[Общее] (§ 1.29–31)	57
Квази-клаузы (§ 1.32)	62
Нормальная и смещенная препозиция (§ 1.33)	63
Общая схема выбора позиции для энклитик (§ 1.34)	64
Коэффициент препозиции и неавтоматической постпозиции (§ 1.35)	65
Дополнительные сведения о клитиках	
Смысловые связи энклитик с другими словами (§ 1.36)	67
Появление нового правила расположения энклитик (§ 1.37)	68
Проклитики и вторичная проклиза (§ 1.38)	69
Проклитико-энклитические комплексы и сращения (§ 1.39–41)	72
Энклитика после неодночленной актантной группы (§ 1.42)	78
Замечания о локальных энклитиках (§ 1.43)	82

Глава 2. НАРОДНОЕ И КНИЖНОЕ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ	
[Общее] (§ 2.1)	84
Образцовые памятники	86
<i>Ранги энклитик</i> (§ 2.2)	87
<i>Ритмико-синтаксические барьеры</i>	90
Обязательные барьеры (§ 2.3)	91
Полуобязательные барьеры (§ 2.4)	91
Факультативные барьеры	93
<i>Особенность сильных энклитик</i> (§ 2.5)	93
<i>Факультативные барьеры, зависящие от семантических факторов</i>	94
[Общее] (§ 2.6). Противопоставление или эмфаза (§ 2.7). Соотнесенность в более широком смысле (§ 2.8). Прочие случаи выделения темы (§ 2.9). Выделение обстоятельства (§ 2.10)	
<i>Факультативные барьеры, зависящие от синтаксических факторов</i>	102
[Общее] (§ 2.11). Начальное местоименное слово (§ 2.12). Начальный союз (§ 2.13). Начальное знаменательное слово (§ 2.14). Подчиненный инфинитив (§ 2.15). Прочие неличные формы (§ 2.16). Многоактантные клаузы (§ 2.17). Тяжелые клаузы (§ 2.18)	
<i>Заключительные замечания о барьерах</i> (§ 2.19)	115
<i>Вторичная проклиза</i> (§ 2.20–22)	116
Памятник книжного типа — Житие Феодосия (§ 2.23–25)	121
Глава 3. ЭВОЛЮЦИЯ ЭНКЛИТИЧЕСКИХ И ПОЛНОУДАРНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ (КРОМЕ СА)	
Противопоставление энклитических и полноударных местоимений (§ 3.1–3)	129
Обзор памятников (§ 3.4)	
<i>Раннедревнерусские памятники</i>	134
Первое и второе лицо	135
<i>Единственное число</i> (§ 3.5). <i>Множественное число</i> (§ 3.6). <i>Двойственное число</i> (§ 3.7)	
Третье лицо (§ 3.8)	144
Замечание о «Слове о полку Игореве» (§ 3.9)	148
<i>Сравнение раннедревнерусских памятников со старославянскими</i> (§ 3.10)	149
<i>Памятники более позднего времени</i>	155
Памятники некнижной ориентации (§ 3.11)	155
Литературные произведения книжной ориентации (§ 3.12)	158
Летописи (§ 3.13)	160
<i>Общая схема эволюции</i> (§ 3.14–16)	162
Глава 4. ЭВОЛЮЦИЯ ЭНКЛИТИКИ СА	
Особое положение са в системе энклитик	169
[Общее] (§ 4.1–2). Дополнительные сведения о классификации клауз (§ 4.3)	172
Поведение са в зависимости от характера предикативной словоформы	174
Клаузы с собственно причастием (§ 4.4). Клаузы с супином (§ 4.5). Клаузы с деепричастием (§ 4.6). Клаузы с аористом или имперфектом (§ 4.7). Клаузы со сказуемым в личных формах (но не аористе или имперфекте) и клаузы с подчиненным инфинитивом (§ 4.8)	
Поведение са в зависимости от степени сложности фразы	181
Многоактантные клаузы (§ 4.9). Тяжелые клаузы (§ 4.10)	
Особые явления, связанные с са	186
Фактор наличия сильных энклитик (§ 4.11). Частица да 'пусть' (§ 4.12). Двойное са (§ 4.13). Одно са на два глагола (§ 4.14). Изменение места са в блоке энклитик (§ 4.15)	

Обзор памятников	193
<i>Памятники не книжной ориентации</i>	
Грамоты, акты, письма	193
<i>Ранняя подгруппа</i> (§ 4.16–17). <i>Поздняя подгруппа</i> (§ 4.18)	
Литературные произведения не книжной ориентации древнерусского происхождения (§ 4.19–22)	201
Литературные произведения не книжной ориентации старославянского происхождения (§ 4.23)	207
<i>Памятники книжной ориентации</i>	209
Произведения книжной ориентации старославянского происхождения (§ 4.24)	209
Литературные произведения книжной ориентации древнерусского происхождения (§ 4.25)	212
Летописи (§ 4.26)	214
<i>Общая схема эволюции</i> (§ 4.27–28)	217
Глава 5. ЭВОЛЮЦИЯ СВЯЗОК	
[Общее] (§ 5.1)	221
Просодический статус связок	
Связки первого и второго лица	
<i>Данные акцентуированных памятников</i> (§ 5.2)	223
<i>Расположение связок во фразе</i>	225
Связки в позициях, характерных для энклитик (§ 5.3). Связки в позициях, недопустимых для энклитик (§ 5.4). Коэффициент препозиции связок (§ 5.5–6)	
<i>Выводы</i> (§ 5.7)	233
Связки третьего лица (§ 5.8)	236
Процесс утраты связок	
<i>Общие положения</i> (§ 5.9)	239
<i>Правила употребления личных местоимений в роли подлежащего</i> (§ 5.10–12)	241
<i>Показания памятников</i>	
Связки первого и второго лица (§ 5.13)	246
<i>Перфект</i> (§ 5.14–16). <i>Именное сказуемое</i> (§ 5.17). <i>Выводы</i> (§ 5.18)	
Связки третьего лица	256
<i>Перфект</i> (§ 5.19–21). <i>Именное сказуемое</i> (§ 5.22)	
<i>Общая схема эволюции</i> (§ 5.23)	262
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (§ 6.1–4)	263
Литература, источники, сокращения	271
Предметный указатель	275

Андрей Анатольевич Зализняк
ДРЕВНЕРУССКИЕ ЭНКЛИТИКИ

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректура и верстка М. Толстой

Художественное оформление переплета
Н. Прокуратовой и С. Жигалкина

Подписано в печать 17.01.2008. Формат 70 × 100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 22.575. Тираж 1000 экз. Заказ № 8806.

Изд-во «Языки славянских культур».

ОГРН 1037789030641.

Phone: 607-86-93 E-mail: Lrc@comtv.ru

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnozis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Zubovskiy проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshlev.ad@mtu-net.ru